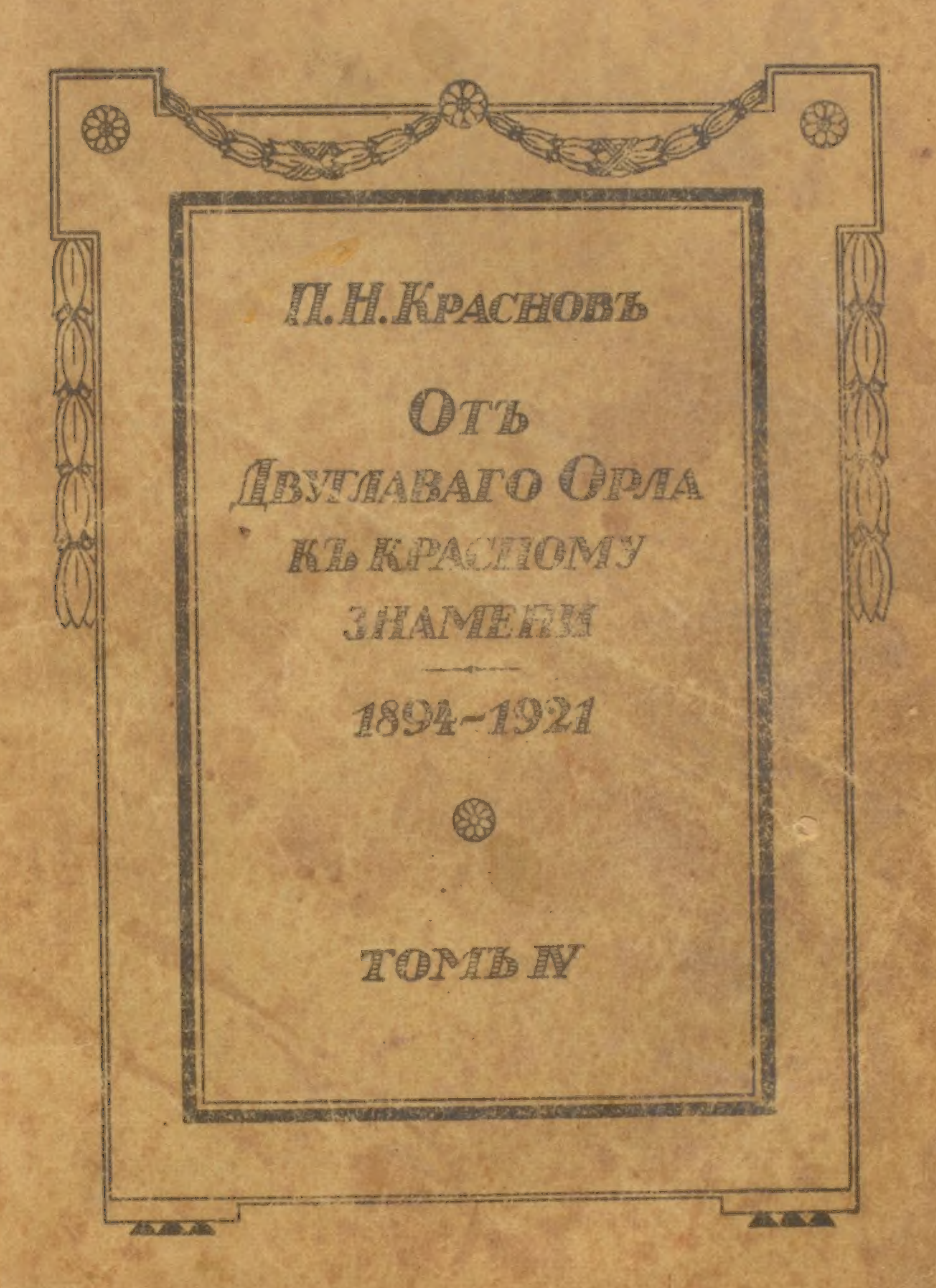

П. Н. Красновъ

Отъ Двуглаваго Орла къ красному знамени

1894–1921

ТОМЪ IV

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ –
ИЗДАТЕЛЬСТВО
О. Л. ДЬЯКОВОЙ и Ко.

OLGA DIAKOW & Co.
VERLAG
BERLIN W 62
KLEISTSTRASSE 21

Всѣ права сохранены за авторомъ. Лица, интересующіяся переводомъ, благоволятъ обращаться къ Издательству **Ольга Дьякова и Ко.**

П. Н. Красновъ.

Отъ Двуглаваго Орла къ красному знамени.

1894—1921.

Романъ въ четырехъ томахъ.

Изданіе второе,
пересмотрѣнное и исправленное авторомъ.

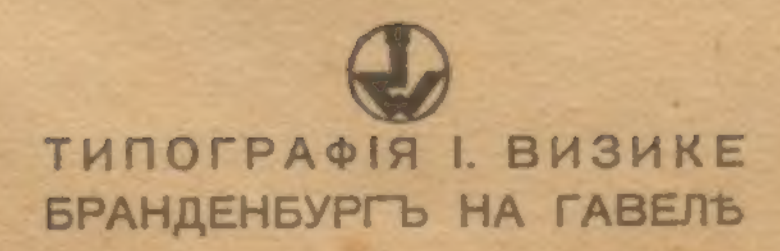
Томъ IV.

Седьмая и восьмая части.

Берлинъ 1922 г.

Всѣ права сохранены за авторомъ.

Alle Rechte vorbehalten.

ТИПОГРАФІЯ І. ВИЗИКЕ
БРАНДЕНБУРГЪ НА ГАВЕЛѢ

ФГБУДБ ~ 1600

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ.

I.

Широко раскинулась по-надъ Дономъ станица казачья. Бѣлыя мазанки, соломенными шапками крытыя, точно стадо гусей разбѣжались вдоль берега обрывистаго, уемистаго, желтыми песками расцвѣченнаго. Уперлись столбиками рундучковъ въ самый край обрыва и смотрятъ стеклянными очами, какъ мететъ по тихому Дону, по широкому займищу, вѣтеръ степной снѣговыя метели. А кругомъ нихъ сады. Голыми вѣтвями стремятся къ синему небу яблони черныя, вишенья темно лиловыя и вся облѣпленная старыми черными стручьями бѣлая акацiя. Машутъ кому то вѣтвями изъ-за плетней и дощатыхъ заборцевъ, точно кличутъ кого: — «эй, станичникъ, насъ не забывай!»... Улица широкимъ проспектомъ протянулась вдоль Дона. Станешь посерединѣ и туда и сюда упирается она въ степь безконечную, безкрайную, робкими миражами покрытую. Дома стали неровно. Гдѣ гордо выпятились впередъ, гдѣ укрылись въ садовую гущу, точно дѣвушки спрятались за пологъ древесный, а гдѣ и вовсе попрятались за сараями, клунями и банями. Станичный магазейнъ выперъ на самую середину площади и гордо уперся бѣлыми столбочками, изъ кривого карагача слаженными, въ большiе камни. Отъ Дона вглубь степи, гдѣ ровными проспектами, широкими и скучными, гдѣ уличками кривыми, разбѣгающимися между садовъ переулочками побѣжали къ степи улицы. На площади одиноко стало красное, двухэтажное, многооконное зданiе и важно глядитъ на приземистые домики, по-

прятавшіеся въ садахъ. Каменное крыльцо утонуло въ грязи и надъ высокою темною дверью виситъ синяя вывѣска золотыми буквами, говорящая, что это четырехклассное станичное училище, иждивеніемъ станицы въ благодарную память незабвеннаго Императора Александра III устроенное. Посерединѣ станицы, противъ спуска къ плашкоутному мосту, снятому теперь по случаю зимы и гдѣ тянется по снѣгу и льду санями наѣзженная дорога, отступя на площадь высится красный кирпичный станичный соборъ о пяти главахъ подъ серебряными куполами. Возлѣ него садъ изъ сиреней, жасминовъ и высокихъ пирамидальныхъ тополей, заключенный въ деревянную, мѣстами обвалившуюся рѣшетчатую ограду, протянутую между кирпичныхъ столбовъ съ мѣдными шарами. Кругомъ площади, какъ старухи ниш..., опираясь на свои костыли, вытянулись галдарейками окруженныя лавки станичныя. Возлѣ запертыхъ дверей по узкимъ балкончикамъ развалились плуги ярко крашенные, бочки керосиновыя, ящики, колеса и другой тяжелый товаръ деревенскій.

Широкія улицы заплыли жирною черноземною грязью. Она доходитъ до ступицы колесъ, блеститъ на солнцѣ, тянется подъ вѣтромъ и не понять, какъ не уплыли по ней къ самому Дону бѣлые домики съ пестрыми ставнями и не повалились высокіе тополи и кривые плетни. Вдоль домовъ и плетней натоптана узкая — двоимъ не разойдтись — тропинка. Тамъ черезъ большую лужу перекинута скользкая узкая, грязью затоптанная дощечка, тамъ кто-то приладилъ мостки горбатые и перильце протянулъ, а тамъ и вовсе нѣтъ ничего и прохожіе бредутъ по плетню, цѣпляясь руками за длинные шаткіе колья.

Чья-то телѣга застряла посреди улицы, утонувъ глубоко въ грязи. Безпомощно торчитъ изъ нея дышло съ висящими воловьими ярмами и точно всѣмъ видомъ своимъ говоритъ она: — «ничаво! видать, погодить придется . . .»

Свиньи цѣлымъ стадомъ стали вдоль забора, уперлись розовыми, бѣлой щетиной оросшими боками, въ скользкіе прохладные колья, подставили грязью залѣпленныя пятнистыя спины и животы подъ солнце и застыли, тупо глядя на землю и поблескивая маленькими черными глазками. Свинья-что! Ей теперь въ мокроту передзимнюю самое раздолье.

— Кышь вы! — замахиваясь длинной палкой кричитъ на нихъ сѣдобородый казакъ, прочищая среди нихъ себѣ дорогу по узкой тропинкѣ. — Я васъ, проклятыя... ихъ!

Молодцоватый казакъ въ новой форменной шинели безъ погонъ, при шашкѣ и винтовкѣ, на рослом видномъ рыжемъ конѣ съ закрученнымъ и завязаннымъ хвостомъ, утопая по колѣно лошади въ грязи, бодрымъ шагомъ, далеко разбрасывая липкія брызги, обгоняетъ старика.

— Садись, дѣдушка, подвезу! — кричитъ онъ, скаля зубы.

— Ну тя къ лѣшему. Не зубоскаль, обормотъ! — замахиваясь на него палкой говоритъ старикъ.

— Джигитни, старина, покажи гвардейскую развязку, — не унимается казакъ.

— Олухи! Хронтовики! Дезертиры! — ворчитъ старикъ, разгоняя свиней.

— А то на борова, дѣда, садись. Ишь боровъ здоровый? Ничего, что безъ сѣдла — довезетъ.

— Пошелъ къ дьяволу, — кричитъ старикъ. — Управы на васъ нѣтъ.

— И то съ нимъ. Пра́ садись. Опоздаешь, слышь благовѣстъ то!

Съ синяго неба, разливаясь по громадной станицѣ, по широкой темной степи, кое-гдѣ блестящей изумрудомъ озимей, по Дону, прижавшемуся къ крутому песчаному обрыву, по виноградным садамъ, по разливу, поросшему корявыми ветлами и камышами, несется частый, надоѣдливый перезвонъ тяжелаго мѣднаго колокола.

Сполохъ гудитъ по станицѣ, сзывая стараго и малаго, сзывая бабъ и дѣтей къ станичному храму на майданъ послушать, что будутъ говорить пріѣзжіе изъ Новочеркасска люди.

Въ солнечномъ дрожащемъ мареѣ подъ блѣднѣющимъ надъ степью небомъ, ярко, всѣми шестью золотыми куполами, горитъ бѣлый Новочеркасскій Соборъ, стоящій на крутомъ земляномъ утесѣ. Точно мечта воплощенная въ бѣломъ камнѣ и покрытая золотомъ, точно дума казачья, горделивая, нависъ онъ надъ степью и далеко виденъ, сверкающій всѣми ярко горящими головами. Между нимъ и станицей на двадцать съ лишнимъ верстъ залегла широкая долина

Дона, поросшая бурой травою, камышами, да широкими раскидистыми ивами и дубами.

По грязнымъ улицамъ станицы, гуськомъ, цѣпляясь за заборы и тыны, по дощатымъ, залитымъ грязью, скользкимъ настиламъ все въ одномъ направленiи, къ собору, идутъ женщины въ шубкахъ и платкахъ съ широкими бѣлыми лицами, темными соболиными бровями и румяными щеками, сытыя, сдобныя и привѣтливыя. Съ бѣлыхъ, точно точеныхъ изъ слоновой кости зубовъ, слетаетъ шелуха сѣмечекъ, подсолнечныхъ и тыквенныхъ, жареныхъ. На многихъ надѣты дорогiя лисьи шубы, крытыя сукномъ, бархатомъ или плюшемъ. Казаки, кто въ шубѣ, кто въ форменной шинели, одни въ погонахъ, съ крестами и медалями, при шашкахъ, въ черныхъ прекраснаго курпея съ алыми суконными верхами папахахъ, другiе безъ погонъ, въ сѣрыхъ папахахъ, съ ободранными крестами, въ шинеляхъ небрежно надѣтыхъ и не подпоясанныхъ, съ широкими наглыми лицами, молодецкими ватагами подходятъ къ площади мощеной грубыми каменными плитами. У самой паперти, опираясь на длинную толстую трость съ серебрянымъ въ видѣ яблока набалдашникомъ съ двуглавымъ императорскимъ орломъ на немъ, стоитъ въ офицерскомъ пальто и погонахъ, чернобородый хорунжiй изъ простыхъ казаковъ, станичный атаманъ. Около него столпились почетные граждане станицы. Стоитъ въ голубой атаманской фуражкѣ старый съ голымъ лисьимъ лицомъ Лукьяновъ въ мѣховой дорогого мѣха шубѣ, стоитъ въ низенькой, старой, измятой армейской папахѣ, въ старой шинели съ крестами и медалями за Турецкую войну, весь сморщенный, съ клочковатой сѣдой бородой Пятницковъ, стоятъ нѣсколько офицеровъ въ бѣлыхъ погонахъ, штатскiй съ сѣдыми усами въ судейской фуражкѣ, сзади нихъ жмутся станичныя барышни мѣстной интеллигенцiи, а дальше темная толпа казаковъ и казачекъ, папахи сѣрыя и черныя, шинели и шубы, чекмени и теплушки, платки и шляпки, гимназическiя пальто и сѣрыя шубки станичной молодежи.

И надъ всею этою толпою, разливаясь въ свѣжемъ, пахнущемъ морозомъ январьскомъ воздухѣ, густо гудитъ мѣдный колоколъ, заглушая отдѣльные голоса, заглушая гомонъ толпы и смѣхъ молодежи.

Сполохъ несется надъ Дономъ.

II.

На самой окраинѣ станицы, тамъ, гдѣ она тремя улицами, все понижаясь домами и вишневыми садами, убѣжала въ безпредѣльную степь, совсѣмъ на отшибѣ, въ густомъ саду съ разставленными по нему колодами ульевъ, стоитъ маленькая, точно вросшая въ черную землю мазанка, крытая лохматою соломенною шапкой — это домъ дѣдушки Архипова. Архипову болѣе семидесяти лѣтъ. Онъ Скобелева хорошо помнитъ, въ Крыму подъ Севастополемъ былъ и мало мало самого Наполеона не захватилъ. Онъ хранитель старыхъ пѣсенъ и завѣтовъ казачьихъ, онъ прорицатель и ворожей, ему открыты тайны библіи и Апокалипсиса и онъ все точно знаетъ, что было и будетъ. Газетъ онъ не читаетъ, среди людей не бываетъ, на станичный сходъ не ходитъ, горлопановъ, что горло дерутъ и рѣчами заливаются, не жалуетъ, съ попомъ и атаманомъ не дружитъ — съ первымъ потому, что самъ онъ по старой вѣрѣ живетъ и славится, какъ начетчикъ, со вторымъ — потому, что распустилъ казаковъ, воровство развелъ и старыми боевыми играми казачьими не занимаетъ казаковъ.

Къ нему, по вечерамъ, ходятъ молодицы поспрошать будетъ ли толкъ отъ жениха, къ нему ходятъ недужные, извѣрившіеся въ докторахъ и лѣкарствахъ, къ нему ходитъ и самъ станичный атаманъ совѣтоваться по разнымъ дѣламъ.

Онъ живетъ вдвоемъ съ правнукомъ Пѣтушкомъ. Пѣтушку четырнадцатый годъ, онъ учится въ гимназіи. Пѣтушокъ круглый сирота — отца убили въ Восточной Пруссіи, а мать съ горя померла. Пѣтушкомъ прозвалъ мальчика дѣдъ за его звонкій голосъ, да за добрый веселый характеръ. Дѣдъ Архиповъ лошадь держитъ для Пѣтушка и заботливо изъ скудныхъ сбереженій готовитъ его стать настоящимъ казакомъ.

Архиповъ старъ, но крѣпокъ. Онъ всегда одѣтъ въ синіе шаровары съ широкимъ алымъ лампасомъ, въ мягкіе черные сапоги, по стариковски стоптанные, въ просторный синій чекмень — въ праздники усѣянный орденами и медалями, въ сѣрую свитку и папаху чернаго барана. У Архипова въ избѣ чисто подметено, пахнетъ мятой и полынью и самъ онъ сидитъ въ углу подъ образами и его желтое морщинистое лицо съ сѣдыми длинными волосами

и бородою, узкою и благообразною, его тонкій носъ и темные глаза кажутся тоже похожими на икону.

Густой гулъ мѣднаго колокола доносится мягкими волнами и заставляетъ тихо звенѣть стекла маленькой горницы. Сполохъ долетаетъ до окраины станицы и широко несется по степи. — Но онъ не трогаетъ Архипова. Онъ и такъ бы не пошелъ туда, гдѣ станичные горлопаны будутъ говорить «пусты рѣчи и слова», а теперь мѣшаютъ ему неожиданные, Богъ вѣсть откуда взявшіеся, Богомъ посланные гости.

Ихъ трое. Два молодыхъ человѣка и дѣвушка. Всѣ хорошо, по господски, одѣтые, но страшно измученные и голодные. Пришли они глухою ночью, часовъ около двухъ, какъ съ неба свалились. Едва дошли. Они говорили слабыми голосами и голодъ глядѣлъ изъ большихъ, ясныхъ и чистыхъ глазъ. Два брата и сестра.

Старикъ не допрашивалъ ихъ, кто они и откуда. Открылъ на настойчивый стукъ дощатую дверь и впустилъ ихъ изъ глухой съ сіяющими большими звѣздами, тихой, безпредѣльной, пахнущей землею степи.

— Спаси васъ Христосъ! сказалъ онъ тихо и засвѣтивъ жестяную лампочку, зорко всмотрѣлся въ шатающихся, какъ тѣни, людей.

Онъ разбудилъ спавшаго въ сосѣдней горницѣ Пѣтушка, приказалъ принести меда, хлѣба пшеничнаго и молока и поставилъ передъ гостями.

— Кушайте на здоровье, сказалъ онъ.

— Мы, дѣдушка, началъ было старшій, — не воры, не разбойники, позволь переночевать, мы можемъ и бумаги наши показать.., но старикъ перебилъ его.

— Развѣ я спрашиваю, кто вы, — сказалъ онъ. — Христосъ, значитъ, послалъ. Голодны вы, крова нѣту надъ вами, ну, значитъ, и накормимъ и отдыхайте и живите сколько надо. Слава Богу, найдется.

Въ комнату Пѣтушка натаскали мягкой соломы и душистаго степового сѣна, барышню устроили на постели Пѣтушка, а молодыхъ людей на полу и они, наѣвшись, заснули крѣпкимъ сномъ.

Уже давно гудитъ сполохъ по станицѣ, а прохожіе люди все еще спятъ. Пѣтушокъ досѣдлалъ своего бураго мерина и поѣхалъ на площадь узнать въ чемъ дѣло, старикъ

приготовилъ гостямъ кислаго молока, хлѣба, яицъ, наставилъ самоваръ и ждетъ, когда они проснутся.

Первымъ вышелъ молодой человѣкъ. Ему было лѣтъ двадцать. Красивое, безъ бороды и усовъ лицо его было исхудалое и покрытое мѣднымъ загаромъ, который даетъ зимняя стужа, ночлеги въ полѣ и степной холодный вѣтеръ. Онъ усѣлся за столъ и сталъ хозяйничать, поглядывая на старика.

— Что, сказалъ, наконецъ, старикъ, — воевать что-ль пришелъ?

— Воевать, дѣдушка, — охотно отозвался молодой человѣкъ.

— А ты знаешь, сколько еще воевать то осталось?

— Ну вѣрно меньше чѣмъ было. Къ концу надо думать дѣло идетъ.

— Къ концу, протянулъ старикъ... — Ты послушай, что старые люди говорятъ, что степь матушка по ночамъ гудетъ, да старымъ людямъ, которые рѣчь ея понимаютъ, сказываетъ.

— Говори, дѣдушка, я слушаю.

— Такъ... протянулъ старикъ, придвинулся ближе къ столу, за которымъ сидѣлъ молодой человѣкъ, налилъ ему стаканъ блѣднаго деревенскаго чая, пододвинулъ ломоть хлѣба и началъ: — хочешь вѣрь, хочешь по вѣтру пусти, потому за рѣчь мою не плачено. А только такъ оно было, такъ и сбудется, потому что это отъ Господа Бога сказано. Въ тысяча девятьсотъ четырнадцатомъ году, значитъ, заключилъ нашъ императоръ Николай Второй Александровичъ съ нѣмецкимъ королемъ Вильгельмомъ войну на десять лѣтъ. Взмолился Вильгельмъ, нельзя ли, значитъ, покороче. — «Придетъ», говоритъ, «земля моя въ разореніе отъ такой долгой войны и не побѣдить мнѣ тогда — никогда». — «Ну ладно», говоритъ Николай Александровичъ, — «будемъ съ тобой воевать пять лѣтъ. Четыре года полностью, а пятый на успокоеніе, но какъ мой народъ такой, что его ежели онъ развоюется остановить никакъ не возможно, то еще пять лѣтъ буду я воевать самъ съ собою, пока вся Россія не погибнетъ.» И спросилъ, значитъ, Вильгельмъ, почему нашъ Государь погибели желаетъ народу своему. И открылъ Николай Александровичъ библію передъ

Вильгельмомъ и указалъ на то мѣсто, гдѣ писано про Содомъ и Гоморру. — «Забылъ», сказалъ онъ, «народъ мой Господа Бога, забылъ меня, своего Государя, перестали любить любовью христіанскою ближняго и не стало на Руси честныхъ людей и черезъ то назначено народу Русскому очищеніе огнемъ и мечомъ». Всѣ, кто Царя предавалъ — погибнутъ отъ руки злодѣевъ, всѣ, кто противу царства шелъ и вѣру христіанскую поносилъ погибнутъ и будутъ разсѣяны по чужимъ землямъ. И срокъ и предѣлъ мученіямъ Русскаго народа показанъ. Муки показаны до тысячи девятьсотъ двадцать перваго года, когда переломъ будетъ. Храмы наполнятся, враги станутъ друзьями. И будетъ тысяча девятьсотъ двадцать второй годъ лютѣе всѣхъ годовъ. Казачьи кости будутъ разбросаны по всему свѣту Божьему и будутъ такіе, что на морѣ погибнутъ. А Петербургу въ тотъ годъ быть пусту. Въ тысяча — девятьсотъ двадцать третьемъ году загорится звѣзда надъ землею — та звѣзда будетъ обозначать начало. И крестъ надъ святымъ храмомъ Константина надъ Софіею мудрою православный повиснетъ, и турки будутъ за одно съ Русскими и кончатся войны на востокѣ. Врагъ начертаетъ на всемъ звѣзду, и молотъ и серпъ подъ нею. И звѣзда вознесется на небо, а «молотъ-серпъ» обратно прочтутся и тѣмъ конецъ будетъ. И будетъ, тогда царствованіе счастливое Михаила — а царствованію тому предѣлъ осьмнадцать лѣтъ.

Изъ горницы выглянула дѣвушка. Прелестное лицо ея горѣло отъ вѣтра, мороза, солнца, утомленія и крѣпкаго сна.

— Ну какъ, Оля, спала? спросилъ ее молодой человѣкъ.

— Отлично, Ника. Здраствуйте, дѣдушка, сказала дѣвушка.

— Спаси Христосъ. Сестра что-ли будетъ?

— Сестра, сестра — сказала дѣвушка.

— Видать, сходствіе большое есть. Ну, спаси Христосъ.

— Дѣдушка, а почему звонятъ такъ? Развѣ праздникъ сегодня?

— И, родная. Какой праздникъ! Братъ на брата идетъ!

— Что же и здѣсь большевики? — спросилъ Ника.

— А ты погодь, — сказалъ серьезно старикъ. Вотъ Нѣтушокъ, правнукъ мой, развѣдку сдѣлаетъ, на чемъ постановять, погоди и посмотримъ чего вамъ дѣлать? Можетъ, еще у меня поживете, я схороню васъ. Вы что-жъ — Р у с с к і е будете? Анадысь въ Каменской полковника Фарафонова свои же люди убили, генералъ туда присланъ, не то Семеновъ, не то Сетраковъ, или какъ тамъ, едва убѣжалъ — хорошо камышами спасся... Да... На станціи Серякова казаки офицеровъ убили... Да... хорошо это? А вѣдь вы... и спрашивать никому не надо — видать сразу, офицеры. Россійскіе солдаты по Новочеркасску кругомъ силу взяли, ходитъ, звѣрствуютъ, казаки съ ними за одно пошли. Нѣтъ, погодить надо, на чемъ порѣшатъ.

— А что дѣдушка, въ Новочеркасскѣ Атаманская власть?

— Сидѣлъ Калединъ Алексѣй Максимовичъ, а что теперь — никому неизвѣстно, съ мужиками, сказываютъ, столковаться хочетъ. Сидѣлъ Калединъ, да усидитъ ли, Христосъ одинъ знаетъ. Времена тяжелыя стали. Сегодня присягнутъ, на завтра предадутъ. Да вы что?.. Торопиться некуда. Не объѣдите старика. Все свое, непокупное... Да. Отдохните маленько, да порасспросимъ людей, а тамъ и видать станетъ, куда вамъ летѣть!.. Не на огонь же прямо!..

III.

Когда Саблинъ съ револьверомъ въ рукѣ бросился въ толпу солдатъ, въ вагонѣ произошло движеніе. Всѣ солдаты и съ ними вмѣстѣ Ника и Павликъ Полежаевы выскочили изъ вагона и бросились за Саблинымъ. Ника и Павликъ не отдавали себѣ отчета, зачѣмъ они бѣгутъ. Они были безоружны, они сами должны были бояться солдатъ, потому что были офицерами, но была какая то надежда, что, можетъ быть, имъ удастся быть полезными, помочь отстоять генерала Саблина. Они видѣли, какъ Саблинъ остановился и прицѣлился. Остановилась и вся толпа. Продолжалъ, не спуская глазъ съ Саблина, какъ хорошая борзая собака съ зайца, бѣжать молодой солдатъ, бѣжалъ блѣдный солдатъ со злымъ лицомъ и еще нѣсколько забѣгали съ бо-

ковъ и сзади. Но Саблинъ не стрѣлялъ, а опустилъ револьверъ и въ то же мгновеніе на него навалилась толпа и Полежаевы поняли, что для Саблина все кончено. Весь интересъ толпы былъ сосредоточенъ на немъ и на Нику и Павлика, стоявшихъ въ сторонѣ, въ лѣсу, никто не обратилъ вниманія.

— Пойдемъ съ нимъ, — сказалъ Ника.

— Ничѣмъ не поможешь, — сказалъ Павликъ. — Надо добывать Олю и бѣжать, куда глаза глядятъ. Намъ нѣтъ возврата въ вагонъ.

— Но какъ же такъ?... Его-то... Бросить? — сказалъ Ника и губы его надулись и на глазахъ показались слезы. — Благородно это?

— А что же сдѣлаешь? Ну, скажи самъ. Если бы оружіе было, можно было бы попытаться стрѣльбою разогнать ихъ.

Они стояли въ лѣсу. Молодыя сердца бились отъ негодованія и отъ безпомощности. Ѣдкое чувство стыда отъ всего видѣннаго было въ нихъ. Поднималась глухая, жестокая ненависть къ солдатамъ и жажда мести, кровавой, страшной мести становилась главною цѣлью, главнымъ смысломъ жить.

— Пойдемъ на югъ, къ казакамъ! — сказалъ Павликъ. — Тамъ мы добудемъ оружіе. Пойдемъ и освободимъ его.

— Да, если они раньше не прикончатъ?

— Тогда отомстимъ.

— А Оля какъ-же?

— Конечно съ нами. Сестрою милосердія. Куда она пойдетъ теперь? Родного дома нѣтъ, родной земли нѣтъ. Къ казакамъ! Одно спасеніе.

Они нашли Олю въ лѣсу не далеко отъ вагона. Какъ только она увидала братьевъ, она замахала имъ руками, давая понять, чтобы они не шли къ желѣзной дорогѣ и сама, оглядываясь и скрываясь за деревьями, стала пробираться къ нимъ.

— Милые мои! — говорила она, переводя глаза съ Павлика на Нику и съ Ники на Павлика, будто желая убѣдиться, что оба живы и невредимы, — стойте, стойте, дорогіе...

Она подошла и нервно заговорила.

На поѣздъ и думать нечего возвращаться. Надо бѣжать, какъ можно дальше отсюда. Та старушка въ платкѣ и жена телеграфиста оговорили васъ. Онѣ сказали, что и вы были съ генераломъ Саблинымъ. Назвали васъ его адъютантами. И откуда онѣ это взяли! Кубанскаго офицера схватили и арестовали, жена его на колѣняхъ валялась, просила, чтобы освободили, ее тоже потащили. Всѣмъ распоряжался тотъ молодой солдатъ съ красивымъ лицомъ. Инженера, который вчера спорилъ съ ними и его даму тоже забрали, и толстаго еврея взяли. Вещи стали перерывать. Я въ лѣсу спрятавшись была, такъ видала, какъ они пустые чемоданы выкидывали на дорогу. Вернуться теперь — на вѣрную смерть. Надо бѣжать.

— Куда бѣжать? — сказалъ Ника.

— На югъ! На югъ! — сказалъ Павликъ. — И не медля ни минуты.

Солнце свѣтило надъ лѣсомъ и по солнцу и по оттаявшимъ стволамъ, по почернѣвшимъ съ одной стороны кочкамъ братья Полежаевы и Оля знали, гдѣ югъ. Югъ и казаки рисовались имъ благословенною страною порядка, гдѣ вновь создается великая Россійская армія, гдѣ не ходитъ по городамъ и деревнямъ кровавый туманъ и гдѣ не висятъ красныя знамена съ призывами къ бунту и грабежу.

На Югъ!

Они шли, избѣгая селеній и деревень, избѣгая большихъ дорогъ. У нихъ, кромѣ небольшого запаса денегъ, ничего не было. Ихъ вещи остались въ вагонѣ. Но они не думали о лишеніяхъ. Крѣпко, глубоко вѣрили они, что тамъ Россія, которая пригрѣетъ и накормитъ.

Къ вечеру, голодные и холодные, они подошли къ селенію. Они выбрали одинокую хату и постучали въ надеждѣ переночевать. Старуха и двѣ молодыя женщины пустили ихъ. Но, приглядѣвшись къ нимъ, при свѣтѣ лампы, засуетились и стали говорить: «баржуи... нѣтъ, лучше уходите, грѣха бы не было. А деньги есть?.. За деньги хлѣба немного дадимъ и идите... Идите и вамъ плохо будетъ и намъ въ отвѣтъ попасть придется. Отъ комиссара наказъ: — буржуевъ не принимать. Поди къ казакамъ пробираетесь? А казаки, слыхать, всѣхъ солдатъ истребляютъ».

За три рубля они отпустили фунтъ стараго хлѣба, закрыли передъ ними дверь и холодная звѣздная ночь открыла имъ свои объятія.

Они провели ее за околицей, зарывшись въ скирду немолоченаго хлѣба, устроивъ въ немъ нору и согрѣваясь животной теплотой. На селѣ неугомонно лаяли собаки, слышались звуки гармоники, пѣніе хриплыхъ голосовъ. То загорались желтыми огнями маленькія окна избушекъ, то потухали, слышался смѣхъ, женскій визгъ, крики и улюлюканье. Молодежь гуляла по селу. До свѣта Полежаевы выбрались изъ своей норы и вышли въ путь. Разбитое тѣло ныло. Но обогрѣло солнце, размахались руки и ноги и стало легко идти, только голодъ донималъ.

Проѣзжій мужикъ провезъ ихъ верстъ восемь и денегъ не взялъ. Онъ показалъ, гдѣ граница Донской земли и какъ ее перейдти.

— Тамъ, сказалъ онъ, — все одно.' Совѣтская власть. —Но не вѣрилось этому. На Дону и власть Ленина и Троцкаго! Власть предателей отчизны. Нѣтъ, Донъ не покорится жиду!

Съ надеждою въ сердцѣ подходили они уже вечеромъ къ первой донской станицѣ. Ихъ обогналъ конный казакъ, по виду офицеръ, въ хорошей дорогой шубѣ, въ большой отличной папахѣ, при шашкѣ, украшенной серебромъ. Его сопровождало два казака. Они тоже были въ дорогихъ шубахъ, одинъ въ казачьей шапкѣ, другой въ низкой бобровой. Офицеръ внимательно взглянулъ на прохожихъ. Это былъ блѣдный брюнетъ съ черными стрижеными усами, съ тонкимъ носомъ и красиво очерченными выразительными губами.

Павликъ сейчасъ же узналъ его.

— Ника, сказалъ онъ. Это Иванъ Михайловичъ Мартыновъ. Помнишь? Мы его у Лѣницыныхъ встрѣчали. Онъ пѣлъ баритономъ у нихъ. Гвардейскій офицеръ. Вотъ находка. Я пойду, разъищу его. Мы все отъ него узнаемъ

— Павликъ, а если онъ?.. Если онъ ихъ?

— Ну что ты! И казаки съ нимъ. Это навѣрно уже Калединцы. Мы спасены.

Но какая то осторожность заставила ихъ раздѣлиться. Было рѣшено, что Павликъ пойдетъ одинъ, а Оля съ Никой останутся за околицей опять у хлѣбной скирды.

— Погодите, говорилъ Павликъ, — я вамъ хлѣба принесу, сала, чая вамъ изготовимъ, щей горячихъ. Иванъ Михайловичъ душа человѣкъ. Онъ и Саблина хорошо зналъ. А помнишь, Оля, какъ онъ за тобой ухаживалъ?

Павликъ безъ труда нашелъ хату, у которой остановился проѣзжій казакъ. Его рослая нарядная лошадь и такія же двѣ лошади казаковъ были привязаны у большого дома, принадлежавшаго зажиточному казаку.

Павликъ поднялся на крыльцо и остолбенѣлъ, на двери былъ прибитъ бѣлый картонъ, на которомъ крупными буквами было написано: «канцелярія Камышанскаго совѣта рабочихъ, солдатскихъ, крестьянскихъ и казацкихъ депутатовъ». «Комиссаръ».

Онъ хотѣлъ повернуться и бѣжать, но дверь широко распахнулась и въ полосѣ яркаго свѣта появился одинъ изъ сопровождавшихъ Мартынова казаковъ съ бумагой въ рукѣ.

— Вамъ, товарищъ, кого? спросилъ онъ, съ головы до ногъ оглядывая Павлика.

— Есаула Мартынова. Я знакомъ съ нимъ, — твердо сказалъ Павликъ.

— Какъ доложить о васъ?

— Скажите: Павелъ Николаевичъ Полежаевъ, — сказалъ смѣло Павликъ. Онъ понялъ, что погибъ, что терять ему нечего, спасти могла только храбрость.

IV.

Иванъ Михайловичъ сидѣлъ въ хорошо убранной комнатѣ за накрытымъ скатертью столомъ и закусывалъ. Большая керосиновая съ фарфоровымъ колпакомъ лампа освѣщала его лицо. Передъ нимъ стояла бутылка водки, тарелки съ нарѣзанной жирной шамайкой, селедкой и паюсной икрой, громадные ломти хлѣба лежали на блюдѣ, тутъ же стояла миска накрытая крышкой. Красивая рослая казачка, молодая, бѣлокурая, съ длинными густыми косами накрытыми шолковымъ платкомъ, стояла въ углу и опиралась подбородкомъ на пальцы согнутыхъ въ локтѣ полныхъ бѣлыхъ рукъ.

— Полежаевъ, Павелъ Николаевичъ. — сказалъ радушно Мартыновъ. — Какими судьбами? Садитесь. Гостемъ будете. Зачѣмъ въ наши края пожаловали?.. Прасковья Ивановна, разстарайтесь вторымъ приборомъ. Вотъ, Прасковья Ивановна, вы говорили мнѣ, что никогда не видали живого буржуя. А вотъ онъ самъ къ намъ и пожаловалъ. Смотрите, любуйтесь... Ну, шучу, шучу.

Мартыновъ налилъ водки Павлику и пододвинулъ ему блюдо съ жирной янтарной шамаей. Онъ мало перемѣнился съ тѣхъ поръ, какъ его видалъ Павликъ въ Царскомъ Селѣ. Только свои красивые длинные шелковистые усы остригъ и черную Мефистофельскую бородку сбрилъ, — отчего лицо его казалось круглѣе и самъ онъ выглядѣлъ сытѣе. Онъ и дѣйствительно располнѣлъ. Онъ былъ хорошо одѣтъ, на холеныхъ бѣлыхъ рукахъ съ длинными узловатыми пальцами были дорогіе перстни и особенно одинъ крупный брильянтъ игралъ при свѣтѣ лампы. У Павлика мелькнула мысль, откуда эти кольца? Онъ зналъ, что Мартыновъ былъ небогатъ, что онъ долженъ былъ уйти изъ гвардіи изъ-за какой то исторіи, связанной съ денежными затрудненіями. Но смотрѣлъ Мартыновъ на Павлика такими же красивыми въ густыхъ и длинныхъ рѣсницахъ карими глазами и въ жестахъ его была прежняя широта и радушіе любящаго принять и угостить человѣка.

— Что же, — прищуривая глаза и зорко глядя на Павлика, сказалъ Мартыновъ — къ Каледину, или Алексѣеву пробираетесь? А? Много васъ туда пробирается. А зачѣмъ?.. Павелъ Николаевичъ — я васъ вотъ этакимъ, — Мартыновъ показалъ рукою немного выше стола, — зналъ и сестрицу вашу Ольгу Николаевну хорошо знаю и брата, откровенно скажу вамъ, — я васъ очень всѣхъ люблю. Ну, идете вы къ Алексѣеву и Каледину. Кто они? Республиканцы! А я вѣдь васъ знаю отлично, — вы монархисты. И вы идете къ кому? Къ французскимъ наемникамъ. Къ тѣмъ, кто на французскія деньги гонитъ казаковъ и Русскій народъ уничтожать своихъ братьевъ. У насъ рабоче-крестьянская власть, у насъ Россія, а у васъ кто? Мнѣ доподлинно извѣстно, что казаки не пошли съ Калединымъ, у Алексѣева только кадеты и юнкера, да немного офицеровъ. Что затѣваете вы? Вѣдь вы меньшинство! Вы то подумайте. Въ Россіи было сто тысячъ, да, если не больше,

офицеровъ — а у Алексѣева еле набралось четыре тысячи. А почему? Павелъ Николаевичъ, всякій офицеръ монархистъ — это аксіома. И я монархистъ, какъ монархистъ и вы.

— Такъ что же, сказалъ Павликъ, — Ленинъ и Троцкій монархисты?

— Кто знаетъ, кто знаетъ! сказалъ, качая головою, Мартыновъ. — Вы подумайте только, кого большевики упорно уничтожаютъ. — Эсъ-эровъ и кадетовъ. Да-съ! Эсъ-эровъ и кадетовъ. Вотъ газеты полны проклятіями по поводу убійства Шингарева и Кокошкина, Бурцевъ томится въ тюрьмѣ, а Сухомлинова выпустили на свободу, Анна Вырубова живетъ въ довольствѣ. Кто такое Муравьевъ? — монархистъ чистѣйшей воды. Притомъ частнымъ приставомъ долгое время служилъ. А? теперь въ Брестѣ мы ведемъ переговори съ кѣмъ? Съ его императорскимъ и королевскимъ величествомъ императоромъ Вильгельмомъ. Павелъ Николаевичъ, идите съ нами. Мы съ народомъ. Мы поняли народъ. У насъ... Помните, когда то пѣвалъ я пѣсню, самъ ее и сочинилъ: — «скучно станетъ — на Волгу пойдемъ, бѣдно станетъ и деньги найдемъ!» Павелъ Николаевичъ, — справедливо это, что у какого нибудь банкира, жида паршиваго, капиталъ, мильоны, камни, золото, а у меня, образованнаго донского казака, умнаго, красиваго, я вѣдь, Павелъ Николаевичъ, себѣ цѣну знаю, — какъ говорится: — шишъ въ карманѣ и вошь на арканѣ. Почему? Перемѣстить надо. Умные, молодые и смѣлые, — вотъ, кого выдвигаютъ большевики въ первую линію. Идемте съ нами, а?

Мартыновъ пилъ рюмку за рюмкой и хмѣлѣлъ. Но хмѣль у него выражался въ болтливости, болѣе ясномъ умѣ, радушіи и широкихъ жестахъ.

— Прежде чѣмъ рѣшиться идти съ вами, — сказалъ Павликъ, — я бы хотѣлъ точнѣе знать, что такое большевики. У меня составилось о нихъ въ Петроградѣ нѣсколько иное представленіе.

— Прасковья Ивановна, разскажите буржую что такое большевики, — сказалъ Мартыновъ, обращаясь къ молодой женщинѣ.

— Ну что вы, Иванъ Михайловичъ, стыдливо закрываясь рукою, сказала казачка.

— Большевики — это... Все позволено.

Мартыновъ къ самому лицу Павлика протянулъ свою украшенную кольцами руку.

— Ревизовалъ я сейфы въ Петроградѣ, — изволите видѣть, что получилъ? По праву!! По праву сильнаго, ловкаго, умнаго! Посмотрите на Прасковью Ивановну — дочь священника. По старому — женихъ, да невѣста, да еще отдали бы за меня, либо нѣтъ, а я притомъ уже женатъ, а вѣдь она любитъ меня, давно любитъ, — а теперь, объявили реквизицію женщинъ, и — моя, голубка, по праву красиваго. Павелъ Николаевичъ, — осуществленіе воли, вотъ какъ я понимаю большевизмъ. Теперь комиссаромъ на Дону — Мироновъ. Вы изволите его знать? З-за-м-м-ѣчательная личность. Я вамъ біографію его разскажу. Онъ товарищъ мой по училищу. Мы оба Михайловскаго Артиллерійскаго и оба духомъ либеральнымъ еще со скамьи Воронежскаго корпуса заражены. Бакунина и Кропоткина тайкомъ читали. Теперь, позвольте васъ спросить, почему, когда пишетъ Кропоткинъ, — интеллигенція благоговѣетъ и на вытяжку стоитъ: — анархистъ — революціонеръ, ну а когда приходятъ Ленинъ и Троцкій и говорятъ: исполнить то, что написано и является трудовой народъ и исполняетъ то, что ему твердила интеллигенція вотъ уже больше полъ вѣка, она ужасается и вопитъ на весь міръ. А? Я пришелъ и взялъ. Потому что я хочу и могу. Я взялъ золото, камни, взялъ женскую ласку и любовь, потому что я силенъ и уменъ. Мироновъ ума палата. Онъ молодымъ офицеромъ на Японскую войну пошелъ, да не въ артиллерію, гдѣ все таки безопаснѣе, а въ армейскій казачій полкъ. Пѣшкомъ съ казаками въ атаку ходилъ. Георгіевскій крестъ заслужилъ — вотъ онъ Мироновъ! По возвращеніи, смѣло, открыто выступилъ противъ всѣхъ нашихъ болячекъ. Ну, слыхали вѣрно... и жалованье казакамъ не выдавали и денежныя письма утаивали и лошадей не кормили, да, все это было и противъ всего, значитъ, Мироновъ выступилъ. И... пострадалъ за правду. Онъ былъ выгнанъ изъ полка. Усть-Медвѣдицкая станица выбираетъ его своимъ станичнымъ атаманомъ. Мироновъ горитъ на этой должности. И сгораетъ. Вѣдь въ Россіи то говорили: — съ сильнымъ не борись, съ богатымъ не судись, а Мироновъ противъ сильнаго шелъ, богатаго обижалъ. Все верховое казачество

его знаетъ и благоговѣетъ передъ нимъ. Ну, скажите, кому атаманомъ быть Миронову или Каледину?

— Но, сколько я слыхалъ, Кругъ казачій дважды выбралъ Каледина своимъ Атаманомъ, сказалъ Павликъ.

— Кругъ, кругъ! Вы слыхали, что сказалъ Ленинъ представителямъ союза казачьихъ войскъ, которые явились къ нему, когда узнали, что Ленинъ посылаетъ карательную экспедицію на Донъ. — «Вашъ Кругъ, — сказалъ Ленинъ, — представленъ лишь офицерствомъ и буржуазными элементами и въ немъ не слышно голоса трудового казачества». Такъ то, Павелъ Николаевичъ. Сегодня ночью Мироновъ долженъ сюда быть. Хотите, я познакомлю васъ съ нимъ и оставайтесь у насъ. Помяните мое слово, и мѣсяца не пройдетъ, какъ мы сметемъ съ лица земли и Каледина и Алексѣева, и красное знамя трудового казачества будетъ развѣваться по всему Дону сверху до низу. Калединъ держится только въ Новочеркасскѣ, держится лишь потому, что его не трогаютъ. Подумайте, товарищъ, — и власть, и богатство, и роскошная жизнь, и приволье, и женщины, — все вамъ, если пойдете съ нами. Вы смотрите, — я васъ не неволю, другіе разстрѣливаютъ такихъ, какъ вы — я даю вамъ свободный выборъ. Я отпускаю васъ въ станъ враговъ! А? Вы голодны, устали, замерзли, кочуя по полямъ. Я даю вамъ тепло, сытость, вы отдохнете. На дняхъ рѣшено приступить къ формированію красной арміи, намъ нужны инструктора. Ну? я жду отвѣта. А?

— Я не могу идти съ большевиками, — тихо сказалъ Павликъ. — Они нѣмецкіе шпіоны, они измѣнники, ихъ никто не выбиралъ, они захватили власть.

— Басни, Павелъ Николаевичъ, буржуйскія басни, ложь и клевета. А хотя бы и такъ. А вы къ кому идете? Тамъ нѣмецкія деньги, у васъ французскія — все не Русское дѣло творить вы идете.

— Французы наши союзники, а нѣмцы враги.

— Павелъ Николаевичъ, а идея?

— Идея — Россія!

— Царя я бы понялъ. Но Россія съ Керенскимъ или Россія съ Ленинымъ не все ли равно? Оставайтесь. А?

— Иванъ Михайловичъ, — вставая сказалъ Павликъ, — вы дали мнѣ обѣщаніе отпустить меня и я ухожу.

— Идите. Я спокоенъ. Вернетесь къ намъ, когда увидите, гдѣ правда.

— Правда тамъ, гдѣ трехцвѣтный флагъ и нѣтъ ни крови, ни грабежа, ни насилія.

— А если вы и тамъ найдете кровь, грабежъ, насиліе и воровство?

— Подъ Русскимъ флагомъ? — съ возмущеніемъ воскликнулъ Павликъ.

— Подъ Русскимъ флагомъ, — настойчиво, устремляя свои красные глаза на Павлика, сказалъ Мартыновъ.

Нѣсколько секундъ оба молчали. Мартыновъ не сводилъ глазъ съ Павлика.

— Ну, — сказалъ онъ, — когда то, очень давно, я былъ влюбленъ въ вашу мать. Я былъ тогда совсѣмъ молодымъ офицеромъ. Во имя ея, идите. Идите только скорѣе. Ночью пріѣдетъ сюда со своею дивизіею Мироновъ и тогда вамъ не уйдти. Прасковья Ивановна, соберите гостю хлѣба, яицъ, шамайки, сала...

Послѣ этого пять дней Павликъ, Ника и Оля шли по ночамъ по степи. Они выбирали направленіе по звѣздамъ. Павликъ становился лицомъ на Полярную звѣзду, потомъ поворачивался кругомъ, они выбирали какой-либо предметъ, бугоръ на балкѣ, дерево, копну и шли пока хватало силъ. Они отыскивали казачьи шалаши — лѣтовки —, въ которыхъ казаки живутъ во время полевыхъ работъ и тамъ, забившись въ старую прѣлую солому, проводили день, прислушиваясь къ тому, что было въ степи. Пустынная глухая степь жила въ эти дни особенною жизнью. По далекимъ шляхамъ были видны фигуры конныхъ казаковъ, они гнали лошадей, скотъ, птицу, скрипѣли тяжелые возы, запряженные большими сѣрыми волами, станицы и хутора суетились и не по зимнему жили.

Запасы, данные Мартыновымъ, давно истощились, питались случайно найденными корками хлѣба, пустыми колосьями. Наконецъ утомленіе, голодъ и холодъ заставили ихъ рискнуть подойдти къ станицѣ и темною ночью они постучали у одинокой хаты и то, что они услышали вселило имъ надежду на спасеніе отъ голодной смерти въ степи. Услышали они сказанныя старческимъ голосомъ слова: — Спаси Христосъ!

V.

— Это кто-же говоритъ-то? Высокій, да худой такой, да патлатый?

— Членъ правительства.

— Та-акъ. Офицеръ?

— Офицеръ. Есаулъ. Выборный войсковой есаулъ.

— Такъ... Видать сразу. Къ старому порядку гнетъ.

— А въ новомъ то что хорошаго? Пудъ пшеницы почемъ пошелъ? Тринадцать рублей! — это вмѣсто восьми гривенъ.

— Мелкой размѣнной монеты совсѣмъ нѣту. Вчѣра три рубля по всей станицѣ бѣгалъ, размѣнять не могъ.

— Корецъ молока — два цѣлковыхъ. Свобо-о-да!

Съ паперти, освѣщенной яркими, по весеннему бьющими лучами солнца, неслось:

— Господа! если не хотимъ потерять наши вѣковыя вольности казачьи, надо становиться на защиту Тихаго Дона, отстаивать родные курени отъ насильниковъ, идущихъ изъ Москвы. Не первый разъ сѣдому Дону становиться въ оппозицію Московской власти, съ царями не ужились, неужели допустимъ теперь нѣмецкимъ агентамъ и шпіонамъ поработить казаковъ, неужели потоптаны будутъ нивы казачьи и поруганы наши храмы!

— Никогда! слышалось въ густой толпѣ сгрудившейся возлѣ большого храма.

— Не выдадимъ родныя могилы!

— Въ слободѣ Михайловкѣ, при станціи Себряково, одушевленно говорилъ ораторъ, — произвели избіеніе казаковъ, причемъ погибло, по слухамъ, до восьмидесяти однихъ офицеровъ!

— Охъ! грѣхи, — проговорилъ беззубый старикъ въ погонахъ урядника и съ медалью за турецкую войну на сѣромъ чекменѣ домадѣльнаго сукна.

— Развалъ строевыхъ частей достигъ до послѣдняго предѣла и, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ полкахъ Донецкаго округа удостовѣрены факты продажи казаками своихъ офицеровъ большевикамъ за денежное вознагражденіе, — гремѣлъ ораторъ, взглядывая на бумажку. — Большинство изъ остатковъ уцѣлѣвшихъ полевыхъ частей отказываются выполнять боевые приказы по защитѣ Донского края!

— Повоевали и будя! — сказалъ молодой казакъ въ толпѣ казаковъ, одѣтыхъ въ форменныя шинели безъ погонъ и засмѣялся.

— Господа, — раздавалось съ паперти, и голосъ оратора истерическимъ воплемъ несся надъ толпою. — Я повторяю вамъ рѣчь, сказанную вчера на Кругу нашимъ выборнымъ Атаманомъ Алексѣемъ Максимовичемъ Калединымъ, тѣмъ самымъ, которому, вручая Атаманскій перначъ, сказалъ нашъ выборный помощникъ Атамана Митрофанъ Петровичъ Богаевскій — по праву древней обыкновенности избранія войсковыхъ атамановъ, нарушенному волею Петра Перваго въ лѣто 1709 и нынѣ возстановленному, избрали мы тебя нашимъ войсковымъ Атаманомъ». Господа! въ тѣ майскіе дни свободы мы вернулись къ тому славному, счастливому времени, когда казаки горделиво говорили — здравствуй Царь въ кременной Москвѣ, а мы, казаки, на Тихомъ Дону!»

— Ишь ты! Царя вспомнилъ, — сказалъ тотъ же молодой казакъ. — Это что же опять подъ офицерскую палку, да на польскую границу подъ двуглаваго орла становиться.

— Господа! если не будетъ сокрушенъ нѣмецкій милитаризмъ, то Вильгельмъ по частямъ заберетъ нашу федеративную республику, начиная съ Украины, которая этой федераціи такъ добивается! Кто идетъ съ большевиками? Нѣмцы и плѣнные мадьяры, латыши и китайцы поставили разгромить Донъ и уничтожить, съ лица земли стереть, самое имя казака.

— Неправда! — раздался голосъ изъ толпы одѣтыхъ въ форменное платье казаковъ. — Съ большевиками идутъ казачьи вожди Голубовъ и Подтелковъ. Идетъ трудовое казачество освобождать Донъ отъ засилья калединцевъ, идутъ рука объ руку съ трудовымъ народомъ.

Томительная тишина наступила на площади. Было такъ тихо, что вдругъ отчетливо сталъ слышенъ весенній пискъ воробьевъ и частая капель воды по темнымъ лужамъ съ крышъ торговыхъ рядовъ, окружавшихъ площадь. Ораторъ поникъ головою и, казалось, растерялся отъ этого крика.

— Я не убѣждать и не спорить съ вами пришелъ, а пришелъ передать призывъ Круга и атамана Каледина вооружаться и формировать станичныя дружины на защиту Тихаго Дона! — сказалъ онъ глубокимъ проникновеннымъ

голосомъ и на блѣдномъ, нездоровомъ, вдохновенномъ лицѣ его пламенемъ загорѣлись свѣтлые глаза.

— Коли атаманъ Каледин желаетъ блага, то пусть онъ покинетъ свой постъ. А не добровольческія дружины собирать для защиты буржуевъ! Намъ Голубовъ съ большевиками зла никакого не сдѣлаетъ. Большевики борются противъ засилья мірового капитала, — твердо выговорилъ какъ бы заученную фразу казакъ лѣтъ двадцати пяти въ сѣрой папахѣ и шинели безъ погонъ.

— Вы кто такой и отъ кого говорите? — спросилъ ораторъ.

— Я делегатъ 41-го казачьяго полка, — хмуро сказалъ выступившій казакъ. — Мы порицаемъ выступленіе буржуазнаго генерала Каледина и привѣтствуемъ товарищей солдатъ, крестьянъ, рабочихъ и матросовъ, борющихся съ буржуазіей.

— Господа, вы слышали! Вѣдь это измѣна казачеству. Такихъ людей вѣшать надо!

— Руки коротки!

— Онъ делегатъ. Какая же это свобода!

— Офицеръ говоритъ, такъ его слушать надо, а когда трудовой казакъ правду матку отрѣзалъ такъ на него окрикомъ.

— Каждый могётъ свое мнѣніе высказывать.

— Господинъ есаулъ, — проговорилъ, выступая молодой офицеръ въ солдатской шинели съ погонами сотника и его лицо внезапно стало блѣднымъ, какъ полотно. — Позвольте сказать. Сопротивленіе безполезно. На насъ идетъ вся Россія. Ихъ сила. И васъ и меня все одно повѣсятъ.

— Такъ! — загремѣлъ, вдругъ вспыхивая ораторъ и поднялъ кверху обѣ руки со сжатыми кулаками и съ силой ударилъ ими по столику, стоявшему передъ нимъ. — Такъ! Это мнѣ наплевать; я повѣсилъ не одного комиссара; а вотъ обидно будетъ вамъ, ничего не сдѣлавшимъ для Дона, когда васъ будутъ вѣшать!

— Постойте, господа, — вмѣшался, поднимаясь на ступени паперти, станичный атаманъ и поднялъ свою атаманскую булаву.

— Замолчи, честная станица, — одушевленно крикнулъ старикъ съ сѣдыми усами съ подусками въ судейской фу-

ражкѣ. — Замолчи, честная станица! Атаманъ трухменку гнёть!

Кругомъ засмѣялись.

— Ловко Парамонъ Никитичъ!.. По старому... уважилъ... раздались голоса среди стариковъ.

— Какъ значитъ, господа, атаманъ Калединъ, нашъ выборный атаманъ, — волнуясь заговорилъ станичный атаманъ, — и мы его выбирали, чтобы его приказъ сполнять все одно, какъ законъ, и приказъ его въ томъ, чтобы, значитъ, всей станицѣ поголовно подняться и итить оруженною и кто могетъ на коняхъ въ Новочеркасскъ на защиту Дона, то, полагательно мнѣ, мы должны оный приказъ исполнить... И не медля дѣла, отслужимши молебенъ собираться и въ походъ.

— Правильно! Въ походъ! — закричало нѣсколько человѣкъ.

— Товарищи! — это братоубійственная война, — оборачиваясь и разводя руками заговорилъ блѣдный офицеръ, ища поддержки у строевыхъ казаковъ, стоявшихъ отдѣльною группою.

— Ну, чаво тамъ! Повоевали и будя, — сплевывая сѣмечки, проговорилъ молодой казакъ.

— Господа! — воскликнулъ первый ораторъ, — мы должны защищать родной донской край. Пусть гибнетъ Россія, если это ей такъ желательно, но мы хотимъ свободы, той свободы, которой такъ жадно мы ожидали столько долгихъ вѣковъ.

— Правильно, — сказалъ, выступая впередъ, толстый бородатый казакъ. — Россія! Конешно держава была порядошная, а нынѣ произошла въ низость... Ну и пущай!.. У насъ и своихъ дѣловъ не мало собственныхъ... Прямо сказать, господа, кто пропитанъ казачествомъ, тотъ свово не долженъ отдать дурно. Атаманъ правильно идетъ къ той намѣченной цѣли, штобы спасти родной край, а мы — пригребай къ своему берегу... Больше ничего не имѣю, господа!

— Батюшка, отецъ Андронъ, служи молебенъ, — сказалъ атаманъ, — вдарь въ колоколъ. О дарованіи побѣды на сопротивныя.

Гулко загудѣлъ колоколъ станичнаго храма, заглушая голоса и споры, широко распахнулись громадныя ворота

церкви и въ прохладный сумракъ стала, давясь и втискиваясь входить толпа. Строевые казаки повернулись и кучками пошли отъ храма, расходясь по станицѣ.

— А вы что-жъ! Хронтовики, — крикнулъ имъ бородатый толстякъ, заключившій митингъ своеобразной рѣчью.

— А мы. Пригребай къ своему берегу! — со смѣхомъ крикнулъ рослый молодцеватый урядникъ и рѣшительно пошелъ по грязи въ ближайшую улицу.

VI.

Пѣтушокъ вѣрно и точно передалъ дѣдушкѣ Архипову не только рѣчи «патлатаго и долговязаго, тонкаго, словно журавель» члена Правительства, но и настроеніе станицы.

— Дѣда, — говорилъ онъ, въ присутствіи Ники, Павлика и Оли. — Хронтовики ни за что не пойдутъ. И такіе они злобные стали. Зимовейскову отецъ говоритъ: — «ты, Андрей, собирайся, потому долженъ атаманскій приказъ исполнить», а онъ, дѣда, ружье на вскидку взялъ и какъ крикнетъ: — «убью!» Это на отца то значитъ!

— Кто же пойдетъ отъ станицы? — спросилъ Павликъ.

— Старики собираются. Вотъ отецъ Зимовейскаго мундиръ досталъ, женѣ приказалъ сухари готовить, Адріянъ Карпычъ тоже за виномъ послали: въ походъ собираются. Да что съ нихъ толку. Напьются и до Новочеркасска не дойдутъ. Наши гимназисты собрались. Тридцать человѣкъ и офицеръ съ ними, Клевцовъ, шестнадцатаго полка; два урядника лейбъ-гвардейскаго полка, Щедровъ артиллеристъ, человѣкъ шестьдесятъ всего въ нашу дружину наберется. Эти пойдутъ. Дѣда, а мнѣ можно съ ними?

— Что же, ступай, — хмуро сказалъ Архиповъ, — видно послѣднія времена настали.

— Мы такъ, дѣда, порѣшили, чтобы къ Черненцову въ отрядъ. Сказывали ребята, онъ не убитъ Голубовымъ, а раненый въ Новочеркасскѣ. И отрядъ его цѣлъ совсѣмъ. Къ нему и пойдемъ.

— А намъ можно? — сказали Павликъ и Ника.

— Отчего же, — сказалъ Пѣтушокъ, — идемте. Конечно только вы иногородніе, ну только мы, я думаю, и такихъ примемъ.

— Послѣднія времена наступили, — ворчалъ дѣдъ Архиповъ, однако хлопоталъ и возился, доставая мѣшки, насыпая ихъ пшеничными сухарями, завертывая сало, соль и хлѣбъ.

— Что же, — говорилъ онъ, — правъ Господь, правъ и Давидъ Псалмопѣвецъ... Тогда, какъ нечестивые возникаютъ, какъ трава, и дѣлающіе беззаконіе цвѣтутъ, чтобы исчезнуть на вѣки. Ты, Господи, высокъ во вѣки!.. Да... Пѣтушокъ и вы, родные мои, помните это.

— Пѣтушокъ, — тихо сказалъ старикъ, — какіе теперя народы на землѣ существуютъ? А?

— Нѣмцы, — неувѣренно и робѣя передъ гостями, заговорилъ Пѣтушокъ, — англичане, французы, турки...

— Еще, еще, — говорилъ Архиповъ.

— Египтяне... Японцы... Китайцы...

— Еще, еще...

— Сербы... Итальянцы... Болгаре... Поляки, — бормоталъ, теребя край полушубка, Пѣтушокъ.

— Низложитъ племя ихъ въ народахъ и разсѣетъ ихъ по землямъ — торжественно сказалъ Архиповъ. — Они не истребили народовъ, о которыхъ сказалъ имъ Господь; но смѣшались съ язычниками и научились дѣламъ ихъ. Служили истуканамъ ихъ, которые были для нихъ сѣтью. Проливали кровь невинную... Оскверняли себя дѣлами своими, блудодѣйствовали поступками своими... И передалъ ихъ въ руки язычниковъ, и ненавидящіе ихъ стали обладать ими. Враги ихъ утѣсняли, и они смирялись подъ рукою ихъ. И возбуждалъ къ нимъ состраданіе во всѣхъ, плѣнявшихъ ихъ... Спаси насъ Господи, Боже нашъ, и собери насъ отъ народовъ, дабы славить святое имя Твое, хвалиться Твоею славою!*) Молись, молись Пѣтушокъ! Родное дитятко мое — молись!..

Старикъ обернулся къ Павлику, Никѣ и Олѣ и сказалъ: — все сіе будетъ. Не было, но будетъ, ибо такъ написано Богомъ. Все сіе увидите, все перенесете, но доживете и до большаго! «Славьте, Господа! ибо Онъ благъ, ибо во вѣкъ милость Его! Такъ да скажутъ избавленные Господомъ, которыхъ избавилъ Онъ отъ руки врага. И собралъ отъ странъ, отъ востока и запада, отъ сѣвера и моря! Они

*) Псаломъ 105 ст. 34, 35, 36, 38, 39, 41, 46, 47.

блуждали въ пустынѣ по безлюдному пути, и не находили населеннаго города. Терпѣли голодъ и жажду, душа ихъ истаевала въ нихъ. Но воззвали ко Господу въ скорби своей, и Онъ избавилъ ихъ отъ бѣдствій ихъ. И повелъ ихъ прямымъ путемъ, чтобы они шли къ населенному городу. Да славятъ Господа за милость Его и за чудныя дѣла для сыновъ человѣческихъ!.. Безразсудные страдали за беззаконные пути свои за неправды свои. Но воззвали ко Господу въ скорби своей, и Онъ спасъ ихъ отъ бѣдствій ихъ!*) Ну, господа! Ну, Пѣтушокъ!... Ахъ... Пѣтушокъ, Пѣтушокъ! Родный мой... Одинокаго оставляешь меня... Закусимъ... и айда-те! Съ Богомъ...

Уже подъ вечеръ проводилъ Пѣтушка и Полежаевыхъ Архиповъ въ гимназическую дружину. Провожая до начала станицы онъ находился въ восторженномъ настроеніи и все напѣвалъ старческимъ голосомъ:

«Воспрянь, псалтырь и гусли!
«Я встану рано.»**)

VII.

Въ Новочеркасскѣ гимназическая дружина разошлась. У каждаго оказались родные, или знакомые, къ которымъ и пошли отдохнуть и закусить. Полежаевы стояли одни за полотномъ желѣзной дороги у крутого подъема на Новочеркасскую гору. Ихъ безпомощное положеніе замѣтилъ Пѣтушокъ.

— Ну вотъ что, господа хорошіе, — сказалъ онъ. — Теперь утро, все одно развѣдку дѣлать надо. Посмотрите на городъ нашъ, а къ двѣнадцати часамъ приходите въ кадетскій корпусъ, тамъ наши соберутся, ну мы и обмозгуемъ, какъ быть то и прочее, да и пообѣдать надо.

Ночью выпалъ снѣгъ, теперь онъ таялъ. Густой неподвижный туманъ стоялъ кругомъ, скрывая дома и деревья. Въ мутномъ опаловомъ свѣтѣ сѣрыми казались маленькіе одноэтажные и двухэтажные домики, тянувшіеся съ промежутками, закрытыми заборами, вдоль широкой улицы,

*) Псаломъ 106 ст. 1—8, 11, 16.
**) Псаломъ 107 ст. 3.

круто поднимавшейся въ гору. Посрединѣ былъ чахлый бульваръ. Деревья протягивали въ туманѣ черныя вѣтви, низкая рѣшотка бульвара была поломана. По нему двигались рѣдкіе пѣшеходы. Городъ былъ въ запустѣніи. На панели не хватало плитъ и нога вмѣсто камня ступала неожиданно въ жидкую грязь, прикрытую пухлымъ ноздреватымъ снѣгомъ. У большинства домовъ ставни еще были спущены и отъ оконъ вѣяло крѣпкимъ сномъ. Широкія улицы сходили вправо и влѣво отъ спуска. На нихъ стояли небольшіе дома и такъ же хмуро глядѣлись они изъ-подъ закрытыхъ ставенъ слѣпыми окнами. Ни полиціи, ни дворниковъ, ни извозчиковъ не было видно. Ѣхалъ казакъ на подводѣ съ залѣпленными густою грязью колесами. Улицы тонули въ туманѣ и казалось, что тамъ, гдѣ кончался туманъ кончался и городъ. Въ концѣ подъема раскрылась большая площадь. Маленькіе садики были на краю ея и кусты акацій, сирени и жимолости протягивали къ въѣзду на площадь покрытыя капелью росы вѣтви. Мутно рисовались по ту сторону площади стройныя зданія Александровскаго стиля, высокіе тополя бульвара и широкій проспектъ, большими домами уходящій вдаль. Поперегъ пути поднималась дикая въ два роста человѣка скала, на ней лежала чугунная бурка, мохнатая низкая громадная папаха и чугунный черный значекъ, на которомъ была высѣчена адамова голова и надпись: «чаю воскресенія мертвыхъ и жизни будущаго вѣка. Аминь»... — Памятникъ Бакланову... За нимъ, закрывая весь городъ, утопая вершинами въ волнахъ тумана и поблескивая тамъ шестью золотыми куполами стоялъ громадный строгаго стиля, вытесанный изъ дикаго, чуть желтоватаго камня, соборъ. Передъ его громадою все казалось маленькимъ и ничтожнымъ. Вправо отъ него городъ крутымъ обрывомъ спускался въ степь, закрытую мглою и казалось, что соборъ виситъ въ безпредѣльности. Соборъ былъ новый. Густая позолота покрывала куполъ его входной колокольни и пять куполовъ надъ зданіемъ слитаго съ нею собора. Многими низкими ступенями поднимались ко входу съ художественными вратами. Камень стѣнъ былъ сырой отъ тумана.

Большая икона Божіей Матери съ лампадой была вдѣлана во входную сѣнь. У двери, прислоненныя къ стѣнѣ, не гармонируя съ роскошью стѣнъ, съ бронзой рукоятокъ,

съ золотомъ и красками иконы, съ величиною собора, стояло шесть гробовыхъ крышекъ, наскоро сколоченыхъ изъ сосновыхъ досокъ.

Тихо, сквозь полуоткрытую дверь проскользнули Полежаевы въ соборъ. Тамъ былъ полумракъ и пустота. У низкихъ дверей иконостаса слышалось стройное панихидное пѣніе. Священникъ въ темной ризѣ стоялъ у амвона. Между двумя громадными квадратными колоннами, покрытыми позолотою и живописью ал-фреско съ изображеніями святыхъ, на каменномъ полу стояло шесть простыхъ гробовъ. Три стояло на низкихъ табуреткахъ, три прямо на каменныхъ плитахъ. Оставивъ Олю у колонны, съ которой въ епископскомъ облаченіи изъ золота, смотрѣлъ на нее съ саженной высоты Петръ, митрополитъ Московскій, Павликъ и Ника подошли къ гробамъ. Во всѣхъ лежали юноши. Въ сѣрыхъ солдатскихъ рубашкахъ и сѣрыхъ штанахъ съ босыми сѣрыми ногами, съ темными густыми волосами, безъ усовъ и бородъ они казались восковыми куклами. Пять были бѣлые, спокойные. Лицо шестого было разбито шашкой и все почернѣло отъ застывшей крови. Темная повязка прикрывала раздробленный черепъ. Надъ этимъ гробомъ, на колѣняхъ, неподвижно, не крестясь и не кланяясь стояла интеллигентнаго вида женщина. Она устремила большіе, страшные глаза на темное лицо съ почернѣвшой повязкой. У другихъ гробовъ не было никого. Маленькими огоньками тихо горѣли тонкія восковыя свѣчи, прилѣпленныя къ краямъ гробовъ у изголовья.

И не то было ужасно, что шесть гробовъ съ юными покойниками стояли въ соборѣ, а то, что они были такъ одиноки. И отъ этого одиночества вѣяло безпредѣльной печалью.

У противоположной колонны, гдѣ изъ сумрака купола вырисовывалось строгое лицо Николая Чудотворца, стояло два военныхъ. Одинъ, высокій, скорбный, чуть сутуловатый, съ блѣднымъ лицомъ, съ небольшими подстриженными черными усами, въ солдатской шинели съ георгіевской петлицей и при шашкѣ съ георгіевскимъ темлякомъ хмуро и печально, сосредоточеннымъ взоромъ глядѣлъ на покойниковъ. Павликъ и Ника сейчасъ же узнали въ немъ Атамана Каледина. Сзади него стоялъ полный полковникъ съ пухлымъ блѣднымъ лицомъ, съ усами и небольшой бород-

кой. Онъ часто крестился и въ лѣвой рукѣ его дрожала восковая свѣча.

Священникъ молился «о упокоеніи души убіеннаго раба Божія Петра и воиновъ на полѣ брани убіенныхъ, здѣ предстоящихъ и ихъ же имена Ты, Господи, вѣси»...

Эти молодые, по всему видно, изъ зажиточныхъ семей ушедшіе люди, были никому неизвѣстны. Ихъ гдѣ-то, кто-то убилъ, ихъ прислали въ товарномъ вагонѣ, безъ гробовъ и никто не успѣлъ ихъ опознать.

Это зрѣлище ужасомъ и тоскою наполняло души Павлика и Ники. Оно говорило имъ, какъ безконечно одинокъ былъ Атаманъ Калединъ въ своей священной борьбѣ съ насильниками Русскаго народа. Только дѣти пошли за нимъ. И, когда убили этихъ дѣтей, некому было позаботиться о томъ, чтобы опознать ихъ и похоронить достойно. Героическій подвигъ обращался въ мученичество и дѣти являлись въ этихъ гробахъ не героями солдатами, но великими христіанскими мучениками. Въ новомъ, страшномъ свѣтѣ раскрывалась вся драма Русской жизни. Противъ насильниковъ, палачей, грабителей, изувѣровъ не встала вся святая Русь, но въ рабской покорности склонила шею свою подъ удары палача и, когда возмутились дѣти, никто, никто не поддержалъ ихъ!

Вспоминались слова дѣдушки Архипова и казались они пророческими и какъ огонь жгли сердце и изливали на душу злую тоску:

... «Проливали кровь невинную, кровь сыновей своихъ и дочерей своихъ»...*)

... «Безразсудные страдали за беззаконные пути свои и за неправды свои».**)

Неполный хоръ мягко пѣлъ на правомъ клиросѣ вѣчную память.

Священникъ прочелъ отходную молитву и положилъ вѣнчики на бѣлые лбы покойниковъ. Колѣнопреклоненная мать все такъ же стояла надъ сыномъ. Надо было закрывать гробы. Два служителя долго возились съ крышками, таская ихъ съ подъѣзда. Пришли четыре человѣка въ черныхъ одеждахъ и начали выносить покойниковъ. У паперти со-

---

*) Псаломъ 105 ст. 38.
**) Псаломъ 106 ст. 17.

бора стояло трое погребальныхъ дрогъ съ катафалками. Человѣкъ пятнадцать музыкантовъ казаковъ со ржавыми трубами стояли поодаль. Гробы ставили по два на каждыя дроги. Наконецъ тронулись. Музыканты нестройно сыграли „Коль славенъ“ и потомъ, шлепая по растаявшему снѣгу, и подбирая шинели пошли за гробами и грянули похоронный маршъ. За шестью гробами шла женщина, низко склонивъ голову, и Атаманъ Калединъ съ полковникомъ. Сзади вразбродъ шли музыканты, выбирая сухія мѣста.

По панели, вдоль домовъ, ходили люди. Одни останавливались, снимали шапки и крестились, другіе проходили мимо и отворачивались.

Павликъ, Ника и Оля машинально шли за гробами. Влѣво показался садъ. Въ туманѣ сталъ видѣнъ чугунный казакъ съ поднятой шашкой, вскочившій на постаментъ — памятникъ Платову. Атаманъ Калединъ снялъ фуражку, перекрестился и пошелъ налѣво вдоль сада. Похоронная процессія свернула направо и скрылась въ густомъ туманѣ широкой, обсаженной вдоль тротуаровъ большими тополями, улицы. Туманъ растворилъ въ себѣ гробы. Музыканты разбрелись во всѣ стороны.

Павликъ, Ника и Оля стояли одни, безъ денегъ, голодные, въ чужомъ городѣ, среди чужихъ людей, въ туманѣ зимняго дня.

VIII.

Пѣтушокъ съ гимназистами попалъ въ Чернецовскій отрядъ. Но души отряда, лихого отважнаго полковника Чернецова, кумира молодежи, уже не было въ живыхъ. Съ середины января онъ, съ восемью стами гимназистовъ, кадетъ и студентовъ, едва обученныхъ стрѣлять, бился съ большевиками на сѣверѣ Дона. 17-го января онъ занялъ станицу Каменскую, 19-го станцію и слободу Глубокую, но здѣсь противъ дѣтей, не знающихъ военнаго дѣла, выступилъ Голубовъ съ казаками 10-го, 27-и 44-го полковъ. Этими казаками руководили насильно взятые ими офицеры. Это были люди, три года сражавшіеся съ нѣмцами и побѣждавшіе ихъ, во главѣ ихъ стоялъ пьяница офицеръ, войсковой старшина Голубовъ, человѣкъ безъ принциповъ,

необъятнаго честолюбія, мечтавшій стать Атаманомъ. Образы Разина и Булавина витали въ его пьяной головѣ. Ему грезилось настоящее атаманство среди ватаги пьяной вольницы, съ правомъ приговаривать всякаго ослушника — «въ куль да въ воду». Онъ проводилъ время въ пирахъ по станицѣ среди отчаянныхъ казаковъ 10-го полка, лучшихъ казаковъ Донского войска. Ему играли казаки-трубачи этого полка на трубахъ, обвитыхъ желто-черными австрійскими лентами, взятыми казаками въ Ржешовѣ у австрійскихъ уланъ въ сентябрѣ 1914 года, ему пѣли Каменскіе пѣсенники его атаманскую пѣсню.

Среди лѣсовъ дремучихъ
Разбойнички идутъ
И на плечахъ могучихъ
Товарища несутъ.
Носилки не простыя
Изъ ружей сложены...
А поперекъ стальные
Мечи положены.
Ахъ, тучки, тучки понависли
И въ полѣ палъ туманъ!
Скажи, о чемъ задумалъ,
Скажи, нашъ Атаманъ.

Смѣсь романтизма съ пьянымъ разгуломъ, готовность лгать, издѣваться, говорить зажигательныя рѣчи, продаться кому угодно, лишь бы играть роль, лишь бы шумѣть, лишь бы быть первымъ все равно среди кого — Голубовъ былъ находкой для большевиковъ. Онъ забылъ свое офицерское званіе, забылъ воспитаніе и образованіе и съ упоеніемъ игралъ въ Разина. Ему нужна была кровь, нужны были подвиги, чтобы заслужить передъ большевиками. Онъ пошелъ противъ Каледина потому, что Калединъ его понялъ и арестовалъ за пьянство и дерзкія рѣчи. Но онъ былъ товарищемъ съ Митрофаномъ Петровичемъ Богаевскимъ. Онъ плакалъ и каялся на груди у мягкаго Митрофана Петровича и тотъ отпустилъ его на честное слово. Голубовъ пошелъ мстить Каледину. Онъ шелъ на Новочеркасскъ съ грубымъ и наглымъ Подтелковымъ, съ тупымъ Медвѣдевымъ. Что до того, что сзади шли матросы и красногвардейцы, которые клялись, что они съ корнемъ уничтожатъ злобное змѣиное гнѣздо буржуазіи и контръреволюціи — Новочеркасскъ, что до того, что отъ Новочер-

касска отстаивать Донъ отъ большевиковъ выступилъ его товарищъ Чернецовъ и съ нимъ кадеты и гимназисты, родные братья тѣхъ самыхъ казаковъ, которыхъ онъ ослѣпилъ бурными рѣчами — онъ спалъ и видѣлъ войдти въ Атаманскій дворецъ и править войскомъ по своему — по Разински. Кровавыя потѣхи грезились ему. Была тутъ и персидская княжна въ мечтахъ его, и разгулъ страстей, и пѣсни, и насилія надъ женщинами.

20-го января его донцы привели къ нему израненнаго плѣннаго Чернецова. Пламенный горячій патріотъ, рѣшившій душу свою отдать за спасеніе Дона, стоялъ передъ пьянымъ Голубовымъ. Они были знакомы, встрѣчались раньше въ Новочеркасскѣ, бывали въ однихъ домахъ. Голубовъ всегда чувствовалъ надъ собою нравственное превосходство Чернецова и теперь онъ рѣшилъ издѣваться надъ нимъ. Съ наглымъ тупымъ и жаднымъ Подтелковымъ онъ принялъ Чернецова. Но едва Подтелковъ позволилъ себѣ сказать дерзкое слово про войско, про Каледина и Чернецовскую дружину, Чернецовъ ударилъ Подтелкова по лицу. Подтелковъ убилъ безоружнаго, раненаго Чернецова...

Чернецовская дружина, оставшись безъ вождя, медленно, съ боями, упорно сопротивляясь, отходила къ Новочеркасску. Пѣтушокъ съ гимназистами засталъ ее въ Горной. Врагъ былъ кругомъ. Имъ сейчасъ же выдали винтовки и по тридцати патроновъ, маленькій пятнадцатилѣтній бойкій кадетъ Донского корпуса Гришуновъ облюбовалъ Пѣтушка и прикомандировалъ его къ своему пулемету.

— Въ бою покажу, какъ стрѣлять изъ него, — сказалъ онъ, — а пока помогай таскать.

Большевики наступали на Звѣрево со стороны Дебальцева и на Лихую со стороны Царицына, рабочіе въ Сулинѣ и Александро-Грушевскомъ присоединились къ большевикамъ и всячески мѣшали партизанамъ. Связи съ Новочеркасскомъ не было.

По глухой степи, размокшей отъ падающаго и тающаго снѣга, съ черной землей, пудами налипавшей на сапоги, отходилъ отрядъ Чернецова.

Каждый хуторъ, каждая слобода и многія станицы были враждебны дѣтямъ.

— Баржуи, кадети проклятые! — слышали дѣти на всѣхъ ночлегахъ. — Изъ-за вашихъ боевъ мы потомъ бѣды не

оберемся. Вы то удерете, вамъ и горя мало, а намъ съ ними жить.

Страшно было ночевать среди озлобленнаго населенія. Надо было держаться кучами. Продовольствія не хватало, денегъ не было. Тянуло домой, къ этому примѣшивалось и безпокойство за Новочеркасскъ, потому что въ ясные дни пушечная стрѣльба была слышна кругомъ. Патроны были на исходѣ.

Эту ночь въ Горной не спали. Сбились по окраинѣ хутора, по темнымъ хатамъ, выставили кругомъ часовыхъ и ждали, и слушали. Хуторъ, въ которомъ ночевали Чернецовскіе партизаны, отдѣлялся широкою балкою отъ другого хутора, гдѣ былъ врагъ. У Чернецовцевъ была мертвая тишина. Усталые, — весь день они рыли въ замерзшей степи окопы, для послѣдняго боя, голодные, они сидѣли по хатамъ.

— Господа! приказъ держаться до послѣдняго патрона. А ночью уходить и распыляться по домамъ. Будемъ ждать лучшихъ дней — говорили офицеры, обходя своихъ партизанъ.

— Вѣдь, не вѣчно же это будетъ! Образумится народъ. Поймутъ казаки, что они противъ самихъ себя идутъ... — говорили между собою кадеты и гимназисты.

По ту сторону оврага всю ночь гремѣла музыка, играла гармоника, пѣли пѣсни. Тамъ стояли Голубовскіе казаки и красная гвардія, присланная изъ Петрограда съ приказомъ главковерха Крыленко: — «Товарищи! съ казаками борьба ожесточеннѣе, чѣмъ съ врагомъ внѣшнимъ». Тамъ тоже ждали утра, чтобы сокрушить «кадетовъ» и идти грабить Новочеркасскъ.

IX.

Утро настало ясное, солнечное. Подмерзшая за ночь степь оттаивала и легкая дымка подымалась надъ черной блестящей землей.

Офицеры обходили свою молодежь и говорили: — «господа, берегите патроны. Мы должны дотянуть ихъ до ночи».

— А если не хватитъ?

— На штыкъ будемъ ждать...

Около полудня со скрежетомъ прилетѣла шрапнель и бѣлымъ облачкомъ разорвалась высоко въ синемъ небѣ. Нѣсколько пуль просвистало надъ окопами и застучали понадъ хуторомъ винтовки красной гвардіи.

Нестройными черными толпами, то сливаясь съ черной развороченной землею, то рѣзко рисуясь на бурой степи, покрытой травою со снѣгомъ, не успѣвшимъ потаять, показались рабочіе и вооруженные крестьяне, сзади на коняхъ ѣздили казаки. Это наступленіе не походило на военное наступленіе, но скорѣе на движеніе облавщиковъ, но вѣдь и противъ нихъ лежали люди, не видавшіе войны и не знавшіе настоящей дисциплины строя.

— Закладай, Пѣтушокъ, ленту, вотъ видишь въ этотъ пазъ, — говорилъ Гришуновъ Пѣтушку, — вотъ такъ, ладно. А сюда протянемъ. Слыхалъ, щелкнуло, ну вотъ пулеметъ и заряженъ.

— Ты только, Гришуновъ, не стрѣляй, — говорилъ Пѣтушокъ, — ближе подпустимъ. Когда совсѣмъ близко будетъ — тарарахнемъ. Они убѣгутъ.

Маленькою покраснѣвшею рукою Пѣтушокъ гладилъ пулеметъ и онъ казался ему живымъ и красивымъ на своихъ низкихъ широко поставленныхъ толстыхъ колесахъ. Точно лягушка сидѣла на степи, распластавъ лапы.

Свистнулъ, положивъ два пальца въ ротъ, офицеръ и скомандовалъ:

— Прицѣлъ четырнадцать! Прямо по цѣпи, огонь рѣдкій по два патрона. Съ праваго фланга... начинай!

— Пулемету можно? — спросилъ Гришуновъ.

— Пропустите десять патроновъ.

— Понимаю, — весело сказалъ Гришуновъ и, обращаясь къ Пѣтушку, заговорилъ: — ну вотъ, гляди, ежели меня ранятъ или убьютъ, тебѣ стрѣлять придется. Здѣсь нажалъ — это значитъ: съ предохранителя на боевой поставилъ. Ну теперь, благословясь, начинаю. Вотъ, гляди, уперъ прикладъ въ плечо, прицѣлъ установилъ: — четырнадцать — на тысячу четыреста, значитъ, шаговъ стрѣлять будемъ — такъ. Сначала пробные выстрѣлы. Ты хорошо видишь? Гляди, гдѣ грязь вспархивать будетъ передъ нимъ, или за нимъ?

Надъ ними свистали пули. Рѣдкій артиллерійскій огонь съ большими промежутками посылалъ въ зимнее синее небо

бѣлые дымки шрапнелей, онѣ лопались въ небѣ, пули частымъ жесткимъ горохомъ разсыпались по полю и долго гудѣлъ улетавшій пустой стаканъ. И пули и шрапнели это были: — раны, мученія и смерть, но партизаны не думали объ этомъ, они еще не понимали опасности.

— Кочетъ, а Кочетъ, — въ полголоса говорилъ долговязый гимназистъ своему сосѣду, пухлому, розовому съ румяными щеками гимназисту, выпускавшему второй патронъ. — Не могу стрѣлять. Павель, а какъ увидалъ на мушкѣ человѣкъ въ черномъ шевелится. И не могу... Вѣдь это... убить его приходится...

— Ничего, Пепа. Со мною то же было. Павелъ, и страшно... Убить... А гляжу — и онъ въ меня цѣлитъ. И страхъ прошелъ. Выцѣлилъ, нажалъ спусковой крючокъ, ружье дернулось, въ плечо ударило. Бо-ольно. Отдача значитъ. Мало прижалъ.

— Попалъ?

— Не знаю. Не видать. Только показалось мнѣ: ихъ пули стали рѣже свистать надъ нами.

— Ты стрѣлялъ раньше?

— Изъ винтовки? Никогда.

— И я тоже.

— Глупости, господа. Ихъ бить надо. Ихъ я не знаю, какъ уничтожать надо, — нервно заговорилъ студентъ съ сѣрымъ землистымъ лицомъ. — На моихъ глазахъ ворвались они въ нашу усадьбу. Мать, старуху, схватили, сестру. Меня спрятали въ полѣнницѣ дровъ, а мнѣ видно и слышно. «Гдѣ, старая», говорятъ, «у тебя спрятаны пулеметы, ружья»... Обыскъ дѣлали, а потомъ сестра въ домѣ такъ страшно кричала, съ полчаса, я думаю... И затихла. Мать вывели. Простоволосую, сѣдую, шатается, бормочетъ что то, какъ сумасшедшая. Ее схватили и въ колодезь бросили... Потомъ несутъ сестру. Въ разодранномъ платьѣ, бѣлая, въ крови вся... Мертвая... и ее туда же... А я, сижу въ дровахъ и думаю — только бы спастись. Не жизнь свою спасти. Она мнѣ теперь ни къ чему. А отомстить... Пепа, дайте ваши два патрона. Я за васъ.

Онъ приложился и выпустилъ два выстрѣла.

— Кажется, попалъ... — хмуро сказалъ онъ.

— Отходятъ! — воскликнулъ Пѣтушокъ. — Бѣгутъ! Эхъ, конницы у насъ нѣтъ! То-то погнали бы!

Противникъ скрылся за домами. Стрѣльба затихла съ обѣихъ сторонъ. Сраженіе кончилось. Партизаны сходились кучками и передавали новости, принесенныя пришедшими подъ утро изъ Новочеркасска людьми.

— Намъ, господа, два дня только бы продержаться, а тамъ — побѣда! У Алексѣева въ Ростовѣ сорокатысячная офицерская добровольческая армія, онъ послалъ въ Бессарабію, оттуда идетъ генералъ Щербачевъ съ чехо-словаками.

— Господа, я самъ видѣлъ въ штабѣ обороны наклеена телеграмма только что полученная Калединымъ: «союзный флотъ прорвалъ Дарданеллы и спѣшитъ къ Новороссійску».

— Спѣшитъ къ Новороссійску!.. Господа, сколько же это будетъ?

— Ну, считай самъ! — Два дня отъ Константинополя до Новороссійска.

— За два дня не дойдутъ.

— Броненосцы то?

— Такъ, поди, съ ними и транспорты съ войсками.

— Черная пѣхота.

— Эти покажутъ краснымъ!

— Вотъ, здорово...

— Нѣтъ, погоди. Скажемъ такъ: четыре дня до Новороссійска. Ну, день на выгрузку — пять. Два дня до Ростова... Еще недѣля... А у насъ по тринадцать патроновъ!

— А добровольцы!

— А чехо-словаки!

Такъ вѣрилось... Такъ хотѣлось вѣрить, что кто то сильный, могучій, взрослый, пошелъ съ ними, дѣтьми, спасать Россію. Такъ не хотѣлось думать, что на всю Россію, что на Россію, на весь крещеный міръ съ его союзниками, нашлось только восемьсотъ юношей, кадетъ, студентовъ и гимназистовъ, принявшихъ на себя славное имя замученнаго Голубовымъ Чернецова и пошедшихъ умирать, какъ тѣ триста спартанцевъ, о которыхъ они учили въ исторіи и писали въ extemporalia на ut и на postquam...*)

Опять, шелестя и коварно шипя, пронеслась шрапнель и лопнула совсѣмъ близко, позади собравшейся группы. И не успѣла молодежь что-либо сообразить, какъ подлѣ нихъ со страшнымъ шумомъ ударила граната, раздался ме-

*) Упражненія на „чтобы" и „послѣ того какъ".

таллическій оглушающій грохотъ разрыва и клубы темнаго вонючаго дыма, комья земли, брызги воды и осколки непріятно шуршащіе полетѣли фонтаномъ вверхъ. Кто то жалобно крикнулъ. Кочетовъ схватился за грудь и упалъ, рука его покрылась густою черною кровью.

— Господа! разойдтись... Въ цѣпь!.. По окопу, — раздался взволнованный голосъ офицера.

— Носилки!..

— Кого... Кого?.. Много? — шептали побѣлѣвшими губами молодые люди.

— Двоихъ убило. Кочетова и Лаврова. Кадету одному ногу оторвало. Онъ и закричалъ. Шапкина въ плечо ранило — и не пикнулъ.

- Какъ незамѣтно подкралась!

- Смотри! Опять идутъ! Густыми цѣпями!

— Прямо по цѣпи! — раздавалась команда, и послѣ пролитой крови она звучала тверже, увѣреннѣе и жажда мести за убитыхъ слышалась въ голосѣ безусаго офицера, — прицѣлъ двѣнадцать! По три патрона! Рѣдко... Начинай.

Суетился Гришуновъ, ему помогалъ Пѣтушокъ. Слышался взволнованный голосъ Гришунова:

— Съ пулемета можно?

X.

Къ вечеру пришедшіе изъ Новочеркасска люди принесли страшныя извѣстія.

Атаманъ Калединъ застрѣлился... Онъ просилъ помощи для Дона у Добровольческой Арміи. Корниловъ отвѣтилъ, что онъ держаться дальше въ Ростовѣ не можетъ и что, если Донъ хочетъ спасаться, онъ долженъ дать ему казаковъ. Приказали генералу Богаевскому дать все, что онъ можетъ на помощь Корнилову. У Богаевскаго нашлось всего восемь казаковъ. Алексѣевъ и Корниловъ рѣшили идти на востокъ, тамъ искать счастья и спасать офицеровъ для будущей Русской арміи.

— Вотъ, господа, — говорилъ блѣдный растерянный юноша въ полушубкѣ и высокихъ сапогахъ — послѣдній номеръ «Вольнаго Дона». Вотъ статья Митрофана Богаевскаго.

...«Плакалъ хмурый, холодный день, а надъ Дономъ «валъ за валомъ медленно ползли свинцовыя сине-черныя «тучи, и не лѣтнія грозы съ теплымъ дождемъ онѣ несли: «зловѣщія, жуткія — тянулись онѣ надъ Дономъ, и сулили «ему горе, смерть и разореніе ... — читалъ студентъ.

— И мы ничего не знали! — взволнованно сказалъ Гришуновъ.

— Читайте, Сетраковъ, — раздались голоса.

— «А эхо страшнаго выстрѣла уже гулко отдавалось «по всему Дону, донскимъ степямъ и рѣкамъ, и ликовалъ «врагъ, и торжествовала буйная казачья молодежь, и лишь «старыя казачьи сердца чутко прислушивались къ этому «эху и недоброе почуяли они: донскіе казаки сами загубили «своего лучшаго рыцаря-казака: перваго выборнаго атамана.

«Протяжно гудитъ старый соборный колоколъ: еще недавно звалъ онъ на вольный кругъ, а теперь, говорятъ, звонитъ онъ по душѣ Атамана Алексѣя Каледина; говорятъ «и другое: что звонитъ колоколъ похоронный звонъ по донскому вольному казачеству.

«А по-надъ Дономъ, въ часъ ночной, тихо рѣютъ тѣни «прежнихъ атамановъ.

«Славныхъ честью боевой.»

«Въ ночь съ 29-го на 30-ое прибавилась еще одна тѣнь, «и алая кровь сочится у нея изъ сердца.

«Это тѣнь атамана-мученика, Алексѣя Каледина»... — все, господа!..

— Но, постойте... Скажите, ради Бога... А союзники, прорвавшіеся черезъ Дарданеллы?..

— Ложь... провокація. Дарданеллы крѣпко въ рукахъ у нѣмцевъ.

— А... а... Чехо-словаки?

— Ничего не слышно.

— Да, сколько... Сколько же у Алексѣева войска въ Добровольческой Арміи?

— Четыре тысячи. Половина больные.

— Это правда?

Молчаніе.

— Господа! Въ цѣпь. Противникъ наступаетъ.

— У насъ одна обойма!

— И она для врага!

— Правильно.

Опустѣли глаза и яркія точки, пламенемъ горѣвшія въ нихъ, погасли. Сурово смотрятъ блѣдныя лица и сдвинулись хмурыя брови и морщины тяжелой думы легли на бѣлые, юные лбы . . . .

«Мама! что-жъ ты не молишься за меня... за насъ!.. Мама, или ты не видишь, что мы уже ничего не можемъ сдѣлать, какъ только умереть для того, чтобы и черезъ двадцать два вѣка говорили о насъ, какъ о тѣхъ трехстахъ Лакедемонянахъ, которые пали въ Ѳермопильскомъ проходѣ, защищая Родину? Но тамъ былъ узкій проходъ, а здѣсь безпредѣльная степь!.. Мама, забыла ты насъ!.. Или, не слышитъ уже Господь Твоей святой молитвы?

«Алексѣевъ ушелъ на востокъ. Куда? На Кубань, въ Астраханскія степи, въ Туркестанъ, въ Индію. А мы?.. Неужели мы бросимъ родную степь и оставимъ все на произволъ судьбы? Тамъ, сзади Новочеркасскъ съ его тихими улицами. Тамъ на Ратной въ семнадцатомъ номерѣ та, которую я такъ люблю... Тамъ въ Маріинскомъ институтѣ сотни нашихъ сестеръ. Тамъ та, съ которой я танцовалъ шестого декабря и которая мнѣ сказала слова ласки... 6-го декабря... А 6-го февраля я долженъ умереть и знать, что съ нею будетъ поступлено, какъ съ сестрою того длиннаго студента съ землистымъ лицомъ, который поклялся мстить... Тамъ, на Барочной, у самаго спуска къ Куричьей балкѣ, живешь ты, моя милая, теплая, ласковая мама со своими заботами о курахъ, о индюкахъ, съ поисками квочки и думами о томъ, переживутъ ли зиму твои прекрасныя персиковыя деревья... Тамъ въ комнатѣ съ блестящимъ поломъ, натертымъ воскомъ виситъ большой фотографическій портретъ отца, убитаго въ ту минуту, когда онъ бралъ австрійскую пушку. Тамъ надъ портретомъ виситъ значекъ сотни, которою онъ командовалъ въ бою и его георгіевскій крестъ. А надъ крестомъ портретъ Императора. Мама! не убирай его и тогда, когда придутъ... Тамъ жилъ дѣдъ, и прадѣдъ построилъ этотъ домъ еще при Платовѣ. Ужели никогда, никогда этого я не увижу, и тѣ черные люди, что наступаютъ теперь въ сгущающемся сумракѣ, овладѣютъ всѣмъ этимъ. А какъ же тогда ты, милая мама, какъ же вы, дама моего сердца съ Ратной улицы

и вы, милая Марiника, сказавшая мнѣ слово ласки? Какъ же корпусъ?.. Месть!.. Месть...»

— Нечестивые возникаютъ, какъ трава, и дѣлающiе беззаконiе цвѣтутъ, чтобы исчезнуть на вѣки...

— Что ты Пѣтушокъ? — отрываясь отъ думъ своихъ, сказалъ Гришуновъ.

— Это дѣда говорилъ. Пусть возникаютъ, какъ травы и пусть цвѣтутъ. Это понимать надо — ибо исчезнуть на вѣки!.. Гришуновъ — намъ приказъ есть отходить... По цѣпи передали. Давай послѣднюю ленту. Теперя они близко.

— Да, безъ прицѣла можно. На постоянномъ.

— Важно.

— А уволокешь пулеметъ то?

— Я то! Два уволоку, не то что одинъ.

— Ишь, какъ бьетъ — вторая пуля подлѣ... Пристрѣлялся... Видитъ.

— И все ничего. А ты по ему. Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Затрещалъ пулеметъ и сразу примолкъ залегшiй въ пятистахъ шагахъ врагъ.

— А не ожидалъ! Ловко!

— Послѣднiе патроны.

— Идемъ, Гришуновъ. Вонъ наши по балкѣ чернѣютъ. Еле видать.

— Хорошо. Волоки пулеметъ. А я ленты соберу, чтобы онѣ непрiятелю не достались.

— Опять палить сталъ, а то было пересталъ.

— Онъ, красногвардеецъ, то трусливый. Вотъ матросы, тѣ побойчивѣе будутъ.

— Матросъ, да казакъ — первые вояки! — горделиво сказалъ Пѣтушокъ.

Черная ночь прикрыла ихъ. Закатъ давно догорѣлъ и справа заволакивала зеленовато черная тьма хрустальное небо и ярко засвѣтилась вечерняя звѣзда. Морозило и чуть потрескивалъ молодой ледокъ подъ ногами уходящей дружины. Сзади всѣхъ, нагоняя, шелъ торопливыми шагами Гришуновъ, весь увѣшанный лентами. Передъ нимъ, согнувшись подъ лямкой, тащилъ пулеметъ Пѣтушокъ. Пули щелкали кругомъ. Иная, сорвавшись на рикошетѣ, долго пѣла въ воздухѣ, уносясь въ темнѣющую даль. Красногвар-

дейцы не посмѣли подняться и преслѣдовать дѣтей-партизанъ, но усилили свой огонь по звуку шаговъ и по тѣмъ темнымъ тѣнямъ, которыя мерещились имъ въ надвигающейся ночи.

— Пѣтушокъ, ты что? Спотыкнулся, что ли?

— Такъ... Точно палкой кто по головѣ ахнулъ.... Больно какъ!.. Свѣта не вижу!..

— Пѣтушокъ! Ты раненъ?

— Н-нѣ... Кажись... совсѣмъ... убитъ...

Гришуновъ постоялъ нѣсколько секундъ надъ убитымъ мальчикомъ. Такъ хотѣлось взять его и унести, чтобы не досталось тѣло его врагамъ. Рука Пѣтушка разжалась и выпустила пулеметную лямку. Это движеніе мертваго тѣла напомнило Гришунову о главномъ его долгѣ. «Обоихъ не унесешь», подумалъ онъ. — «Наши далеко. Эхъ Пѣтушокъ, Пѣтушокъ, спи, дорогой!»

Гришуновъ взялъ лямку и потянулъ пулеметъ по скату балки внизъ, туда, гдѣ слышался удаляющійся шорохъ шаговъ Чернецовской дружины.

На другой день около полудня дружина вошла въ Новочеркасскъ. Никто не встрѣтилъ ее и расходилась она по домамъ въ тяжеломъ сознаніи, что между нею и наступающимъ врагомъ уже никого нѣтъ больше.

9-го февраля на собраніи у вновь избраннаго Атамана Назарова было рѣшено уходить изъ Новочеркасска.

Снова забѣгали дружинники, собираясь въ походъ. Они уже шли не для того, чтобы защищать свои семьи и родные дома, а для того, чтобы спасаться въ широкой безпредѣльной степи.

— Э! Спасаться и здѣсь можно! — говорили многіе и не шли на призывъ своихъ соратниковъ.

12-го февраля, въ 3 часа дня, потянулись черезъ Донъ, направляясь на Старочеркасскую станицу, дружины молодежи, офицеровъ и нѣкоторыхъ старыхъ казаковъ. Съ ними, въ коляскѣ на парѣ лошадей, ѣхалъ сытый, круглый, черноусый генералъ, — вновь избранный походный Атаманъ Поповъ. Всего вышло 1500 человѣкъ, пополамъ пѣхоты и конницы съ пятью орудіями и 40 пулеметами. Это было

все, что дало на свою защиту пятимилліонное населеніе Дона съ нѣсколькими тысячами однихъ офицеровъ.

Атаманъ Назаровъ съ Кругомъ остался въ городѣ безъ всякой охраны.

Въ 5 часовъ дня въ Новочеркасскъ вошелъ Голубовъ, окруженный трубачами и казаками, а за ними черной лентой тянулись толпы матросовъ и красногвардейцевъ.

По городу выкинули красные флаги. Толпы простого народа раболѣпно привѣтствовали новыхъ властителей. Послѣ пятивѣкового свободнаго существованія войско Донское перестало существовать и вмѣсто него народилась «Донская совѣтская республика федеративной соціалистической Россіи» — «Ды-сы-ры-фы-сы-ры» — во главѣ съ неграмотнымъ Подтелковымъ.

Темная ночь спустилась надъ Дономъ. Пьяныя ватаги искали по домамъ «кадетовъ» и убивали ихъ на глазахъ матерей, убивали раненыхъ по лазаретамъ, избивали офицеровъ на улицѣ, казнили Назарова, Волошинова, Исаева, Орлова, Рота и многихъ, многихъ другихъ.

Въ маленькихъ хатахъ вдовы и матери тихо шептали побѣлѣвшими устами молитвы о мужьяхъ и дѣтяхъ своихъ и поминали ихъ и многихъ, многихъ иныхъ мучениковъ «ихъ же имена Ты вѣси». И днемъ, и ночью — у Краснокутской рощи, у вокзала, просто на улицѣ, гремѣли выстрѣлы и жители Новочеркасска знали, что это «самый свободный въ мірѣ народъ» избиваетъ дѣтей и образованныхъ казаковъ.

Кровавый туманъ интернаціонала, носившійся надъ Россіей ползъ по Дону, туманя головы и новыя и новыя могилы росли за кладбищемъ на песчаномъ просторѣ.

....«А по-надъ Дономъ, въ часъ ночной, тихо рѣютъ тѣни прежнихъ атамановъ, славныхъ честью боевой» ...

XI.

Солнечный день. Тепло, пахнетъ весною. Въ голубомъ просторѣ по весеннему заливаются жаворонки. Ночью былъ морозъ, но теперь развезло и по широкому черному шляху, вдоль убѣгающей вдаль линіи телеграфа всюду видны блестящія на солнцѣ лужи и жирныя колеи, полныя водою.

Вдоль шляха, прямо по степи, къ колоннѣ по отдѣленіямъ, круто, молодецки подобравъ приклады и подтянувъ штыки, бодро, въ ногу движется узкая лента людей, одѣтыхъ въ сѣрыя рубахи со скатанными по старому шинелями. Издали глядя на нее, можно забыть, что была въ Россіи революція, что сваленъ, повергнутъ въ грязь и заплеванъ двуглавый орелъ, что избиты офицеры, запоганено сердце Русскаго человѣка и въ толпы грязныхъ «товарищей» обращена доблестная Россійская Армія. Такъ ровно движется широкимъ размашистымъ пѣхотнымъ шагомъ эта колонна, такъ выравнены штыки, такъ одинаковы дистанціи между отдѣленіями и взводами, такъ отбиты рота отъ роты, что сердце радуется, глядя на нихъ.

Не старая Русская пѣсня, солдатская пѣсня, поминающая подвиги дѣдовъ и славу Царскую, но пѣсня новая, недавно придуманная, къ чести и славѣ зовущая, несется изъ самой середины колонны. Не солдатскіе, грубые голоса ее поютъ, но поютъ голоса молодежи, знакомой съ нотами и умѣющей и въ простую маршевую пѣсню вложить музыкальность.

Дружно, Корниловцы, въ ногу!
Съ нами Корниловъ идетъ.
Спасетъ онъ, повѣрьте, отчизну,
Не выдастъ онъ Русскій народъ!
Корнилова носимъ мы имя,
Послужимъ же честно ему.
Мы доблестью нашей поможемъ,
Спасти отъ позора страну!

Въ солдатскихъ рядахъ, съ винтовкой на плечѣ, мѣрно качаясь подъ звуки пѣсни, идутъ Павликъ и Ника Полежаевы, а рядомъ съ ними на мѣстѣ отдѣленнаго начальника Ермоловъ. Обвѣтренныя исхудалыя лица полны рѣшимости и глаза смотрятъ смѣло и гордо. Не у всей роты высокіе сапоги, многіе офицеры-солдаты идутъ въ обмоткахъ, у многихъ разорвались головки и ноги обернуты тряпками. Бѣдно одѣтъ полкъ, но чисто. Каждая пряжка лежитъ на мѣстѣ и отсутствіе однообразія обмундированія восполняется однообразіемъ выправки, шага и одинаковымъ одушевленіемъ молодыхъ лицъ.

Это все, или старые кадровые офицеры, за плечами которыхъ семь лѣтъ муштры кадетскаго корпуса и два года

военнаго училища, или кадеты, или юнкера. Если и попадется въ ихъ рядахъ вчерашній студентъ, то и онъ уже принялъ выправку, онъ уже подтянулся и на весь воинскій обиходъ, включая и смерть и раны, смотритъ такими же простыми ясными глазами, какъ юнкера и кадеты.

Издали, сзади колонны, показался Русскій флагъ, значекъ главнокомандующаго. На легкомъ соловомъ конѣ сидѣлъ загорѣлый, исхудалый человѣкъ съ темными восторженными глазами. Сзади него на некрупной казачьей лошади, въ сѣрой, по кабардински сдавленной спереди, широкой папахѣ, устало опустившись въ сѣдло, ѣхалъ полный генералъ съ сѣдыми волосами, черными бровями и усами надъ маленькой сѣдѣющей бородкой. Онъ лѣниво смотрѣлъ по сторонамъ и изрѣдка гримаса досады прорѣзывала его красивое блѣдное лицо. Это былъ Деникинъ, правая рука Корнилова по организаціи арміи и кумиръ офицерской молодежи послѣ страстной горячей рѣчи въ защиту офицеровъ и арміи, смѣло сказанной имъ на офицерскомъ съѣздѣ. Полный человѣкъ въ короткомъ штатскомъ пальто, со щеками, густо заросшими сѣдою щетиною и съ темными блестящими глазами ѣхалъ въ свитѣ Корнилова — это былъ генералъ Лукомскій... Живописная красивая фигура молодца-текинца офицера, ординарца Корнилова, въ пестромъ халатѣ съ тюрбаномъ чалмою на головѣ рѣзко выдѣлялась среди сѣрыхъ шинелей. Прямой, застывшій въ неподвижной позѣ генералъ Романовскій и рядомъ ласково улыбающійся съ бѣлымъ, какъ у монаха лицомъ и рѣзко оттѣненными черными усами и волосами, полнѣющій, несмотря на лишенія похода, ѣхалъ генералъ Богаевскій, братъ донского Златоуста Митрофана Петровича, семь мѣсяцевъ чаровавшаго Донской Кругъ и Правительство красивыми пѣвучими рѣчами. Нѣсколько офицеровъ на разномастныхъ коняхъ, полусотня донского офицерскаго конвоя и нѣсколько текинцевъ красивой группой сопровождало Корнилова.

Они ѣхали куда то впередъ свободною, просторною рысью, прямо по степи, поросшей бурьянами и ихъ движеніе въ солнечныхъ лучахъ, легкое, стремительное, звало и полки впередъ. Невольно всѣ головы Корниловскаго полка повернулись туда, гдѣ ѣхалъ Корниловъ со свитой и молодые глаза заблестѣли восторгомъ.

— Нашъ Корниловъ! — раздалось по рядамъ.

Онъ велъ ихъ по степной пустынѣ, какъ водили племена и народы, какъ водили войска герои древности. Онъ былъ Моисеемъ, онъ былъ Ксенофонтомъ и врядъ ли Анабазисъ 10000 грековъ въ Малой Азіи былъ труднѣе этого тяжелаго скитанія офицеровъ и дѣтей по Прикаспійскимъ степямъ.

Куда онъ велъ и зачѣмъ?

Въ только что выпущенной декларации Добровольческой Арміи объ основныхъ ея задачахъ Корниловъ писалъ:

«Люди, отдающіе себѣ отчетъ въ томъ, что значитъ ожидать благодѣяній отъ нѣмцевъ, правильно учитываютъ, что единственное наше спасеніе: — держаться нашихъ союзниковъ».

Онъ ненавидѣлъ нѣмцевъ и эту ненависть къ нимъ и онъ, и окружающіе его старались внушить всему составу арміи. Онъ вѣрилъ въ союзниковъ, онъ вѣрилъ, что французы не забыли милліонныхъ жертвъ, принесенныхъ Императорскою Арміею для спасенія Парижа и Вердена, какъ ключа къ Парижу, въ Восточной Пруссіи, на поляхъ Варшавы, въ Галиціи и подъ Луцкомъ. Онъ зналъ, что за эти страшныя пораженія, нанесенныя германской и австрійской арміямъ нѣмцы должны его ненавидѣть, а союзники должны ему помочь. Онъ не сомнѣвался въ побѣдѣ союзниковъ надъ нѣмцами и въ помощи ихъ Россіи. Его цѣль была сберечь до этого великаго дня ядро Россійской Арміи, чтобы вмѣстѣ съ союзниками возстановить Россію и порядокъ, который онъ хотѣлъ водворить въ августѣ, когда шелъ арестовать Керенскаго.

На западѣ были нѣмцы. Они заключили въ Брестѣ миръ съ главковерхомъ Крыленко и евреи Іоффе и Караханъ продавали имъ Россію. Они методично и безпрепятственно входили въ вѣковыя Русскія земли, они занимали Псковъ, угрожая Петербургу, они входили въ Украину и приближались къ Донскому войску.

Тогда, когда Крыленко отдалъ приказъ: — «съ казаками борьба ожесточеннѣе, нежели съ врагомъ внѣшнимъ» — Корниловъ смотрѣлъ на большевиковъ съ ихъ Крыленками, Іоффе, Бончъ-Бруевичами, Троцкими и Ленинымн лишь, какъ на орудіе нѣмцевъ и полагалъ главную борьбу не съ ними, а съ нѣмцами. Большевиковъ онъ разсматривалъ только, какъ измѣнниковъ, измѣнившихъ Россіи и предававшихъ

ее врагу, а потому подлежащихъ простому уничтоженію, какъ уничтожается на войнѣ всякій, предавшійся врагу. Корниловъ понималъ, что съ четырьмя тысячами офицеровъ и юнкеровъ, плохо вооруженныхъ, обремененныхъ громаднымъ обозомъ съ больными и ранеными, съ гражданскими бѣженцами, онъ не можетъ воевать съ Германской императорской и королевской арміей и онъ уходилъ туда, гдѣ бы можно было спокойно отдохнуть, оправиться и выждать побѣды союзниковъ, ихъ настоящей помощи и отрезвленія Русскаго народа. Онъ шелъ отъ нѣмцевъ. Нѣмцы шли съ запада — онъ шелъ на востокъ. Никто не зналъ его плановъ, никого онъ не посвящалъ въ свои вечернія думы, когда гдѣ-либо въ маленькой казачьей хатѣ, разложивъ карту на столѣ и засвѣтивъ свѣчу онъ смотрѣлъ на нее узкими косыми блестящими глазами. Передъ нимъ открывался тотъ широкій проходъ изъ Азіи въ Европу, по которому двигались войска Тамерлана, по которому шелъ Чингисъ-Ханъ. Годы молодости вспоминались ему, пустыни и горы красиваго знойнаго Семирѣчья, полный поэтической грусти Ташкентъ, земной рай — благодатная Фергана и волшебная сказка міра пестрая Индія. Все это ему съ дѣтства было знакомо. Все это было родное ему. Тамъ онъ могъ соединиться съ англичанами и образовать съ ними вмѣстѣ новый восточный фронтъ, выдвинувшись къ Уральскому хребту, къ Волгѣ. О! все равно гдѣ, но только драться съ нѣмцами и побѣдить, побѣдить ихъ во что бы то ни стало!

Онъ не вѣрилъ солдатамъ и мало вѣрилъ казакамъ. Онъ помнилъ, какъ казаки III коннаго корпуса и туземцы предали его Керенскому, онъ помнилъ, какъ въ Быховѣ солдатская толпа кидала въ него камнями и грязью и осыпала ругательствами. Онъ прошелъ Голгоѳу крестнаго пути Русскаго офицерства, а такія вещи не забываются и не прощаются. Онъ вѣрилъ только въ офицеровъ. Онъ считалъ, что желѣзною рукою безпощадной мести и расправы со всѣми измѣнниками только и можно возстановить порядокъ, заставить повиноваться сѣрое безсмысленное стадо казаковъ и солдатъ и спасти Россію. А для этого надо было ждать гдѣ-то, гдѣ бы можно было ждать, или того времени, когда союзники придутъ къ нему на помощь или самому искать этихъ союзниковъ — въ Персіи, въ Индіи,

угодно. Вся Ставка его была на союзниковъ и до дня инения съ ними надо было во что бы то ни стало спа- и сохранить ядро Россійской арміи: — ея офицеровъ. Уже давно въ сизомъ маревѣ дымящейся весенними ренiями степи исчезъ и растаялъ значокъ Русскій и ппа всадниковъ стала казаться темнымъ пятнышкомъ ю колонны авангарда, а Ермоловъ все смотрѣлъ востор- ными глазами вдаль, и ему все казалось, что онъ ви- › смуглое, загорѣлое, съ узкими прищуренными глазами, бываемое лицо, низко опущенные на губы темные усы гкую посадку этого маленькаго человѣка.

Онъ вѣрилъ, какъ вѣрили и всѣ окружающіе его офи- полка, что Корниловъ спасетъ Россію. Можетъ быть ою ихъ молодыхъ жизней, — это все равно, — но спа- › ее.

И, какъ бы отвѣчая на его мысли, въ первомъ взводѣ одой сильный голосъ завелъ Добровольческую пѣсню:

Вмѣстѣ пойдемъ мы
За Русь святую!
И всѣ прольемъ мы
Кровь молодую!
Близко окопы...
Трещатъ пулеметы...

«Какъ спасетъ Корниловъ? Корниловъ это знаетъ. Онъ гъ»..., думалъ Ермоловъ. «Вѣдь не можетъ же быть, бы вѣчно Русскіе люди были звѣрями. Вѣдь были же го, тогда, подъ двуглавымъ орломъ, въ Морочненскомъ у, эти славные милые люди. Развѣ не онъ приходилъ ю въ окопы и видѣлъ коченѣющаго на стужѣ часового, яженно глядящаго вдаль. Онъ говорилъ ему — «Бай- , я пошлю тебѣ смѣну!» — и слышалъ бодрый отвѣтъ: ничего, ваше благородіе, достою и такъ!» — Развѣ не разсказывалъ убитый солдатами же Козловъ о по- ѣ Желѣзкина въ бою подъ Новымъ Корчинымъ. Что сталось съ ними? Куда же дѣвались они? Они съума ли, они одурѣли отъ рѣчей, нелѣпыхъ приказовъ, из- емыхъ штатскими главковерхами, отъ митинговъ и съѣз- , ихъ, какъ быковъ, разъярили красными знаменами. когда увидятъ они родной Русскій бѣло-сине-красный гъ — они поймутъ значеніе Россіи и вернутся къ нимъ. ъ, — впереди, — какъ говорятъ жители, окопались про-

тивъ нихъ полкъ 39-й пѣхотной дивизіи и штабъ артиллерійской бригады. Вѣдь не встрѣтятъ же они, эти солдаты, уставшіе отъ боевъ на Кавказскомъ фронтѣ, ихъ огнемъ. Придутъ переговорщики, они переговорятъ, узнаютъ благородныя цѣли Корнилова, увидятъ его, а когда увидятъ, они не смогутъ не полюбить его и они сольются съ нами. И такъ отъ села къ селу, увеличиваясь въ ростѣ, будетъ возстановляться старая Русская Армія и постепенно завернетъ на сѣверъ и вдоль по Волгѣ, по историческому Русскому пути, пойдетъ освобождать Россію отъ насильниковъ большевиковъ.»

Молодой хоръ уже подхватилъ запѣвъ и дружно раздавалась по широкой степи, отвѣчая мыслямъ Ермолова лихая пѣсня:

Вмѣстѣ пойдемъ мы
За Русь святую!

Какъ снѣжный комъ будетъ расти Русская Армія, возстановляться старые полки съ ихъ вѣковыми боевыми рыцарскими традиціями.»

«А что замѣнитъ алое знамя грабежа, насилія и крови?»
«Учредительное собраніе... Республика...»

И всѣ прольемъ мы
Кровь молодую!

гремѣлъ хоръ.

«За Учредительное Собраніе? За Республику?»

Близко окопы...
Трещатъ пулеметы...

— Строй взводы! — слышна впереди команда. Рядъ сѣрыхъ спинъ, почернѣвшихъ отъ пота заслоняетъ горизонтъ и то мѣсто, гдѣ видиѣлось темное пятнышко на степи: — Корниловъ со свитой. Второе отдѣленіе, твердо отбивая ногу, подходитъ вплотную къ Ермолову. У правофлангового пожилого капитана съ узкимъ и плоскимъ лицомъ глаза смотрятъ сосредоточенно вдаль и въ нихъ застыло величаво молчаливое ожиданіе боя и смерти. Онъ коснулся своимъ локтемъ локтя Ермолова и они пошли рядомъ.

— Поротно! въ двѣ линіи! — кричитъ офицеръ, ѣдущій на маленькой крестьянской лошадкѣ, а самъ слушаетъ, что говоритъ ему, не отрывая руки отъ козырька, съ аффектиро-

инымъ чинопочитаніемъ, подлетѣвшій къ нему на статомъ конѣ молодой кавалерійскій офицеръ.

Оттуда, гдѣ было на степи пятно Корниловской свиты гдѣ тоненькой змѣйкой вилась колонна авангарднаго пол, послышались рѣзкіе короткіе удары одиночныхъ ружейыхъ выстрѣловъ и конный полкъ рысью пошелъ влѣво, даляясь отъ дороги.

Думать было нѣкогда, надо было дѣйствовать.

XII.

Военный глазъ ожидалъ за стройными колоннами пѣоты увидать маленькіе аккуратные патронные ящики съ расными флажками на нихъ, за ними длинный рядъ ларетныхъ двуколокъ съ бѣлыми навѣсами и алымъ кресомъ, потомъ двуколки и небольшое число парныхъ повоокъ штатнаго обоза, строго выравненныхъ, сопровождаемыхъ жидкою цѣпью обознаго караула, но вмѣсто этого ъ видѣлъ за маленькими частями арміи, не превышавшей исленностью пѣхотнаго полка военнаго времени, цѣлое оре въ нѣсколько сотъ повозокъ. Запряженныя крестьянкими и казачьими лошадьми, круторогими сѣрыми громадными волами, гдѣ въ два, гдѣ въ три ряда, по широкому ляху и прямо по степи онѣ медленно тянулись за полами и даже не военному наблюдателю становилось ясно, то обозъ съѣдалъ армію и не обозъ былъ для арміи, а арія была для обоза, служила его прикрытіемъ.

Около половины повозокъ были заняты ранеными и ольными добровольцами, вывезенными изъ Ростова. Корниловъ не позволилъ оставить въ Ростовѣ на «милость побѣдителей» ни одного офицера, ни одного солдата своей рміи. Всѣ знали, что «милость побѣдителя» — были издѣвательства, мученія и лютая смерть.

При нихъ, пѣшкомъ, на подводахъ, или верхомъ двиались чины врачебнаго персонала и сестры милосердія. дні были одѣты по формѣ, съ передниками съ алыми кретами, другія были въ своихъ шубкахъ, пальто и городскихъ ляпкахъ. Съ ними ѣхали жены, сестры и дѣти офицеовъ, которыхъ тоже нельзя было бросить, такъ какъ и ихъ жидали издѣвательства и смерть.

Всѣмъ этимъ громаднымъ транспортомъ завѣдывалъ, волнуясь и сердясь, высокій, исхудалый, бритый, безъ усовъ и бороды, человѣкъ, съ издерганными нервами, страдающій ранами и болями каждаго офицера и не находящій себѣ покоя. Это былъ Алексѣй Алексѣевичъ Суворинъ, авторъ книги „О новомъ человѣкѣ“, вѣрящій въ индійскую мудрость и не могшій вмѣстить всей простоты ужаса войны, человѣческихъ мученій и смерти.

При обозѣ, въ извозчичьей пролеткѣ, обложенный кульками и чемоданами съ французскою казною, ѣхалъ исхудалый и сморщившійся иниціаторъ созданія Добровольческой Арміи — генералъ Алексѣевъ. У него были свои думы и свои планы кампаніи. Онъ тоже вѣрилъ въ союзниковъ, но его вѣра не была такъ страстна и сильна, какъ у Корнилова. Его уже постигли разочарованія. Онъ видѣлъ равнодушіе къ судьбамъ Россіи и эгоизмъ чехо-словаковъ, онъ видѣлъ, какъ милліонеры и тузы Ростова жертвовали рубли, приберегая милліоны для встрѣчи побѣдителей, онъ перенесъ всю горечь отказа Каледина дать изъ складовъ обмундированіе и снаряженіе для добровольцевъ. Онъ понималъ, что Калединъ былъ связанъ по рукамъ и по ногамъ Правительствомъ и кругомъ, гдѣ шумѣлъ безпринципный Агѣевъ и гдѣ большинство держалось мудраго правила: — пригребай къ своему берегу, — но простить этого Каледину онъ не могъ.

Алексѣевъ менѣе враждебно смотрѣлъ на нѣмцевъ и думалъ уже, что все равно, кто бы ни помогъ Россіи и ея добровольческой арміи, лишь бы помогъ.

Онъ думалъ о Кубани и казачествѣ. Прилежный ученикъ Академіи, онъ считалъ, что база будущей Россіи гдѣ то, въ пространствѣ безпредѣльныхъ степей Азіи и даже Индіи невозможна. Онъ не искалъ рукавицъ кругомъ себя, когда онѣ были за поясомъ. Ѣдучи въ обозѣ, бесѣдуя по стариковски со стариками казаками и въ Ольгинской, и въ Хомутовской, и въ Кагальницкой, и въ Мечетинской — онъ убѣждался, что казачество въ корнѣ своемъ было противъ большевиковъ. Если въ Ольгинской ихъ провожали выстрѣлами, а подъ Кагальницкой былъ и цѣлый бой, въ которомъ казаки позорно держали нейтралитетъ, то это было поверхностное озорство, принесенное строевыми казаками съ фронта, усталость и боязнь сѣрой, тупой и жестокой

солдатской массы. Алексѣевъ полагалъ создать базу на Кубани и на Дону, а тамъ, что Богъ дасть. Москва и Ростовъ, союзники и чехо-словаки не исполнили своихъ обѣщаній. Армія должна была опереться на населеніе и такимъ населеніемъ Алексѣеву казалось казачество съ его тучными плодородными землями. И путь свой Алексѣевъ держалъ опредѣленно: — на Екатеринодаръ. Но такъ же, какъ и Корниловъ, ни думъ своихъ, ни плановъ онъ никому не говорилъ.

Кромѣ раненыхъ и семей офицеровъ-добровольцевъ, въ обозѣ, въ экипажахъ, дрендулетахъ, на линейкахъ, на подводахъ, а кто и пѣшкомъ шли всѣ тѣ, кто боялся остаться въ Ростовѣ и Новочеркасскѣ, опасаясь мести большевиковъ за прошлую политическую дѣятельность, кто бѣжалъ отъ кроваваго ужаса Петербурга, Москвы, Харькова и Кіева на Донъ, а съ Дона, при приближеніи большевиковъ, былъ готовъ бѣжать куда угодно, лишь бы быть въ привычномъ обществѣ, лишь бы не быть принужденнымъ жить по указкѣ хама. На подводѣ ѣхалъ со своею семьею членъ четырехъ Государственныхъ Думъ и председатель двухъ М. В. Родзянко, шли и ѣхали многіе изъ тѣхъ, кто въ кровавые дни «безкровной» мартовской революціи своими рѣчами и статьями валилъ Россійскую Императорскую Армію, поносилъ офицеровъ, а теперь примазался къ добровольцамъ, превозносилъ доблесть ихъ подвига и пѣлъ гимны бѣлизнѣ и чистотѣ идеи добровольческой арміи.

XIII.

Хмурымъ февральскимъ вечеромъ, когда одна часть Ростова, платя бѣшеныя деньги за подводы и сани, вдругъ устремилась на мостъ черезъ Донъ, а другая торопливо развѣшивала запрятанные красные флаги, остатки празднованія «великой безкровной», когда махровымъ цвѣтомъ стали распускаться подлость и предательство, когда по Аксайскому тракту печально уходили небольшія дружины добровольцевъ, а по предмѣстью вспыхивала неизвѣстно кѣмъ поднятая ружейная стрѣльба, Оля Полежаева, проводивъ братьевъ, вышла на улицу съ небольшою котомкою за плечами.

Въ сѣромъ маревѣ клубящихся туманомъ зимнихъ сумерокъ тускло маячили тѣни уходящихъ полковъ. Глухо слышался мѣрный топотъ ногъ и тяжелое громыханіе немногихъ пушекъ. Оля пошла за ними. За эти дни скитаній по Россіи она усвоила широкій, свободный, вымаханный шагъ, научилась разворачивать носки, чтобы не скользить на липкой черноземной грязи. Не походъ ее страшилъ. А страшило то, что башмаки отказывались служить, что на подошвѣ появились предательскія дырки, въ которыя набивались снѣгъ и грязь. Куда идутъ? Сколько впереди предстоитъ похода? Никто не зналъ... Оля шагала по тротуару, стараясь не терять изъ вида колонны, гдѣ шли ея братья. Но вскорѣ всю улицу запрудили повозки обоза. Поперегъ шелъ какой то госпиталь. Мимо Оли, загораживая ей путь, тянулись низкія обывательскія подводы и въ нихъ видны были молчаливо лежащія фигуры съ забинтованными бѣлымъ головами. Потомъ проѣхало нѣсколько извозчиковъ. Пьяный офицеръ обнималъ на одномъ изъ нихъ какую то женщину и что то хрипло кричалъ, за ними тянулись подводы съ вещами. Оля съ удивленіемъ увидѣла пьянино, стоявшее поперегъ подводы и мягкіе стулики съ позолотой, наваленные за нимъ. Прошла пѣшкомъ чья то семья. Господинъ въ барашковой шапкѣ колпакомъ съ дамой въ жакетѣ вели двухъ маленькихъ дѣтей. Дама плакала и говорила — «ни за что, ни за что! лучше погибнемъ въ степи!»

Оля нѣсколько разъ порывалась пройдти черезъ потокъ подводъ, но всякій разъ новое препятствіе преграждало ей путь.

Проѣхалъ рысью офицеръ и кричалъ на подводы, чтобы онѣ скорѣе ѣхали. Сумерки сгустились. Тускло мерцали рѣдкіе фонари по Нахичевани. Оля совсѣмъ потеряла направленіе, по которому идти и первый разъ страхъ закрался въ ея душу. Шли по всѣмъ улицамъ и трудно было разобрать, куда надо идти изъ обширнаго города. Широкая телѣга, запряженная ладною вороною лошадью, остановилась передъ нею. При тускломъ свѣтѣ скупо горящаго фонаря Оля увидала, что подвода завалена чемоданами и увязками, что на ней сидитъ какая то дама въ шляпкѣ и платкѣ и рядомъ офицеръ въ чистой шинели съ

блестящими погонами, а лошадью правитъ студентъ въ черномъ пальто съ повязкой Краснаго Креста на рукавѣ.

Оля несмѣло подошла къ нимъ.

— Господа, — сказала она дрожащимъ голосомъ, — вы куда ѣдете?

Дама и офицеръ смотрѣли на нее и ничего не отвѣчали. Студентъ придержалъ хотѣвшую тронуть лошадь и отвѣтилъ.

— За арміей... А вы куда?

— Ахъ Боже мой! — воскликнула Оля. — И мнѣ нужно за арміей. У меня тамъ два брата. Я съ ними. Изъ Петербурга.

То, что она упомянула Петербургъ, произвело впечатлѣніе на офицера и его спутницу и они переглянулись.

— Вы кто же будете, моя милая? — снисходительно спросила дама.

— Я — Полежаева, Ольга, дочь камеръ-юнкера.

Оля за этотъ годъ существованія свободной Россійской республики, гдѣ чины и сословія были уничтожены, научилась цѣнить и понимать все значеніе придворнаго званія своего отца.

— А... — сказалъ офицеръ, — это тѣхъ Полежаевыхъ, у которыхъ своя дача въ Царскомъ селѣ.

— Да, — сказала Оля, — на Павловскомъ шоссе.

— Садитесь, мы васъ подвеземъ, — сказалъ офицеръ.

Оля взобралась на подводу и устроилась рядомъ со студентомъ, лицомъ къ офицеру, спиною къ лошади.

Сначала молчали. Оля смотрѣла на сытое холеное лицо офицера, на его новенькую, видно здѣсь въ Ростовѣ сшитую, или купленную шинель съ добровольческой трехцвѣтной нашивкой и не понимала, почему онъ не идетъ тамъ же, гдѣ шли ея братья, гдѣ шелъ Ермоловъ и всѣ другіе офицеры.

Поздно ночью размѣщались въ Аксайской станицѣ. Спутники Оли пригласили ее пить чай. Офицеръ представился ей и представилъ ее своей дамѣ. Онъ былъ поручикомъ N-го гусарскаго полка Дмитріемъ Дмитріевичемъ Катовымъ.

— Адъютантъ генерала Пестрецова, — гордо сказалъ онъ. — Гдѣ то онъ? Говорятъ разстрѣлянъ. Я оставилъ его еще въ іюлѣ прошлаго года, когда поѣхалъ лечиться въ Кисловодскъ. — Вѣра, — обратился онъ къ дамѣ, —

Ольга Николаевна Полежаева знала нашего милаго Якова Петровича.

Ночевали въ одной избѣ. Студентъ, по фамиліи Погорѣльскій, имени его никто не зналъ, былъ на всѣ руки мастеръ. Онъ ходилъ за лошадью, онъ наставлялъ самоваръ, ублажалъ разморившуюся Вѣру Митрофановну, услуживалъ Катову и бѣгалъ въ сосѣднія избы перевязывать раненыхъ. Онъ былъ медикъ второго курса и горѣлъ желаніемъ всего себя отдать на помощь ближнимъ.

На утро выступили, какъ знакомые, и казалось естественнымъ, что у Оли есть свое мѣсто на собственной подводѣ Катовыхъ, что Погорѣльскій неумѣло запрягалъ и уже въ упряжи поилъ сытую круглую лошадь, что онъ таскалъ тяжелыя увязки, а Катовъ сидѣлъ на крылечкѣ казачьей хаты и меланхолично курилъ папиросу, пуская кольца дыма къ синѣющему на востокѣ небу...

XIV.

Дорогой Катовъ спорилъ съ Погорѣльскимъ. Онъ говорилъ ему въ спину, а смотрѣлъ прямо въ лицо Оли, въ ея каріе, огнемъ горящіе глазки и на прочную упругость ея загорѣлой, покрытой пушкомъ щеки.

Гдѣ то въ отдаленіи мѣрнымъ ритмомъ звучала пѣсня добровольцевъ и Олѣ хотѣлось ее слушать, а Катовъ говорилъ, стараясь обратить на себя вниманіе Оли.

— Странно, Погорѣльскій, — говорилъ онъ, мы оба интеллигенты, вы моложе меня, медикъ, а я студентъ юристъ, случайно сдѣлавшійся офицеромъ, и все таки мы другъ друга не понимаемъ? Въ большевизмѣ есть своя правда, ее надо только уловить.

— Какая ужъ, Дмитрій Дмитріевичъ, правда. Достаточно мы повидали ихъ въ Ростовѣ. Одинъ разбой и дикость, — не оборачиваясь отъ лошади сказалъ Погорѣльскій.

— Э, нѣтъ, нѣтъ... Вы знаете... Конечно, Ленинъ и Троцкій это не то... Это случайность. Но никогда Россія не вернется къ старому. Я знаю хорошо мужика и народъ. Ему эти капитанъ-исправники и урядники осточертѣли. Русскій народъ — загадка. Онъ еще свое слово скажетъ.

Молодая нація и потому здоровая. Затрещитъ старушка Европа, когда услышитъ это слово, — говорилъ Погорѣльскій, любуясь самъ собою и своимъ либерализмомъ.

— Это что говорить! Громить умѣемъ, какъ никто. Пустое мѣсто оставимъ отъ культуры и подсолнухами заплюемъ, — хмуро сказалъ Погорѣльскій.

— Э... тэ, тэ... Нѣтъ, батюшка, — старый міръ отжилъ свой вѣкъ и большевизмъ это муки рожденія новаго. Все новое: — мораль новая, государственный строй новый, все, все, языкъ, буквы, стихосложеніе, искусство: архитектура, живопись, скульптура, музыка, танцы — всѣ старыя музы на смарку. Состарилась матушка Терпсихора, сѣды волосы у Кліо — на покой, милая, въ богадѣльню... Вотъ, какъ я понимаю углубленіе революціи.

— Да вѣдь, Дмитрій Дмитріевичъ, новаго то ничего не придумаешь. Міръ старъ и исторія повторяется. Не на головахъ же ходить.

— А почему нѣтъ?.. — горячо воскликнулъ Катовъ. — Не прямо, понятно, на головахъ, но всетаки послушайте: куда годится теперь христіанская мораль?

— А какъ же безъ нея то?

— Масонство... Или, напримѣръ, сатанизмъ. Поклоненіе дьяволу... Или вотъ еще это таинственное поклоненіе дада, дадаизмъ. А? Что? Не слыхали?

— Нѣтъ, не слыхалъ. Да вы то знаете развѣ?

— Положимъ, не знаю. А только. Новое. Я понимаю это стремленіе къ уничтоженію государства: — весь міръ, все человѣчество — государство.

— Да вѣть это не впередъ, а назадъ, — сказалъ Погорѣльскій.

— Какъ такъ?

— Ну, конечно, обращеніе въ животныхъ, у животныхъ тоже государствъ нѣтъ, — сказалъ Погорѣльскій.

— Мы уже часть пути прошли, — съ увлеченіемъ говорилъ Катовъ. — Поставьте рядомъ «Явленіе Христа народу» Иванова, или Брюлловское «Разрушеніе Помпеи» съ «Убійствомъ сына Иваномъ Грознымъ» Рѣпина и вы поймете, что отсюда шагъ — и мы подойдемъ къ декадентамъ, а потомъ и къ кубизму.

— Большой шагъ, — сказалъ Погорѣльскій.

— А эти новые поэты! А эти слова. Мы начали: главковерхъ, комкоръ, начдивъ, — они продолжили: — совдепъ, совнаркомъ, исполкомъ, — ей Богу, будущее принадлежитъ языку короткому. Цѣлыя фразы будутъ лѣпиться изъ нѣсколькихъ буквъ.

— Сумасшествіе...

Олю оскорбляли эти нелѣпыя мысли съ оправданіемъ большевиковъ, а, главное, взгляды нездороваго любопытства, которыми шарилъ по ней Катовъ.

Кругомъ была покрытая снѣгомъ степь и въ ясномъ морозномъ воздухѣ, пропитанномъ золотомъ солнечныхъ лучей гулко и звонко раздавался шумъ идущаго войска. Оля видѣла вдали Русскій флагъ Корнилова, видѣла группы всадниковъ, темныя колонны идущихъ полковъ и ея сердце трепетало отъ любви къ той Арміи, надъ которой витали святыя для нея эмблемы Родины. Катовъ былъ ей непонятенъ. Офицеръ, но почему не въ строю? Офицеръ, но почему его рѣчь такая странная, не офицерская?.. Онъ оказалъ ей пріютъ и гостепріимство, но почему онъ ей противенъ и она боится и презираетъ его?

Она старалась, чтобы въ узкомъ кузовѣ подводы ея платье не касалось его, чтобы колѣни ихъ не сталкивались. Она жалась къ его женѣ. Вѣра Митрофановна молчала. Оля думала, что за взгляды, что за понятія у этого офицера, да и офицеръ ли онъ? Какъ попалъ онъ туда, куда шли только тѣ, для кого Родина была выше всего?

Она подняла свои большіе глаза и, глядя прямо въ лицо Катову, спросила его:

— Почему вы, Дмитрій Дмитріевичъ, пошли въ Добровольческую Армію?

— Я не пошелъ въ нее, а меня пошли въ нее, засмѣявшись сказалъ Катовъ. Я еще никуда не записался. Я пока никто. Но, судите сами, куда же мнѣ было дѣваться?

Оля не сказала ничего.

На ночлегѣ, Катовъ вытащилъ гитару и запѣлъ такъ странно звучавшій въ обстановкѣ казачьей хаты и военнаго бивака сладострастный романсъ. Оля встала и направилась къ двери.

— Вамъ не нравится мое пѣніе, Ольга Николаевна, — сказалъ Катовъ.

Оля не отвѣчала. Она точно не слыхала вопроса. Катовъ повторилъ его.

Ясные глаза Оли повернулись на Катова. Она точно въ первый разъ замѣтила высокій ростъ и статную фигуру хорошо одѣтаго поручика.

— Скажите, пожалуйста, Дмитрій Дмитріевичъ, — сказала она, — почему вы не въ строю?

— Я еще не разобрался въ политическихъ настроеніяхъ полковъ и потому не избралъ, куда мнѣ идти, — отвѣчалъ Катовъ.

— А! — сказала Оля и взялась за дверъ.

— А потомъ у меня порокъ сердца. Міокардитъ. Я не могу служить, — договорилъ Катовъ.

Оля проворно вышла изъ хаты. Ей было душно. Сердце шибко колотилось въ груди.

XV.

Свѣжій морозный вѣтеръ дулъ со степи. Солнце ярко блестѣло на замерзшихъ лужахъ, на далекой рѣчкѣ, прихотливо извивающейся по балкѣ, поросшей кустарникомъ. Каждый клочокъ не стаявшаго снѣга говорилъ о прошедшей зимѣ и отъ свѣжести вѣтра пахло весною.

Оля почему то вспомнила такой же свѣжій, съ морозомъ, вѣтеръ въ старомъ Петербургѣ. Только тамъ это бывало лишь въ мартѣ, когда во всѣ нѣмецкія булочныя прилетали жаворонки. Одни большіе, съ распластанными крыльями и длинными хвостами, съ маленькими головками и глазами изъ коринки — пятикопѣечные, другіе маленькіе, съ восьмеркой изъ тѣста вмѣсто туловища — полуторакопѣечные. Съ войны ихъ не было. Нѣмецкія булочныя закрылись. Въ Петербургѣ въ эти утренніе часы было тихо и печально. Не нарушая тишины, но подчеркивая ее, звонилъ великопостный перезвонъ. На широкой Кабинетской улицѣ было пустынно. Лужи подмерзли, черныя съ бѣлыми пузырями, и такъ славно хрустѣли, когда наступишь на нихъ каблучкомъ. Оля ходила такими утрами въ монастырское подворье на углу Кабинетской и Звенигородской, поднималась во второй этажъ въ маленькую церковь. Сумрачно смотрѣли со стѣнъ иконы, быстро читалъ часы

[illegible]ъ, а въ окна лились солнечные лучи и въ открытую [illegible]ку слышалось чириканье воробьевъ, гулъ и звонки [illegible] и цоканье копытъ по обнаженной мостовой. Вых[illegible] старый іеромонахъ въ черной рясѣ и тускло блест[illegible] серебромъ эпитрахили и слышались смиренныя слова [illegible]поди и Владыко живота моего!» Тогда не цѣнила Ол[illegible] тишину, эту ясную радость весны, утра, мороза и со[illegible], темной церкви и тихой молитвы.

[illegible] все это теперь? Кто отнялъ все это? И весну, и солн[illegible] вѣтеръ, обжигающій поцѣлуями степи отнялъ, — пот[illegible] что не до того теперь.»

Гу[illegible] и часто гудятъ пушки. И совсѣмъ недалеко отъ обоза. [illegible]озъ стоитъ въ степи, растянувшись по бугру и вѣтеръ треплетъ бѣлые флаги Краснаго Креста. Степь пологимъ скатомъ спускается къ рѣчкѣ и ясно видны: степная рѣчушка, подернутая тонкимъ льдомъ, противоположный берегъ балки, узкая гребля черезъ рѣку. и за нею, колеблющееся въ туманѣ утра широко раскин[illegible]шееся село съ бѣлыми мазанками хатъ съ соломенными и желѣзными крышами, какъ паутиной обтянутыми тонкимъ переплетомъ вѣтвей фруктовыхъ садовъ и высокихъ пирамидальныхъ тополей. Выстрѣлы большевистской артиллеріи раздаются изъза села и оттуда, гудя, несутся снаряды и лопаются надъ пологимъ скатомъ.

Въ маревѣ дали, пронизанной золотомъ солнечныхъ лучей, покрытой легкимъ паромъ, поднимающимся отъ земли, маячатъ темныя фигуры жидкой цѣпи добровольческихъ ротъ. Добровольцы идутъ, равняясь и издали кажется — въ ногу, не ложась. Они не стрѣляютъ. То тутъ, то тамъ, надъ ними и сзади вспыхиваютъ веселыми бѣлыми шариками дымки разрывающихся шрапнелей. Отъ села трещитъ пулеметъ, два пулемета работаютъ надъ греблей у дорожнаго моста и надъ всѣмъ селомъ тарахтятъ, не смолкая, ружья.

У обоза, вылѣзши на бугоръ, поднимаясь на носки, прикрывая глаза отъ солнца щиткомъ ладони смотрятъ вдаль женщины, старики, дѣти. Раненые привстали на телѣгахъ и смотрятъ все туда же, гдѣ наступаютъ на село ихъ братья, мужья, отцы и сыновья. Катовъ, взобравшись на телѣгу, глядитъ въ бинокль и восторженнымъ голосомъ передаетъ о томъ, что видитъ. Недалеко отъ него стоятъ Оля и Пого-

рѣльскій. Они только что перевязали раненаго въ плечо добровольца и онъ затихъ, лежа на землѣ подъ шинелью.

Шагахъ въ тридцати отъ Оли, стоитъ маленькая группа. Оттуда доносятся воркующіе мягкимъ баскомъ слова молитвы и истерическіе вопли. Возчики обоза принесли туда двухъ убитыхъ добровольцевъ и тамъ мать плачетъ надъ сыномъ и вдова надъ убитымъ мужемъ. И плачь, и слова молитвы, и накрытые шинелями покойники, которыхъ сейчасъ будутъ хоронить безъ гробовъ, въ черной землѣ глухой степи, съ которыхъ снимутъ сапоги и тѣ части одежды, которыя уцѣлѣли, потому что онѣ нужны живымъ, придають особенную значительность ровному и быстрому, молчаливому движенію добровольческихъ цѣпей.

— Хорошо идутъ! — говорилъ Погорѣльскій. Не стрѣляютъ.

— Стрѣлять нельзя, — слабымъ голосомъ отзывается лежащій доброволецъ, — у насъ всего по тридцати патроновъ роздано... Возьмемъ и такъ! — со вздохомъ говоритъ онъ.

— Что, очень больно? — спрашиваетъ Оля.

— Больно, ничего, — поднимая на Олю большіе лихорадочные глаза говоритъ доброволецъ. — Обидно, что меня тамъ не будетъ когда наши село брать будутъ. Я бы имъ задалъ, негодяямъ, христопродавцамъ!

— Къ рѣкѣ подходятъ, — восторженно говоритъ Катовъ. — Ледъ то, поди, тонкій, какъ переходить будутъ.

— Ахъ, упалъ одинъ, — болѣзненно сжимая руку Оли, вскрикиваетъ Вѣра Митрофановна.

— И то упалъ, — раздаются голоса. — Упалъ...

— Нѣтъ, всталъ. Идетъ... Снова упалъ... Ахъ! Боже мой! Что-же это!.. Опять всталъ... Нѣтъ... лежитъ... Не двигается.

— Господи! Да что же наши не стрѣляютъ. Неужели же патроновъ нѣтъ!

Тяжело ковыляя, опираясь на ружье, съ поджатой лѣвой ногой, ступня и низъ которой обмотаны окровавленной тряпкой, оставляя за собою по сухой травѣ кровавый слѣдъ, къ обозу подошелъ пожилой казакъ. Лицо его было блѣдно, искажено мукой, но глаза горѣли восторгомъ.

— Братцы! — воскликнулъ онъ, оглядывая собравшихся у подводъ, — православные! — Тамъ кажинный человѣкъ

дорогъ, каждинный человѣкъ нужонъ... Я бы шелъ, да вишь ты, проклятая, какъ ногу повредила. Ходу дать не могу настоящаго. Православные! Бери ружье, патроны, и ай-да не подмогу. Ихъ тамъ многiя тысячи! Насъ самая капля... Истинно, каждый человѣкъ нужонъ. У насъ въ резервѣ всего пятнадцать человѣкъ осталось!

Кругомъ молчали. Катовъ сосредоточенно, какъ будто бы это была его обязанность, разглядывалъ въ бинокль. Раненые притихли. Истерично плакали женщины надъ убитыми. Высоко въ небѣ два жаворонка пѣли пѣсню любви и счастья.

Погорѣльскiй, сидѣвшiй надъ раненымъ офицеромъ и щупавшiй ему пульсъ, вдругъ порывисто вскочилъ и бросился къ казаку.

— Давай винтовку! — крикнулъ онъ. — Давай патроны! Сестры! перевяжите раненаго. Я сейчасъ и вернусь, какъ село возьмемъ.

— Возьмемъ, родный! Возьмемъ! — говорилъ казакъ, садясь на землю и отдавая залитую кровью винтовку. — Ты не сумлѣвайся. Моя это кровь. Христiанская! Не ихъ, поганцевъ.

Лежавшiй, раненый въ предплечье офицеръ, тяжело поднялся, взялъ винтовку, положенную на подводу и пошелъ нетвердыми шагами внизъ по спуску.

— Куда вы, Ермоловъ? — крикнула Оля.

— И правда, Ольга Николаевна, — отвѣтилъ раненый, — тамъ теперь каждый штыкъ на вѣсъ золота.

Катовъ, смотрѣвшiй все такъ же въ бинокль, вдругъ вскрикнулъ:

— Ахъ, Боже мой... Ледъ ломается! По горло въ водѣ идутъ! Воображаю, какъ холодно! Въ село входятъ.

Свѣжiй вѣтеръ, дувшiй съ села, донесъ негромкое, но дружное ура.

— Глядите, глядите, господа, съ фланга изъ балки идутъ. Вотъ показались... Еще... еще... Какъ красиво!... Это Корниловцы... Тамъ и Корниловъ!.. Какъ хорошо!

— А вы, Дмитрiй Дмитрiевичъ, — блестя глазами и глядя въ упоръ на Катова, сказала Оля. — Вы то, что же!?

Катовъ отнялъ бинокль отъ глазъ и посмотрѣлъ сверху внизъ на дѣвушку. Никогда еще онъ не видѣлъ такой кра-

соты. Вѣтеръ растрепалъ ея волосы, выбилъ ихъ волнистыя пряди изъ-подъ платка, и она стояла противъ него въ вѣнцѣ черныхъ волосъ, съ громадными, сверкающими возмущеніемъ глазами на исхудаломъ, загорѣломъ лицѣ.

— Я что-жъ, растерявшись, проговорилъ Катовъ. — Ну, куда же я пойду! Куда я годенъ.

— Вы, офицеръ, — задыхаясь говорила Оля, сама себя не помня, — вы георгіевскій кавалеръ, правда «товарищескаго» креста. Что же вы!.. боитесь?..

Но Катовъ уже оправился.

— Нельзя, Ольга Николаевна, чтобы всѣ офицеры погибли. Что же тогда съ Россіей то станетъ? Вотъ Царское правительство не щадило офицеровъ и развалилась армія...

— Молчите! — крикнула Оля. — Ради Бога молчите!.. Вы просто... — шкурникъ.

— Па-а-звольте, — началъ было Катовъ, но, оглянувшись кругомъ, увидѣлъ устремленные на него глаза раненыхъ и больныхъ. Онъ спрыгнулъ съ подводы и пошелъ въ сторону.

Юноша донецъ подскакалъ въ это время на хрипящей и тяжело идущей по степи лошади къ обозу и радостно крикнулъ:

— Обозу приказано двигаться на ночлегъ впередъ. Наши взяли селеніе!

Всѣ обратились къ нему.

— Тамъ ихъ набили, страсть... — задыхаясь говорилъ онъ. — Пятьсотъ, не то шестьсотъ одних убитыхъ! Плѣнныхъ, почитай, что и не брали. Что жъ ихъ брать-то. Они душегубы! Уничтожать ихъ надо!

— А нашихъ много легло? — спросилъ кто-то.

— Нѣтъ. И тридцати не будетъ. Они стрѣляютъ плохо. Бѣгутъ. Трусы паршивые. Какъ Корниловцевъ увидали съ фланга, такого чёса задали, не догонишь...

Возчики возвращались отъ села. Съ ними шли подростки-гимназисты и кадеты. Они несли убитыхъ, винтовки и снаряженіе.

— Господа, — сказалъ кто-то. — Студента Погорѣльскаго съ вашей подводы убило. Тутъ у рѣки лежитъ. Надо послать подобрать.

XVI.

Селеніе, занятое добровольцами, было пусто. Грустно смотрѣли избушки съ закрытыми ставнями оконъ, съ разбитыми стеклами. Трупы убитыхъ солдатъ валялись въ грязи. Странно было, что эти Русскіе люди, въ Русскихъ шинеляхъ и сѣрыхъ папахахъ, были врагами. Въ одномъ мѣстѣ ихъ лежало кучею человѣкъ тридцать, видно застигнутыхъ разомъ пулеметнымъ огнемъ. На площади, у бѣлой церкви, стояли, отдѣльно отъ большой толпы обыкновенныхъ плѣнныхъ солдатъ, двѣнадцать человѣкъ съ красными нарукавными повязками. Это были комиссары и коммунисты. Вчерашніе писаря и музыканты полка, они въ эти дни руководили сѣрымъ солдатскимъ стадомъ, углубляя революцію и разжигая страсти во имя полнаго уничтоженія Россіи.

Ихъ караулили четыре мальчика кадета и юноша прапорщикъ. Они сосредоточенно, хмурыми дѣтскими глазами глядѣли на плѣнныхъ и крѣпко сжимали винтовки. Они ихъ захватили въ церкви, куда тѣ спасались, и вытащили, обезоруживъ, на площадь. Прапорщикъ, по фамиліи Лосевъ, въ числѣ комиссаровъ узналъ своего родного брата, двумя годами старше его, и теперь съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на него и могъ только сказать:

— Ахъ, братецъ!..

— Ну что, братецъ! — со страшной злобой заговорилъ плѣнный. — Радъ? А? Ну разстрѣливай брата, наемникъ французскихъ капиталистовъ! А? За помѣщичью землю деретесь! То-то у насъ съ тобою земли много! Не подѣлили... Драться пошли!

— Не разговаривать тамъ! — грубо окрикнулъ кадетъ, подходя къ Лосеву. — Я те поговорю, жидовская подхалима!.. Штыкомъ кишки выпущу!

Лосевъ мрачно затихъ.

По улицѣ красивымъ галопомъ, на хорошей кровной лошади, скакала одѣтая въ мужское платье молоденькая дѣвушка. Ея блѣдное лицо съ большими сѣрыми, узко поставленными глазами было ненормально оживлено. Это была баронесса Борстенъ. Два мѣсяца тому назадъ на ея глазахъ солдаты дезертиры сожгли ея имѣніе, привязали ея отца къ доскѣ и бросали на землю доску съ привязан-

нымъ барономъ до тѣхъ поръ, пока онъ не умеръ и глаза не вылетѣли изъ орбитъ. На ея глазахъ солдаты насиловали ея мать и ея двѣнадцатилѣтнюю сестру. Ей грозила та же участь. Но вдали показались германскія войска и солдаты, бросивъ ее, разбѣжались. Она поклялась отомстить. Она пробралась на Донъ и поступила рядовымъ въ Добровольческую армію. Лихая, красивая, отличная наѣздница, она скоро снискала себѣ общее уваженіе. Мало кто зналъ ея исторію. Ее считали ненормальной за ея суровую ненависть къ большевикамъ, но добровольцы преклонялись передъ ея сверхъ-хладнокровіемъ въ опасности. Когда она видѣла сѣрыя шинели безъ погонъ, задранныя на затылки папахи, чолки неопрятныхъ волосъ, по женски выпущенныя на лобъ, наглыя еврейскія фигуры въ офицерскихъ френчахъ съ алыми повязками на рукахъ, странная усмѣшка кривила ея нѣжныя, еще пухлыя губы и зубы хищно показывались изъ-за нихъ. Въ сѣрыхъ глазахъ загорался огонь. Страшныя воспоминанія бороздили ея мозгъ. Сверхчеловѣческая страсть загоралась въ глазахъ и рѣдкій доброволецъ могъ тогда прямо смотрѣть въ эти мечущіе искры прекрасные глаза. Зрачекъ почти исчезалъ въ сѣромъ стальномъ райкѣ и тѣмъ острѣе горѣлъ изъ него жестокій внутренній огонь. Въ эти минуты ея руки становились желѣзными. Даже лошадь подъ нею, чувствуя напряженіе ея воли, становилась покорной и, казалось, понимала, безъ указанія мундштука, ея желанія.

Баронесса Борстенъ въ такія минуты видѣла что-то, чего другіе видѣть не могли.

Она подскакала широкимъ галопомъ къ группѣ комиссаровъ и круто остановила коня. Караульные ее знали.

— Это что за звѣри? — спросила она.

— Комиссары, — отвѣчалъ высокій худощавый кадетъ.

— Отчего же они не разстрѣляны?

— Не могу знать, — хмуро сказалъ кадетъ. — Видно, некому.

— Вы слыхали приказъ Корнилова. — Война идетъ на истребленіе. Или они насъ, или мы ихъ должны истребить.

— Слыхали, — потупляя глаза, проговорилъ кадетъ.

Лицо баронессы озарилось восторгомъ. Улыбка скривила прекрасныя губы. Она медленнымъ, отчетливымъ движеніемъ отстегнула большой тяжелый Маузеръ, висѣвшій

Жесткая, грубая рука сжала ея маленькую огрубѣвшую руку.

— Ольга Николаевна!.. Это не шутка... не фраза... Не нарочно сказанное слово. Для утѣшенія...

— Нѣтъ, нѣтъ, — горячо сказала Оля, еще крѣпче сжимая его руку. — Я сказала, что думала, что чувствую. Я никогда не лгу.

— Тогда и я скажу вамъ... Мы особенные люди и намъ можно отбросить условности свѣта... Мы люди безъ будущаго. У насъ и прошлое убито... Только сегодня... ни вчера, ни завтра... Ольга Николаевна, я полюбилъ васъ тогда, когда вы пришли къ намъ въ Ростовѣ на этапную роту. Помните, какъ вы остались стоять на Таганрогскомъ проспектѣ и я вышелъ къ вамъ, прося зайдти обогрѣться. Вы шатались отъ усталости и голода. Вы довѣрчиво оперлись на мою руку и прошли въ наше помѣщеніе. Я угощалъ васъ чаемъ...

— О! Какая я была тогда ужасная!

— Потомъ, помните, я устроилъ вамъ двѣ комнаты для васъ и братьевъ. Съ тѣхъ поръ я только и думалъ о васъ. Я зналъ, что нельзя этого дѣлать, зналъ, что ни къ чему это, а вотъ... думалъ... думалъ... Развѣ сердцу запретишь. Молодое оно... Никого не любило...

— Ну, хорошо! Ну, хорошо!.. Милый, — ласково сказала Оля, когда Ермоловъ поднесъ ея руку къ губамъ и горячо поцѣловалъ ее. Слезы упали на руку. Такъ странно было чувствовать, что сильный богатырь Ермоловъ плакалъ.

— Такъ вотъ... Слушайте... Что можетъ предложить, о чемъ можетъ просить обреченный на смерть?.. У меня ничего нѣтъ. Прошлое — прошло. Въ настоящемъ: — эти прекрасные миги сегодняшней ночи... Въ будущемъ — смерть. Ну... и пускай смерть! Но, если я буду знать, что вы, Ольга Николаевна, любите меня... солдата... добровольца... То мнѣ и умирать станетъ легко.

Тонкая дѣвичья рука крѣпко охватила его шею. Пухлыя губы до боли прижались къ его губамъ.

— Ну, милый! Зачѣмъ такъ?! А Богъ!

— Да, Богъ! сказалъ Ермоловъ.

Оля сняла съ шеи маленькій золотой крестикъ. Она перекрестила Ермолова и лицо ея было серьезно, какъ у ребенка, когда онъ молится.

— Онъ сохранитъ васъ! — сказала Оля, и одѣла крестъ на шею Ермолова. — Носите его и помните: — онъ сохранитъ васъ.

Долго они ничего не говорили. Онъ не выпускалъ ея руки изъ своей и смотрѣлъ въ ея лицо. Большіе, отразившіе блескъ звѣздъ глаза Оли были темны и блестящи. Взглядомъ своимъ она вливала въ него мужество своей дѣвичьей Русской души.

-- Я пойду, — сказалъ, наконецъ, Ермоловъ. — Пора. До свиданья.

— До свиданья... Любимый...

Оля обняла Ермолова и поцѣловала его.

— Да хранитъ васъ Господь!

Ермоловъ сталъ спускаться по тропинкѣ, направляясь въ долину, гдѣ еще горѣли огни Екатеринодара.

Оля осталась на краю обрыва. Она молилась и думала. — «Господи! Спаси его!..»

XXV.

Утро занялось совсѣмъ лѣтнее, теплое съ голубыми туманами надъ рѣкой, съ золотомъ горячихъ лучей, бросающихъ длинныя прохладныя тѣни, съ духомъ крѣпкимъ и бодрящимъ. Съ первыми лучами солнца загремѣла артиллерія большевиковъ. Сестры и бѣженцы толпились на краю станицы, прислушиваясь къ бою. Онъ шелъ пятый день. Всѣ знали, что маленькій отрядъ Корнилова дошелъ до полнаго утомленія. Около половины офицеровъ, казаковъ и солдатъ было ранено и убито. Снаряды и патроны были на исходѣ, свѣжихъ силъ не было. Къ большевикамъ подходили подкрѣпленія и вся армія Сорокина была въ Екатеринодарѣ и подлѣ Екатеринодара.

— Возьмутъ сегодня Екатеринодаръ, — сказалъ Катовъ, чисто вымытый и хорошо одѣтый, выдвигаясь изъ кучки санитаровъ. — Ужъ у меня такое предчувствіе, чутье такое, что возьмутъ.

— Дай бы Богъ, — проговорилъ старый кубанскій казакъ. Изъ-подъ густыхъ, кустами, сѣдыхъ бровей онъ остро и зорко слѣдилъ глазами, какъ плотнѣе садился въ

— Дьяволъ? — спросилъ его маленькій коренастый кадетъ въ погонахъ своего корпуса. — Вы вѣрите, Сторицынъ, въ дьявола?

— Я много читалъ по этому поводу. Есть, господа, цѣлая наука: демонологія. Въ средніе вѣка ею крѣпко занимались. Дьяволъ именно тамъ, гдѣ святость. Тутъ ему наибольшій интересъ искусить и совратить христіанина. И въ церкви — лучшее поле дѣятельности для дьявола. Я самъ сколько разъ замѣчалъ за собою. Стоишь, молишься. Вдругъ взглядъ падаетъ на колѣно-преклоненную впереди женщину. Она склоняется головою до земли. Глядишь на юбки ея, обтягивающія ея формы, и воображеніе сладострастно дорисовываетъ остальное. Подымешь глаза: — на амвонѣ стоитъ священникъ со святыми Дарами и чудится, скорбный свѣтъ идетъ отъ чаши. Другой разъ прислушаешься, что поютъ на клиросѣ. Дополнишь воображеніемъ и опять жутко станетъ: — это дьяволъ.

— А зачѣмъ поютъ такія вещи? — сказалъ молодой прапорщикъ. — Я, господа милые, откровенно вамъ скажу: — ни въ Бога, ни въ чорта не вѣрую. Все это отсталость.

— Беневоленскій, да вы большевикъ! Вы и церковь осквернить способны, — раздались голоса съ разныхъ концовъ хаты.

— Никогда-съ! У меня развито уваженіе къ чужому мнѣнію. Хочешь вѣруй, хочешь не вѣруй — это твое дѣло. Будь ты хотя дыромолъ, я мѣшать не стану. Твое дѣло. И дыру твою осквернять не буду. Съ молодыхъ лѣтъ мое правило: — живи и жить давай другимъ.

— Вы большевикъ, или Толстовецъ, — сказалъ Сторицынъ.

— Ничего подобнаго. Большевики именно жить то другимъ и не даютъ, — сказалъ Беневоленскій.

— Вы слыхали, что они со здѣшнимъ священникомъ сдѣлали, — сказалъ Сторицынъ.

— Ну?

— Комиссары обвинили его въ томъ, что онъ сносился съ нами и намъ помогалъ. Потомъ искали церковную утварь. Молчитъ. Тогда ему разрѣзали животъ, прибили кишку гвоздемъ къ телеграфному столбу и вымотали всѣ кишки. Я самъ видѣлъ трупъ. Онъ лежалъ въ пыли ничкомъ. Грязныя, побурѣвшія, облипшія пылью кишки толстымъ

слоемъ были намотаны на столбъ. Я думалъ, какія страшныя муки онъ долженъ былъ перенести при этомъ. Вдвоемъ съ санитаромъ Котелковымъ мы перевернули его. Блѣдное лицо его было такъ спокойно, такъ прекрасно въ длинной гривѣ сѣдыхъ волосъ и съ широкой большою бородою, что хоть уснувшаго святого съ него пиши.

— Онъ и есть святой мученикъ, — сказалъ кадетъ,

— Беневоленскій, — сказалъ Сторицынъ, — вы семинарію окончили. Скажите, испытывали христіанскіе мученики въ самыя тяжелыя времена гоненій такія страшныя пытки? Что съ вами, Беневоленскій?? Вамъ дурно? Отчего вы такъ поблѣднѣли?

— Гдѣ онъ!? Скажите -- гдѣ онъ. Господа! это мой —отецъ!!... — вскакивая и хватаясь за столъ руками, воскликнулъ Беневоленскій.

Въ хатѣ наступила тишина. Беневоленскій со Сторицынымъ вышли изъ хаты. На ихъ мѣсто вошли Павликъ и Ника Полежаевы и ихъ взводный командиръ поручикъ графъ Конгринъ. Зажгли огонь и тусклая лампочка, въ которой было мало керосина, отвѣтила группу молодежи, сидѣвшую на скамьяхъ, на полу, на печи, за столомъ. Румяный кадетъ, мальчикъ лѣтъ четырнадцати, вошелъ, проталкивая передъ собою толстую бабенку въ плахтѣ, съ круглымъ лукавымъ лицомъ. Это была хозяйка дома, которую онъ отыскалъ на сѣновалѣ, закопавшеюся въ сѣнѣ.

— Господа, вотъ намъ и хозяюшка, — сказалъ онъ.

Бабенка осматривалась кругомъ и недоумѣвала.

— Та вы що-жъ, хлопці, вже-жъ православні будете?

— А то кто же?

— Такъ казали, що вы кадеті.

— Кадеты мы и есть.

— Добре, добре. А що-жъ це казалі, що у кадетівъ одно око середь чола, а вы люді, якъ усі люді.

— То то тетка! давай угощенье.

Румяный кадетъ потащилъ свою находку въ кладовую, а добровольцы вернулись къ только что пережитому ими ужасу.

— Господа, сказалъ блѣдный красивый юноша, съ лицомъ дѣвушки, бѣлыми волосами ежикомъ и синими глазами, мягко глядящими изъ длинныхъ рѣсницъ, — господа, что за ужасъ приходится переживать! Два часа тому назадъ

мы съ прапорщикомъ Лосевымъ арестовали въ церкви двѣнадцать комиссаровъ, по показанію солдатъ, — тѣхъ самыхъ, которые замучили священника. Среди нихъ оказался родной братъ Лосева. Подъѣхала баронесса Борстенъ и всѣхъ двѣнадцать уложила изъ Маузера. Вы знаете, какъ она стрѣляетъ! — Каждая пуля между бровей, математически точно. Она уѣхала. А прапорщикъ Лосевъ, теперь плачетъ надъ убитымъ братомъ комиссаромъ. Оторвать нельзя. Что же это происходитъ? Я училъ исторію, но такого ужаса, кажется никогда не было...

— Мы молоды, тихо заговорилъ юноша студентъ. У каждаго изъ насъ какое ни на есть было счастье. И вотъ разрушили его! Ну, я понимаю, приписали бы врагъ. Нѣмцы завоевали бы Россію и стали бы обращать ее въ свою колонію, въ навозъ для нѣмецкой расы. А то свои!... Тамъ замучили отца. Здѣсь брата убили на глазахъ у брата. Что же это!

— У насъ, — задумчиво ероша отросшіе волоса, заговорилъ графъ Конгринъ, — было имѣніе. Домъ-дворецъ построенъ еще при Екатеринѣ, и два вѣка мои отецъ, дѣды и прадѣды терпѣливо собирали въ него все, что было достойно храненія. Въ прекрасной дубовой библіотекѣ хранились такія рѣдкости, такія уники, что ученые всего міра знали о ней и пріѣзжали разбирать ихъ. У насъ была коллекція миніатюръ XVIII вѣка и фарфора. Въ картинной галлереѣ были вещи, которымъ позавидовалъ бы Эрмитажъ. Кругомъ паркъ съ фонтанами, съ прудами, съ лебедями. Склепъ съ костями предковъ. Около замка были службы. Мы имѣли свой сахарный заводъ и на скотномъ дворѣ было четыреста головъ лучшаго племенного скота. У насъ было полтораста лошадей и прекрасные племенные жеребцы. Кругомъ на двѣсти верстъ все населеніе безплатно пользовалось нашими бугаями, жеребцами, боровами и баранами, и весь уѣздъ богатѣлъ племеннымъ скотомъ. На заводѣ работало восемьсотъ человѣкъ и всякій имѣлъ доходъ отъ нашего имѣнія. У насъ была больница и школа при имѣніи, все безплатное... Я возвращался съ фронта, когда нашъ полкъ разошелся. Я зналъ, что они отберутъ земли, но почему то я вѣрилъ, что они пощадятъ то, что ихъ же кормило. Когда я подъѣзжалъ къ имѣнію, я не узналъ мѣста. Громадный паркъ вырубленъ, домъ стоялъ

пустой и обгорѣлый и кромѣ черепковъ и разбитыхъ статуй я не нашелъ ничего. Скотъ, жеребцы были порѣзаны... У разореннаго склепа лежали опрокинутые, вывернутые гробы, и я видѣлъ костякъ въ обрывкахъ Екатерининскаго мундира и свѣжій трупъ моей матери, который растаскивали собаки. Это сдѣлала проходившая черезъ село банда дезертировъ-солдатъ, руководимая евреемъ. Господа, — я пришелъ сюда, чтобы умереть, но передъ смертью я натѣшусь местью.

Всѣ молчали. Румяный кадетъ принесъ котелъ съ дымящимся катрофелемъ и каравай хлѣба.

— Не все красные черти слопали, весело воскликнулъ онъ, осталось кое что и намъ.

Добровольцы придвинулись къ столу.

Пожилой человѣкъ, худой, съ глубоко впавшими глазами и щеками, прорѣзанными морщинами пододвинулся къ графу Конгрину.

— У меня, сказалъ онъ, не было ни имѣнія, ни замка, ни скота, ни лошадей. Я писатель и жилъ своимъ трудомъ. За тридцать лѣтъ упорнаго труда я устроилъ себѣ уютное гнѣздышко въ наемной квартирѣ въ Петроградѣ, на пятомъ этажѣ. Тамъ у меня тоже была библіотека, — о, не уники — а просто любимые мои авторы стояли въ прочныхъ коленкоровыхъ переплетахъ, висѣли портреты моей жены и моихъ дѣтей. Одинъ сынъ у меня пропалъ безъ вѣсти въ Восточной Пруссіи, спасая Парижъ, другой застрялъ гдѣ то на Румынскомъ фронтѣ, третій юнкеромъ убитъ въ Москвѣ въ октябрьскіе дни... Дочь въ Казани. Мы жили съ женою тихо и никого не трогали. У насъ былъ любимецъ сѣрый котъ Мишка, былъ теплый уголъ... Но изволите видѣть, я писалъ въ буржуазныхъ газетахъ, и ко мнѣ подъ видомъ уплотненія квартиры поставили пять матросовъ-коммунистовъ. Черезъ три дня у меня ничего уже не было. Библіотека была разодрана и пожжена, какъ вредная, портреты изгажены и уничтожены. Мой сѣрый котъ убитъ. Мы ютились съ женой въ послѣдней маленькой комнатѣ и каждую ночь слышали шумъ оргіи въ нашей квартирѣ, трещала мебель, неистово бренчалъ рояль, звенѣло стекло и хриплые голоса грозили намъ смертью. Мы не выдержали этой жизни и бѣжали. Въ Бологомъ дикая толпа дезертировъ-солдатъ оттѣснила мою жену и какъ я ни искалъ,

я нигдѣ не могъ ее найти... И вотъ я поѣхалъ на югъ, чтобы искупить свою вину. Да, господа, каюсь! Я виноватъ. Всю свою долгую жизнь я мечталъ о революціи. Я писалъ статьи, бичующія старые порядки, и звалъ народъ къ оружію... На свою голову!

Никто ничего не сказалъ. Лампа коптѣла потухая, и въ хату вползала темнота. Вдругъ изъ угла раздался пѣвучій, задумчивый, точно женскій голосъ. Это говорилъ кадетъ съ лицомъ дѣвушки и съ волосами, торчащими кверху.

— А у меня, господа, личнаго ничего не было. Я сирота... Но у меня была Россія — отъ Калиша до Владивостока, отъ Торнео до Батума. У меня былъ Царь, за котораго я молился. У меня былъ Богъ, въ Котораго я вѣрилъ...

Онъ замолчалъ. Казалось, онъ плакалъ.

— Будетъ! Все будетъ. Будетъ единая, недѣлимая, будетъ великая, будетъ святая Русь! — громко воскликнулъ графъ Конгринъ. — Корниловъ съ нами!

Кругомъ стола раздались громкіе воодушевленные голоса.

— Съ нами Корниловъ!

— Корниловъ!

— Да здравствуетъ Корниловъ!

Лампочка вспыхнула послѣдній разъ и потухла. Маленькая тѣсная хата погрузилась въ глубокую тьму. Яснѣе стали выдѣляться квадратныя окошечки, заставленныя геранью и бальзаминами. Звѣздная холодная, зимняя ночь заглянула въ нихъ...

XVIII.

— Ольга Николаевна, устраивайтесь съ нами. Вамъ не зачѣмъ возиться съ этими наглыми буржуями.

Оля, входившая пѣшкомъ въ селеніе, за обозомъ съ ранеными, оглянулась.

Говорившая была средняго роста и среднихъ лѣтъ женщина. Все въ ней было среднее, умѣренное и вмѣстѣ съ тѣмъ благородное и красивое. Оля вглядѣлась и узнала.

— Сестра Валентина! — воскликнула она. — Валентина Ивановна! какими вы судьбами!

— Долгими, Олечка. Но я слышала то, что у васъ вышло съ Катовымъ и, слава Богу. Я такъ боялась, что вы увлечетесь этимъ современнымъ мужчиной. Я васъ устрою. Сестра Ирина, — обратилась она къ худой, сѣдой, монашескаго вида, одѣтой во все черное женщинѣ, — позвольте вамъ представить — Олечка Полежаева, тоже наша Царскоселка.

Это было маленькое, но организованное женское царство. Старшей была сестра Ирина, но всѣмъ распоряжалась смѣлая, энергичная, не знающая усталости, сестра Валентина. Раненыхъ и больныхъ было такъ много, перевязочныхъ матеріаловъ, лекарствъ и бѣлья было такъ мало, что надо было все создавать самимъ.

Долго стучались они изъ хаты въ хату, ища пріюта для своихъ раненыхъ, молчаливо лежавшихъ на подводахъ съ глазами, устремленными въ блѣднѣющее вечернее небо.

— Занято, — отвѣчали имъ. — Пятая рота Добровольческаго полка стоитъ. Поищите, сестрица, на той сторонѣ.

— Занято бѣженцами...

— Штабъ бригады.

— Канцелярія баталіона, — говорили изъ хатъ.

Усталыя лошади шлепали ногами по грязи, скрипѣли колеса. Сестры терпѣливо искали мѣста своимъ раненымъ и себѣ.

— Ахъ, сестра Валентина, — вздыхала Ирина. — Никто не думаетъ о раненыхъ. Они не нужны. Они обуза.

— Корниловъ думаетъ, — спокойно отвѣчала сестра Валентина. — Онъ насъ не забудетъ.

И точно въ подтвержденіе ея словъ, въ сумракѣ вечера, появился конный офицеръ конвоя Главнокомандующаго.

— Это вы, Миша? — сказала сестра Валентина.

— Валентина Ивановна, вамъ и вашимъ раненымъ вотъ въ этотъ проулочекъ. Шесть хатъ съ лѣвой стороны. Не видали Алексѣя Алексѣевича? — сказалъ, подъѣзжая на худой измученной лошади, офицеръ.

— Онъ впередъ поскакалъ.

— Я думалъ уже вернулся. Онъ былъ въ штабѣ.

Еще черезъ часъ, послѣ утомительной работы разгрузки раненыхъ, когда однихъ пришлось вынимать и носить на носилкахъ, другимъ помогать, таскать солому, сестры заканчивали работу.

— Этого не носите, — тихо сказалъ вялымъ голосомъ блѣдный юнкеръ. — Онъ скончился.

— Что вы, Ватрушинъ!

— Говорю-же. Холодный совсѣмъ. Все на меня наваливался. Страшный... — съ раздраженіемъ сказалъ раненый.

Когда всѣхъ устроили, озаботились подводами на завтра, накормили, согрѣли и напоили раненыхъ, была уже глухая ночь. Оля, шатаясь отъ усталости, вошла въ хату, отведенную для сестеръ. У нея слипались глаза. Маленькая хатка была ярко освѣщена, на большомъ столѣ стучала швейная машинка и Ирина, Валентина Ивановна и француженка Адель Филипповна, невѣста Миши, сидѣли за столомъ въ ворохѣ холста и полотна.

— Олечка, вы не слишкомъ устали? — сказала сестра Ирина.

— Постойте, господа, мы ее прежде накормимъ, — сказала Валентина Ивановна.

Она встала отъ работы и достала съ печки котелокъ съ похлебкой, чайникъ и кружку.

— Кушайте, Олечка, а потомъ поработаемъ до утра. Посмотрите, какое богатство намъ Миша доставилъ. Реквизнули гдѣ-то. Надо рубахи раненымъ пошить, бинты подѣлать, а то страшно сказать, сегодня двоихъ перевязывать пришлось, — такъ газетную бумагу вмѣсто ваты наложили. Вши начали заводиться. Стирать не успѣваемъ. И вамъ надо, Олечка, рубашечку сшить. У васъ вѣдь другой нѣтъ?

— Нѣтъ... Я съ самаго Ростова не могла ее помыть. Вѣдь, когда моешь, да сохнешь, приходится платье на голое тѣло одѣвать. А тамъ у Катовыхъ негдѣ было, — грустнымъ голосомъ сказала Оля.

— Ну вотъ! Берите ножницы. Кройте по моему рисунку.

Зимняя долгая ночь тянулась безконечно. Сонъ пропалъ и торопливо бѣжали мысли, а руки, покраснѣвшія отъ напряженія и уже натрудившіяся все рѣзали, рѣзали, то грубый холстъ, то полотно. Олѣ вспомнился ея громадный бѣльевой шкапъ въ Царскомъ Селѣ и полки, на которыхъ воздушными кипами, въ кружевахъ и прошивкахъ съ продернутыми насквозь пестрыми красивыми ленточками, ле-

жали дюжинами рубашки и панталоны. Кто то ихъ носитъ теперь? Оля вспомнила Царскосельскій паркъ и ту блѣдную изломанную особу, которая смотрѣла на нее сквозь стекла золотого лорнета. Какая она была ужасная. Можетъ она носитъ теперь ея бѣлье?

Монотонно стучитъ швейная машинка. Остановится, помолчитъ и снова стучитъ, точно пулеметъ... «Пулеметъ... Пулеметъ», повторяетъ вслухъ Оля и ея глаза слипаются, а ножницы падаютъ съ опухшихъ пальцевъ.

— Олечка, вы спите, — говоритъ ей Валентина Ивановна. — Отдохните немного.

— Нѣтъ. Я ничего, — встряхиваясь, говоритъ Оля.

— Давайте, теперь будемъ вмѣстѣ рѣзать бинты и сворачивать ихъ. Третій часъ уже. До утра недолго. А утромъ на походѣ, въ подводѣ заснемъ. На солнышкѣ славно выспимся!..

Передъ глазами крутится длинными полосами полотно, шуршитъ и потрескиваетъ, сворачиваясь въ большіе цилиндры.

— Всѣхъ раненыхъ завтра утромъ свѣжими бинтами перебинтуемъ, — говоритъ со счастливой улыбкой сестра Валентина. — То-то обрадуются! Вѣдь вотъ у Ермолова, — даже и не рана, а такъ пустяки. Плечо прострѣлено. А не перевяжи во время, выйдетъ нагноеніе, Боже упаси — руку по плечо отнимать придется.

Вздрогнула Оля и сонъ пропалъ у нея. «Руку по плечо отнимать придется», подумала она.

«Какой онъ хорошій, Ермоловъ! Настоящій герой стараго времени. Онъ такъ мало говоритъ и такъ много дѣлаетъ. Отъ него вѣетъ давно забытыми романтическими образами исторіи и онъ такъ не похожъ на героевъ новаго времени, политическихъ болтуновъ въ офицерскомъ платьѣ съ жестами и замашками демагоговъ. Про Ермолова нельзя сказать, какъ теперь говорятъ про многихъ офицеровъ: — «онъ хорошо говоритъ. Онъ умѣетъ вліять на толпу». Какъ-то разъ Оля спросила у него: «какой вы политической партіи?» Ермоловъ посмотрѣлъ на нее. «Простите», сказалъ онъ, и лицо его вспыхнуло: — «я — офицеръ. Этимъ все сказано». — Оля тоже покраснѣла и сказала: — теперь, въ гражданской войнѣ, всѣ офицеры придерживаются какой-нибудь партіи. У насъ есть полки монархическіе и полки

республиканскіе. Корниловъ и Алексѣевъ, не разъ заявляли, что они республиканцы. Будемъ считаться съ тѣмъ, что теперь есть, а не съ тѣмъ, что должно быть».

— «Если это такъ», сказалъ Ермоловъ, — «то это ужасно. Надо распускать добровольческую армію. Она порядка и тишины Россіи все равно не дастъ. Когда мы одолѣемъ большевиковъ и Корниловъ диктаторомъ войдетъ въ Москву и соберетъ Учредительное Собраніе, монархическіе полки пойдутъ валить Корнилова и объявятъ новый походъ противъ полковъ республиканскихъ. Предоставимъ партіямъ вести между собою грызню изъ-за лакомаго куска власти. Плохо, если руки подумаютъ, что они голова и будутъ дѣлать то, что имъ хочется, а не то, чего требуетъ отъ нихъ голова».

Это было дня три назадъ, въ большой красивой казачьей станицѣ, — первой станицѣ, гдѣ ихъ хорошо приняли и Оля помнила каждое слово этого разговора. Она почему то подумала тогда: — «любитъ ли онъ меня?»... Вспыхнула, посмотрѣла въ большіе, блестящіе, ясные, сѣрые глаза, не умѣющіе лгать, и прочла въ нихъ то, чего онъ не смѣлъ сказать. Послѣ этого разговора не было дня, чтобы они хотя на минуту не встрѣтились, чтобы онъ не отыскалъ ее въ громадной толчеѣ подводъ и движущагося народа, чтобы она не увидала его стройную высокую фигуру въ рядахъ Корниловскаго полка и сердце ея не забилось сильнѣе.

Изъ всѣхъ полковъ Добровольческой арміи — Корниловскій полкъ всего дороже Олѣ и значительную часть той любви, которою горѣло ея сердце къ Государю Императору, она перенесла на этого маленькаго смуглаго человѣка, съ узкими косыми блестящими глазами, котораго считаютъ Наполеономъ Россіи...

XIX.

Походъ Добровольческой Арміи къ Екатеринодару по количеству совершенныхъ подвиговъ и перенесенныхъ страданій, не имѣетъ себѣ равнаго во всей военной исторіи. И прежде всего потому, что Добровольческая Армія не была Арміей.

Всякая Армія, всегда организуется и устраивается по опредѣленнымъ принципамъ военной науки. Въ ней есть особое отношеніе числа солдатъ къ числу офицеровъ, въ ней есть конница - какъ ея глаза и уши, какъ сила моральнаго воздѣйствія, какъ орудіе преслѣдованія и уничтоженія непріятеля, въ ней есть пѣхота, есть разныхъ видовъ артиллерія, средства связи, техническія войска, понтоны, аэропланы и пр. и пр. Послѣ великой войны ни одинъ уважающій себя генералъ, а тѣмъ болѣе генералъ генеральнаго штаба не позволилъ бы себѣ выступить въ походъ, не имѣя всего, что нужно для арміи, не обезпечивъ себя снарядами и патронами, не устроивъ позади базу со складами, магазинами, фабриками и заводами, не наладивъ лазаретовъ, госпиталей, летучекъ, перевязочныхъ пунктовъ и не снабдивъ ихъ врачебнымъ персоналомъ, перевязочными средствами, индивидуальными пакетами и хирургическими инструментами.

Добровольческая армія состояла въ дни похода на Кубань почти исключительно изъ офицеровъ. Въ ея солдатскихъ рядахъ стояли полковники и капитаны, командовавшіе на войнѣ батальонами и полками. Въ ней за солдатъ, кромѣ офицеровъ, были юноши юнкера и мальчики кадеты и лишь изрѣдка попадались старые солдаты, оставшіеся вѣрными Россіи. Это дѣлало ее сильной духомъ въ бояхъ. Никакая другая часть не могла такъ наступать, не могла такъ блестяще рѣшать самыя сложныя тактическія задачи, такъ смѣло дѣлать неудержимыя лобовыя атаки и такъ математически точно, по часамъ, дѣлать самые сложные обходы. Она состояла изъ профессіоналовъ военнаго дѣла, притомъ больше половины этихъ профессіоналовъ прошли трехлѣтній практическій курсъ на войнѣ. Въ этомъ отношеніи она была подобна полкамъ старыхъ временъ, когда солдатское дѣло было ремесломъ и, когда солдатъ воевалъ всю жизнь. Добровольцы этой эпохи въ боевомъ отношеніи уподоблялись героямъ Фридриха Великаго, Суворовскимъ чудо-богатырямъ, Наполеоновской старой гвардіи.

Но въ большинствѣ добровольцы были изнѣжены предыдущей жизнью, какъ офицеры, были избалованы и потому сильно страдали отъ невзгодъ похода, легко заболѣвали. Строго, сурово дисциплинированные въ строю и въ бою, они позволяли себѣ смѣть свое сужденіе имѣть внѣ

строя — и служба охраны, развѣдки, караульная служба и, особенно, внутренній порядокъ въ частяхъ были невысоки...

По понятіямъ народа, армія была кадетская и въ политическомъ и въ буквальномъ значеніи этого слова, буржуйская, — господская, помѣщичья — и ея враги, большевики, при своей агитаціи противъ нее это все использовали. Армія вела къ проклятому царизму, армія шла противъ пролетаріата, стремилась возстановить прежнія отношенія между слугами и господами, вернуть подъ офицерскую палку, снова отдать помѣщикамъ землю.

Поэтому армія въ крестьянскихъ селахъ и деревняхъ была встрѣчаема недружелюбно. Присутствіе въ ней офицеровъ разныхъ полковъ и понятій вносило политическій сумбуръ въ ея ряды. Это усиливалось еще тѣмъ, что при арміи двигалось много партійныхъ вождей, бывшихъ членовъ Государственной Думы, писателей и публицистовъ, тѣхъ людей, которыхъ, однажды, на походѣ, Корниловъ весьма мѣтко назвалъ обломками политическаго хлама. Въ армію внесена была политика, а политика исключаетъ армію, какъ армія исключаетъ политику.

Въ добровольческой Арміи почти не было конницы. Маленькая группа офицеровъ и казаковъ, небольшой отрядъ полковника Глазенапа, который ему удалось довести до Ростова — вотъ и вся конница... А между тѣмъ и мѣстность — равнина, и характеръ войны съ неорганизованными, легко поддающимися паникѣ бандами требовалъ многочисленной и лихой кавалеріи. При арміи двигалось 6 орудій и на всѣхъ нихъ имѣлось всего 1000 снарядовъ. Армія не имѣла въ достаточномъ количествѣ шанцеваго инструмента, инженернаго имущества, средствъ связи. Въ ней были только люди, которые все это знали и которые могли, какъ только имъ дадутъ возможность, создать весь сложный механизмъ арміи. Шла душа Россійской арміи, лишенная тѣла. Были пружины, но не хватало колесъ, которыя эти пружины должны были двигать.

При Добровольческой Арміи почти не было врачей, санитаровъ, профессіональныхъ сестеръ милосердія. Ихъ замѣняли жены и сестры чиновъ арміи, аристократки бѣженки, собравшіяся на югъ. Онѣ несли свои обязанности

съ величайшимъ мужествомъ и самоотверженіемъ, но у нихъ часто не хватало элементарныхъ практическихъ знаній.

Медикаментовъ было мало. Перевязочныхъ средствъ почти не было, не было антисептическихъ матерьяловъ и ничтожныя раны оканчивались смертью.

Корниловъ все это зналъ. Но онъ и шелъ не затѣмъ, чтобъ воевать. Онъ шелъ, чтобы унести душу Россійской Арміи до лучшихъ дней, когда можно будетъ вернуть ее здоровому тѣлу.

Всякая армія имѣетъ базу, откуда она питается и имѣетъ надежные, тщательно охраняемые пути сообщенія съ этой базой. У Добровольческой Арміи базы не было. Ея база была: — пролетка генерала Алексѣева съ сундукомъ, набитымъ деньгами, далеко недостаточными, однако, чтобы долго питать армію. Ея база была — вѣра въ доброту Русскаго человѣка и въ великое «Христа ради». Ея база была глубокая непоколебимая вѣра въ то, что Россія погибнуть не можетъ, что она снова будетъ великая, единая и недѣлимая. Этою вѣрою были проникнуты всѣ отъ ея вождя до послѣдняго рядового офицера. Ея база были союзники, которые должны побѣдить нѣмцевъ. Ея база была эта побѣда союзниковъ и вѣра въ то, что тогда союзники спасутъ душу Россійской Арміи. Никто тогда не задумывался надъ тѣмъ, нужна ли будетъ англичанамъ и французамъ сильная и могущественная Русская армія тогда, когда они побѣдятъ нѣмцевъ.

Всякая армія имѣетъ опредѣленную цѣль дѣйствій и для этого подбираетъ пути, по которымъ стремится къ этой цѣли. Добровольческая армія этой цѣли не имѣла, — кромѣ отдаленной и туманной, — спасти Россію отъ большевиковъ. Она шла, во всякомъ случаѣ, отъ этой цѣли, потому что съ каждымъ днемъ удалялась отъ Москвы и сердца Россіи.

Наконецъ, всякая армія имѣетъ опредѣленнаго врага, котораго развѣдываетъ, отъискиваетъ и съ которымъ борется. Она имѣетъ, такимъ образомъ, фронтъ, фланги и тылъ. Добровольческая армія опредѣленнаго врага не имѣла. Въ февралѣ и мартѣ 1918 года власть народныхъ комиссаровъ еще не дошла до юго-востока Россіи. Въ Царицынѣ сидѣлъ совдепъ, который не считалъ себя обязаннымъ исполнять приказанія Ленина и Троцкаго, у Ставро-

поля командовалъ скопившимися здѣсь и случайно осѣвшими войсками, двигавшимися съ Кавказскаго фронта, кубанскій фельдшеръ Сорокинъ, ловкій демагогъ, полуобразованный, начитавшійся верховъ человѣкъ, не лишенный пониманія военнаго дѣла. Онъ колебался, съ кѣмъ ему идти — съ народными-ли комиссарами, или съ генераломъ Алексѣевымъ, и пока что дѣйствовалъ и противъ тѣхъ, и противъ другого.

На путяхъ Добровольческой Арміи, между Тихорѣцкой и Владикавказомъ, въ бронированныхъ поѣздахъ и шести составахъ эшелоновъ, самодержавно царилъ маленькій круглый Автономовъ, типичный провинціальный актеръ, когда-то, и очень недавно, просто шалопай футболистъ. Окруженный экзотической, интернаціональной свитой шуллеровъ, онъ игралъ въ салонъ вагонѣ своего эшелона въ карты, налагалъ контрибуціи на Армавиръ и Владикавказъ, говорилъ рѣчи своимъ солдатамъ и сражался съ добровольцами только потому, что они своимъ походомъ сокращали линіи его разъѣздовъ и возможность получать хабару деньгами и натурой. Это былъ желѣзно-дорожный Стенька Разинъ, вмѣсто расписныхъ челновъ имѣвшій красныя теплушки и салонъ вагоны. Онъ тоже не считался съ интернаціоналомъ, возсѣвшимъ въ Москвѣ, не считался отчасти потому, что самую связь съ Москвою наладить по тогдашнему смутному времени было нелегко.

Все это зналъ генералъ Корниловъ, и потому онъ считалъ возможнымъ идти на востокъ безъ базы, безъ лошадей, безъ пушекъ, безъ снарядовъ, безъ патроновъ, безъ медикаментовъ... безъ солдатъ.

Корниловъ зналъ, что, когда колебанія у Сорокина, Автономова и тысячъ имъ подобныхъ кончатся въ пользу Россіи — онъ получитъ и базу, и лошадей, и пушки, и амуни—цію, получитъ и солдатъ... Онъ шелъ, чтобы спасти Русское офицерство до этого момента.

XX.

Люди создаютъ планы и современникамъ эти планы кажутся весьма остроумно придуманными и сулящими несомнѣнный успѣхъ. Но въ планы и разсужденія ихъ вмѣ-

шивается какой-то маленькій привходящій элементъ и все измѣняется, принимаетъ иныя формы и приводитъ къ другимъ результатамъ.

Корниловъ дѣлалъ ставку на союзниковъ, на ихъ помощь послѣ побѣды надъ нѣмцами и на офицеровъ, какъ на единственный оставшійся здоровымъ элементъ въ Россіи. Онъ считалъ, что большевики не способны ни къ какой организаціи, что буржуазные круги и особенно военные и офицеры будутъ саботировать ихъ власть и что Россія вернется къ разумному рѣшенію: — бросить враговъ Родины и обратиться къ тѣмъ, кто ей желаетъ спасенія. Это было такъ разумно, что казалось иначе и быть не могло.

Но Корниловъ не учелъ того, что къ нему, послѣ цѣлаго ряда тяжелыхъ скитаній и мытарствъ прибыли лучшіе офицеры Россійской арміи, которые мало были склонны думать о будущемъ, но думали о настоящемъ и хотѣли не спасать свою шкуру, а драться и умирать, или побѣждать. Корниловъ не учелъ того, что Павликъ и Ника Полежаевы и поручикъ Ермоловъ вѣрили въ свои молодыя силы и стремились ихъ отдать на служеніе Родинѣ, что Беневоленскій хотѣлъ мстить за замученнаго отца, что графъ Конгринъ никогда не проститъ раззоренія его родового гнѣзда и страшнаго надругательства надъ прахомъ его матери и предковъ, что баронесса Борстенъ стала ненормальной отъ сцены истязаній ея близкихъ, и что всѣ эти Павлики, Ники, Ермоловы, Беневоленскіе, графы Конгрины и баронессы Борстенъ видятъ въ каждомъ Русскомъ солдатѣ и Русскомъ крестьянинѣ своего обидчика и смертельнаго врага и не могутъ быть спокойными.

Корниловъ, снисходительно допуская въ свой, и безъ того большой, обозъ подводы съ политическими дѣятелями и журналистами, упустилъ изъ виду, что ихъ мозги не могутъ заснуть и быть парализованными на все время похода, онъ не учелъ, что въ ихъ головахъ будутъ рождаться непрерывно планы спасенія Родины и противъ воли своей онъ будетъ вовлеченъ въ исполненіе этихъ плановъ.

Вступая на землю Кубанскихъ казаковъ, Корниловъ не учелъ того, что Кубанцы могутъ увлечься стройнымъ видомъ его полковъ, вспомнить былую славу своихъ отцовъ и пойдти съ нимъ освобождать свой край отъ поборовъ Автономова и набѣговъ Сорокинскихъ шаекъ.

Наконецъ, врядъ-ли Корниловъ могъ допустить, что его товарищи по Академіи Незнамовъ, Балтійскій, Лебедевъ, Раттель, Бончъ-Бруевичъ станутъ преподавать основы стратегіи Лейбѣ Бронштейну для того, чтобы тотъ разрушалъ великую Россію во славу III интернаціонала и міровой революціи, или что его бывшій начальникъ фронта генералъ адъютантъ Брусиловъ и его ближайшіе начальники на войнѣ Клембовскій, Зайончковскій, Парскій, Сытинъ, Гуторъ и другіе всю силу своего образованія и ума положатъ на формированіе красной арміи въ противовѣсъ его Добровольческой Арміи.

Корниловъ не могъ этого знать напередъ и не могъ учесть всѣ эти причины, а потому онъ и не могъ предвидѣть того, что заставитъ его измѣнить планы.

Люди могутъ, конечно, отрицать Высшій Промыселъ и участіе воли Божіей въ ихъ дѣлахъ. Люди могутъ въ ослѣпленіи своей гордости говорить, что Бога нѣтъ и что все зависитъ отъ нихъ, но въ историческихъ судьбахъ народовъ, да и не только народовъ, но даже единичныхъ людей, случается такъ много независимо отъ воли этихъ людей и чаяній народовъ, что даже самые скептики должны, въ концѣ концовъ, признать, что крупныя событія исторіи міра совершаются помимо ихъ воли и направляются изъ невѣдомаго и непостижимаго Разума, который, какъ его ни называй, останется Богомъ.

XXI.

Безъ хорошей обуви и одежды... Къ Корнилову бѣжали въ чемъ Богъ помогъ вырваться изъ рукъ осатанѣвшихъ солдатъ. На пути подвергались неоднократнымъ ограбленіямъ и раздѣваніямъ, приходилось прибѣгать къ самымъ фантастическимъ маскарадамъ, и въ вербовочныя бюро генерала Алексѣева являлись въ опоркахъ, рваныхъ пиджакахъ и вѣтромъ подбитыхъ пальто, а снабдить добровольцевъ обмундированіемъ, отъ котораго ломились Ростовскіе склады, Донское правительство отказало: — самимъ, дескать, понадобится. Да и косо смотрѣло на добровольцевъ тогдашнее войсковое правительство, въ которомъ многіе колебались между Калединымъ и Подтелковымъ, стремились

углублять революцію, въ этомъ видѣли завѣтныя свои цѣли и добровольцевъ называли: кадетами, буржуями и контръ-революціонерами.

Почти безъ денегъ... Алексѣеву консорціумъ Московскихъ банковъ обѣщалъ милліоны и не далъ ничего, та же исторія повторилась и въ Ростовѣ. Реквизировать было нельзя: — въ Москвѣ силы не было, въ Ростовѣ не позволили бы казаки.

Плохо вооруженные и безъ военныхъ запасовъ шли добровольцы по глухой степи. Въ февралѣ и мартѣ стоитъ въ прикубанскихъ степяхъ самая тяжелая для похода погода. То свѣтитъ яркое солнце, тепло, какъ лѣтомъ, въ небѣ поютъ жаворонки, то вдругъ задуетъ суровый вѣтеръ изъ Азіи, полетитъ пурга, намететъ сугробы снѣга чуть не въ аршинъ, а на завтра все это таетъ, звенитъ безчисленными ручьями по степи, растворяетъ рыхлую почву и по колѣно уходитъ въ нее нога пѣшехода. А еще черезъ день морозъ, все сковано льдомъ, степь блеститъ, какъ остекленная и мокрую со вчерашняго дня шинель насквозь продуваетъ морозный вѣтеръ. А потомъ весенній теплый дождь и снова морозъ. Ничтожные ручьи по балкамъ, которыхъ лѣтомъ совсѣмъ и не видно, раздуваются потоками, несутся струями мутной желтой воды, бурлятъ, пѣнятся, и въ нихъ приходится по грудь и по поясъ искать переправы. Мосты, гдѣ они были, снесены, обходные пути за много верстъ. Кругомъ озлобленное населеніе. Оно не разбирается, кто большевики, кто кадеты. Приходятъ, требуютъ ночлега, вниманія, отнимаютъ хлѣбъ, подводы, лошадей, — ясно: — враги. Отойдти отъ колонны, отстать: — рисковать быть убитымъ неизвѣстною рукою. Добровольческая армія была такъ малочисленна, такъ ничтожна по своему фронту, что она не оттѣсняла врага, заставляя его отступать, а входила въ него и постепенно становилась окруженной врагомъ со всѣхъ сторонъ. Она вела бои на всѣ стороны и ея громадный обозъ всегда сопровождалъ большой арьергардъ.

Она таяла отъ боевъ: — убитыми и ранеными, еще болѣе таяла отъ болѣзней, но численно она увеличивалась. Свѣтлая вѣра добровольцевъ въ спасеніе Россіи, страстная любовь къ Родинѣ, величайшіе подвиги мужества, совершаемые на глазахъ у всѣхъ, увлекали станичную и слободскую молодежь и новые добровольцы становились на мѣста тѣхъ,

кто уходилъ въ вѣчность. Эти люди имѣли одно военное качество: — храбрость. Но они не умѣли стрѣлять, не умѣли даже зарядить винтовку. Ихъ приходилось обучать на походѣ, показывать пріемы, лежа въ какой-нибудь канавѣ, или за валомъ въ резервѣ во время боя. Армія и воевала и обучалась и это отзывалось на ея боеспособности. Чудо-богатыри, вышедшіе изъ Ростова исчезли изъ ея рядовъ, ихъ смѣняла молодежь, безъ воинскаго воспитанія, безъ впитавшихся въ плоть и кровь годами корпуса, училища и войны понятій о рыцарской чести и доблести.

Съ 23-го февраля начались бои. Первый большой бой былъ у села Лежанки. А потомъ и пошло: 1-го марта дрались у Березанской, 2-го у Журавскаго хутора, 3-го у вторыхъ выселокъ этого хутора, 4-го у Кореновской, 6-го у Усть-Лабинской и т. д. Станица, хуторъ, случайная роща, плетень, балка, высоты, — отовсюду стрѣляли винтовки, трещалъ пулеметъ, грохотала артиллерія, вездѣ маячили неизвѣстные конные люди, обходили съ фланга, показывались въ тылу. Все надо было брать съ боя. Всѣ были обстрѣляны. Сестры милосердія видѣли близкіе разрывы шрапнелей, гранаты рвались въ пятистахъ шагахъ отъ обоза и раненые съ землистыми лицами и глазами полными невыразимой муки прислушивались къ гулу орудій, совсѣмъ недалекому треску пулеметовъ и ружей и ждали, когда новыя пули и осколки станутъ пронизывать и рвать ихъ еще не зажившее тѣло. Бѣженцы были обстрѣляны. Надъ ихъ головами пѣла свою ядовитую пѣсню пулеметная пуля и съ блѣдными лицами и застывшими печальными улыбками на щекахъ матери прижимали къ себѣ дѣтей и ждали когда и чѣмъ это кончится.

Муки казались дошедшими до предѣла, но каждый новый день приносилъ еще новыя страданія и слѣдствіемъ являлось утомленіе арміи. Въ арміи народилось страстное желаніе отдохнуть, найдти теплый кровъ, свѣжее бѣлье, возможность помыться и поспать спокойно, не слыша выстрѣловъ, не ожидая боя.

Подобно тому, какъ въ Японскую войну Ляоянъ зачаровалъ общественное мнѣніе и казался неприступной твердыней, о которую разобьются японцы и откуда начнется наступленіе Манджурской арміи, такъ, въ Добровольческой Арміи, сначала въ обозѣ, среди бѣженцевъ и раненыхъ, а

потомъ и въ строевыхъ частяхъ, такою обѣтованною землею сталъ казаться Екатеринодаръ. Взять Екатеринодаръ и начнется спасеніе. Соединиться съ кубанскими казаками, только что оставившими подъ напоромъ большевиковъ этотъ самый Екатеринодаръ, и подымется вся Кубань. А подымется Кубань, встанетъ и Терекъ, захватитъ волна и Донъ, и казаки освободятъ Россію!

Это значеніе Екатеринодара и казаковъ усиливалось и тѣмъ, что по мѣрѣ углубленія добровольческой арміи въ Кубанскую область, въ ея рядахъ становилось больше казаковъ. Изъ Екатеринодара къ добровольческой арміи шла конница, которой такъ недоставало Корнилову. Все это заставило Корнилова измѣнить свой планъ, уходя безъ боя, и повернуть на Екатеринодаръ. 14-го марта, у аула Шенджи, южнѣе Екатеринодара, добровольческая армія соединилась съ генераломъ Покровскимъ и кубанскими конными полками.

Кубанцы торговались за власть. Они не хотѣли покоряться добровольцамъ, но признали власть Корнилова, и добровольческая армія стала втрое сильнѣе.

Пошли на Екатеринодаръ.

XXII.

Шли горами. Мягкіе отроги Кавказскихъ горъ безконечными цѣпями спускались въ степь и расплывались въ ней. По краямъ балокъ росли кустарники, въ низинахъ было болото, ручьи журчали по каменнымъ блестящимъ скаламъ, по мокрой топкой землѣ.

15-го марта густой низкій туманъ окуталъ землю и шелъ мелкій пронизывающій дождь. Безъ пѣсенъ, промокшіе насквозь, густыми рядами шли добровольцы по грязной тѣснинѣ, спускаясь къ бурной вздувшейся рѣкѣ. Моста не было. Передовые дозоры, — молодые офицеры, помялись на берегу и потомъ рѣшительно пошли въ воду и провалились по горло... За ними пошла колонна. Потомъ обозъ. Сестры и легко раненые, которые могли стоять, вставали на телѣгахъ и стояли, держась другъ за друга. Ледяная вода заливала ноги, мочила и сносила солому изъ телѣгъ, отъ толчковъ люди падали, лопались повязки, откры-

рвались и сочились кровью раны. Тяжело раненые, больные, въ лихорадочномъ бреду, въѣзжали въ рѣку, вода мочила ихъ спину, поднималась до боковъ, на секунду захлестывала блѣдныя страдающія лица, заливала больные воспаленные лихорадочные глаза...

— Пошелъ, пошелъ! — кричали въ ужасѣ доктора и санитары.

— Господи! Что же это такое! — говорили сестры въ мокрыхъ юбкахъ и кофтахъ, сами падая на телѣги и стараясь приподнять надъ водою головы умирающихъ.

Раненые не стонали. Что испытывали они въ эти мгновенія кошмарныхъ грезъ, претворенныхъ въ явь, никто не зналъ и не могъ передать!

За рѣкою былъ крутой глинистый подъемъ съ наѣзженными красными колеями и со скрипящими подъ ободомъ колесъ круглыми камнями. Когда поднялись — широкая степь развернулась за балкой. Былъ перевалъ. По перевалу гулялъ ледяной вѣтеръ. Дождь смѣнился снѣжной пургой и температура упала на нѣсколько градусовъ ниже ноля. Мокрыя шинели, мундиры, рубахи, шаровары, сапоги, обмотки, въ нѣсколько минутъ замерзли и ледянымъ панциремъ покрыли людей. Офицеры и солдаты стали останавливаться, казалось вотъ вотъ они замерзнутъ и степной морозъ остановитъ біеніе сердца Добровольческой Арміи.

— Хороши, господа панцырники! — вдругъ весело воскликнулъ Ника и ударилъ кулакомъ по груди брата. Ледъ треснулъ и шинель стала ломаться.

— Такъ, такъ! тузи другъ друга! Согрѣвайтесь, господа! Прыгайте, бѣгайте, — кричали пятидесятилѣтніе генералы и сами дрались и возились какъ дѣти.

— Впередъ! Впередъ!

Дружно Корниловцы въ ногу!
Съ нами Корниловъ идетъ.

Вспыхнула пѣсня и ширясь понеслась къ небу. Могучая воля человѣка, частица Божества, торжествовала надъ жестокой природой.

Опять спускъ. Опять несущаяся въ стремнинѣ рѣка, пѣна, кипящая у камней и въ излучинахъ у темныхъ береговъ, невѣдомая глубина и холодъ.

Послали двухъ плѣнныхъ искать брода и пошли по грудь въ водѣ.

Красивый молодой генералъ, въ бѣлой папахѣ, въ черныхъ погонахъ добровольческой арміи, съ улыбкой на лицѣ, какъ будто бы собираясь сдѣлать какую то шалость, увѣренными ловкими шагами хорошо тренированнаго человѣка, по обледенѣлому спуску сошелъ къ рѣкѣ и пошелъ, раздвигая руками ледяную воду. За нимъ спокойно пошла колонна.

— Сы-ро-ва-то! блестя веселыми глазами, сказалъ на серединѣ рѣки генералъ и улыбнулся счастливой улыбкой. Въ этой улыбкѣ, помимо его воли, отразилось неосознанное счастье совершаемаго подвига и съ губъ его сорвалось слово, ставшее историческимъ.

Съ этого дня имя генерала Маркова, уже извѣстное добровольцамъ, какъ имя безграничнаго и смѣлаго генерала, стало на устахъ у всѣхъ, какъ имя человѣка, шуткою побѣдившаго природу.

— Да, сыровато, — дрожа и булькая повторилъ его маленькій сосѣдъ, захлебываясь въ потокѣ и, когда вышли на верхъ, на перегибъ горнаго хребта на ледяной вѣтеръ, когда обмерзли снова, и готовы были пасть духомъ, — услыхали недальніе выстрѣлы и увидали въ разсѣивающемся, гонимомъ ледянымъ вѣтромъ туманѣ, летящемъ надъ горами, какъ клочья паровознаго дыма, такъ знакомую фигуру Корнилова. Онъ, обледенѣлый, какъ и всѣ, скакалъ впередъ на выстрѣлы.

Къ ночи вошли съ боемъ въ большую Ново-Дмитріевскую станицу и всю ночь по улицамъ ея гремѣли выстрѣлы: — добровольцы выгоняли большевиковъ изъ теплыхъ хатъ и вели кровавый бой за каждый уголъ, гдѣ бы можно было обогрѣться и пріютить и накормить раненыхъ.

Два дня, 17 и 18-го марта, у Ново-Дмитріевской шелъ бой, и раненыхъ сушили, перевязывали, а умершихъ хоронили подъ звуки то затихавшей, то начинавшейся снова орудійной канонады, ружейной и пулеметной трескотни.

Оля устремляла глаза къ небу и забывая, что она и холодная, и голодная, и мокрая молила объ одномъ: — Господи! Когда, когда же конецъ всему этому!..

И, во всемъ отрядѣ стала одна мысль, одна мечта:

— Екатеринодаръ...

Однимъ онъ рисовался въ видѣ теплой хаты съ мягкой постелью съ перинами и подушками. Надъ постелью висятъ иконы, горитъ лампадка. Тепло, сухо, сытно и можно спать,

сколько хочешь. Другимъ видѣлись хорошо обставленныя комнаты, ярко горящее электричество, ванна, чистое, охотно одолженное какимъ то невѣдомымъ богатымъ Екатеринодарскимъ жителемъ бѣлье, хорошій обѣдъ, — этакій настоящій малороссійскій борщъ съ бураками, красный, съ жирными сосисками, кусками ветчины и сала со шкурой, графинъ водки, курица съ соусомъ, какія нибудь оладьи, или ватрушки со сметаной. Третьимъ грезился кинематографъ, обрывки томящей душу музыки на піанино, пестрая вереница картинъ, говорящихъ о какой то чужой, спокойной, яркой жизни, гдѣ нѣтъ безконечной степи, переваловъ, ручьевъ, ледяного вѣтра, голода и холода, гдѣ не видно косыхъ недружелюбныхъ взглядовъ, гдѣ не нужно разстрѣливать комиссаровъ, гдѣ не стонутъ раненые... Четвертымъ грезилась встрѣча съ тѣми, кто былъ тутъ недалеко въ обозѣ, кто думалъ о нихъ и о комъ думали и кого не удалось видать во всѣ эти жуткіе дни. Пятые мечтали о прекращеніи мятущихъ душу кошмаровъ, которые схватываютъ въ лихорадочномъ бреду и идутъ, не прекращаясь, но все усиливаясь и на яву. И не знали они, что было кошмаромъ и что явью. Кошмаромъ ли былъ горный потокъ, подхватившій подводу и унесшій изъ подъ наболѣвшаго тѣла солому, сдѣлавшій мокрымъ шинель и одѣяло, и явью были какіе то свѣтлые духи, летавшіе передъ глазами, распростиравшіе серебряныя крылья и пѣвшіе невѣдомую пѣсню блаженства...

Всѣ мечтали объ отдыхѣ отъ боевъ, о томъ, чтобы оправиться и сорганизоваться, одѣться и вооружиться и тогда воевать.

27-го марта подошли къ Екатеринодару и съ мужествомъ отчаянія осадили его своими небольшими силами.

XXIII.

О! эти думы!.. Думы безъ конца... Думы о любимомъ... Онъ простился вчера вечеромъ, забѣжавъ на минуту къ лазаретной хатѣ, и сказалъ то, что давно было на его устахъ и чего, не сознавая того, ждала и хотѣла Оля.

День былъ солнечный, радостный, весенній. Было тепло, пахло землею и трава выпирала тонкими иголками изъ

земли, а почки на кустахъ сирени пухли на глазахъ. Днемъ переправлялись черезъ Кубань и былъ бой у Елизаветинской. Олѣ кто-то сказалъ, что Ермоловъ убитъ. Остановилось сердце и руки безпомощно опустились. Оля не могла больше работать. Она вышла изъ хаты, сѣла на рундукѣ у задняго крыльца и смотрѣла вдаль. Сзади догорало въ степи солнце и спускался золотой пологъ надъ голубѣющей степью, передъ нею былъ небольшой садъ съ молодыми вишневыми деревьями и яблонями со стволами, обмазанными бѣлою известкой. Въ углу, въ сараѣ, копошились на насѣстяхъ куры и недовольно клохтали, точно спорили изъ за мѣста. Свѣжею сыростью тянуло отъ земли. На мокрыхъ дорожкахъ отчетливо были видны маленькіе слѣды — Олины слѣды. Она ходила къ забору и смотрѣла на туманное пятно внизу, пятно густыхъ садовъ, пирамидальныхъ тополей, домовъ и церквей. Это Екатеринодаръ, который добровольцы пойдутъ завтра брать.

Такъ много за эти дни было смертей, страданій и мукъ, что, казалось, притупилось, огрубѣло и закалилось сердце. Послѣ ледяного похода, на ея рукахъ умеръ мальчикъ гимназистъ, высушить его сѣрую шинельку со свѣтлыми пуговицами такъ и не удалось. Онъ все звалъ маму, все просилъ затопить каминъ и согрѣть и обсушить его платье. «Мама!», говорилъ онъ, — «я больше не буду. Я никогда, никогда больше не буду купаться въ одеждѣ».

«Гдѣ его мама!? Кто его мама? Знаетъ ли она о томъ, что его зарыли на окраинѣ станицы, тамъ, куда не долетали пули. Найдетъ ли она его. И какъ найдетъ».

Умеръ суровый и хмурый Беневоленскій. И не мучился долго. Принесли его съ разбитою прикладомъ грудью. Онъ харкалъ кровью и поводилъ по сторонамъ глазами. Все хотѣлъ что то сказать и не могъ. И только передъ самой смертью онъ, наконецъ, выговорилъ: — «здѣсь не удалось отомстить — отомщу на томъ свѣтѣ... вотъ»... И затихъ.

Въ конной атакѣ убита шрапнелью баронесса Борстенъ, легендарный палачъ комиссаровъ и коммунистовъ.

Графа Конгрина хоронили вчера. Простудился, зачахъ и завялъ въ какіе нибудь три дня...

Ну что же? И онъ... Всѣ... Всѣ, должно быть, погибнутъ. И почему онъ долженъ жить, когда тѣ погибли. Да и для чего жить?..

И такъ же, какъ тысячамъ другихъ людей, съ нею вмѣстѣ страдавшимъ и грезившимъ о Екатеринодарѣ, Олѣ стало казаться, что жить стоило и что счастье ее ожидало бы въ Екатеринодарѣ. А теперь, когда его нѣтъ, когда и его отняла неумолимая судьба, ей и Екатеринодара не нужно. Ничего не нужно.

Еще такъ недавно было счастье. Была культура, была красота. Былъ домъ, въ которомъ спокойно и безбоязненно жилось, были картины, музыка, театръ. Все это было просто, доступно, все это радовало и украшало жизнь. Это вошло въ плоть и кровь и стало потребностью.

Не далѣе, какъ три дня тому назадъ, сестра Ирина вечеромъ сказала санитару Өедору: «Өедоръ, ты бы хотя на гармоникѣ намъ поигралъ. Такъ тошно безъ музыки».

Тогда это не ощущалось. Тогда раздражала гармоника. Въ гостиной стоялъ рояль, лежала скрипка Ники, грудой навалены были ноты и самый воздухъ былъ пропитанъ музыкой и пѣніемъ... А опера... А «Евгеній Онѣгинъ»!!...

Въ мутномъ маревѣ дали показались гирлянды огней Екатеринодара. Болью сжалось сердце, а память сладостью прошлыхъ мгновеній смущаетъ умъ... «Слыхали-ль вы... Слыхали-ль вы, за рощей гласъ ночной... Пѣвца любви... Пѣвца своей печали»...

Закроешь глаза, и грезятся вздохи далекаго оркестра... Показалась декорація дома и сада, березы на первомъ планѣ и широкая Русская даль полей и пологихъ холмовъ. И призывный голосъ, сплетающійся съ другимъ голосомъ. Какъ хороша, какъ проста была жизнь!

...Мягкій свѣтъ скупо просачивается сквозь опущенную занавѣсъ спальни, и кротко глядятъ изъ угла лики святыхъ на иконахъ, гдѣ догораетъ лампадка. У окна благоухаютъ цвѣты. Узкая дѣвичья постель тепла и уютна. Впереди цѣлый день красоты. Безъ усилія, — стоитъ только прикоснуться къ маленькой пуговкѣ электрическаго звонка, явится толстая привѣтливая Марья съ подносомъ, на немъ кофе со сливками, съ масломъ и булочками, со всѣмъ, чего только она ни захочетъ. За нею шумный и ласковый ворвется Квикъ...

...Урокъ рисованья... На столѣ въ мраморной вазѣ букетъ рѣдкихъ цвѣтовъ. За нимъ драпировка. Передъ Олей вода въ стаканѣ, палитра медовыхъ красокъ на рукѣ

и на плотной Ватманской бумагѣ нѣжными пятнами воскресаютъ цвѣты. Учительница, милая Вѣра Николаевна, рисуетъ тутъ же рядомъ. Незамѣтно подкрались часы прогулки.

Нева... Красивая линія дворцовъ и на томъ берегу низкія стѣны гранитной твердыни, золотой шпиль и темныя воды, или бѣлый просторъ широкой рѣки. По набережной мчатся санки. Пара вороныхъ рысаковъ подъ синею сѣткой, четко стуча копытами несется навстрѣчу. Въ саняхъ въ красивомъ манто, въ накидкѣ изъ соболей разрумянившаяся веселая женщина и рядомъ съ нею офицеръ въ шинели съ бобровымъ воротникомъ. Это графъ и графиня Палтовы... Казачій офицеръ Манацковъ на чудномъ караковомъ конѣ въ одномъ темносинемъ чекменѣ и легкомъ кавказскомъ башлыкѣ, накинутомъ небрежно на плечи, скачетъ, догоняя сани. Навстрѣчу идетъ матросъ гвардейскаго экипажа. Что за красавецъ мущина! Молодая русая борода расчесана и лоснится, фуражка съ георгіевскими лентами надѣта на бокъ и на черной шинели горятъ золотыя пуговицы и алыя петлицы...

Какъ красивъ милый родной Санктъ-Петербургъ!

Дома почта. Письма со всѣхъ краевъ свѣта. Лондонскіе кипсеки, французскія иллюстраціи и милыя письма старой няни изъ деревни на сѣрой бумагѣ и въ грязномъ конвертѣ. Мамины письма изъ Италіи, гдѣ среди сказочной красоты умирала милая незабвенная мама.

Изъ душевныхъ переживаній, тонкихъ и красивыхъ слагалась жизнь. Не страдало тѣло, но за него мучилась, страдала и парила душа. Тѣло забывалось и о немъ было непріятно и неприлично говорить. Тонкая поэзія Бодлэра и Мюссэ, фантастическія исканія Эдгара Поэ, недоговоренность сложныхъ романовъ Оскара Уайльда создавали иной міръ, непохожій на міръ земной. Ярко среди него свѣтила религія и вѣра, но и вѣра полна была тайной влекущей мистики и въ ней стремились отрѣшиться отъ тѣла и заглянуть по ту сторону бытія... Слушали разсказы о чудесахъ, о видѣніяхъ, о таинственныхъ пророчествахъ. Сама смерть была обставлена такъ, что была красота и въ смерти. Помнитъ Оля красивый гробъ, утопающій въ бѣлыхъ розахъ, нарциссахъ и гіацинтахъ. На бѣлой атласной подушкѣ завитые парикмахеромъ лежатъ кольцами золотые волосы. Бѣлое лицо съ обвострившимся носомъ кажется выточен-

нымъ изъ мрамора и трепещутъ на немъ тѣни черныхъ рѣсницъ. Кругомъ красота черныхъ траурныхъ туалетовъ, блескъ эполетъ и перевязей, дѣвушка въ черномъ платьѣ и мальчикъ въ Пажескомъ мундирѣ на колѣняхъ у гроба. Въ гробу Вѣра Константиновна Саблина. У гроба — Таня и Коля.

Потомъ война. И въ войнѣ была красота. На фронтѣ въ конной атакѣ убили Колю и въ смерти его былъ незабываемый подвигъ... Убитъ былъ веселый и безпутный Манощковъ и про его лихое дѣло писали въ газетахъ. На войнѣ умирали, мучились, страдали, но въ столицу и смерть и страданья приходили, претворенныя въ красоту подвига, и про смерть забывалось.

Тѣснила и жала война... Не всегда подавали тѣ булки къ чаю, которыя хотѣлось, забрали рысаковъ по военно-конской повинности и сдали ихъ въ артиллерію. Запаздывали Лондонскіе кипсеки и французскія иллюстраціи приходили неаккуратно, многіе номера были потеряны. Изъ деревни письма не доходили. Были заминки, были неудобства, но жизнь шла все такая же, сложная, духовная, полная тонкихъ переживаній.

Но пришла революція. Были сорваны родные Русскіе цвѣта и на мѣсто нихъ подъ самымъ окномъ нависла красная тряпка. Увезли въ далекую Сибирь Государя и его семью. Отецъ скитается неизвѣстно гдѣ и четвертый мѣсяцъ о немъ ничего не слышно. Нѣтъ ни писемъ, ни газетъ. Братья бѣжали. Генерала Саблина схватили солдаты и тащили куда то, и изъ всего сложнаго красиваго міра остались Павликъ и Ника, сестра Валентина, Ермоловъ и молодежь, обреченная на смерть.

Какъ то сразу простая и красивая жизнь стала сложною и безобразною. Мелочи жизни выплыли на первый планъ и тѣло, незамѣтное въ прежней духовной красивой жизни, подняло голову и заговорило властно и требовательно. И, чтобы не опуститься, не забыть завѣтовъ красоты, приходилось бороться съ самою собой. Голодъ, отсутствіе привычнаго комфорта, слоняніе изъ угла въ уголъ въ толпѣ, страданія ближнихъ, страданія своего тѣла, грязь — все это убило красоту и поставило Олю лицомъ къ лицу передъ тѣмъ страшнымъ, что называется жизнью.

Павликъ укралъ у крестьянки полотно и изъ него шили рубахи для раненыхъ и сестеръ и Олѣ сшили изъ этого полотна рубашку. Третьяго дня, санитаръ, по просьбѣ сестры Ирины, съ дракой отнялъ у казака каравай бѣлаго хлѣба и его подѣлили между больными и ранеными и сестрамъ дали. Каждый вечеръ были ссоры изъ за ночлега, каждое утро была перебранка изъ за подводъ и ѣдкія, колючія слова срывались съ устъ сестеръ, отстаивавшихъ своихъ раненыхъ.

Днемъ мокли и мерзли, днемъ голодали, ночью не могли уснуть отъ насѣкомыхъ, не имѣли постелей и валились въ повалку на полъ, забываясь тяжелымъ сномъ безъ грезъ. Тѣло страдало, тѣло стремилось побороть душу и душа отчаянно защищалась... И въ этой сутолокѣ и тѣснотѣ, душа хотѣла грезить, и ночью, выйдя на холодъ степи и глядя на звѣздное небо, Оля повторяла стихи Бодлэра, Оля грезила прошлымъ, мечтала объ оперѣ и ей такъ понятна становилась мольба сестры Ирины: — «Ѳедя, ты бы хоть на гармоникѣ поигралъ!»

Вѣдь вернется все это? Не навсегда же вытравила красоту и любовь кровавая революція!

Вернется.

...Но, если и вернется? Къ чему ей это, если нѣтъ его. Все вернется, но онъ никогда не вернется!!...

Какъ проста и красива была жизнь прежде...

XXIV.

«Что это!.. Господи, что это?..» Это идетъ Ермоловъ. Живой, здоровый, даже не раненый. Лѣвая рука послѣ первой раны заложена за бортъ шинели. Значитъ, все сочиняли о томъ, что онъ убитъ. Забилось сердце Оли и послало краску на похудѣвшія щеки. Ноги задрожали отъ волненія и глаза затуманило слезами.

— Я васъ ищу, Ольга Николаевна, по всей станицѣ, — сказалъ Ермоловъ. — Урвался изъ боя, воспользовавшись ночною тишиною и тѣмъ, что насъ смѣнили и отвели въ резервъ и рѣшилъ повидаться съ вами. Мнѣ такъ много нужно вамъ сказать.

— Говорите Сергѣй Ипполитовичъ. Я васъ слушаю. — сказала Оля.

Они сѣли на обрывѣ на краю сада. Внизу, уже поглощенная мракомъ ночи, туманами клубилась долина Кубани и сверкали вдали, горѣли и переливались огни Екатеринодара, точно чешуя сказочнаго змѣя.

— Командира убили.., коротко, вздыхая тяжелымъ, глубокимъ вздохомъ, проговорилъ Ермоловъ.

— Кого... Нѣжинцева? спросила Оля.

— Да... его.

— Когда?

— Сегодня. Подъ самымъ Екатеринодаромъ. Въ улицахъ былъ бой... Ахъ, Ольга Николаевна все не то... Третьяго дня командиръ просилъ уволить его отъ командованія полкомъ. Полкъ не тотъ. Насъ, старыхъ добровольцевъ, осталось очень мало. Молодежь не знаетъ боя. Спутались. Ну, и... драпнули ... Вы знаете Нѣжинцева. Какой это былъ ударъ для него! Онъ покончить съ собою хотѣлъ. Отъ стыда за полкъ... Ну вотъ и покончилъ.

Ермоловъ сказалъ послѣднія слова глухимъ голосомъ. Мука звучала въ нихъ.

— Даютъ пополненія. А того не понимаютъ, что Корниловскому полку пополненія должны быть особыя, а не необстрѣлянные мальчишки. Нельзя позорить свѣтлое знамя Корниловскаго полка. Нѣжинцевъ это понималъ. Ольга Николаевна! Идея добровольческой арміи — это идея Россіи. Борьба чистоты и правды противъ насилія и лжи... А я боюсь... если такъ будетъ дальше... у насъ будетъ... Тоже ложь...

Ермоловъ закрылъ лицо руками. Онъ казалось плакалъ. Но, когда онъ оторвалъ ладони отъ глазъ, глаза были сухи.

— Корниловъ пріѣзжалъ. Онъ сталъ на колѣни надъ Нѣжинцевымъ, поцѣловалъ его и перекрестилъ. Мнѣ пришлось провожать Корнилова и остаться при немъ до вечера... Мы всѣ обреченные на смерть. И онъ обреченный...

Оля взяла руку Ермолова и тихо гладила ее своею ладонью.

— Ольга Николаевна... Я покаяться пришелъ. Я сегодня поймалъ себя на подлой мысли... Неужели я... шкурникъ...

— Что вы, Сергѣй Ипполитовичъ... Придетъ — же въ голову!..

— А вотъ, слушайте... У Корнилова наблюдательный пунктъ на фермѣ. Ферма одноэтажный домикъ въ три окна по фасаду, стоитъ надъ обрывомъ рѣки. Фруктовый садъ подошелъ къ самому обрыву, а внизу весь Екатеринодаръ. Бой идетъ въ садахъ. Красная артиллерія ведетъ ураганный огонь. Я насчиталъ семьдесятъ пять выстрѣловъ въ минуту. Мы молчимъ. Отвѣчать не изъ чего. Пушекъ почти нѣтъ, снарядовъ мало... Смотрю я на Екатеринодаръ и вдругъ мнѣ такъ ясно стало, что въ Екатеринодаръ намъ войти нельзя. Екатеринодаръ это ловушка. Войдемъ мы въ него, — насъ теперь и четырехъ тысячъ нѣтъ, — и погибнемъ тамъ... Не удержимся. Въ уличномъ бою растаемъ. И тутъ я посмотрѣлъ на Корнилова. Онъ страшно исхудалъ. Черные сѣдѣющіе волосы прилипли къ желтымъ вискамъ. Носъ обострился, глаза ввалились и изъ глазныхъ впадинъ, прищуренные, узкіе, острые глядятъ несокрушимою волею. Понялъ я, что онъ рѣшилъ войдти во что бы то ни стало. И онъ войдетъ. И себя погубитъ и насъ погубитъ, но войдетъ... Я понялъ его... И вотъ тутъ то...

Ермоловъ шопотомъ скороговоркою договорилъ:

— Я подумалъ... А если бы его не стало... Если бы его убило... Онъ умеръ бы... Но спаслась бы добровольческая армія. Спасена была бы идея... Я спасенъ бы былъ... А?.. Что!.. нервно вскрикнулъ Ермоловъ... — вѣдь это... Это... Вѣдь я же шкурникъ... Такой же, какъ Митенька Катовъ, какъ всѣ тѣ... тыловые герои!!.

— Успокойтесь Сергѣй Ипполитовичъ. Это минутная слабость... Это нервы...

— Не говорите мнѣ, Ольга Николаевна: — нервы. Да все нервы. И у Митеньки Катова — нервы. Человѣкъ оставляетъ позицію, человѣкъ бѣжитъ съ поля сраженія, человѣкъ мародерствуетъ... Это... Нервы... Нѣтъ! Нѣтъ! Бичуйте меня, Ольга Николаевна, назовите меня трусомъ. Отъ васъ я все снесу! И мнѣ легче станетъ.

— Именно вамъ я никогда этого не скажу, сказала Оля. Я глубоко вѣрю въ вашу доблесть, я знаю и видѣла вашу храбрость... Я... люблю... васъ...

у нея на боку, прикрѣпила его къ футляру, обративъ въ ружье, и бросила поводья лошади.

Комиссары смотрѣли на нее, и животный ужасъ выступилъ на лицахъ. Но никто не шевельнулся подъ ея мрачнымъ взглядомъ. Въ немъ эти слуги интернаціонала, еще вчера разрѣзавшіе въ этомъ самомъ селѣ животъ священнику, вытянувшіе оттуда кишку, прибившіе ее гвоздемъ къ телеграфному столбу и гонявшіе и волочившіе священника кругомъ столба до тѣхъ поръ, пока онъ не вымоталъ всѣхъ своихъ кишекъ и не упалъ мертвый, — прочли свой приговоръ. Въ страшномъ блескѣ внезапно съузившагося зрачка, они увидали высшую силу.

— Отойдите, господа, — тихо сказала баронесса караульнымъ. — Не мѣшайте совершиться суду Бога.

На большой площади, въ углу которой гомонила толпа плѣнныхъ солдатъ-большевиковъ, въ селѣ, по которому еще тамъ и тутъ гремѣли выстрѣлы, ея слова прозвучали глубоко и четко.

Баронесса медленно, гибкимъ женственнымъ движеніемъ, приложилась и, не сходя съ коня, вдругъ ставшаго неподвижно, какъ статуя, выстрѣлила. Безъ стона рухнулъ стоявшій дальше всѣхъ солдатъ, съ идіотски напряженнымъ лицомъ смотрѣвшій прямо на баронессу и не понимавшій ничего.

Неторопливо слѣдовали одинъ выстрѣлъ за другимъ, пока не упали всѣ двѣнадцать.

Баронесса, не спѣша, сложила свой маузеръ, повѣсила его на бокъ, съ тихимъ вздохомъ, подобнымъ вздоху удовлетворенной страсти, подобрала поводья и, еще разъ окинувъ потухшимъ, усталымъ взглядомъ убитыхъ ею большевиковъ, шагомъ поѣхала по селу . . .

XVII.

Туманныя весеннія сумерки надвигались на село. Начинало морозить. На западѣ степь горѣла закатными огнями и поль неба было краснымъ, на востокѣ ярко засвѣтилась одинокая звѣзда. Село наполнилось стукомъ колесъ, криками погонщиковъ и распорядителей. Въ полутьмѣ сновали квартирьеры и раздавались голоса.

— Это Георгіевскій полкъ?.. Корниловцы — съ полемъ!... Это офицерскій баталіонъ сдѣлалъ!... Гдѣ юнкера?.. Корниловъ благодарилъ... Я видѣлъ на лицѣ его улыбку... Онъ никогда не улыбается... Какъ хорошо шли партизаны... Видали Маркова? Первый бросился на штурмъ... Съ такими не пропадешь!.. Гдѣ Корниловъ?.. Какъ всегда въ избѣ со всѣми... Нѣтъ, обходитъ раненыхъ. Онъ отдалъ свою избу раненымъ... Онъ ихъ не забудетъ никогда... Съ Корниловымъ мы не пропадемъ... Теперь, господа, мы съ патронами... и съ винтовками... Можно будетъ вооружить тыловыхъ лежебокъ... Господа шкурники на линію!..

Молодые голоса звенѣли по селу. Пріятели отыскивали въ темнотѣ другъ друга, перекликались, радуясь встрѣчѣ.

— Женька, ты живъ?.. Какъ видишь... А говорили, тебя убило... Извѣстія о моей смерти сильно преувеличены!.. Кто же изъ нашихъ?.. Ермолова царапнуло немного, но опять въ строю... въ штыковую атаку ходилъ...

Запахъ побѣды примѣшивался къ терпкому запаху крови, соломенной гари и полыни. Въ маленькой пустой хатѣ казака въ полутьмѣ размѣщался взводъ добровольцевъ.

— Видали, что съ церковью сдѣлали? — оживленно разсказывалъ загорѣлый юнкеръ. — Я вошелъ, еще свѣтло было. Вонь отъ нечистотъ въ притворѣ. Иконы порваны и исцарапаны штыками, въ уста Спасителя у царскихъ вратъ вставленъ окурокъ. На престолѣ дохлая собака и на ней раскрытое евангеліе.

— Жиды, — отозвался отъ стола мальчикъ-кадетъ.

— Нѣтъ, и свои Русскіе «товарищи» тутъ старались. Господа, нѣтъ гаже человѣка, который начнетъ ругаться надъ религіей.

— Дьяволъ радуется и руководитъ имъ, — сказалъ юноша.

— Ну какой тамъ дьяволъ! Хулиганы, и только.

— Нѣтъ, дьяволъ, — убѣжденно сказалъ первый.

Говорившіе посмотрѣли на него. Это былъ худой, очень высокій, долговязый юноша, съ юной русой бородкой на щекахъ и подбородкѣ. На его рубахѣ былъ университетскій значекъ.

долину туманъ и обнажались колокольни и куполы собора, крыши вокзала и зданій Владикавказской дороги.

— Далъ бы Богъ. У меня три внука въ обходъ съ Эрдели пошли. Да вишь и четвертый то дома не сидитъ, все просится... — онъ показалъ на мальчика десяти лѣтъ, бодро стоявшаго подлѣ него. — А только, взять то возьмемъ, да удержимъ ли? Сила то его большая, да и народъ кругомъ подлецъ.

Оля, стоявшая тутъ-же, задумалась. «Не то же ли самое говорилъ ей вчера Ермоловъ? Если въ Екатеринодарѣ погибнетъ добровольческая армія, то что же дѣлать! что дѣлать съ ранеными, съ самими собой?»

— Какъ бьетъ по фермѣ, — сказалъ раненый ночью офицеръ. Вчера тамъ былъ штабъ Корнилова. Хорошо, если сегодня его нѣтъ тамъ.

— Гдѣ это? — спросило нѣсколько человѣкъ.

— А вонъ, глядите, надъ Кубанью. Такъ и засыпаетъ... Вонъ видите маленькій бѣлый подъ желѣзною крышею домикъ съ двумя трубами. Садъ кругомъ.

— Я вижу въ бинокль его значекъ. Онъ, покосившись, стоитъ прислоненный къ кустамъ, — сказалъ Катовъ. Ну да, конечно, это его флагъ. А вотъ сейчасъ... Не вижу... онъ упалъ...

— Упалъ значекъ Корнилова?.., — съ ужасомъ въ голосѣ спросилъ раненый офицеръ. — Упалъ нашъ Русскій флагъ?!

— Ну да, что же особеннаго? Лежитъ, должно быть, въ пыли...

— Боже! Боже! Что же это такое! А людей вы не видите?

— Нѣтъ, они, вѣрно, за домомъ. Да чему вы такъ взволновались?

— Нѣтъ, ничего... Это такъ только. Я... загадалъ.

Люди приходили и уходили. Сестры заглядывали къ раненымъ, поправляли подушки, давали воду, хлопотали о чаѣ. Внизу неровно шелъ бой. Не было той постоянной стрѣльбы, которая была всѣ эти четыре дня, но перестрѣлка вспыхивала въ садахъ на нѣсколько минутъ, вялая, безжизненная и сейчасъ же обрывалась. Точно обѣ стороны не желали больше воевать.

— По моему, — сказалъ Катовъ, — вчера перестрѣлка была глубже въ улицахъ. Сегодня она больше по окраинамъ. Не отошли ли наши?

— Сегодня наши должны взять Екатеринодаръ, таковъ приказъ Верховнаго, — вяло сказалъ офицеръ съ перевязанною рукою.

Отъ Екатеринодара подходили люди. Это были любопытные, подошедшіе отъ станицъ на развѣдку, раненые, могущіе сами добраться до перевязочнаго пункта, но между ними попадались и здоровые добровольцы. Они подходили къ обозамъ и садились подлѣ телѣгъ. Ихъ лица были землисто-сѣрыя, безжизненныя, глаза смотрѣли въ землю. Они неувѣренными движеніями доставали табакъ, сворачивали папиросы и закуривали. И по тому, какъ двигали они руками и ногами, вяло и машинально, можно было понять, что голова ихъ не тѣмъ занята.

— Корниловъ убитъ...

Кто сказалъ? Никто не замѣтилъ, но всѣ услыхали. Посыпались вопросы.

— Нѣтъ, раненъ, — сказалъ кто-то, не поворачивая головы.

— Убитъ, — сказалъ длинный кадетъ съ совершенно изсохшимъ лицомъ. — Только скрываютъ. Я самъ видалъ. Умеръ. Лежитъ на берегу Кубани.

— Какъ?.. Гдѣ?.. Вы сами видали?.., раздались голоса. Кое-кто ближе пододвинулся къ кадету.

— Ну да-же!.. Пропала Россія... И флагъ его, трехцвѣтный... Святой Русскій флагъ за фермой, въ пыли лежитъ, весь грязью запачканный... Никому не нужный!.. Пропала Россія, — со слезами въ голосѣ воскликнулъ раненый офицеръ.

— Да, постойте! Говорите же толкомъ!.. Вы сами видали? Гдѣ же вы были?

— А подлѣ фермы. Я помощникъ телефониста.

— Но позвольте, кто же вамъ позволилъ уйдти? — грозно спросилъ Катовъ. — Это, молодой человѣкъ, дезертирство!... Да! Вы отвѣтите.

— Оставьте, право, — блѣднымъ усталымъ голосомъ сказалъ юноша. — Вы же ничего не понимаете. Наши отходятъ уже... Не къ чему драться.

— Да, скажите, въ чемъ дѣло? — спросилъ раненый офицеръ.

— Съ утра начался его обстрѣлъ, — печально заговорилъ кадетъ. — По фермѣ билъ. Онъ еще съ вечера пристрѣлялся. Штабъ перевели ниже. Просили Корнилова перейти. Онъ остался. Онъ уже, господа, мертвый былъ.

— Какъ? Да что вы говорите!

— То есть, онъ еще живой былъ, но какъ бы мертвый. Я ночью пять разъ ему телефонограммы подавалъ. Онъ все ходитъ и чай пьетъ. На меня посмотрѣлъ — такъ, ей Богу, господа, я много ужасовъ видалъ, а такого взгляда не забуду. Онъ на меня смотритъ, а видитъ совсѣмъ не меня. Онъ уже, что т а м ъ видитъ.

— Просто, усталъ человѣкъ, замучился, — сказала сестра Валентина.

— Нѣтъ, сестрица. Нѣтъ, я точно видѣлъ. Особенный это взглядъ. Это не усталость!

— Ну... Дальше.

— Часовъ около шести, смѣнялся патруль около фермы. И сейчасъ же начался и обстрѣлъ. Значитъ, — замѣтили они патруль. Вѣдь, господа, тамъ всего три версты до него было. Прилетѣло нѣсколько шрапнелей, ахнуло: — недолетъ дали. Только пули, слыхать, пропѣли. Вторыя закопались сзади фермы, — значитъ: въ вилку взяли... Вышелъ генералъ Деникинъ и говоритъ другому генералу: — «ну, тутъ нечего дожидаться! дѣло ясное!» И спустились они подъ горку, къ рѣкѣ. На откосѣ сѣли. За ними генералъ Богаевскій съ адъютантомъ своимъ вышелъ, тоже сѣлъ съ Деникинымъ. Я посмотрѣлъ: вижу флагъ его стоитъ прислоненный къ кустамъ и такъ отъ сотрясенія, или что, вотъ-вотъ упадетъ. Я и подумалъ: — «надо крѣпче поставить, а то не хорошо: Русскій флагъ и въ грязи...» Да... А тутъ взрывъ въ самой фермѣ. Мы такъ и ахнули. Адъютантъ Верховнаго, Долинскій, выбѣгаетъ. Трясется весь. Голосъ дрожитъ... «Верховный... Верховный», а что Верховный и не сказалъ. Опять убѣжалъ въ хату. Ну, тутъ казаки и туркмены бросились. Долинскій съ туркменскимъ офицеромъ Резакъ-бекомъ выносятъ Корнилова, крови нигдѣ не замѣтно, только лицо бѣлое, какъ у покойника. Понесли на берегъ. За докторомъ послали... Пришелъ докторъ, осматривалъ его долго. Потомъ... вижу всѣ шапки

сняли... Крестятся... Ну, я понялъ... Кончился. Пошелъ къ его флагу. Гляжу: лежитъ, въ пыли, грязи... Знамя наше святое... Телефонъ разбило... Ну, я пошелъ... Слышу только: Деникинъ командованіе принялъ. Алексѣевъ пріѣхалъ. Онъ ему такъ и сказалъ: «у насъ», молъ, давно съ Лавромъ Георгіевичемъ это условлено, ежели что случится»... Алексѣевъ промолчалъ.

Раненый офицеръ порылся на груди, досталъ ржавый, старый, истертый кожаный бумажникъ и вынулъ изъ него вырѣзку изъ газеты.

— Исполнилъ генералъ Корниловъ то, что давно рѣшилъ, — торжественно сказалъ онъ. — Помните, что сказалъ онъ въ августѣ: «тяжелое сознаніе неминуемой гибели страны повелѣваетъ мнѣ, въ эти грозные дни, призвать всѣхъ Русскихъ людей къ спасенію умирающей Родины, всѣхъ — у кого бьется въ груди Русское сердце, кто вѣритъ въ Бога, въ право, въ храмъ... Предать Россію въ руки ея исконняго врага и сдѣлать народъ рабами нѣмцевъ я не могу, не въ силахъ, и предпочитаю умереть на полѣ чести и брани, чтобы не видѣть позора и срама Русской земли...» И года не прошло. Корниловъ умеръ! Ужели намъ придется увидѣть позоръ и срамъ Русской земли?

Въ станицу въѣхалъ казачій офицеръ.

— Господа! — сказалъ онъ, ни къ кому не обращаясь, — собирайте обозы и легко раненыхъ, которые могутъ идти сами и кого можно везти рысью безъ перевязки... Приказано отступать отъ Екатеринодара.

— Куда? — спросило нѣсколько человѣкъ.

— Туда! — неопредѣленно махнулъ рукою казакъ. Лицо его выражало отчаяніе.

— А тяжело раненые? — спросила сестра Валентина.

— Главнокомандующій приказалъ оставить на попеченіе жителей. Взяты заложники...

XXVI.

Въ сумеркахъ Корниловскій полкъ проходилъ черезъ станицу. Онъ шелъ, какъ всегда, въ полномъ порядкѣ, но безъ пѣсень. За полкомъ ѣхала казачья парная фурманка, на ней, на соломѣ, закутанное въ шинель лежало тѣло Корнилова. Караулъ сопровождалъ тѣло.

Оля только что покончила погрузку раненыхъ своей хаты и пропускала полкъ, чтобы ѣхать за нимъ.

Маленькимъ показался онъ ей. Порѣдѣли его ряды. Вотъ то отдѣленіе, гдѣ идутъ ея братья и съ ними рядомъ долженъ идти Ермоловъ. Но его нѣтъ. Братья идутъ одни. Ихъ лица сѣры, скулы выдались, щеки запали. У Павлика одинъ сапогъ разошелся совсѣмъ и перевязанъ тряпками. Они смотрѣли внизъ и не видали Оли.

— Ника, Павликъ, — окликнула ихъ Оля. — А гдѣ Ермоловъ?

Павликъ мрачно посмотрѣлъ на сестру и точно не узналъ ее, прошелъ мимо. Ника вышелъ изъ рядовъ.

— Собирайся Оля и поѣзжай, — сказалъ онъ.

— Гдѣ же Сергѣй Ипполитовичъ? — воскликнула Оля.

— Да что тебѣ въ немъ! Мы всѣ конченные люди. Раньше, позже, не все ли равно.

— Ника! Что съ нимъ?..

— Онъ раненъ... Тяжело. Въ животъ. Везти нельзя. Его оставили. Жители записаны и, если что будетъ, они отвѣтятъ.

— Гдѣ?

— На окраинѣ Елизаветинской, у казака Кравченко... Да ты что же!

— Я пойду туда!

— Оля, ты съума сошла!

— Нѣтъ. Это вы сошли съума, что оставили его.

— Оля! Онъ все равно умретъ.

— Тѣмъ болѣе. Онъ умретъ у меня на рукахъ. Умретъ безъ злобы и ненависти, благословляя васъ.

— Оля, я не пущу тебя!

— Не посмѣешь!.. Иди... дѣлай свой долгъ до конца, а я буду дѣлать свой. Я сестра милосердія прежде, чѣмъ сестра твоя, а ты солдатъ — Корниловецъ прежде, чѣмъ мой братъ. Твое мѣсто въ рядахъ полка, мое при раненыхъ. Я Русская дѣвушка и ты Русскій солдатъ и мы должны умѣть смотрѣть въ глаза смерти!.. Иди!

Оля обняла Нику и поцѣловала его.

— Перекрести за меня Павлика, — сказала она. — Папа и мама видятъ насъ! Они помолятся и заступятся за насъ!.. Прощай... Родной!

Ника пошелъ за полкомъ. Онъ спотыкался и не видѣлъ подъ собою дороги. «Э! все равно», — думалъ онъ. «Корнилова не стало и мы погибнемъ.»

Оля пошла къ сестрѣ Валентинѣ.

— На подвигъ идете вы, Олечка, — сказала сестра Валентина, развязывая уже увязанный аптечный чемоданъ. — Возьмите бинты и лекарства.

Она проворно завязывала пакетъ.

— А это, — сказала она, подавая маленькій пузырекъ Олѣ, — если вамъ будетъ угрожать что-либо худшее смерти.

— Спасибо, — сказала Оля.

Онѣ простились просто, безъ лишнихъ словъ и безъ слезъ. Все это было бы такимъ ничтожнымъ передъ тѣмъ, что совершалось въ эту прекрасную весеннюю ночь, когда народилась молодая луна и сладко пахло древесными почками и землею.

Оля шла по опустѣвшей станицѣ. Жители попрятались и изъ-за палисадниковъ виднѣлись хаты съ закрытыми наглухо ставнями. Оля одна шла туда, откуда всѣ спѣшили уйдти. Многіе казаки торопливо укладывали повозки и спѣшили уѣзжать, боясь кровавой расправы. Оля спрашивала ихъ, гдѣ домъ казака Кравченко.

— Дальше, дальше, по этой улицѣ, — говорили ей. По правой сторонѣ, второй съ края.

Луна уже давала свѣтъ и тѣни тянулись отъ набухшихъ почками деревьевъ. Улица спускалась внизъ. Попадавшіяся собаки не лаяли, но поджимали хвосты и убѣгали въ калитки.

Поперегъ улицы лежалъ человѣкъ съ забинтованной головою. Это былъ раненый, котораго бросили и который застрѣлился... Въ такомъ же положеніи былъ и Ермоловъ.

Оля встрѣтила казаковъ съ лопатами. Должно быть они шли убирать трупъ самоубійцы.

— Гдѣ домъ Кравченки? — спросила ихъ Оля.

— Къ раненымъ, что-ль? — сказалъ, останавливаясь, казакъ.

— Къ раненымъ.

— Двое осталось. Третій, вишь, не выдержалъ. Порѣшилъ съ собою. Ну, помогай Богъ. Второй домъ отсюда. Тамъ свѣтъ увидаете.

Черезъ маленькій палисадникъ была настлана деревянная панель въ двѣ доски. Сирень въ большихъ бутонахъ, кистями висѣвшихъ съ вѣтвей, протягивалась къ Олѣ и холодными свѣжими, еще не пахнущими, но нѣжными шариками мазала по щекамъ. Оля поднялась на рундучекъ, открыла дверь и вошла въ комнату. На столѣ горѣла лампа. За столомъ сидѣли казакъ съ казачкой. Они пили чай. Вдоль стѣнъ хаты были положены снопы соломы и на нихъ два человѣка. Одинъ, съ темнымъ лицомъ, лежалъ, закативъ глаза и непрерывно, мучительно стоналъ. Онъ былъ безъ памяти.

— Ура! — крикнулъ онъ, услыхавъ шаги Оли. — Ура! Всѣ помремъ, а возьмемъ!..

Другой былъ Ермоловъ. Его лицо было бѣлое и странно чистое въ этой грязной обстановкѣ. Большая пуховая подушка была положена ему подъ голову. Онъ широко раскрытыми страдающими глазами смотрѣлъ на Олю. Онъ былъ въ сознаніи и узналъ ее.

— Ольга Николаевна, — сказалъ онъ и попытался поднять руки. Но онѣ упали снова на шинель. Оля замѣтила, что кисти рукъ стали большими и рѣзко выдѣлялась кость запястья и голая по локоть, худая рука.

— Насъ бросили? — сказалъ онъ, и повелъ глазами по сторонамъ.

— Милый мой, — сказала Оля. — Никто и никогда васъ не бросалъ. Все будетъ хорошо.

— Правда?.. — смотря въ самую душу Оли, спросилъ Ермоловъ.

— Правда, родной! Все будетъ, какъ Богу угодно.

Казакъ и казачка смотрѣли на Олю.

— Вы что же, сестрица, проститься что ли пришли? — спросилъ казакъ.

— Нѣтъ. Я ходить за ними буду. Это мой женихъ, — сказала Оля.

— Ну такъ вотъ что, — вдругъ засуетился старикъ. — Это не дѣло! Не дѣло это, говорю тебѣ, старуха. Придутъ эти самые большевики, хорошаго не будетъ. Схоронить ихъ надо, слышь, старуха.

— Да гдѣ схоронишь-то? — спросила старуха.

— Гдѣ? А на клунѣ, старая. Теперь тепло. И сестру съ ними помѣстимъ, а вещами заставимъ. По утрамъ молочка принесемъ, все душу христіанскую спасемъ.

— Эхъ, старый, въ отвѣтъ бы не попасть.

— У, молчи! Молчи, мать! Говорю, душу спасать будемъ! На ее, мать, посмотри, молодая, да красивая пришла, себя не пожалѣла, а мы что, мы то старые. Много ли намъ и надо то! А тутъ, душу спасемъ. Душу!

Всю ночь, Оля со старикомъ и старухой, устраивали на заднемъ дворѣ за птичнею и сараями помѣщеніе для раненыхъ. Достали постели, матрацы, не пожалѣли чистыхъ простынь и позднею ночью, когда луна уже скрылась, раненыхъ устроили въ большомъ сараѣ за молотилкой и плугами. Съ ними устроилась и Оля.

Ермоловъ лежалъ въ жару и дыханіе его было едва замѣтное, другой раненый, тридцатилѣтній капитанъ, метался и стоналъ. Бредъ не покидалъ его.

Оля, у которой отъ усталости ломило руки и ноги, вышла изъ сарая. Ароматная свѣжесть была разлита въ воздухѣ. Послѣднія звѣзды догорали въ холодномъ небѣ. Востокъ клубился розовою мглою. Со степи несло старою полынью, черноземомъ, могучимъ запахомъ земли. Тихія стояли деревья сада. Яблони, какъ невѣсты, украсились нѣжнымъ пухомъ бѣлорозовыхъ бутоновъ и сладкій волнующій запахъ шелъ отъ нихъ. Внизу широкимъ голубымъ просторомъ въ зеленой рамѣ озимей и новыхъ деревьевъ текла Кубань. Птицы радостно пѣли на вѣтвяхъ, привѣтствуя нарождающееся солнце. Рядомъ въ курятникѣ встряхивался и кричалъ еще хриплымъ голосомъ пѣтухъ. За стѣною вздыхали лежащія коровы и быкъ тихо сопѣлъ. Кругомъ были миръ и радость бытія. Кругомъ были богатство и просторъ, и мать земля дышала плодородіемъ и могучими животворящими соками, ожидая солнца.

На низинѣ, у входа въ станицу, грянулъ выстрѣлъ... Другой... Раздались пьяные крики и вопли. Оттуда пробѣжала, поджавъ хвостъ, собака и пугливо озиралась, ничего не понимая.

Большевистскія орды входили въ станицу.

XXVII.

Саблинъ шелъ, спотыкаясь о кочки и корни деревьевъ. Его толкали сзади, къ нему забѣгали спереди и дышали ему въ лицо зловонными ртами. Кто-то схватилъ его руки, оттянулъ ихъ назадъ и туго связалъ ихъ платкомъ. Каждую секунду Саблинъ ожидалъ выстрѣла, спереди, или сзади, который прикончитъ его жизнь. Выстрѣлы раздавались, но стрѣляли вверхъ. Всѣмъ распоряжался молодой солдатъ.

— Погодите, товарищи! — кричалъ онъ, — погодите! Это не такой генералъ, чтобы его можно было такъ сразу прикончить. Нѣтъ, мы съ него допросикъ снимемъ, все форменно... Не трогай! Не смѣть! — грозно крикнулъ онъ на солдата со злобными свѣтло-сѣрыми глазами, хотѣвшаго колоть штыкомъ Саблина.

— Что же беречь его что-ль будемъ? Во фронтъ его превосходительству становиться! — сказалъ тотъ, но отступилъ подъ окрикомъ молодого солдата.

— Не ваше дѣло, товарищъ, — властно сказалъ молодой солдатъ. — Признаю нужнымъ и во фронтъ станете. Генералъ Саблинъ моя добыча и я сдѣлаю съ нимъ то, что нужно.

Одно мгновенie Саблину показалось, что молодой солдатъ хочетъ спасти его, что онъ не врагъ его, а другъ, но эта мысль его не порадовала. «Послѣ плевковъ и оскорбленій какъ жить?! Для чего жить? Это Русскіе люди, это Русскіе солдаты, которыхъ я такъ любилъ», — подумалъ Саблинъ, — «это Русская армія, которая была для меня всѣмъ».

— И вы, товарищи, полегче. Это и при Царскомъ режимѣ не дозволялось, чтобы арестанта оскорблять, а когда народно-крестьянская власть — покажи революціонную дисциплину. Мы одни можемъ судить его и знаемъ, какой муки достоинъ этотъ человѣкъ.

— Ишь ты! Комиссаръ! — протянулъ солдатъ со злыми глазами.

— Да, и не только комиссаръ, но и членъ Цика — съ достоинствомъ сказалъ молодой солдатъ. — Будете безобразничать, я самому Троцкому напишу.

— А намъ плевать на твоего Троцкаго! Что онъ, жидъ паршивый, предатель! — сказалъ солдатъ съ блѣдными глазами.

— Товарищъ! Въ васъ говоритъ темнота и ваше пролетарское происхожденіе, только потому я не предпринимаю никакихъ мѣръ. Помните, что это уже контръ-революція.

— Оставьте, товарищъ, — заговорили кругомъ солдаты. — Ну что въ самомъ дѣлѣ шебаршить. Онъ комиссаръ, не знаете что-ль.

— Тѣ-же, господа, только изъ хамовъ, — прошипѣлъ солдатъ, но оставилъ Саблина въ покоѣ. Онъ отошелъ отъ него и издали погрозилъ кулакомъ.

— Ну, подожди, — онъ выругался сквернымъ Русскимъ словомъ, — ну, подожди! выпусти ты мнѣ только генерала, своими руками разорву.

— Не безпокойтесь, товарищъ, — сказалъ молодой солдатъ и такая усмѣшка скривила его лицо, что Саблинъ понялъ, что его не только ожидаетъ смерть, но и самыя ужасныя муки. И онъ сталъ мысленно молиться Богу.

Саблина привели на поѣздъ и посадили со связанными руками въ вагонъ, куда набились вооруженные солдаты. Молодой солдатъ продолжалъ распоряжаться. Поѣздъ сейчасъ же тронулся и минутъ черезъ двадцать пришелъ на большую станцію. Здѣсь Саблина вывели и перевели въ классный вагонъ mixte, посадили въ купэ второго класса и съ нимъ сѣло четыре вооруженныхъ солдата, два у оконъ и два у дверей. Въ сосѣднемъ купэ помѣстился комиссаръ.

Вагонъ долго стоялъ на мѣстѣ, потомъ его передвигали съ одного пути на другой, прицѣпляли и отцѣпляли и онъ снова стоялъ. Въ окно, то видна была небольшая станціонная постройка, то голыя вѣтви акаціи сада, то стѣнь, по которой гулялъ и мелъ снѣжинки вѣтеръ. Солдаты сидѣли молча и клевали носами. Воздухъ въ купэ становился тяжелымъ и спертымъ. У Саблина отъ голода, побоевъ и дурного воздуха кружилась голова и временами онъ терялъ сознаніе. Странная вещь, — онъ о смерти не думалъ. Онъ такъ примирился съ нею, что она выпала

изъ его думъ. Онъ думалъ о томъ, что его знаетъ въ Россіи множество солдатъ, что среди тѣхъ, которые его арестовали, нашлись люди, опознавшіе его, что онъ всегда былъ честнымъ и заботился о солдатѣ, какъ никто, а теперь его обвинили солдаты въ томъ, что онъ продалъ свою позицію за сорокъ тысячъ. Но злобы противъ солдатъ у него не было. Ему казалось, что всѣ они сошли съ ума, не выдержавъ напряженія трехъ лѣтъ войны, окопной жизни, ожиданія смерти, удушливыхъ газовъ, потеряли вѣру въ Бога и теперь захвачены бредомъ безумнаго ученія.

Лицо комиссара не шло у него изъ головы. Оно отталкивало, оно и притягивало. «Неужели», думалъ Саблинъ, «это говоритъ во мнѣ животное чувство благодарности за то, что онъ не далъ солдатамъ убить меня». Саблинъ вспоминалъ усмѣшку, искривившую ротъ комиссара, и понималъ, что онъ спасъ его для чего то худшаго.

«А все-таки спасъ, а все-таки жизнь!» — думалъ Саблинъ. — За окномъ, по степи ходили пѣтухъ и двѣ курицы. Они показались Саблину прекрасными. «Какъ это», подумалъ онъ, — «я раньше не замѣчалъ сколько красоты въ курахъ». Крадется кошка — какая красавица! Зелено-сѣрая съ чернымъ узоромъ. Вѣтеръ вздулъ на ней пушистую шерсть и она кажется большою и толстой. Сколько граціи въ ея движеніяхъ, какъ напрягаются мускулы ея бѣлыхъ лапокъ! Вѣдь и она думаетъ что-то, разсчитываетъ свои движенія и выпускаетъ маленькіе коготки, чтобы крѣпче держаться за землю. Что она думаетъ?.. Пѣтухъ недовольно потрясъ головою и лапою разгребъ песокъ, точно расшаркался. И тоже думалъ о чемъ-то. Въ маленькой головкѣ съ краснымъ гребнемъ копошится мысль... — Рядомъ тяжело вздохнулъ солдатъ и снялъ съ потнаго лба сѣрую папаху. — «И онъ думаетъ», подумалъ Саблинъ. — Моя голова на полъ аршина отъ его, а я не знаю, о чемъ онъ думаетъ и онъ не знаетъ ни моихъ думъ, ни моихъ переживаній. А что, если все это только кажется, а ничего нѣтъ. Что, если и пѣтухъ съ курами, и сѣрая кошка, и солдаты — только плодъ моего воображенія. Я вижу сны. И во снѣ передо мною рисуются прекрасныя картины, самыя сложныя постановки, а ничего нѣтъ. Что если и тутъ ничего нѣтъ и все это только

кажется и жизнь есть сонъ. Но я могу потрогать пѣтуха, могу гладить кошку, я могу описать ихъ, заранѣе сказать, какіе они. Да, болѣе совершенный сонъ, который творятъ всѣ чувства, а на дѣлѣ ничего нѣтъ. Я одинъ... Но и солдатъ рядомъ можетъ такъ же думать, что онъ одинъ, а я его сонъ, его представленіе. И если все это сонъ, то гдѣ же пробужденіе?..»

«Смерть. Жизнь только сонъ, а смерть есть пробужденіе отъ жизни, есть дѣйствительная жизнь освобожденнаго духа. Ну что же, — если суждено прекрасному сну моей жизни завершиться кошмаромъ — пусть такъ. Тѣмъ радостнѣй будетъ пробужденіе.»

«Боюсь я смерти? Если бы не вѣрилъ — боялся бы. Но я вѣрю, что послѣ смерти мое «я» останется и потому не боюсь. Какъ хорошо было бы увидать тамъ тѣхъ, кого я такъ любилъ въ жизни. И больше всего мою мать. О! Какъ давно это было! Фотографіи женщины въ старомодномъ платьѣ съ турнюромъ и стянутой таліей, прическа съ локонами, спускающимися съ висковъ, ничего не говорятъ мнѣ. Но таитъ мое сердце сладкій запахъ ея духовъ и очарованіе особенной ласки женской и въ то же время чистой, духовной, равной который нѣтъ. И кажется она и теперь прекрасною, какъ Ангелъ. Кто знаетъ, — не она ли встрѣтитъ его первою за рубежемъ?

Звенящимъ стономъ долетаетъ изъ прошлаго вопль Маруси: мой принцъ!... Сколько недосказаннаго осталось между ними, сколько невыясненнаго! Что, если тамъ можно будетъ обо всемъ поговорить?! Что, если тамъ встрѣчаешь другъ друга, какъ путники послѣ долгой разлуки встрѣчаются съ тѣми, кто оставался дома, и идутъ безконечные пересказы о томъ, что было. Тамъ онъ падетъ ницъ передъ Вѣрой и выплачетъ ей свое горе. Землю и земное несъ Саблинъ и на небо, потому что слишкомъ любилъ онъ землю... «Коля! И ты меня встрѣтишь!»

О смерти, какъ о концѣ, Саблинъ не думалъ, онъ думалъ о смерти, какъ о началѣ. Страданія? а что такое страданіе? Когда его ранили — это были страданія, но, когда у него болѣли зубы — это были еще большія страданія. Когда его ударяли сегодня по затылку и по лицу, — это было ужасно и кровь кипѣла въ немъ отъ оскорбленія

и безсильной злобы, но, когда его сволочью и мерзавцемъ обругалъ Любовинъ, когда Коржиковъ у тѣла несчастной Маруси сказалъ ему нетерпѣливо: «да уходите же!» — это было болѣе ужаснымъ оскорбленіемъ и даже теперь кровь заливаетъ его лицо при одномъ воспоминаніи объ этомъ. Все относительно. А главное; — tout passe, tout casse, tout lasse*) — все проходитъ...

— А что, господинъ генералъ, — глядя на него сказалъ конвойный солдатъ, — тяжело вамъ съ руками назади. Давайте, я развяжу. Не убѣжите вѣдь.

— Вы вѣрите, — сказалъ Саблинъ, въ упоръ глядя солдату въ глаза, — что я могъ продать позицію за сорокъ тысячъ рублей? Что я истреблялъ солдатъ для своего удовольствія? Вы меня знаете?

— Такъ точно, знаю. Въ корпусѣ былъ у васъ. Мы васъ оченно даже обожали.

— Такъ зачѣмъ же мнѣ бѣжать? Сами понимаете, что бѣжитъ тотъ, кто опасается чего либо, кто виноватъ, а тотъ, кто ни въ чемъ не виновенъ, зачѣмъ ему бѣжать?

— Это точно, — протянулъ солдатъ. — А только вы его не знаете... Коржикова...

Кровь отлила отъ лица Саблина и онъ спросилъ, задыхаясь — кого?

— Да комиссара́ — то чтоль... Коржикова... Страшный человѣкъ. Демонъ. Онъ онадысь офицера самъ убилъ. Увидалъ погоны подъ шинелью, подошелъ въ толпѣ, вынулъ револьверъ и убилъ. Онъ, ваше превосходительство, жестокій человѣкъ. Хуже мужика. Даромъ, что баринъ. Да вы что? Эхъ ослабли какъ! Товарищъ, надо бы генералу чайку согрѣть, а то вишь грѣхъ какой! Сомлѣлъ совсѣмъ.

— Отъ устатку это, — сказалъ его сосѣдъ. — Ну тоже и переволновались.

— Да и ѣсть, гляди, давно ничего не ѣли.

— Да, покормить надоть.

Потерявшаго сознаніе Саблина солдаты уложили на диванъ, и одинъ изъ конвойныхъ пошелъ за кипяткомъ и хлѣбомъ.

---

*) Все проходитъ, все исчезаетъ, все отмираетъ.

XXVIII.

Четверо сутокъ везли Саблина на сѣверъ. Онъ находился въ полузабытьи. Конвойные смѣнялись каждый день. Его поили чаемъ и давали ему хлѣба. Два раза приносили жидкій невкусный супъ. На пятыя сутки, утромъ, Саблинъ мелькомъ сквозь полузамерзшее стекло вагона увидалъ красныя казармы, занесенную снѣгомъ канаву передъ ними и понялъ, что его привезли въ Петербургъ. Коржикова онъ не видалъ всѣ эти дни.

«Если я знаю, кто для меня Коржиковъ», — думалъ Саблинъ, «то Коржиковъ вѣроятно не знаетъ, кто я для него. Если бы ему сказалъ тайну его рожденія тотъ рыжій соціалистъ, то Коржиковъ бы выдалъ себя, а онъ ничего не сказалъ... Но, почему тогда онъ не позволилъ солдатамъ отправить его «въ штабъ генерала Духонина», а привезъ сюда, въ Петербургъ»?

Саблинъ рѣшилъ молчать, что бы ни случилось.

«Христа замучили и распяли, — но вѣра Христа и его ученіе о любви живы уже двадцать вѣковъ. Офицерство Русское хранило завѣты рыцарства и сдерживало солдатъ отъ насилій и звѣрства. Оно идетъ на Голгоѳу и крестную казнь, но идея рыцарства отъ этого станетъ еще выше и сильнѣе. И я долженъ гордиться, что я не только генералъ свиты его величества, не измѣнившій своему Государю, что я не только георгіевскій кавалеръ, но что мнѣ Господь дастъ счастье мученической смерти!!»

Саблинъ въ эти дни испытывалъ то свѣтлое чувство, какое испытывали первые Христіанскіе мученики. Душа его просвѣтлѣла, тѣло съ его чувствами ушло куда то далеко, и весь онъ горѣлъ ожиданіемъ чего то радостнаго и великаго, что соединитъ его съ Христомъ....

Поѣздъ остановился на Николаевскомъ вокзалѣ. Было около полудня, когда Саблина вывели изъ вагона и черезъ густую толпу солдатъ и народа провели на Знаменскую площадь. У подъѣзда ихъ ожидалъ автомобиль. Саблина посадили между солдатами на заднее сидѣнье, нѣсколько солдатъ съ ружьями стало на подножки, Коржиковъ сѣлъ рядомъ съ шофферомъ.

«Какого страшнаго звѣря везутъ», подумалъ Саблинъ. «Какъ расточительна народная власть! Во времена цариз-

ма», преступника скромно отправили бы между двумя конвойными, а тутъ» ...

Занесенный мокрымъ снѣгомъ, изъ снѣговыхъ сугробовъ, величаво смотрѣлъ на вокзалъ чугунный Александръ III, и безобразный памятникъ вдругъ сталъ понятенъ Саблину и онъ посмотрѣлъ на него съ любовью. Громадный царь — мужикъ, царь великанъ и тѣломъ и духомъ, тугой уздой сдерживалъ успокоенную Россію. Онъ зналъ и понималъ Россію. Онъ смотрѣлъ, на тотъ путь, который онъ задумалъ и который велъ на востокъ. Онъ отвернулся отъ запада и застылъ въ величавомъ спокойствіи.

Автомобиль объѣхалъ памятникъ и свернулъ по 2-й Рождественской на Суворовскій проспектъ. Знакомыя улицы, родные дома смотрѣли на Саблина. Все было по старому.

Также насуплено и густыми грозящими тучами было обложено безрадостное небо, такъ же сырой туманъ скрадывалъ дали и пропитывалъ сыростью тѣло. Только снѣга стало больше и бросало автомобиль на ухабахъ. Не видно было правильныхъ кучъ его вдоль тротуаровъ, панели не были посыпаны пескомъ. Магазины и лавки стояли пустые съ разбитыми стеклами и заколоченными окнами. Кое гдѣ видны были длинныя очереди и ожидавшіе топали ногами отъ холода, стояли съ блѣдными, не покраснѣвшими отъ мороза лицами и равнодушно смотрѣли на ѣхавшій автомобиль. Трамвай не ходилъ и рельсы были занесены снѣгомъ. Автомобиль обогналъ не то извощика, не то собственныя сани. Сани были безъ номера, но лошадь, голодная и худая еле бѣжала и на кучерѣ былъ рваный армякъ и сѣрая папаха. Въ саняхъ сидѣлъ высокій человѣкъ съ сѣдою бородкой и блѣднымъ одутловатымъ лицомъ. Саблинъ узналъ въ немъ знаменитаго профессора военныхъ наукъ, а потомъ генерала, занимавшаго видный постъ. Въ толстой наваченной солдатской шинели безъ погонъ и петлицъ и въ фуражкѣ обвязанной башлыкомъ онъ ѣхалъ по привычному пути къ Академіи, гдѣ онъ провелъ столько лѣтъ.

У Академіи толпою стояли люди въ шинеляхъ и папахахъ и слышался молодой смѣхъ и шутки.

«Они живутъ» подумалъ Саблинъ, «имъ и горя мало. Они считаютъ себя правыми и идутъ съ жидами создавать

III интернаціоналъ, раздувать всемірный пожаръ классовой революціи и уничтожать Россію. А на югѣ ихъ родные братья такъ же собираются, такъ же смѣются, шутятъ и готовятся идти спасать эту Россію!»

«Для меня и для тѣхъ, кто на югѣ, дорога Россія со всѣми ея красотами, съ ея вѣрою православною, съ попами, дворянами, офицерами и солдатами, съ купцами и сидѣльцами, съ торговками и мужиками, намъ дорогъ нашъ бытъ, который вынесли мы изъ глубины вѣковъ и отъ котораго вѣетъ былинами про богатырей и побѣдами надъ природой, надъ татарами и поляками, надъ шведами и турками, надъ англичанами и французами»...

«Имъ дорога утопія. Имъ желателенъ міръ, гдѣ люди обращены въ скотовъ и, сами того не понимая, они вкладываютъ шеи свои въ жидовское ярмо»...

Грязными показались постройки офицерской школы. Стекла въ большомъ манежѣ были выбиты и подлѣ него не видно было изящныхъ всадниковъ, гарцовавшихъ на прекрасныхъ лошадяхъ.

Автомобиль пересѣкъ Лафонскую площадь, въѣхалъ въ ворота и покатился между громадныхъ полѣнницъ дровъ. У воротъ стояла толпа людей въ черныхъ пальто, перевязанныхъ пулеметными лентами и вооруженныхъ разнообразными винтовками. На большомъ крыльцѣ, у колоннъ, притаились облѣзлые пулеметы съ вложенными лентами. Въ углу двора, у праваго квартала, сѣрымъ чудовищемъ стоялъ броневикъ и съ его круглой башни хмуро глядѣла тусклая, инеемъ покрытая пушка.

Молодой человѣкъ въ черной фуражкѣ, изъ подъ которой выбивались черные кудри, съ маленькими усиками на блѣдномъ лицѣ, въ черномъ студенческомъ пальто, поверхъ котораго нелѣпо, задомъ на передъ была надѣта богатая сабля съ новенькимъ георгіевскимъ темлякомъ, при револьверѣ, подошелъ къ автомобилю и спросилъ:

— Это кто, товарищи?

— Товарищъ Коржиковъ, важно сказалъ, вылѣзая изъ автомобиля Коржиковъ. — Я привезъ генерала Саблина.

— Васъ ждутъ, товарищъ, почтительно склоняясь, сказалъ молодой человѣкъ и побѣжалъ къ высокимъ дверямъ.

— Пропустить! крикнулъ онъ стоявшимъ у дверей и курившимъ папиросы красноармейцамъ.

XXIX.

Въ Смольномъ институтѣ была толчея людей, вооруженныхъ съ головы до ногъ. Въ обширномъ вестибюлѣ у колоннъ и по широкой на два марша лѣстницѣ сновали вверхъ и внизъ матросы, солдаты и вооруженные рабочіе. Женщины, по большей части молодыя, съ остриженными по шею волосами, въ короткихъ юбкахъ и шубкахъ, многія съ револьверами у пояса, окруженныя матросами и красногвардейцами сидѣли за столиками на площадкахъ и провѣряли пропуски. Другія озабоченно перебѣгали по корридору съ какими то бумажками и исчезали въ комнатахъ, изъ которыхъ суетливо щелкали пишущія машинки. Два солдата несли бѣльевую корзину съ ситнымъ горячимъ хлѣбомъ и ихъ сопровождали вооруженные матросы. Всѣ эти люди были чѣмъ то озабочены, но вмѣстѣ съ тѣмъ и веселы. Слово товарищъ порхало сверху внизъ и звучало радостно и непринужденно.

Навстрѣчу Саблину нѣсколько солдатъ проволокли внизъ избитаго и окровавленнаго юношу. Лицо его было залито кровью и Саблину показалось, что онъ мертвъ. На него, кромѣ Саблина, никто не обратилъ вниманія. Хорошо одѣтая дѣвушка съ энергичнымъ интеллигентнымъ лицомъ, Саблинъ назвалъ бы ее барышней, сидѣвшая за столомъ на первой площадкѣ подъ часами спросила у Коржикова:

— Товарищъ, вашъ пропускъ! Вы къ кому?

— Это, выскочивъ сзади, почтительно заговорилъ молодой человѣкъ въ черномъ, — товарищъ Коржиковъ съ плѣннымъ генераломъ Саблинымъ къ товарищу Антонову.

— Пожалуйте, товарищъ, въ 37-й номеръ.

Коржиковъ сталъ подниматься наверхъ.

Смольный институтъ съ широкими корридорами и классами на двѣ стороны былъ полонъ солдатъ, рабочихъ и матросовъ, слонявшихся по корридорамъ.

Всюду было грязно. Валялись бумажки, отхожія мѣста издалека давали о себѣ знать крутымъ зловоніемъ. На стеклахъ дверей были небрежно наклеены записки. Надъ дверями и на дверяхъ остались старыя синія вывѣски съ золотыми буквами: «классная дама», «дортуаръ», «VI классъ»...

У комнаты классной дамы стояли часовые, два матроса. Одинъ настоящій, старый, лѣтъ тридцати, съ желтымъ худымъ лицомъ, другой мальчикъ, лѣтъ пятнадцати, на которомъ мѣшкомъ висѣла черная шинель и нахлобучена была слишкомъ большая по его головѣ матросская шапка съ черными лентами.

Они свободно пропустили Коржикова.

— Оставьте генерала пока здѣсь, — сказалъ Коржиковъ и Саблина ввели въ просторную комнату. Въ ней уже были люди самаго разнообразнаго званія и вида. Всѣ обратили вниманіе на Саблина.

Въ комнатѣ было неопрятно. По угламъ и вдоль стѣнъ валялась солома и матрацы, подушки, старыя ватныя пальто и узелки съ вещами. Воздухъ былъ сырой, холодный, прокуренный, полный табачнаго дыма, испареній грязнаго человѣческаго тѣла и запаховъ пищи. Видно было, что здѣсь давно люди живутъ, спятъ и ѣдятъ и комнату рѣдко провѣтриваютъ.

На столѣ лежали куски чернаго хлѣба, стояли эмалированныя кружки и стеклянные стаканы съ мутнымъ грязнымъ напиткомъ, отъ котораго пахло прѣлымъ вѣникомъ, и большой чайникъ. Всѣхъ сидѣвшихъ было тринадцать человѣкъ: двѣнадцать мужчинъ и одна дама. Большинство были одѣты когда то хорошо, но теперь ихъ пиджаки и штаны отъ валянья на полу смялись и запылились, рубашки пропрѣли и у многихъ не было галстуховъ. Дама сидѣла въ зеленой ватной кофтѣ, видно съ чужого плеча, но была завита и красныя, горѣвшія болѣзненнымъ румянцемъ щеки ея были напудрены.

— Профессоръ! — крикнулъ съ угла стола очень худой, весь издерганный молодой человѣкъ съ бр[illegible]цомъ. — Представьте насъ генералу.

Тотъ, кого назвали профессоромъ, былъ чистенькій опрятный старичокъ, съ тщательно разглаженными сѣдыми бакенбардами на сухомъ желтомъ, покрытомъ мелкими морщинами лицѣ. Онъ былъ въ черномъ длинномъ сюртукѣ и смятой крахмаленной манишкѣ и въ стоптанныхъ съ дырками сапогахъ.

— Господинъ генералъ! Ваше превосходительство, — сказалъ онъ слабымъ, красивымъ голосомъ и въ его свѣтлосѣрыхъ выпуклыхъ глазахъ появились слезы. — Вы попали

въ коммуну забытыхъ. Дай Богъ, чтобы и васъ забыли, потому что..., онъ запнулся.

— Оставьте, профессоръ, тревожить тѣни умершихъ, — сказалъ молодой человѣкъ. — Насъ здѣсь было сорокъ четыре человѣка. Мы попали сюда со времени великой октябрьской революціи, когда восторжествовалъ пролетаріатъ. У насъ было четыре генерала, рядомъ въ отдѣльной комнатѣ помѣщался великій князь, три депутата думы, шесть членовъ Учредительнаго Собранія, шесть юнкеровъ, пять офицеровъ, четыре студента, пять барышень-курсистокъ и восемь людей разнаго званія. Насъ всѣхъ обвиняли въ контръ-революціи, въ сочувствіи Керенскому и помощи его войскамъ. Генераловъ, офицеровъ и юнкеровъ вывели въ расходъ, остальныхъ угнали кого въ Кресты, кого въ крѣпость, а насъ оставили. Профессоръ, называйте буржуевъ.

Профессоръ, оправившійся отъ охватившаго его волненія, началъ опять говорить.

— Я, генералъ, заволновался, — сказалъ онъ, — потому что вы — генералъ. И мнѣ стало страшно за васъ. Я не переношу смертной казни, я всю жизнь возмущался противъ нея, писалъ громовыя статьи, а когда Толстой выступилъ со своимъ: «не могу молчать!» — я прочелъ его статью студентамъ и пострадалъ за это.

— Вы знаете, генералъ, — сказала груднымъ густымъ контральто дама, отрываясь отъ папиросы, — большевики ему предлагали палачомъ стать и разстрѣливать буржуевъ.

Профессора передернуло.

— Къ дѣлу, господа, — крикнулъ молодой человѣкъ.

— Генералъ, вы видите людей съ издерганными нервами. Больныхъ, — заговорилъ снова профессоръ. — Вы попали какъ бы въ камеру умалишенныхъ. Вотъ тотъ молодой человѣкъ, котораго всего передергиваетъ, это Солдатовъ, — вы слыхали, — знаменитый художникъ старой школы. Ему тоже предлагали футуристомъ стать и писать плакаты на вагонахъ, прославляя выгоды совѣтскаго строя. Дама, — это Подлѣсская, — извѣстная піанистка.

— И все-таки: — выйду и напишу то, что задумалъ, — сказалъ тотъ, кого назвали Солдатовымъ. — Моя первая картина, съ которой я выступлю на передвижной выставкѣ по освобожденіи — будетъ называться: «смертникъ». Я

нарисую того артиллерійскаго генерала, котораго, помните, взяли отъ насъ въ ночь 30 октября. Новенькій китель, защитные золотые погоны, георгіевскій крестъ, Владиміръ на шеѣ. Блѣдное лицо. Никогда не забуду! И матросы кругомъ... Потомъ я напишу картину: «Выборгскіе мученики»...

— Постойте, Солдатовъ, надо же всѣхъ представить, — сказалъ его сосѣдъ.

— Зачѣмъ? — Просто — буржуи и саботажники.

— Садитесь, генералъ, сюда, безъ церемоніи, — сказала дама. — Я васъ напою чаемъ. Вы голодны, устали.

— Да. Я усталъ, — сказалъ Саблинъ и удивился самъ своему голосу, такъ онъ ослабѣлъ отъ голода и безсонныхъ ночей.

— Напейтесь чаю и прилягьте. А послѣ пообѣдаемъ: — тутъ кормятъ недурно, даже мясо иногда даютъ, тутъ лучше чѣмъ въ Крестахъ, а потомъ мы постепенно и познакомимся. Все хорошій народъ. Одно слово: — буржуи!

Саблинъ сѣлъ на край скамейки и ему дали кружку съ теплымъ чаемъ.

Его сосѣдъ, пожилой человѣкъ съ очень худымъ и блѣднымъ лицомъ и длинной волнистой жидкой сѣдѣющей бородой, въ пенсне, оказавшійся богатымъ домовладѣльцемъ города Павловска нагнулся къ его уху и зашепталъ:

— Вы видите, въ углу сидитъ рыжій, съ круглымъ лицомъ, въ веснушкахъ, да... Его опасайтесь. У насъ подозрѣніе, что онъ коммунистъ и нарочно подосланъ. А остальные свои люди, настоящіе буржуи!..

Послѣ чая Саблинъ прошелъ въ сосѣднюю комнату, которая оказалась умывальной младшаго класса институтокъ, потому что въ ней были низко придѣланы умывальники съ металлическими кранами, подложилъ подъ себя на асфальтовомъ полу свое пальто и заснулъ крѣпкимъ, тяжелымъ сномъ безъ сновидѣній.

XXX.

Въ одиннадцатомъ часу вечера за Саблинымъ пришло два красноармейца.

— Генерала Саблина на допросъ! — воскликнулъ одинъ изъ нихъ.

— Прощайте, милый генералъ! Храни васъ Господь, — сказала Подлѣсская.

Саблинъ поднялся и вышелъ. Обѣдъ, который и правда былъ сытный и достаточный, и чай его подкрѣпили. Голосъ окрѣпъ. Нервы были въ порядкѣ. Саблина провели по корридору и ввели въ большую комнату, вѣроятно, бывшій институтскій классъ. Въ комнатѣ, кромѣ небольшого стола со стуломъ, стоявшаго по срединѣ и шкапа со старыми бумагами въ углу, не было никакой другой мебели. Паркетный полъ былъ заплеванъ и заслѣженъ грязными сапогами. Надъ столомъ, спускаясь съ потолка на проволокѣ, тускло горѣла одинокая лампочка съ потемнѣвшимъ закоптѣлымъ колпакомъ. Углы комнаты тонули во мракѣ. Въ большія многостекольныя окна глядѣлась холодная зимняя ночь. Топотъ шаговъ и голоса людей, не перестававшихъ и ночью ходившихъ по корридору доносились сюда глухо. Красногвардейцы, приведшіе Саблина, остались у дверей. Саблинъ подошелъ къ столу и сѣлъ на стулъ.

Прошло четверть часа. Въ корридорѣ часы пробили одиннадцать. Красногвардейцы стояли у дверей, опираясь на ружья, и по временамъ тяжело вздыхали. Это были обыкновенные Петербургскіе рабочіе съ хмурыми лицами, одинъ былъ безусый, другой въ рыжихъ щетинистыхъ усахъ.

Въ двери торопливыми шагами прошелъ человѣкъ невысокаго роста, съ конопатымъ некрасивымъ лицомъ, бритый, нескладно сложенный, съ длинными, какъ у обезьяны, руками и короткими ногами. Онъ рѣшительно подошелъ къ Саблину и остановился у столика. Саблинъ смотрѣлъ на него.

— Ваше превосходительство, — заговорилъ онъ, — вы въ нашихъ рукахъ. Мы можемъ сдѣлать съ вами все, что хотимъ.

Онъ замолчалъ, какъ будто ожидая протеста, или возраженій. Саблинъ ничего не сказалъ.

— Все, все... до смерти включительно... — выкликнулъ маленькій человѣкъ, ероша на головѣ густые вьющіеся рыжеватые волосы. — Но мы можемъ васъ и помиловать, мы можемъ васъ вознести на такую высоту, на какой вы не были при Царскомъ правительствѣ. Правда... тогда вы дѣлали, что хотѣли, теперь вы будете намъ служить и мы будемъ слѣдить за тѣмъ, чтобы вы намъ не измѣнили.

Мы не обѣщаемъ вамъ, что мы васъ не повѣсимъ по ошибкѣ, но мы обѣщаемъ вамъ, что мы прикончимъ съ вами безотказно, если вы попробуете намъ измѣнить. Васъ, ваше превосходительство, обвиняютъ въ томъ, что вы пробирались на югъ, къ генераламъ Алексѣеву и Каледину, чтобы идти противъ Совѣтской власти. Это обвиненіе настолько доказано, что мы не нуждаемся въ дальнѣйшемъ допросѣ.

— Я и не отрицаю этого, — сказалъ спокойно Саблинъ, оглядывая съ головы до ногъ маленькаго нескладнаго человѣка. — Я ѣхалъ къ Донскому Атаману Каледину, чтобы помогать ему въ священной борьбѣ за свободу Россіи.

— Ну вотъ... Вы напрасно ѣхали. 30-го января Атаманъ Калединъ застрѣлился. Онъ понялъ, что онъ шелъ противъ народа, что онъ былъ игрушкой въ рукахъ иностраннаго капитала и онъ покончилъ съ собою. На Дону рабоче-казацкая власть. На Дону совѣты. Ваше превосходительство, сопротивленіе безполезно. Атаманъ Дутовъ разбитъ и окруженъ въ Оренбургѣ, Алексѣевъ бѣжалъ изъ Ростова. Весь народъ призналъ власть народныхъ комиссаровъ, единственную послѣ Царской законную власть.

— Вы считаете царскую власть законной?

— Безусловно. Я служилъ въ охранной полиціи Его Величества. Но, когда Государь отрекся, ваше превосходительство, временное правительство не имѣло никакого права захватывать власть въ свои руки. Единственная выборная власть, которая была законна: это совѣты. Князя Львова и даже Керенскаго, несмотря на его широкую популярность во всѣхъ слояхъ общества, не призналъ никто. Ленина признали всѣ.

— Вы звали меня сюда для допроса, или для выслушанія обвиненія? — перебилъ Саблинъ.

— Ни для того, ни для другого, ваше превосходительство. Мнѣ приказано передать вамъ лестное предложеніе вступить въ революціонный военный совѣтъ и помочь намъ своими знаніями, какъ спеціалистъ, создавать народную красную армію.

— Вы соціалисты? — сказалъ Саблинъ.

— Да, мы большевики. Мы коммунисты.

— Такъ для чего же вамъ армія? Вѣдь соціалистическое ученіе отрицаетъ армію, дисциплину, начальниковъ.

— Совершенно вѣрно. Но обстоятельства не позволяютъ еще намъ провести наше ученіе въ полной чистотѣ. Англійскій и французскій капиталы ополчились противъ насъ. Они формируютъ безчисленныя бѣлогвардейскія банды и завоеванія революціи въ опасности. Намъ нужно сдѣлать весь народъ способнымъ къ оборонѣ, милитаризировать страну. Мы хорошо знаемъ способности вашего превосходительства и я имѣю порученіе отъ совѣта народныхъ комиссаровъ, въ частности отъ предсѣдателя рев-военсовѣта, товарища Троцкаго, предложить вамъ занять большое мѣсто въ народной красной арміи. Я не знаю какое — это подробность. Военнаго министра, командующаго фронтомъ — не меньше.

— Я могу видѣть товарища Троцкаго? — сказалъ, вставая, Саблинъ.

— Для чего?

— Чтобы дать ему въ морду за его гнусное предложеніе! — воскликнулъ Саблинъ такимъ громовымъ голосомъ, что часовые встрепенулись.

— Ахъ, ваше превосходительство, ваше превосходительство, — качая головою, сказалъ маленькій человѣкъ. — Жаль мнѣ васъ очень, потому что много хорошаго я про васъ слышалъ.

Въ комнату вошелъ красавецъ-матросъ. Онъ былъ очень высокаго роста, пропорціонально сложенъ, мускулистъ и силенъ. Черные волосы вились и природными локонами лѣзли на лобъ и на брови. Большіе масляные глаза смотрѣли открыто. На немъ былъ черный гвардейскій бушлатъ безъ погонъ и шаравары, заправленные въ щегольскіе сапоги. Отвагой и удалью дышало отъ его широкаго красиваго лица. Онъ подошелъ къ маленькому человѣку и сказалъ:

— Ну какъ, товарищъ Андрей. Уломали генерала.

Тотъ пожалъ плечами.

— Господинъ генералъ, — сказалъ матросъ и Саблинъ почувствовалъ запахъ тонкаго вина. — Идите, не колеблясь... Во-первыхъ — идея: — вся власть совѣтамъ, Русскому народу. Вѣдь это тоже: единая, недѣлимая! Не всегда жиды верховодить нами будутъ, когда-нибудь и сами сядемъ на нихъ. А потомъ жизнь вамъ скажу: — разлюлималина. Прекрасный полъ, вино и прочее. Я женатъ на

генеральской дочери и кромѣ того успѣхи имѣю. И вамъ мы он такихъ пролетарочекъ социализнули — пальчики оближете. Армія будетъ настоящая. Можно и въ морду заѣхать и все прочее, лишь бы не контръ-революція. Да... господинъ генералъ, рекомендую!

— Я пойду доложу ваше рѣшеніе въ совѣтъ, — сказалъ маленькій человѣкъ. — Не передумали.

— Охъ, господинъ генералъ, передумайте. Жалко васъ. Вѣдь иначе выборъ одинъ — лицомъ-ли, спиною, а къ стѣнкѣ... Гибнетъ цвѣтъ Россіи. Одно упрямство.

— Я сказалъ, — стиснувъ зубы, проговорилъ Саблинъ. — Хорошо, я доложу.

Маленькій человѣкъ вышелъ вмѣстѣ съ матросомъ.

Саблинъ сталъ ходить по комнатѣ взадъ и впередъ. Онъ останавливался у окна. За окномъ былъ садъ, заиндевѣлыя старыя липы и дубы протягивали кривыя черныя сучья, запорошенные снѣгомъ, глубокіе сугробы лежали въ саду. За каменною стѣною, съ каменными бесѣдками, широкимъ бѣлымъ полотномъ разстилалась Нева и на томъ берегу тускло свѣтились окна въ маленькихъ домикахъ на Охтѣ.

«Разбить окно и броситься съ третьяго этажа на снѣгъ», подумалъ Саблинъ. — «Быть можетъ, есть и шансъ, что не убьешься. А дальше что? Опять погоня, крики, улюлюканье, выстрѣлы, побои, оскорбленія»...

«Претерпѣвый до конца, — той спасется!»

«Христосъ терпѣлъ и намъ терпѣть велѣлъ», вспомнилъ Саблинъ наставленіе своей няни и отвернулся отъ окна.

Въ коридорѣ стучали ружьями и сапогами. Большой отрядъ, человѣкъ двадцать матросовъ, вошелъ нестройною толпою въ комнату и окружилъ Саблина. За ними быстро вошелъ средняго роста рыжеватый еврей въ закрытомъ военномъ френчѣ, шароварахъ и сапогахъ съ черными кожаными голенищами. Онъ держался очень прямо и голова его была задрана кверху. Маленькая бородка торчала впередъ. На тонкомъ носу было пенсне.

— Генералъ Саблинъ, — властно сказалъ онъ, — вы отказываетесь служить намъ своими знаніями и опытомъ... Значитъ, вы не поспѣли еще. Погодите, голодъ научитъ васъ. Вотъ, какъ поторгуете газетами на улицѣ, послужите

швейцарами, побѣгаете по банкамъ, ища грошеваго заработка, узнаете нищету — станете сговорчивѣе... Въ Петропавловскую!.. Въ Трубецкой!.. Впредь до распоряженія!.. — гнѣвно крикнулъ онъ. И не успѣлъ Саблинъ что-либо сказать, какъ еврей вышелъ быстрыми твердыми шагами.

Въ ту же ночь Саблина перевезли на грузовомъ автомобилѣ въ Петропавловскую крѣпость и заточили въ одиночной камерѣ въ небольшомъ двухэтажномъ домѣ за монетнымъ дворомъ.

XXXI.

Широкими степными шляхами, бурьяномъ поросшими, мутными рѣками, въ камышахъ притаившимися, запрятавшимися между балокъ крутыхъ и извилистыхъ, станичными глухими проулочками среди плетней затерявшимися, садами пахучими отъ духа вишневаго цвѣта, сирени и черемухи, заросшими и тѣнистыми, полными мечтательной тайны шелъ шопотъ по Дону. Тихій и въѣдливый. Съ оговоркой, съ оглядками, недосказанно говорили по станицамъ и хуторамъ, по бѣлымъ мазанкамъ и кирпичнымъ подъ желѣзо выведеннымъ домамъ, по казармамъ и школамъ, вездѣ, гдѣ стояли станичники о томъ, что новая власть комиссарская «не тае, будетъ, не подходяща для нашего казачьяго обихода».

Темными весенними ночами приходили изъ степи молодые исхудалые люди съ горящими, какъ у волковъ голодными глазами, крестились на иконы, садились на лавку и говорили тихо и вкрадчиво о донской старинѣ, о вольности казачьей.

— Да развѣ такое бывало, — говорили они. — Иногородніе сѣли на гробъ казакамъ и правятъ, а по какому такому праву? И кто ихъ выбиралъ?

— Заслужили, значитъ, свое, — мрачно, глядя въ сторону, говорилъ хозяинъ хаты и ближе подвигался къ разсказчику.

— Въ Персіановскомъ лагерѣ церковь осквернили, надъ иконами святыми надругались..., — тихо говорилъ пришелецъ.

— Митрополита по городу таскали..., — добавлялъ онъ, помолчавъ.

— Офицеровъ перебили. А за что? Не такіе же они казаки? Не наши сыновья, или братья, — уже смѣлѣе досказывалъ онъ.

— И кто! и кто дѣлаитъ-то все это? Подтелковъ, а кто онъ Подтелковъ? Слыхалъ ты его? Ума то его пыталъ — что ли? Знаешь его способностя? Онъ только вино жрать и здоровъ, — наконецъ, высказывалъ затаенную свою мысль и хозяинъ хаты.

Въ Новочеркасскѣ освободили изъ тюрьмы Митрофана Петровича Богаевскаго, помощника Атамана Каледина и привезли его въ кадетскій корпусъ.

— Разсказывай про былую славу нашу и вольность, — сказали ему казаки Голубовцы.

Безъ малаго три часа говорилъ Митрофанъ Петровичъ. Это была его лебединая пѣсня. Хмуро слушали его казаки. Тяжко вздыхали. Отвезли потомъ назадъ на гауптвахту. А когда пришелъ къ нимъ Голубовъ и сталъ свое говорить про совѣтскую власть раздались изъ рядовъ гнѣвные окрики:

— Довольно... Завелъ насъ, сукинъ сынъ! Замоталъ самъ не знаетъ куда.

Косились казаки на матросовъ и красногвардейцевъ, распоряжавшихся по Новочеркасску, косились, но молчали. Особнякомъ держались. Своими казачьими караулами заняли музей и институтъ, не позволили осквернить собора. Чувствовалось, что разные люди стоятъ въ городѣ и по разному думаютъ. Изъ станицъ перестали возить хлѣбъ и мясо на базаръ и стало красное воинство недоѣдать.

Красноармейскія банды, руководимыя Подтелковымъ, Антоновымъ, Сиверсомъ и Марусей Никифоровой, расползались по желѣзнымъ дорогамъ. Это были красные дни красной гвардіи. Дисциплины не признавали, вожди были выборные, да и ихъ не слушались. Походъ былъ кровавый хмѣльной праздникъ, охота на жирнаго буржуя, сплошной грабежъ и издѣвательство. Путешествовали эшелонами, выходя изъ вагоновъ лишь для боя и грабежа. Тутъ же

въ вагонахъ везли и награбленное имущество, степныхъ дорогъ не признавали и отъ желѣзнодорожныхъ путей не отходили.

Въ Новочеркасскѣ свирѣпствовали Голубовъ, Подтелковъ и Медвѣдевъ, мрачный тріумвиратъ, въ Ростовѣ фонъ Сиверсъ разстрѣливалъ съ балкона Паласъ-отеля между рюмками ликера юнкеровъ, подъ Батайскомъ шарила Маруся Никифорова — кавалеристъ-дѣвица, собственноручно пытавшая плѣнныхъ; по путямъ югозападной дороги, въ Донецкомъ бассейнѣ правилъ гимназистъ Антоновъ, а въ 20-ти верстахъ отъ Новочеркасска за разлившимся Дономъ, за голубыми водными просторами по станицамъ робко сидѣли комиссары изъ мѣстной голытьбы, изъ лавочныхъ сидѣльцевъ и аптекарскихъ учениковъ и до смерти боялись казаковъ. Тамъ шло все по старому.

А могучая степь по весеннему дышала, подымалась зеленью травъ, вставала утренними туманами, играла днемъ волшебными миражами среди неоглядного солнечнаго простора и несла свои думы и разсказывала свои сказки казакамъ.

Настало время пахать и «Господи благослови!» — запретъ казакъ большихъ крутороговъ воловъ въ плуги и выйдетъ въ степь подымать Божью ниву. Наступило время работать въ зеленыхъ виноградныхъ садахъ и пошли казаки и казачки завивать лозы и устраивать «кусты», чтобы привольно было зрѣть винограду.

И въ степи необъятной, и въ садахъ прохладныхъ, молодыми ярко зелеными листочками лозъ покрытыхъ, услыхали казаки вѣковѣчную правду. Тѣни предковъ явились въ грезахъ сонныхъ на степныхъ шалашахъ и по крутымъ садовымъ откосамъ, разсказалъ о ней плескомъ синихъ волнъ Тихій Донъ, разлившійся по всему широкому займищу, и фронтовики, ходившіе всю зиму панычами, стали заботно оглядывать плуги и бороны, стали выходить на свои полевые надѣлы. Хмарь и туманъ проходили. Лозунги и резолюціи, шумные митинги казались тусклыми и ненужными, стыдно становилось содѣяннаго.

«Эхъ!» говорили они. — «Не на кого опереться. Чтожъ, его сила. Большевики-то весь Русскій народъ. Кабы было на что опереться, стряхнули бы мы всѣхъ комиссаровъ . . .»

Историкъ, который будетъ изучать противу-большевистское движеніе долженъ будетъ остановиться на слѣдующихъ причинахъ, положившихъ начало оздоровленію юга Россіи весною 1918 года. И первая причина была, конечно, та, что поборы, насилія и убійства, касавшіяся только горожанъ, „буржуевъ", офицеровъ и бывшія выгодными для казаковъ, такъ какъ давали имъ добычу, — коснулись и самихъ казаковъ. Въ мартѣ большевики отправили изъ Новочеркасска матросовъ въ станицу Кривянскую за мукою и скотомъ для продовольствія гарнизона. Коммуна стала осуществлять свои права. Ихъ встрѣтили топорами и дубьемъ. Былъ посланъ карательный отрядъ. Изъ-за Новочеркасскаго вокзала стали обстрѣливать Кривянскую артиллерійскимъ огнемъ, сожгли до трехсотъ хатъ, но казаковъ не испугали, но озлобили. И пришлось бы смолчать казакамъ, пришлось бы имъ покориться, если бы не сложились въ это время всѣ обстоятельства благопріятно для возстанія.

Вторая причина была та, что явилась надежда у лучшихъ казаковъ, что порядокъ возстановить можно, а у худшихъ казаковъ явился страхъ отвѣтственности. Темные, глухіе, неясные неслись по степи слухи о нѣмцахъ, уже пришедшихъ на Украину и повсюду возстановившихъ порядокъ. Это приближеніе германскихъ частей генерала фонъ Кнерцера сыграло двойную роль. Оно дало возможность опереться на нѣмцевъ, создать изъ полосы ими занятой надежную базу, съ другой стороны дало возможность возбудить патріотизмъ среди казаковъ и поднять ихъ для того, чтобы не допустить нѣмцевъ поработить себя.

Третья причина была та, что на Дону вмѣсто людей расплывчатыхъ рѣшеній и соглашательскаго характера, шатающихся между властью и демократіей, явились люди сильнаго характера, твердой воли, страстные патріоты, способные владѣть умами казаковъ. Такими людьми были Георгій Петровичъ Яновъ и полковникъ генеральнаго штаба Святославъ Варламовичъ Денисовъ. Эти люди знали, чего хотѣли. Они сознали, что Россія временно рухнула, провалилась въ кошмарное небытіе, разложилась на составныя части, изъ которыхъ ни одной Русской не было. Создать изъ войска Донского такую Русскую часть стало идеею этихъ людей и этой идеей они увлекли казаковъ.

Если къ этому прибавить, что съ востока шли, правда, весьма смутные слухи о томъ, что изъ Сибири идетъ Адмиралъ Колчакъ, а на западѣ упорно говорили, что съ нѣмцами идетъ генералъ Щербачевъ со всею Румынскою арміей, то ясно станетъ, что на Дону создавалось настроеніе боязливое, — приближался токъ отвѣта, котораго такъ боялись всѣ внутанные въ кровь и преступленіе казаки.

Эти-то условія, — то есть то, что, во первыхъ большевики сняли съ себя маску и стали грабить и разрушать казачьи хозяйства, не признавая казачьей собственности, во вторыхъ, что появленіе твердо дисциплинированныхъ германскихъ частей на Украинѣ и возстановленіе тамъ порядка и собственности ободрило однихъ и испугало другихъ, въ третьихъ, что на Дону появились честные волевые люди, которые въ это трудное время взяли на себя власть и сумѣли осуществить ее, опираясь на казаковъ же, а не на офицеровъ и «буржуевъ», въ четвертыхъ слухи о Колчакѣ и Щербачевѣ — и создали почву, на которой смогъ установиться порядокъ на Дону и могла возродиться Добровольческая Армія.

И безъ этихъ условій — Добровольческая Армія генерала Деникина никогда не смогла бы ни встать на ноги, ни оправиться, ни съорганизоваться.

Зашумѣли по станицамъ и хуторамъ дерзкія рѣчи про комиссаровъ. Открыто, не потаясь читали на сѣверѣ стихотвореніе въ прозѣ донского писателя Ѳ. Д. Крюкова, директора Усть Медвѣдицкой гимназіи «Родимый Край». Пророчески говоритъ въ немъ скромный Ѳедоръ Дмитріевичъ:

. . . «Во дни безвременья, въ годину смутную развала и паденья духа, я, ненавидя и любя, слезами горькими оплакивалъ тебя, мой край родной. . . Но все же вѣрилъ, все же ждалъ: за дѣдовскій завѣтъ и за родной свой уголъ, за честь казачества взметнетъ волну нашъ Донъ сѣдой. . . Вскипитъ, взволнуется и кликнетъ кличъ, кличъ чести и свободы!»

«И взволновался Тихій Донъ. . . Клубится по дорогамъ пыль, ржутъ кони, блещутъ пики. . . Звучатъ родныя пѣсни, серебристый подголосокъ звенитъ вдали, какъ нѣжная струна. . . Звенитъ и плачетъ, и зоветъ. . . То край родной возсталъ за честь отчизны, за славу дѣдовъ и отцовъ, за свой порогъ родной и уголъ.»

«Кипитъ волной, зоветъ на бой родимый Донъ... За честь отчизны, за казачье имя кипитъ, волнуется, шумитъ сѣдой нашъ Донъ, родимый край»...

Мартовскимъ яснымъ вечеромъ, когда надъ степью легла розовая дымка, а въ станицѣ сильнѣе сталъ пряный запахъ цвѣтущихъ яблонь и вишенъ, вдругъ на станичный бульваръ, ведущій къ собору и присутственнымъ мѣстамъ высыпала толпа молодежи. Гимназисты реальнаго училища, прозванные шутниками «реальная сила», нѣсколько офицеровъ въ свѣтлыхъ погонахъ, казаки подростки, сопровождаемые большою толпою казаковъ стариковъ и фронтовиковъ 9-го Донского полка шли за старымъ человѣкомъ въ судейской фуражкѣ. Это былъ почетный мировой судья Чумаковъ. Сѣрые глаза его были полны слезъ, сѣдые усы безпорядочными прядями спускались къ нижней губѣ, черное пальто моталось надъ запыленными, длинными складками упадавшими на башмаки, штанами. Вся толпа шла къ станичному правленію, гдѣ засѣдали комиссары, требовать у нихъ отчета въ ихъ управленіи.

Молодые голоса запѣли старую казачью пѣсню, ее невольно подхватили строевые казаки и по станицѣ полилась широкимъ напѣвомъ пѣсня казачья. Зазвучала она, зазвенѣла, заплакала и стала звать возстать «за честь отчизны, за славу дѣдовъ и отцовъ, за свой порогъ родной и уголъ».

Слава намъ, войску Донскому,
Слава донскимъ казакамъ,
Войсковому Атаману
И станицамъ и полкамъ!

пѣли въ толпѣ и въ перерывахъ между куплетами пѣсни, молодые мощные басы зычно ревѣли:

— Долой комис-саровъ!..

Ночью за глухими ставнями, желѣзными засовами припертыми, въ маленькихъ комнатушкахъ съ олеандрами въ кадкахъ, мышиными шопотами тревожно шептались по угламъ станичники.

— Что то будетъ! Ой что то будетъ! Не иначе, какъ Чумакова къ стѣнкѣ поставятъ.

— Слыхать съ Ростова пароходы идутъ съ матросами и красногвардейцами.

Липкій страхъ бродилъ по темнымъ угламъ и тревожно прислушивались къ ночной тишинѣ, все ждали выстрѣловъ, жуткаго треска залпа разстрѣловъ.

А на утро облегченно вздохнули. По станицѣ неслась радостная вѣсть. Казаки арестовали комиссаровъ и пригласили стараго окружного атамана управлять ими. Въ боковой улицѣ слышалась бодрая команда. Первый, второй, третій ... разсчитывались казаки 9-го полка, формируя сотню на защиту родной станицы. У многихъ на шинеляхъ уже нашиты были погоны. Лихой есаулъ проскакивалъ вдоль фронта на гнѣдомъ конѣ и слышалась смѣлая команда — «смир-рна«!..

По Дону, къ станицѣ спускался на пароходахъ «Пустовойтовъ», «Венера» и «Москва» походный атаманъ Поповъ съ дѣтьми партизанами, съ тою самою молодежью, которую увелъ онъ февральскимъ морознымъ днемъ изъ Новочеркасска.

И взволновался Тихій Донъ!..

XXXII.

Сначала движеніе было стихійное, неорганизованное. Станицы поднимались только для защиты самихъ себя, изгоняли комиссаровъ, призывали своихъ старыхъ станичныхъ атамановъ, выставляли посты и заставы на дорогахъ и тревожно ожидали мести большевиковъ.

Оружія у казаковъ не было. Совѣтская власть въ предвидѣніи возможности возстанія, отпускала на Донъ съ фронта полки, не иначе, какъ отобравъ отъ нихъ оружіе... Тамъ, гдѣ станицы были недалеко отъ желѣзной дороги, большевистская власть посылала карательные отряды съ артиллеріей и начались сраженія уже не съ дѣтьми партизанами, какъ то было при Калединѣ, а со старыми казаками и фронтовиками. Народно — крестьянская власть пошла противъ народа и крестьянъ и противъ нее встали тѣ, кто раньше стоялъ въ оппозиціи правительству, или держалъ нейтралитетъ. Помощь оружіемъ и патронами нужны были Дону. Все остальное имѣлось. Организація была готовая, полки еще не потеряли своей спайки, офицеры скрывались, работая въ поляхъ, садахъ и огородахъ наряду съ простыми

казаками, и готовы были явиться въ полки по первому призыву — но нужны были ружья, пулеметы и патроны.

Станицы Донецкого округа послали ходоковъ къ нѣмцамъ просить честной рыцарской помощи и помощь эту получили... Хоперцы со своимъ вождемъ, подъесауломъ Сойкинымъ, возстали на сѣверѣ Дона, 2-й Донской округъ призвалъ Мамантова, скитавшагося, подобно походному атаману Попову, по степи съ гимназистами Нижне-Чирской гимназіи, къ нему примкнула первая возставшая на Дону станица Суворовская.

Въ станицѣ Мигулинской семидесятилѣтній казакъ, урядникъ Лагутинъ, сѣлъ на неосѣдланнаго маштака, вооружился самодѣльною пикою и пошелъ во главѣ казаковъ на красногвардейскій полкъ. Разметалъ, въ плѣнъ забралъ ошалѣвшихъ солдатъ и захватилъ пушки, винтовки и патроны.

На югѣ возстала Егорлыцкая станица и послала гонцовъ на Кубань искать помощи у добровольцевъ.

Казаки готовы были идти съ тѣми самыми «кадетами», которыхъ выстрѣлами въ спину провожали они два мѣсяца тому назадъ.

И стало ясно всему Донскому войску, что пока не объединится, не устроится все это движеніе — обречено —оно на гибель.

Уже разсѣяны были отряды Сойкина и самъ Сойкинъ былъ убитъ въ первомъ бою, тяжело приходилось Мамантову, со всѣхъ сторонъ окруженному врагами. Пылали станицы на югѣ, подожженныя карательными отрядами большевиковъ, есаулъ Фетисовъ, на одинъ день захватившій было Новочеркасскъ долженъ былъ отойдти и новыми казнями мстили большевики жителямъ Новочеркасска за свое пораженіе и тревогу. Притихъ Новочеркасскъ. Но и притихнувъ, ожидалъ, когда можно будетъ снова возстать. Не хватало Дону управленія, и это управленіе явилось въ лицѣ «круга спасенія Дона».

Остатки стараго Калединскаго круга, но остатки сильные и крѣпкіе, не побоявшіеся вылѣзть изъ подполья и заговорить громкимъ голосомъ о правахъ казачьихъ, старые казаки десяти свободныхъ отъ большевиковъ станицъ собрались около войскового есаула Георгія Янова въ станицѣ Заплавской и постановили: — освободить Донъ отъ большевиковъ

и возстановить на Дону атаманскую власть и старое богатое и привольное житье.

Они пригласили скрывавшагося въ станицѣ Богаевской подъ видомъ желѣзнодорожнаго техника полковника Денисова и поручили ему формировать станичныя дружины...

Послѣ февральской революціи всю Россію охватило пренебреженіе къ военной наукѣ. То, что вѣками считалось непреложными истинами, теперь смѣло отметалось новаторами военнаго искусства: Гучковыми, Керенскими, Крыленко и другими, стремившимися демократизировать армію. Стройная система обращалась въ хаосъ, полки замѣнялись отрядами, партизанство и добровольчество вводилось въ систему. Не избѣжало этого и войско Донское въ печальные дни своего развала. Каледину не удалось возстановить старые полки и дивизіи и ему пришлось хвататься за отряды и дружины, за партизанъ Чернецова и Тихона Краснянскаго, за гимназическія дружины Семилѣтова, за станичныя дружины есауловъ Назарова и Бокова. Попутно съ ними формировались отряды «Стеньки Разина», «бѣлаго дьявола» и т. п. о чемъ объявлялось въ газетахъ и распубликовывалось въ спеціальныхъ объявленіяхъ, расклеиваемыхъ по городу.

Они погибли. Денисовъ началъ съ того, что откинулъ партизанство и добровольчество, и придалъ станичнымъ дружинамъ характеръ старыхъ полковъ. Онъ вызвалъ офицеровъ и началъ съ воспитанія казаковъ, собравшихся на защиту Дона по призыву круга спасенія.

Широкій разливъ Дона отдѣлялъ его отъ Новочеркасска и за нимъ, почти на глазахъ у большевиковъ, маршировали, разсыпались цѣпями, маневрировали Денисовскія дружины.

Въ концѣ Великаго поста партизаны походнаго атамана Попова соединились съ казаками Денисова, и Денисовъ задумалъ смѣлый планъ прочно захватить въ свои руки Новочеркасскъ. Острымъ военнымъ умомъ, этотъ маленькій, рыжеватый человѣкъ съ красивой характерной головою, не по лѣтамъ моложавый, подвижной, крикливый, надоѣдливый и упорный, понялъ, что, если онъ не поторопится сдѣлать это, сдѣлаютъ это нѣмцы, и тогда на Дону разъиграются событія, подобныя Кіевскимъ, Атаманъ будетъ посаженъ нѣмцами и будетъ опираться на нѣмецкіе штыки. Не о

такой свободѣ отъ большевиковъ мечтали Денисовъ и Яновъ. Но Денисовъ подчинялся Походному Атаману Попову, зависѣлъ отъ его штаба, являясь только начальникомъ «южной группы» въ которую входили созданные имъ изъ казаковъ полки.

Поповъ медлилъ. Онъ боялся повторить ошибку Фетисова и не удержаться въ Новочеркасскѣ. Приближалась Пасха. Огнемъ горѣли глаза у казаковъ и молодежи. У многихъ въ Новочеркасскѣ были родители, братья, сестры, всѣмъ хотѣлось во что бы то ни стало встрѣтить свѣтлый праздникъ вмѣстѣ, героями войдти въ этотъ день въ Новочеркасскъ.

Денисовъ учелъ это настроеніе и рѣшилъ вопреки плану, разработанному въ штабѣ походнаго атамана, который состоялъ въ перѣшительныхъ дѣйствіяхъ на Александро-Грушевскъ, — захватить Новочеркасскъ. Военнымъ умомъ своимъ Денисовъ учуялъ, что моральное превосходство на его сторонѣ, а въ бою — онъ это зналъ со школьной скамьи — ³/₄ успѣха составляетъ моральный духъ войска.

XXXIII.

Дѣдъ Архиповъ волновался. Онъ не призналъ комиссарской власти и, когда комиссары сидѣли въ станицѣ, онъ скрывался на сосѣднемъ зимовникѣ и какъ медвѣдь отлеживался въ берлогѣ. Теперь онъ вернулся, чисто прибралъ хату, прошелъ на конюшню, вычистилъ, напоилъ и накормилъ коня, посѣдлалъ его сѣдломъ съ бѣлометальнымъ убором, надѣлъ на себя свой длинный темносиній мундиръ, нацѣпилъ колодку съ крестами и медалями, снялъ со стѣны старую икону Божіей матери съ темнымъ коричневымъ ликомъ, обложенную серебромъ, завернулъ въ шелковый выцвѣтшій платокъ и пошелъ искать по станицѣ «самого главнокомандующаго».

Онъ шелъ неторопливо, ведя за чумбуръ бураго маштака и поднимая пыль ярко начищенными сапогами съ задранными кверху носками. Лицо его было благообразно, сѣдая борода тщательно расчесана, сѣдые волосы красивыми кудрями выбивались изъ-подъ синей съ алымъ околышемъ фуражки. Съ боку висѣла шашка со старою круглою

рукояткою, обвитою по черной кожѣ тонкою мѣдною проволокой. Красный лампасъ сверкалъ изъ-подъ длинныхъ полъ мундира-татарки. Была страстная суббота и вѣтеръ гулялъ по станицѣ, поднимая клубы пыли и завивая ихъ столбами. Великопостные часы отошли въ каменной старинной церкви, народъ попрятался по хатамъ. У каждаго къ великому дню что-либо готовилось.

Архиповъ шелъ важный и величавый и толстый меринъ его шелъ за нимъ, также важно, поглядывая по сторонамъ. Сзади брела косматая овчарка Архипова.

Встрѣчавшіеся казаки снимали фуражки, или козыряли сѣдинамъ Архипова и говорили почтительно:

— Здорово дневали, Архипычъ?

— Здорово, здорово, — говорилъ сквозь зубы Архиповъ и шелъ дальше.

«И куда это дѣдъ собрался», — думали казаки, — «и со всѣмъ хозяйствомъ своимъ. И Жучка даже забралъ».

А Архиповъ шелъ, никого не спрашивая, военной смѣкалкой расчитывая отъискать «самого главнокомандующаго».

Наконецъ онъ увидалъ домъ, у котораго стояли поcѣдланныя казачьи лошади и къ которому съ двухъ концовъ тянулись телефонные черные провода.

— Кто здѣся стоитъ? — спросилъ онъ у строевого казака въ шинели и при винтовкѣ, дежурившаго у дверей.

— Командующій Южной группой, полковникъ Денисовъ, — отвѣчалъ тотъ.

— Полковникъ, — сказалъ Архиповъ. — А не енаралъ? Чудно говоришь. Говоришь, чего не понимаешь. Енаралъ будетъ послѣ завтрево. Вотъ что. Подержи, милый, коня. Я къ нему дѣло имѣю.

И, бросивъ чумбуръ казаку, дѣдъ Архиповъ поднялся не по стариковски бодрыми шагами на крылечко, толкнулъ дверь и очутился въ просторной комнатѣ. За столомъ, надъ разложенною картою сидѣлъ маленькій человѣкъ съ загорѣлымъ лицомъ и, ероша густые волосы, разглядывалъ карту. Съ боку стоялъ, перегнувшись на столъ, очень высокій худой офицеръ въ есаульскихъ погонахъ, съ лицомъ безъ усовъ и бороды, и съ густыми лохматыми русыми волосами. Сидѣвшій у окна на скамьѣ толстый сотникъ проворно кинулся къ старику и, перегораживая ему дорогу, сказалъ:

— Сюда нельзя, дѣдушка. Здѣсь военный совѣтъ.

Архиповъ посмотрѣлъ на толстаго офицера и, не останавливаясь, спросилъ: — который здѣсь самый главный командующій?

Высокій есаулъ выпрямился и смотрѣлъ на старика. Полковникъ, склонившійся надъ картой, вскочилъ на свои короткія, кривыя отъ верховой ѣзды ноги и съ привѣтливой ласковостью вышелъ изъ-за стола навстрѣчу старику.

— Ты чего, дѣдушка, — сказалъ онъ, — обидѣлъ, что ли, кто тебя? Какую нужду имѣешь ко мнѣ?

Архиповъ внимательными острыми глазами смотрѣлъ на полковника, точно изучалъ его и оцѣнивалъ.

— Денисовъ? — сказалъ онъ. — Природной казакъ... А какихъ Денисовыхъ? Адріану Карпычу, атаману, какъ придешься?

— Родной внукъ, — отвѣчалъ полковникъ.

— Такъ, такъ... Варламъ Денисовъ, полковникъ, что семымъ полкомъ командовалъ, отецъ приходится?

— Отецъ.

Старикъ еще разъ зорко окинулъ глазами полковника Денисова. Морщины, набѣжавшія на темное загорѣлое лицо его, разбѣжались и остались только маленькія черточки, кучками бѣжавшія къ вискамъ, отъ которыхъ лицо Архипова лучилось какою то особенною, свѣтлою, чистою, стариковскою радостью.

— Малъ золотникъ, да дорогъ, — сказалъ онъ медленно и раздѣльно, какъ бы оцѣнивая по своему малый ростъ полковника Денисова.

Онъ развернулъ принесенную икону Божіей Матери и положилъ ее на столъ.

— Владычица! — сказалъ онъ, крестясь... — Пресвятая Божія Матерь! Насталъ часъ! Не послѣдній, не конечный часъ, насталъ часъ и будетъ! — Я тебя спросилъ, а ты меня не спросилъ, кто я, — обратился онъ къ Денисову. — Я — Архиповъ, урядникъ 48-го Донского казачьяго полка и кавалеръ... Ну, слухай теперь... Было у мене пять унуковъ... Одинъ погибъ, какъ въ Восточной Пруссіи были полки наши... Другой погибъ, какъ Варшаву слобоняли, значитъ, за поляковъ погибъ. О третьемъ писали не то убитъ, не то безъ вѣсти пропалъ въ Венгріи, ну, понимаю, убитъ значитъ. Живымъ Ленька не дастся.

Не таковской казакъ. Четвертаго свои солдаты убили, какъ бунты по Россіи пошли. Пятый въ Питербурхѣ остался, въ первомъ Суворовскомъ полку служилъ и гдѣ онъ, служитъ, аль нѣтъ — не могу про то опредѣлить. Полагательно, что обманули его. Простъ былъ парень и до дѣвокъ охочъ. Не иначе, какъ соблазнули его... Ну вотъ. Оставался при мнѣ правнукъ мой, старшаго внука сынъ, Пѣтушкомъ его по станицѣ звали. Какъ Атамана Каледина, значитъ, защищать пошли и пришелъ къ Чернецову полковнику въ отрядъ Пѣтушокъ. Вотъ онъ самый и есть. Пришелъ, и въ бою подъ Горною, душу свою невинную за Престолъ и Отечество Господу сиъ отдалъ. Тѣло его я разыскалъ. Изуродовано до точности извергами, ну узнать можно. Похоронилъ тута... Вѣрно все это, надъ иконою Божіей Матери клянусь... Велика жертва казачья. Положило казачество животы свои за мать Россію... А видать мало... Бери, ваше высокоблагородіе, меня, и съ конемъ моимъ, Пѣтушку берегъ его... и со всѣмъ претендаломъ моимъ. Послужу по стариковски... Слушай! послѣзавтра на зарѣ въ Новочеркасскѣ будешь. И не убойся ничего. Все по твоему будетъ. Задумалъ правильно. Свѣтлая твоя голова. А икону бери, да охранитъ святымъ своимъ покровомъ Заступница! Аминь, ваше высокоблагородіе.

И, вытягиваясь во фронтъ, и надѣвая снятую было предъ иконой фуражку, Архиповъ приложилъ руку къ козырку и рисуясь стариковской выправкой бодро спросилъ:

— Какой приказъ есть, ваше высокоблагородіе?

— Приказъ... Ординарцемъ ко мнѣ... Владиміръ Николаевичъ, — сказалъ Денисовъ толстому сотнику, — прикажите устроить урядника Архипова.

— Кру-гомъ, — скомандовалъ самъ себѣ Архиповъ, повернулся по уставу и пошелъ изъ хаты.

— Ты видишь, Георгій Петровичъ, — сказалъ Денисовъ, обращаясь къ высокому есаулу.

— Я же что говорилъ! — горячо воскликнулъ есаулъ. — Живъ Донъ! Эхъ и съ такими золотыми людьми не отстоять своей свободы, не сказать по старому, по казачьему: — здравствуй, Царь въ Кременной Москвѣ, а мы, казаки, на Тихомъ Дону.

— Я рѣшился, — задумчиво сказалъ Денисовъ. — Надо положить предѣлъ этимъ недостойнымъ колебаніямъ. Ново-

черкасскъ насъ ждетъ, мы не можемъ его обмануть. Ты примешь мѣры, чтобы Походный Атаманъ и Сидоринъ не могли помѣшать. Въ ночь съ воскресенья на понедѣльникъ мы пойдемъ. А тамъ, что Богъ дастъ!

XXXIV.

Свѣтло Христово воскресенье въ 1918 году приходилось на 22 апрѣля. Былъ яркій, солнечный, но холодный день. Въ Новочеркасскихъ церквахъ служили заутрени, а потомъ обѣдни. Жители изъ послѣднихъ средствъ собрали муку, напекли пасхи, покрасили яйца и шли, чтобы освятить ихъ по православному обычаю. На пути ихъ встрѣчали красногвардейскіе патрули и отбирали отъ нихъ со смѣхомъ и грубыми шутками розговѣны. Всю ночь ходили по Новочеркасску воинскія команды красной гвардіи, заглядывали въ окна, врывались въ дома, выходили къ Аксаю и тревожно прислушивались и приглядывались къ тому, что дѣлалось въ Задоньи. Они получили извѣстіе, что казаки въ пасхальную ночь пойдутъ на Новочеркасскъ...

Холодомъ и сыростью тянуло отъ займища, пахло болотною травою и мокрымъ пескомъ. Съ вѣтромъ отъ Богаевской изъ Заплавъ, съ Кривянки и съ Ольгинской, а по Дону и съ самаго стараго Черкасска доносило благовѣстъ церквей, видны были горящія свѣтомъ громадныя окна и въ темнотѣ ночи чудились тѣни искрящихся огоньками свѣчекъ крестныхъ ходовъ.

«Богу молятся»..., — думали красногвардейцы, — «нѣтъ, побоятся, не посмѣютъ напасть».

Казаки 10-го и 27-го полковъ были хмуры. Запрятались по квартирамъ. Совѣсть глодала ихъ. Къ нимъ посылали изъ Задонья, чтобы перешли казаки къ казакамъ. И не смѣли. Боялись. Сосало подъ ложечкой. Злая тоска одолѣвала... «Въ случаѣ чего» — рѣшали промежъ себя — «нейтралитетъ держать».

Не вѣрили красногвардейцы казакамъ, казаки боялись суровой расправы, стрѣльбы въ спину.

Изъ Ростова въ эшелонахъ пришли подкрѣпленія. Тамъ тоже было неспокойно. Разсказывали, что нѣмцы Таганрогъ уже заняли и къ Ростову подходятъ.

— Онъ, нѣмецъ то, — говорилъ въ темнотѣ, сидя на полу открытаго товарнаго вагона, переполненнаго людьми молодой солдатъ со свиными жолтыми глазами, прикрытыми бѣлыми рѣсницами и завитыми мочальными волосами — онъ не таё. Не то, что нашъ. Ему все ничаво. Сказалъ — хальтъ — и кончено. Ни ты ему что, ни онъ тебѣ. Наши и ружья сдаютъ, не стрѣляютъ.

Патруль, пришедшій изъ Новочеркасска, остановился на пути и слушалъ.

— Помиритъ, можетъ, нѣмецъ то, — задумчиво проговорилъ одинъ изъ патрульныхъ.

— Что-жъ. Подъ нѣмца можно. Лишь бы не Царь.

— А что Царь? — зѣвая, сказалъ патрульный.

— Да надоѣло это все...

И потомъ долго молчали. Красногвардейцы патруля стояли, какъ истуканы и не моргая смотрѣли въ переполненный людьми вагонъ. Оттуда шелъ теплый прѣлый людской запахъ, слышалось сонное сопѣніе и храпъ. Кудлатый парень сидѣлъ и болталъ ногами.

— Что не спишь-то, товарищъ? — сказалъ патрульный.

— А не спится чего-й-та... Онъ, нѣмецъ-то, — сказываютъ, въ каскахъ... Весь акуратный. Честь отдаютъ. Этого... какъ у насъ, значитъ, нѣту. Порядокъ...

— Да... Коли придетъ, не похвалитъ, — проговорилъ, потягиваясь, патрульный.

— На Украинѣ помѣщикамъ земли вернули.

— Ишь, чортъ...

Опять долго молчали.

— А звонятъ, какъ! Стра-асть. Казаки то они вѣрующіе, — сказалъ патрульный.

— Я тоже когда то вѣровалъ, — сказалъ сидящій въ вагонѣ парень. — Ну теперя превзошелъ. Все это, значитъ, и Богъ, и леригія энта, и попы начальствомъ придумано. Эрунда! Мнѣ учитель одинъ разъяснилъ. И такъ это ясно выходитъ: человѣкъ, значитъ, превзошелъ отъ облизьянта.

— Да... Слыхали мы то же... А только у меня, значитъ, такая дума была. Ну вотъ онъ вотъ значитъ человѣкъ и облизьянтъ, отъ котораго превзошелъ онъ. Ну, а какъ же? откелева же облизьянтъ то вышелъ?

Всѣ замолчали, слышнѣе сталъ пасхальный перезвонъ, прохладная ночь томила своими далекими ликующими звуками и будила забытыя, заросшія новыми побѣгами мыслей, старыя воспоминанія. Смутно становилось отъ нихъ, хотѣлось [illegible], дикаго выкрика, хмѣльного угара, кровавой потѣхи.

— Все химія одна, — сказалъ одинъ изъ патрульныхъ... Онъ, акомъ-то, его и не видать, а черезъ него, значитъ, все — и весь міръ.

— И вагонъ изъ акома? — спросилъ патлатый.

— Кубыть такъ.

— Да вѣдь онъ жалѣзный.

— А кто его знатъ. По ученому все одно — акомъ... Ну пойтить, что-ль, пошукать, — не идутъ ли казаки?...

Мутило душу. Каждая полоска свѣта выбивавшаяся изъ щели ставня, каждый шумъ розговѣнъ за стѣнами дома возмущалъ тѣмъ, что не отвѣчалъ настроенію. И, быть можетъ, никогда не былъ такъ силенъ разладъ душевный въ красной гвардіи, какъ въ эту холодную апрѣльскую пасхальную ночь.

Съ утра стали пить. Надо было забыться. Пьяныя ватаги красногвардейцевъ наполнили улицы Новочеркасска и срамною руганью заглушили привѣтственное «Христосъ воскресе». Попрятался обыватель. Печально тянулся солнечный голубонебный весенній день. Всѣ сидѣли по угламъ и ждали. Что то должно было совершиться, либо смерть, либо освобожденіе.

По улицамъ и площадямъ валялись пьяные красногвардейцы. Неслась похабная частушка, раздавались дикіе крики, стрѣляли изъ винтовокъ по пролетавшимъ гусямъ.

На разсвѣтѣ гулко и рѣзко, совсѣмъ неожиданно ударила со стороны Кривянской станицы казачья пушка. Засвисталъ, зашелестѣлъ снарядъ и «шаммъ» — звонко разорвался въ розовѣющемъ восходящимъ солнцемъ воздухѣ надъ самымъ вокзаломъ съ эшелономъ.

По грязному займищу за Аксаемъ показались рѣдкія казачьи цѣпи.

Заспавшіеся съ пьяна красногвардейцы туго просыпались и плохо соображали въ чемъ дѣло. Послали за казаками 10-го полка, чтобы вышли на развѣдку, казаки отказались.

Съ окраины Новочеркасска, со стороны Александро-Грушевска, отъ предмѣстья, гдѣ были баражки пѣхотной бригады, съ такъ называемаго Хотунка пріѣзжали растерянные люди:

— Къ Хотунку движутся конные и пѣшіе казаки. Заметались комиссары. Кто-то приказалъ двигать эшелоны на сѣверъ, другой требовалъ отступленія на югъ, раздавались споры, и навстрѣчу казакамъ выходили неорганизованныя толпы красной гвардіи, пытавшіяся вести уличный бой.

Крѣпче запирали ставни и двери обыватели, съ тревогою прислушивались къ артиллерійской, ружейной и пулеметной стрѣльбѣ, выглядывали опасливо въ щелки.

Проскакалъ по Іорданскому спуску на буромъ меринѣ старикъ-казакъ съ обнаженною шашкою. Сдалась партія оплошавшихъ красногвардейцевъ. На минуту затихла стрѣльба — и вдругъ радостными ликующими криками, визгами восторга изъ горницы въ горницу, въ корридоръ, въ кладовку, въ самый подвалъ, гдѣ укрылись женщины съ дѣтьми, раздались радостные возгласы:

— Казаки въ Новочеркасскѣ!

— Не можетъ быть?!

— Да говорю же!

— Видалъ... Самъ видалъ Архипова! Проскакалъ на буромъ коню!

— Христосъ воскресе!

— Идутъ, идутъ... Наши! Гимназисты!

— Я Пепу Карпова видалъ... Сережа Яновъ тоже. Заплавскіе казаки подходятъ.

— Семилѣтовскіе партизаны на Хотункѣ.

Маленькій Денисовъ шелъ во главѣ казаковъ ...

И звучно ударилъ соборный колоколъ, и завторили малые колокола, и вышелъ скрывавшійся гдѣ то епископъ Аксайскій Гермогенъ, и пошелъ по Платовскому проспекту высокій, статный, молодцеватый, съ красивой сѣдой бородою развѣвающейся по плечамъ, въ клобукѣ съ мантіей.

Казаки подходили къ нему подъ благословеніе и слышалось радостное:

— Христосъ воскресе! Христосъ воскресе!

Воскресалъ, возрождался и Донъ.

XXXV.

На другой день, 21-го апрѣля, было жутко. Красная гвардія, никѣмъ не преслѣдуемая, оправилась, къ ней подошли подкрѣпленія и густыми цѣпями стала покрываться степь отъ самаго Персіановскаго лагеря. И стало ясно видно, какъ много озлобленнаго врага и какъ мало силы у полковника Денисова. То верхомъ, то на извощикѣ носился по городу Денисовъ, собирая дружины и направляя всѣхъ, кого только увидитъ во дворѣ или въ домѣ къ Троицкой церкви. Тамъ стояли два казачьихъ орудія и рѣдкими выстрѣлами отвѣчали на грохотъ большевистскихъ батарей.

И чѣмъ дальше продолжался бой, чѣмъ ближе наступали цѣпи большевиковъ, тѣмъ яснѣе становилось, что казакамъ не удержать Новочеркасска. Не хватитъ силы. Крайніе бараки Хотунка уже были заняты красногвардейцами, они продвигались за рѣку къ скаковому полю и надвигались густыми колоннами съ сѣвера вдоль желѣзной дороги. Никто не зналъ, что въ Ростовѣ. Казаки колебались. Денисовъ поспѣвалъ повсюду.

— Держитесь! — кричалъ онъ. — Держитесь! Помощь близка.

И самъ не зналъ — откуда помощь. Посылали за нею на югъ и на востокъ, къ добровольцамъ и къ отряду Дроздовскаго, но никто не зналъ о ихъ состояніи и не вѣрилось даже, что они есть.

— Держитесь, — говорилъ онъ, соскакивая съ извощика и бѣгомъ направляясь къ отходящимъ казакамъ. — Вы куда!

— Мало насъ, — хмуро говорили казаки.

— Достаточно! Назадъ, назадъ! — За мной.

Снова ложились казаки и отвѣчали одиночными выстрѣлами на несмолкаемый трескъ перестрѣлки.

Солнце переваливало къ западу, еще холоднѣе становилось въ голубомъ просторѣ вечера и страшная близилась ночь. Съ лѣваго фланга донесли:

— Красная гвардія отходитъ.

Не вѣрили казаки. Но все быстрѣе и быстрѣе отходили большевики отъ Хотунка.

Изъ за Краснокутской рощи со степи между Новочеркасскомъ и станицей Грушевской грозно рявкнула тяжелая пушка и густое облако чернаго дыма поднялось возлѣ большевистскихъ цѣпей.

Кто стрѣлялъ? Свои или чужіе?...

— Свои, свои! — радостно шептали запекшимися губами усталые казаки.

Откуда то взявшіеся, чудомъ присланные самимъ Господомъ Богомъ стройные полки шедшаго съ Румынскаго фронта отряда Полковника Дроздовскаго подходили на выручку Новочеркасску.

И, когда надвинулись сумерки, большевиковъ не было подлѣ Новочеркасска и въ городъ входили походныя колонны отлично выправленной, лихой, дисциплинированной молодежи. И казалось, что весь революціонный угаръ, комитеты, комиссары, эксцессы — все было сномъ. Тяжело и мѣрно стучали сапоги по каменной мостовой, акуратно, были надѣты скатанныя шинели, сурово выглядѣли сухія загорѣлыя лица и непреклонная, неумолимая воля горѣла въ глазахъ...

Гдѣ то грянула бодрый маршъ давно неслыханная въ Новочеркасскѣ военная музыка.

Новочеркасскъ былъ спасенъ.

На другой день казачья конница полковника Туровѣрова вошла въ Ростовъ и нѣсколькими часами позже нея туда же прибыли эшелоны съ германскими войсками. Германское командованіе признало фактъ занятія Ростова казаками и въ Ростовѣ стало два коменданта — нѣмецкій и казачій.

Въ эти Пасхальные весенніе дни Добровольческая Армія закончила свой отходъ отъ Екатеринодара, перешла границу земли Войска Донского и расположилась на отдыхъ въ радушно принявшей ее станицѣ Мечетинской. Никто ничего еще не зналъ о событіяхъ на Дону. Смутные носились слухи, что Донъ поголовно возсталъ, что на Дону избиваютъ комиссаровъ. Отъ Добровольческой Арміи былъ посланъ къ Новочеркасску разъѣздъ кубанскихъ казаковъ.

Весеннимъ прохладнымъ вечеромъ, когда голубѣли степныя дали на востокѣ, а западъ съ его поднимающимися къ Дону холмистыми просторами пылалъ лучами закатив-

шагося въ безпредѣльность степную солнца, когда вся станица благоухала сиренью, акаціей и сквозь ароматъ цвѣтущихъ садовъ меньше былъ слышенъ острый волнующій запахъ жженой соломы, хлѣба и возвращающихся стадъ, когда вся улица станицы Мечетинской полна была отдыхающимъ народомъ — одни играли въ свайку, другіе сидѣли на рундукахъ длинными рядами и молчали, мечтая и надѣясь, съ западнаго края въ улицу станицы въѣхалъ разъѣздъ кубанскихъ казаковъ.

Худое загорѣлое лицо кубанскаго офицера было покрыто густымъ слоемъ черной пыли, пылью была покрыта и запотѣлая, точно попоной укрытая, тупая отъ усталости лошадь. Блестѣли радостью глаза офицера, весело звучалъ его голосъ и мощный духъ побѣждалъ усталое тѣло. Толпа офицеровъ обступила его и казаковъ.

— Съ Дона?.. Ну что на Дону? — раздавались голоса нетерпѣливыхъ взволнованныхъ людей.

— Порядокъ... — былъ короткій отвѣтъ.

— А большевики?

— Большевиковъ нѣтъ. Въ Новочеркасскѣ - Атаманская власть.

— А въ Ростовѣ?

— Нѣмцы.

— Нѣмцы, — повторяли добровольцы... — Нѣмцы. И какъ же они? Съ казаками-то?

— Ничего. Работаютъ вмѣстѣ противъ большевиковъ.

Все это такъ не вязалось со всѣмъ, что говорили и что слышали, что исповѣдывали въ Добровольческой Арміи, какъ непреложную истину, что нѣкоторое время въ толпѣ добровольцевъ царило молчаніе. Умъ не могъ воспринять той истины, что базою арміи становилась Украина, занятая нѣмцами и для борьбы съ большевиками являлось необходимымъ заключить въ той, или иной формѣ соглашеніе съ нѣмцами.

И радость извѣстія объ освобожденіи Дона, радость сознанія, что, наконецъ, является надежда на передышку, на временный отдыхъ, была отравлена недоумѣніемъ, какъ отнестись къ тому факту, что въ эти страдные дни существованія Россіи и ея арміи руку помощи Русскимъ людямъ протянули не ихъ союзники, а ихъ враги — нѣмцы.

XXXVI.

Исторія борьбы Россіи за свободу на Югѣ — можетъ быть раздѣлена на три періода.

Первый, — когда неорганизованные, безъ тыла и фронта отряды офицеровъ и юношей скитались съ генераломъ Корниловымъ по Кубанскому краю и съ генераломъ Поповымъ по Задонью, когда главною цѣлью была не борьба съ большевиками, а сохраненіе кадровъ арміи, сохраненіе ея офицерскаго состава для будущаго. Такъ хозяинъ сберегаетъ лучшія сѣмена для новаго урожая и боится растратить ихъ. Корниловъ скитался по закубанскому краю, пока судьба не вовлекла его въ осаду Екатеринодара, окончившуюся смертью его и тяжелымъ отходомъ изъ закубанья въ задонскій край. Поповъ, удачно маневрируя отъ противника, по богатымъ помѣщичьимъ зимовникамъ, сохранилъ свой маленькій отрядъ и привелъ его на Донъ. Первый періодъ, начавшійся въ февралѣ 1918 года уходомъ генерала Корнилова изъ Ростова и Попова изъ Новочеркасска, почти въ одинъ день — закончился въ концѣ апрѣля — возвращеніемъ Попова въ Новочеркасскъ и устройствомъ Добровольческой Арміи на Дону.

Второй періодъ былъ тотъ, когда у противобольшевистскихъ силъ явилась база. Этою базою стала Украина, занятая нѣмцами. Въ распоряженіи Донского Правительства и командованія Добровольческой Арміи оказались богатѣйшіе военные склады Юго-Западнаго и отчасти Румынскаго фронтовъ, патронные и снарядные заводы, суконныя фабрики и спокойный край, вернувшійся къ нормальной жизни. Эта база вліяла не только въ матеріальномъ отношеніи на операціи противъ большевиковъ, но она оказала громадное моральное воздѣйствіе на казаковъ. Видъ отлично одѣтыхъ и дисциплинированныхъ германскихъ войскъ вернулъ казакамъ желаніе быть не хуже ихъ. Кругъ спасенія Дона, состоявшій болѣе чѣмъ на три четверти изъ простыхъ казаковъ-земледѣльцевъ, разговорами занимался мало. Онъ вручилъ судьбы Родного края Атаману и разъѣхался, не вдаваясь въ критику. Атаманъ постановилъ: возвратъ къ старому дореволюціонному порядку, — и прежде всего началъ создавать Армію по старой организаціи и на началахъ старой дисциплины. Въ эту пору у противобольше-

вистскихъ силъ на югѣ Россіи была прочная база — Украина, были точно обозначившіяся операціонныя направленія: — на Воронежъ и Царицынъ и постепенно появлялась правильно организованная, чуждая духу партизанства и добровольчества донская армія, дѣйствовавшая по указаніямъ военной науки. Этотъ періодъ былъ наиболѣе блестящимъ въ исторіи борьбы на югѣ и заставилъ и красное командованіе встревожиться и измѣнить многимъ своимъ принципамъ. Періодъ этотъ продолжался съ мая по декабрь 1918 года.

Въ декабрѣ 1918 года появились на югѣ Россіи давно жданные союзники и началась союзническая помощь. Это былъ третій періодъ борьбы. Союзники не смѣнили германскіе гарнизоны на Украинѣ и не поддержали спокойствія въ этомъ громадномъ краѣ. База была выдернута изъ подъ армій, оперировавшихъ на югѣ Россіи. Все пришлось создавать снова уже во время широко развившихся по всему фронту операцій и боевъ. Операціонныя направленія расползлись по всей Россіи и малыми силами Добровольческая армія стремилась охватить и забрать и Украину, и Великороссію, и Кавказъ, и Крымъ. Съ потерей Украины все довольствіе войскъ и снабженіе ихъ легло на союзниковъ и на жителей, что создало громадный тылъ и повлекло къ гибели всего противобольшевистскаго дѣла. Развивая операціи въ крупномъ масштабѣ Добровольческая армія не могла отрѣшиться отъ духа партизанства и добровольчества, которымъ она была проникнута. Она не учла того, что противникъ ея вернулся къ старымъ принципамъ военнаго искусства и хотѣла побѣдить его новой тактикой и новой стратегіей, выработанными въ бояхъ съ Сорокинымъ и Автономовымъ, Думенко, Жлобой и другими кустарями военнаго дѣла и совершенно не пригодной для борьбы съ Клембовскимъ, Сытинымъ, Гуторомъ, Незнамовымъ, Свѣчинымъ и другими профессорами Императорской военной Академіи. Этотъ періодъ былъ самымъ кровопролитнымъ и тянулся съ января 1919 года по мартъ 1920 года.

Въ первый періодъ борьбы большевистское командованіе, во главѣ котораго стояли диллетанты: — Троцкій, Крыленко, матросъ Дыбенко, вахмистръ Думенко, солдаты Ворошиловъ и Мининъ кое какъ справлялось, благодаря своей многочисленности съ дѣйствовавшими противъ нихъ

«бѣлогвардейскими бандами». Дружины Сойкина, смѣлые партизаны Чернецова, отрядъ Бѣлаго дьявола, даже Корниловская «армія» — безъ базы, безъ оружія и безъ патроновъ мало пугали народныхъ комиссаровъ и въ основу борьбы они клали агитацію, не нарушая народнаго демократическаго характера своихъ армій съ выборными начальниками изъ случайныхъ людей или просто изъ жестокихъ и храбрыхъ солдатъ Императорской Арміи.

Во второй періодъ гражданской войны, когда на Дону сталъ работать правильно организованный штабъ и когда постепенно, желѣзною волею генерала Денисова, станичныя дружины стали замѣняться полками, орудія были отобраны отъ владѣвшихъ ими станицъ, считавшихъ ихъ своею военною добычею, были созданы батареи и управленіе артиллеріей, когда вмѣсто отрядовъ явились фронты и вмѣсто случайныхъ полувыборныхъ вождей, офицеровъ, захватившихъ въ свои руки командованіе, стали опытные боевые генералы, когда операціи подъ Воронежемъ и Царицынымъ, приняли планомѣрный характеръ — Троцкій учелъ, что соціалистическая армія, построенная на милиціонныхъ началахъ не годится и что приходится признать, что существуетъ военная наука и обратиться къ спеціалистамъ.

Троцкій не задумался надъ тѣмъ, чтобы самому изучить военное дѣло. Онъ пригласилъ къ себѣ профессоровъ Академіи и сѣлъ за книгу. Это не было методичное изученіе военнаго дѣла, — это было лишь нахватываніе научныхъ верховъ. Троцкій начинялъ себя квинтъ эссенціей военной премудрости, ловилъ афоризмы и аксіомы великихъ полководцевъ. Тѣ, кого онъ со школьной скамьи презиралъ: — Александръ Македонскій, Юлій Цезарь, Морицъ Саксонскій, Валленштейнъ и Густавъ Адольфъ, Фридрихъ и Петръ Великій, Румянцевъ и Суворовъ, Наполеонъ и Скобелевъ, — все имперьялисты и императоры, открывали ему въ короткихъ чеканныхъ фразахъ секретъ побѣды. Въ большомъ черепѣ, прикрытомъ вьющимися волосами прочно укладывались принципы «науки побѣждать».

Троцкому сказали, что **организація не терпитъ импровизаціи** — и на пятомъ всероссійскомъ съѣздѣ Совѣтовъ Троцкій, лѣтомъ 1918 года, выступилъ со смѣлыми, горячими словами:

— «Мы не сомнѣваемся», — говорилъ онъ, — «что для красной арміи эпизоды подавленія возстанія лѣвыхъ соціалистовъ-революціонеровъ въ Ярославлѣ и изгнаніе красноармейцами чехо-словаковъ изъ Сызрани послужатъ урокомъ для укрѣпленія дисциплины. Красная Армія, построенная на наукѣ, она намъ нужна. Партизанскіе отряды — это кустарническіе, то есть ребяческіе отряды; Это для всѣхъ ясно. Намъ необходимо упрочить дисциплину, при которой такого рода авантюры стали бы невозможны, этотъ опытъ дастъ возможность всякому солдату понять и всякій солдатъ это пойметъ, что кровопролитіе и братоубійство возможны при отсутствіи дисциплины. Красная армія есть вооруженный органъ совѣтской власти, она служитъ не себѣ, не тому, или другому кружку, а служитъ рабоче-крестьянскимъ цѣлямъ».

Самостоятельно дѣйствовавшіе отряды стали расформировываться и на ихъ мѣсто появлялись полки, дивизіи и арміи.

Троцкій узналъ, что — воля одного лица можетъ передаваться не больше, какъ пяти лицамъ, а вслѣдствіе этого неизбѣжно нужна военная іерархія и армія не можетъ быть демократична, потому что она аристократична по самому своему существу, такъ какъ стадо львовъ, руководимое бараномъ слабѣе стада барановъ, руководимаго львомъ. — Троцкій сталъ искать этихъ львовъ среди генераловъ и офицеровъ Императорской Арміи и не стѣснялся выдвигать солдатъ, отличившихся военнымъ глазомѣромъ и смѣлостью операцій. Онъ призвалъ Брусилова и Клембовскаго, онъ сталъ заискивать въ Поливановѣ и онъ же возвеличилъ вахмистра Буденнаго...

Онъ узналъ, что les gros bataillons ont toujours raison*) — и на смѣну полудобровольческимъ полкамъ онъ приступилъ къ мобилизаціямъ, наборамъ и военному обученію молодежи. Онъ создалъ «всевоенобучъ», на который возлагалъ большія надежды.

Ему сказали, что въ оборонѣ погибель, а потому всегда атакуй, что недорубленый лѣсъ выростаетъ скоро, что sans une cavalerie experi-

*) — Большія силы всегда себя оправдаютъ.

mentée et suffisante les armées marchent en aveugle et sont compromises*) — и онъ испыталъ это на своей шкурѣ три раза подрядъ. Въ районѣ Богучара, Бутурлиновки и Новохоперска его большія части заматывалъ всегда наступавшій смѣлый генералъ Гусельщиковъ съ Гундоровскимъ казачьимъ полкомъ. На глазахъ Троцкаго недорубленная армія Корнилова выросла въ громадную Добровольческую армію Деникина, а конница Мамантова, Фицхелаурова, Секретева, Врангеля и Улагая не давали ему возможности оправиться у Царицына, Камышина и Балашова.

И Троцкій задумалъ создать такъ недостававшую ему **красную кавалерію.**

Троцкому стали нужны спеціалисты военнаго дѣла. Онъ сталъ искать ихъ между генераловъ, томившихся въ заточеніи по тюрьмамъ и крѣпостямъ, укрывавшихся подъ чужими фамиліями, голодавшихъ, нищенствовавшихъ, продававшихъ газеты и спички на улицахъ. Онъ сталъ вызывать ихъ, суля сытую и хорошую жизнь, беря семьи заложниками, обѣщая власть и славу, грозя разстрѣломъ и пытками и многихъ соблазнилъ и привлекъ на службу подъ красными знаменами Р. С. Ф. С. Р.

Въ дни поисковъ «спецовъ» кавалерійскаго дѣла вспомнили о генералѣ Саблинѣ.

XXXVII.

Первое время Саблинъ ожидалъ смерти каждый часъ. Онъ прислушивался ночью къ шагамъ въ коридорѣ и молилъ Бога лишь объ одномъ, чтобы Онъ далъ ему силы смѣло встрѣтить смерть. По ночамъ, при малѣйшемъ шумѣ, онъ вставалъ, прогонялъ сонъ и ходилъ взадъ и впередъ по камерѣ. Маленькое окошко за рѣшеткой скупо обозначалось въ стѣнѣ. Шумъ утихалъ и ни одинъ звукъ не приходилъ въ камеру изъ внѣшняго міра. Саблинъ томился до утра. Ему чудились выстрѣлы, стукъ автомобиля, крики — минуты казались часами. Наступалъ разсвѣтъ, гасло элек-

*) — Безъ достаточной и искусной кавалеріи арміи бродятъ въ слѣпую и могутъ быть разсѣяны.

тричество, голубоватый свѣтъ лился въ окно, холодъ сковывалъ члены усталаго, разбитаго тѣла. За Саблинымъ не приходили, онъ оставался жить. Такъ проходили дни, недѣли.

Саблинъ думалъ о томъ, что онъ сидитъ въ той самой камерѣ, гдѣ томились прежніе узники Петропавловской крѣпости. Онъ испытывалъ то, что испытывали смертники, о которыхъ онъ иногда читалъ въ книгахъ. Когда то, — и какъ будто не такъ давно, онъ смотрѣлъ на эту самую крѣпость изъ окна дворцоваго зала и ему грезились призраки, выходящіе изъ крѣпости. Когда то онъ ходилъ съ Марусей по набережной противъ крѣпости и Маруся возмущалась и жалѣла тѣхъ, кто сидитъ въ казематахъ. Саблинъ вспоминалъ то, что онъ читалъ и что разсказывала ему Маруся о послѣднихъ часахъ, приговоренныхъ къ смерти. Какъ это не походило на то, что дѣлали теперь съ Саблинымъ. Тогда былъ судъ и приговоръ, торжественно объявленный. Преступникъ **з н а л ъ**, что его казнятъ. Онъ могъ надѣяться на помилованіе, но эта надежда была ничтожна. Теперь не было, ни суда, ни приговора и Саблинъ только подозрѣвалъ, что онъ обреченъ на смерть. Тогда обреченный пользовался извѣстнымъ комфортомъ. Его хорошо кормили, ему давали книги для чтенія, ему давали Евангеліе. Передъ смертью къ нему являлся священникъ и вѣшали его послѣ цѣлаго ряда установленныхъ формальностей, вѣроятно страшно тяжелыхъ для осужденнаго. Но было въ обрядѣ смертной казни и нѣчто отъ христіанской любви, что, можетъ быть, смягчало суровость казни. Всѣ, начиная съ тюремныхъ сторожей и кончая палачомъ, — священникъ, прокуроръ, офицеръ караула были ласковы со смертникомъ. Они отправляли осужденнаго на тотъ свѣтъ безъ злобы и ненависти, по своему долгу. Часовые стояли у дверей камеры молча и не оскорбляли и не отравляли послѣднихъ минутъ заключеннаго. Смертникъ долженъ былъ чувствовать, что эти люди противъ него ничего не имѣютъ, его осудилъ законъ, его осудилъ и можетъ помиловать только Государь. Все бремя власти лежало на Государѣ, и, можетъ быть, изъ этихъ сложныхъ переживаній смертниковъ, запротоколенныхъ литературой, выросла въ извѣстныхъ слояхъ Русскаго общества ненависть къ Монарху и царской власти.

Въ камерѣ осужденнаго была тишина. Въ опредѣленные часы ему подавали пищу, въ опредѣленные дни его выслушивалъ прокуроръ, къ нему заходилъ священникъ. Къ нему допускались родные и близкіе. Было ужасное одиночное заключеніе, отъ котораго сходили съума, но не было того, что испытывалъ Саблинъ.

Онъ не зналъ, находится онъ въ одиночномъ заключеніи, или просто живетъ въ крѣпости. Все зависѣло отъ караула, отъ солдатъ. Вдругъ днемъ распахивалась камера и въ нее врывались солдаты караула. Они грубо ругались и оскорбляли Саблина.

— А, буржуй проклятый! Не теряешь буржуйскаго вида, сволочь, постой, мы тебя прикончимъ, — кричали они.

Они щелкали затворами ружей и прицѣливались въ Саблина, они дѣлали нечистоты въ камерѣ и шумной ватагой исчезали. Жаловаться было некому и безполезно.

А на другой день — двери камеръ отворялись и всѣ заключенные сходились, знакомились другъ съ другомъ и ходили, свободно разговаривая и ругая совѣтскую власть. И солдаты караула ругали ее тоже.

Съ Саблинымъ въ одномъ домѣ сидѣли: старый генералъ-адъютантъ, отъ всего пережитого впавшій въ дѣтство и мечтавшій писать свои мемуары и маленькій суетливый членъ Государственной Думы, увѣренный, что его выпустятъ

— Главное, господа, — говорилъ онъ, — сохранить себя въ этихъ условіяхъ. Для этого нуженъ физическій трудъ.

Членъ Думы топилъ печи во всемъ флигелѣ, подметалъ полы и корридоры и исполнялъ трудную работу. Онъ былъ старъ и слабъ и почти падалъ отъ утомленія.

«Это ничего», говорилъ онъ. «Это плоть, а духъ мой силенъ и я еще могу полнымъ плевкомъ плюнуть насильникамъ и жидамъ въ самую ихъ поганую харю.»

Жила въ камерахъ больная фрейлина Императрицы, цѣлыми часами стоявшая на колѣняхъ въ углу за молитвой и не выходившая изъ камеры даже тогда, когда двери отпирались.

Извѣстій снаружи было мало. Знали то, что говорилъ караулъ. Солдаты разсказывали о войнѣ на внутреннемъ фронтѣ, о побѣдахъ надъ Колчакомъ, надъ донскими казаками и надъ Деникинымъ. Но, судя по тому, что мѣста

побѣдъ приближались къ Москвѣ, надо было думать, что побѣды были не важныя. Но больше говорили о пайкѣ, о фунтахъ хлѣба, о спекуляціи, о сапогахъ и шинеляхъ.

А на слѣдующій день свобода кончалась. Новый караулъ былъ необычайно строгъ, грозилъ разстрѣлами, стучалъ винтовками и въ домѣ заключенныхъ царила мертвая тишина.

Кормили очень плохо. Иногда ничего не давали, иногда приносили дурно пахнущую сѣрую, мутную похлебку и жолтый чуть теплый напитокъ, носящій названіе чая.

Отъ такой пищи тѣло таяло. Земные помыслы исчезли, желанія пропадали. Первые дни Саблинъ отъ голода думалъ о ѣдѣ, вспоминалъ тѣ роскошные обѣды, которые бывали въ собраніи и у него дома, столъ, уставленный водками и закусками, громадные пироги съ сигомъ и вязигою, различные супы и мяса, потомъ это отпало. Его радовало, что духомъ онъ не падалъ, что душа его укрѣплялась въ сознаніи своего безсмертія и предстоящая смерть его не пугала.

Очень часто, по ночамъ, Саблинъ слышалъ шумъ грузового автомобиля. Корридоръ наполнялся людьми, вспыхивали лампочки, слышна была брань, мольбы и стоны. Раздавались крики отчаянія, кого то приводили, кого то уводили, стучала машина и казалось, или то было дѣйствительно такъ, сквозь стукъ машины слышались короткіе рѣзкіе звуки выстрѣловъ.

На другой день сторожъ-солдатъ, внося хлѣбъ и кружку съ водой, говорилъ сокрушенно: — «вчера еще двадцать семь человѣкъ въ расходъ вывели».

Однажды ночью, въ камеру Саблина втолкнули босого человѣка въ одномъ нижнемъ бѣльѣ.

— Побудь тутъ, покеля! — сказалъ втолкнувшій его солдатъ.

Попавшій въ камеру Саблина былъ юноша съ блѣднымъ интеллигентнымъ лицомъ и большими глазами. Онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ. Въ камерѣ было сыро и холодно, а на немъ кромѣ бѣлья не было ничего. Саблинъ накинулъ на него свою шинель и обнялъ его, чтобы согрѣть и успокоить.

Эта неожиданная ласка окончательно разстроила молодого человѣка и онъ разрыдался.

— Спасите меня! Спасите!.., — говорилъ онъ, сжимая руки Саблина. — Вѣдь меня убьютъ!... Я знаю... знаю. Меня взяли за то, что я хотѣлъ уйдти отъ нихъ. Меня обвинили въ дезертирствѣ... Спасите меня... Мама, если узнаетъ, съума сойдетъ... Я... — онъ назвалъ одну изъ громкихъ аристократическихъ фамилій. — Моя мама въ Крыму, она ждетъ меня... Спасите меня... Я все, все сдѣлаю, но только жить... Вы понимаете, я готовъ имъ поклониться... Ахъ только бы жить, жить ... У меня есть невѣста... Спасите меня ...

Дверь камеры открылась и солдатъ назвалъ фамилію молодого человѣка.

Тотъ прижался къ Саблину.

— Ну живо, ты! Некогда намъ съ вами возиться. Пошелъ къ стѣнкѣ, — крикнулъ солдатъ.

И вдругъ молодой человѣкъ всталъ и покорно, неловко ступая босыми ногами по каменному полу, пошелъ на зовъ солдата. Было что-то такое ужасное въ этомъ движеніи молодого тѣла въ бѣломъ бѣльѣ, въ его потухшихъ глазахъ, въ покорности окрику, что-то такое жалко животное, что Саблинъ навсегда запомнилъ его и все ему грезился этотъ одѣтый въ бѣлое юноша съ наклоненной головою, выходящій изъ камеры.

XXXVIII.

Съ осени 1918 года очень часто при камерѣ дежурилъ бритый человѣкъ съ умными вдумчивыми глазами. Сухое лицо его съ большимъ лбомъ было нервно. Глаза проникали въ душу и было у него два состоянія. Одно, когда онъ сидѣлъ часами въ углу, молчалъ и тихо стоналъ, другое, когда онъ возбужденно говорилъ, разсказывалъ, вспоминалъ что-то, махалъ руками. Онъ заходилъ къ Саблину въ камеру и часами сидѣлъ у него въ углу на табуретѣ, то молча, то разговаривая съ Саблинымъ.

Ихъ знакомство началось при обходѣ камеръ. Саблину въ этотъ день удалось добиться разрѣшенія побриться и постричься и онъ, чисто вымытый, сидѣлъ на койкѣ и думалъ свои думы.

Дежурный вошелъ въ камеру въ сопровожденіи часового, посмотрѣлъ на Саблина и сказалъ:

— Какой типичный буржуй.

И вышелъ.

Черезъ полчаса онъ вошелъ снова и сѣлъ противъ Саблина на табуретѣ. Онъ сидѣлъ спиною къ верхнему окну, Саблинъ лицомъ къ нему.

— Вы не обидѣлись? — сказалъ онъ.

Саблинъ молчалъ.

— Мнѣ ли не отвѣчаете? Я комиссаръ и членъ чрезвычайной комиссіи по борьбѣ съ контръ-революціей!... А впрочемъ: все равно. Я вѣдь такой же буржуй, какъ и вы. Обратилъ я вниманіе на васъ потому, что вотъ и издѣваются надъ вами товарищи солдаты и обречены вы, вѣроятно, на смерть, и не кормятъ васъ, и вши васъ ѣдятъ, а вы все баринъ. Бариномъ родились — бариномъ, поди, и умрете. А они, — хоть и сверхъ-человѣки, а хамы. Вы молчите?.. Ну, молчите, молчите. Я понимаю, что вамъ противно со мною говорить. Вдвойнѣ противно, потому что я образованный человѣкъ. Докторъ философіи. Но, можетъ быть, вы поймете меня. Я идейный коммунистъ. Я увѣровалъ въ нихъ. Правда. Знаете, я юристъ по профессіи, былъ прокуроромъ и вопросомъ о смертной казни спеціально занимался. Нравственно, или безнравственно? Допустимо, или недопустимо, и если да, то какъ? Ну, сначала пришелъ къ тому заключенію, что, конечно, недопустимо. И волновался и шумѣлъ. Помните Андреева — «Семь повѣшенныхъ» — благородная тема!! Неправда-ли!? Ну, только, потомъ, прочелъ я его же «Губернатора». И задумался. Выходитъ дѣло такое: — война. Ежели ихъ не повѣсятъ, то они его ухлопаютъ. Какъ же теперь говорить объ отмѣнѣ смертной казни? А тутъ подвернулась война и все прочее и у власти оказался Владиміръ Ильичъ. Я съ нимъ когда то газету его издавалъ, пріятели. Заявился къ нему, былъ принятъ. Вѣдь это, я скажу вамъ, — умъ! Планетарный умъ. Геній. Что ни слово, то откровеніе. А меня, признаться сказать, вопросъ этотъ мучилъ — о смертной казни. Какъ же, молъ, такъ: — свобода и все прочее, неприкосновенность личности и вдругъ смертная казнь. Я къ нему. Онъ принялъ меня, выслушалъ съ полнымъ вниманіемъ и говоритъ: — «да вѣдь, товарищъ, по

существу — смертной казни нѣтъ». Какъ нѣтъ! А разстрѣлы, а пытки? — А онъ, знаете, улыбнулся своею веселою улыбкой и говоритъ: вы ничего не понимаете. Смертная казнь — это обрядъ. Это пытка, это мука! Судъ, прокуроръ, —священникъ, палачъ, да вонъ еще, говорятъ, прежде въ красную рубаху палача наряжали и красный колпакъ одѣвали, — это уже инквизиціей пахнетъ. Этого нѣтъ. Но, понимаете вы, что нѣкоторые люди намъ не нужны и ихъ нужно удалить. Ознакомьтесь съ нашими порядками и вы поймете, что смертная казнь отмѣнена. Я получилъ назначеніе въ чрезвычайную комиссію. Положеніе, понимаете ли вы! То я по коммунистическимъ столовымъ шатался, супъ изъ воблы жрать и хлѣбъ изъ картофельной шелухи лопалъ, а тутъ: — кухарочка у меня изъ аристократокъ оказалась, вино на столѣ, бѣлый хлѣбъ, вчера мороженое кушалъ. Жена, дѣти довольны.

Онъ замолчалъ. Оживленіе его какъ то пропало. Онъ завялъ и блѣднымъ голосомъ договорилъ:

— Вы меня слушаете и думаете, что я провоцироватъ васъ собираюсь. Что же, вы правы. У насъ все на доносахъ. Я вѣдь по душѣ то, можетъ быть, первый разъ говорю. Потому что и дома: — мороженое ѣшь, вечеромъ въ картишки играешь, а ни женѣ, ни сыну, ни гу-гу про свои мысли: выдадутъ. Вотъ вѣдь положеніе то каково! Не знаю поймете ли?

Онъ вышелъ, но минутъ черезъ пять вошелъ снова и опять былъ возбужденный и оживленный.

— Тянетъ меня къ вамъ. Вотъ, посмотрѣлъ въ ваши большіе сѣрые глаза, и понялъ, что вы настоящій буржуй. Вы не выдадите меня, не предадите за кусокъ воблы, или за ласковое слово комиссара. А то, вотъ и аристократочка у меня кухаркой служитъ, и руки готова цѣловать и все такое, — знаете, надрывъ въ ней истерическій. Пять красноармейцевъ ее изнасиловали, такъ съ того пошло. Мущинами грезитъ... Предать готова за лишнюю ласку. А накопилось у меня много. Я знаю — вы выгнать меня хотите, да не смѣете.

— Я не не смѣю выгнать васъ, а не могу, — сказалъ Саблинъ. Вы все равно меня не послушаетесь.

— Ну, можетъ быть, я то и послушался бы. Я человѣкъ деликатный, сказалъ комиссаръ.

— Тема, которую вы затронули, меня интересуетъ. Да и всегда интересовала, — сказалъ Саблинъ.

— О смертной то казни! Ну, еще бы! Такъ вотъ, я въ чрезвычайкѣ, это дѣло понялъ. Видите вы... Бывали вы когда либо на скотобойнѣ? Ужасное, знаете, зрѣлище, а никого не возмущаетъ. Иныя кисейныя барышни даже ѣздятъ и кровь горячую пьютъ, отъ анеміи, дескать, помогаетъ. Быкобойца считается порядочнымъ человѣкомъ и всякій ему руку подаетъ. Да, говорятъ, трудное ремесло, но необходимое. И уже онъ, конечно, не палачъ. Ну еще бы — бифштексы, да ростбифы, да филеи разныя это чего нибудь да стоитъ. Такъ вотъ Владиміръ Ильичъ и указали, чтобы также значитъ и съ людьми. Антимоніи этой разводить, нечего. Если хотите, тутъ немного и отъ Талмуда есть. Еврей, вѣдь гоя за человѣка не считаетъ, а за животное. Владиміръ Ильичъ и указали намъ, чрезвычайкамъ то, что всю эту буржуазную канитель: приговоръ, прокурора, священника, палача — все это оставить надо. Просто —вывести въ расходъ. Уничтожить, чтобы не было. И конецъ. У нѣкоторыхъ, — вѣдь во всякомъ дѣлѣ Русскій человѣкъ совершенствоваться и услужить желаетъ, — явилась такая мысль! Трупы утилизировать, чтобы и отъ нихъ филе, да бифштексы выкроить. И, знаете, китайцы оказались мастера этого дѣла. А я, понимаете, ходилъ съ научною цѣлью... Да, представьте себѣ, гаражъ автомобилей на Гороховой. Полъ бетонный, а въ углу вдоль стѣнки жолобъ продѣланъ. Приговоръ вынесенъ. Тридцать человѣкъ въ расходъ. Есть мущины и женщины. Ночью приводятъ ихъ въ гаражъ. Полутьма. Двѣ лампочки, уже перегорѣвшія тускло горятъ, проволоку видно. Красноармейцы ихъ раздѣваютъ до гола. Одежда и бѣлье теперь цѣну имѣютъ — все равно, какъ шкура быка. Они стоятъ голые, дрожатъ и уже многіе о смерти не думаютъ, а такъ, холодно имъ и стыдно. Другіе плачутъ, на колѣняхъ ползаютъ, руки цѣлуютъ. И приходитъ чекистъ. Есть любители. Ну, конечно, подъ наркозомъ. Кокаинъ, либо эфиръ. Глаза горятъ, ноздри раздуты. Весь въ кожѣ. Черная кожаная фуражка комиссарка на немъ съ большою красною звѣздою, шведская куртка — это вѣдь самый модный нынче костюмъ, — самъ Троцкій его носитъ, кожаные штаны и высокіе сапоги. Револьверъ, этакій большой,

сбоку, не то восемь, не то десять зарядовъ въ немъ. Видъ самодовольный, наглый.

— Станови буржуевъ къ стѣнкѣ! кричитъ, которые желаютъ лицомъ, а кто спиной — мнѣ безразлично.

И вотъ у стѣнки выстраивается рядъ дрожащихъ голыхъ тѣлъ... Да... Видали вы картины Штука... Или вотъ наши декаденты — мазилки пишутъ. Боже! до чего безобразно человѣческое тѣло! Большіе вздутые животы, тонкія ноги, длинныя руки, и все это грязное, немытое, пахнетъ нехорошо. Чекистъ кожаный подходитъ и кому въ високъ, кому въ затылокъ, быстро такъ... Ну совсѣмъ скотская бойня.

Разскащикъ замолчалъ и опять вышелъ.

— Вы простите меня, сказалъ онъ, возвращаясь, но я безъ кокаина даже разсказывать не могу. Впрыснулъ еще. Я вѣдь тогда до конца оставался. Новые методы изучалъ. И, знаете, наглость и умъ у Владиміра Ильича изумительные. Тогда, когда была гильотина и палачи, когда была висѣлица и разстрѣлъ — были герои. И Людовикъ XVI и Марія Антуанета были герои, и героями стали Рысаковъ и Желябовъ и герой лейтенантъ Шмидтъ, — ихъ тѣла отыскиваютъ, чествуютъ, гражданскія панихиды поютъ, а тутъ не герои революціи, или контръ революціи, а просто убойный скотъ. Я думаю, въ пять минутъ всѣхъ тридцать покончилъ. И вотъ тогда пришли китайцы и стали раздѣлывать тѣла убитыхъ. Вотъ совершенно такъ, какъ мясникъ тушу раздѣлываетъ. Обрубили головы, руки и ноги, выпотрошили животы, все это въ желѣзные ящики положили, потомъ стали рубить на куски. Я смотрѣлъ. Куски мяса и не узнаешь что. Въ Зоологическій садъ повезли. Звѣрей кормить. Ловко? Вы подумайте: — полное уничтоженіе личности. Царское правительство повѣсило Каляева, или разстрѣляло Шмидта — а они остались въ памяти, а тутъ кого, сколько, ну-ка узнай!?

— Выхожу я. Утро, знаете, такое блѣдное, лѣтнее Петербургское. Я, вѣдь, Петербуржецъ самъ. Люблю эту недоговоренность бѣлыхъ ночей и небо блѣдное за шпилемъ Адмиралтейства и сырой холодокъ съ запахомъ царственной Невы. Вѣдь иного эпитета, какъ царственная, хотя оно и контръ революціонно, не придумаешь. Да, выхожу я изъ воротъ, а на панели женщины, пять, или шесть, старыя и

молодыя. Ко мнѣ. Хватаютъ за руки, на колѣни кидаются. — Господинъ комиссаръ! — кричатъ, — мы знаемъ, что кончено. Дайте тѣло! Тѣло дайте похоронить! Я мать! Я жена... Я сестра... Я дочь»!.. Да... ужасно знаете. Владиміръ Ильичъ обмозговалъ это все хорошо. Ну, возьми-ка тѣло героя, изъ желудка какой либо пантеры или полосатой гіены? Вотъ, видите вы теперь, разницу между христіанской императорской системой и нашей коммунистической.

Потомъ... Разсказывали мнѣ, что въ дни голода китайцы на Сѣнной, людямъ продавали это мясо.

- Вы знаете, я теперь никакого мяса не ѣмъ. Видѣть не могу. Увижу — тошнитъ. Запахъ ужасный. Но, какъ систему, — не могу не привѣтствовать. Полное отсутствіе личности. Скотъ, а не люди... Вы простите меня, что, можетъ быть, замучилъ васъ, но душу отвелъ. Дома и то боюсь говорить. Сынъ у меня, — Аркашкой звать, пятнадцати лѣтъ мальчишка, двоюроднаго брата, кадета, чрезвычайкѣ выдалъ, что онъ скрывается у тетки, за коробку старыхъ леденцовъ Ландрина. Да... я думаю и меня онъ, не стѣсняясь, предастъ. Онъ вѣдь растетъ въ этихъ новыхъ понятіяхъ, что люди скотъ... Все ждетъ, мерзавецъ, когда крематорій кончатъ строить. Хочетъ въ стекло посмотрѣть, какъ сгораетъ покойникъ. — «Я вѣдь», — говоритъ, — «папа, знаю, что ничего нѣтъ, ни Бога, ни души, это прежнее правительство выдумало, чтобы держать въ темнотѣ народъ». А? каковъ поросенокъ! Онъ и отца предастъ, не задумается. Современное покол̀ѣніе. Ленина обожаетъ. Вы простите, что я передъ вами — но вижу вы стараго закала человѣкъ. Настоящій баринъ. Не выдадите, что я думаю. А то у меня слишкомъ накипѣло. Хотѣлось хоть разсказать!

XXXIX.

Комиссаръ, отъ поры до времени навѣщавшій Саблина, солдаты и красногвардейцы, старикъ генералъ-адъютантъ и другія лица, заключенные въ одномъ домѣ вмѣстѣ съ Саблинымъ порою казались Саблину не живыми людьми, но порожденіями какого-то дикаго сна. Жизнь не допускала ни такихъ явленій, ни даже такихъ разсказовъ. Пропитан-

ный кокаиномъ, съ издерганными нервами комиссаръ не былъ нормаленъ. Онъ жилъ только въ грезахъ, но грезы его были страшными и кровавыми. Онъ приносилъ Саблину газеты. Но тяжело было читать безграмотныя завыванія «Извѣстій» и «Красной газеты», Саблинъ просилъ книгъ и евангелія, но комиссаръ покачалъ головою и сказалъ: — «не могу-съ. Понимаете, за это самого могутъ къ стѣнкѣ. Мой начальникъ Дзержинскій сказалъ: — вмѣстѣ съ буржуазіей отжили свой вѣкъ тюрьмы. Пролетаріату не нужно четырехъ стѣнъ. Онъ справится при помощи одной. Но въ вашей судьбѣ кажется скоро будетъ перемѣна къ лучшему».

И дѣйствительно: съ зимы Саблину улучшили столъ, стали давать много хлѣба, настоящій мясной супъ и разъ въ недѣлю допускали къ нему парикмахера. Ему выдали чистое бѣлье, матрацъ и одѣяло и, наконецъ, прислали неизвѣстно отъ кого большую связку книгъ. Книги были военнаго содержанія. Тактика Бончъ-Бруевича, Военная Администрація и уставы. Въ тактикѣ былъ вложенъ большой пакетъ. Надписи на немъ не было, но, видимо, кто то заботился о Саблинѣ со стороны. Въ пакетѣ была пачка денегъ и письмо... отъ Тани. Письмо было старое. Пакетъ долго валялся гдѣ-либо по сумкамъ, онъ былъ покрытъ пятнами жира и сырости и надпись карандашемъ на немъ стерлась. Саблинъ не могъ ее разобрать. Саблинъ вскрылъ пакетъ и досталъ изъ него большую пачку листовъ, исписанныхъ тонкимъ широкимъ почеркомъ его любимой дочери. На верху первой страницы былъ нарисованъ чернилами восьмиконечный крестъ и написано:

...«Господу Богу угодно было, въ неисповѣдимыхъ путяхъ своихъ, прервать жизнь Святыхъ Царственныхъ Страдальцевъ въ ночь на 4 іюля 1918 года»...

...«Не знаю, милый папа, какъ я опишу тебѣ все то, что случилось. Мы ожидали этого. Но мы не знали, что это будетъ такъ ужасно.

...«Нѣсколько разъ хотѣла продолжать писать тебѣ письмо и не было силъ. Слезы застилали глаза и карандашъ валился изъ рукъ. Начала еще въ Екатеринбургѣ, кончаю въ Москвѣ, потому что видала Пестрецова, онъ разсказалъ мнѣ про тебя и обѣщалъ доставить письмо. Онъ обѣщалъ тебя освободить.

«Папа! Пестрецовъ не хорошій человѣкъ. Онъ служитъ у тѣхъ, кто убилъ ихъ. Кто уничтожилъ Россію.

«13 апрѣля Государя, Государыню и Марію Николаевну отвезли изъ Тобольска. Мнѣ разсказывали, что императоръ Вильгельмъ потребовалъ черезъ своего посланника въ Москвѣ, Мирбаха, чтобы Государя и Его семью отвезли въ Москву, или Петербургъ, онъ хотѣлъ ихъ спасти. Московскіе комиссары рѣшили убить Государя.

Янкель Свердловъ, предсѣдатель всероссійскаго центральнаго комитета въ Москвѣ, игралъ двойную роль. Онъ сдѣлалъ видъ, что уступилъ требованіямъ Мирбаха, а самъ вошелъ въ сношенія съ уральскимъ Совдепомъ, засѣдавшимъ въ Екатеринбургѣ и непримиримо настроеннымъ къ Царской Семьѣ, и рѣшилъ предать государя въ его руки.

«Папа! не первый разъ жиду заниматься предательствомъ. Янкель Свердловъ предалъ Государя на казнь.... Пусть запомнитъ это исторія!

«А Русскіе люди? Русскіе люди молчали, или кричали: «Распни его!»

«Свердловъ командировалъ въ Тобольскъ комиссара Яковлева съ секретными инструкціями.

«Комиссаръ Яковлевъ явился къ Государю 12-го апрѣля, въ 2½ часа дня, и пожелалъ говорить съ Государемъ наединѣ. Камердинеръ Волковъ доложилъ объ этомъ Государю. Съ Государемъ вышла къ Яковлеву Императрица и сказала, что она будетъ присутствовать при разговорѣ. Яковлевъ сказалъ, что онъ получилъ приказаніе доставить Государя въ Москву. Когда Яковлевъ ушелъ, Государь сказалъ, что онъ имѣетъ подозрѣніе, что его хотятъ везти въ Москву, чтобы заставить подписать брестскій миръ.

— «Это измѣна Россіи и союзникамъ!» — сказалъ онъ. — «Пусть лучше мнѣ отрубятъ правую руку, но я не сдѣлаю этого!»

«Императрица была въ отчаяніи. Наслѣдникъ былъ тяжело боленъ, его нельзя было оставить одного и Императрица металась по комнатамъ, не находя себѣ покоя. Она ломала руки и рыдала. Она прошла въ комнату великихъ княженъ. Тамъ былъ Жильяръ и великія княжны Татьяна и Ольга Николаевны. Обѣ сидѣли съ опухшими отъ слезъ лицами.

— «Они хотятъ отдѣлить его отъ семьи», — сказала, рыдая Императрица, — «чтобы попробовать заставить его подписать гадкую вещь подъ страхомъ опасности для жизни всѣхъ своихъ, которыхъ онъ оставилъ въ Тобольскѣ, какъ это было во время отреченія во Псковѣ!»

Саблинъ отложилъ письмо въ сторону и поднялъ глаза. «Боже, Боже», подумалъ онъ, — «до чего подлы люди. Всѣ... И чѣмъ Родзянко, Рузскій и Алексѣевъ лучше этого Яковлева? Тамъ, въ страшный день 2-го марта, они такъ же грозили Государю смертью его семьи, несчастіями Россіи и Арміи, вымогая у него отреченіе отъ Престола... Гдѣ же благородство, гдѣ же честь? — и что такое большевики, какъ не фотографія тѣхъ, кто ихъ породилъ!»

Нѣсколько минутъ онъ сидѣлъ неподвижно. Голова устала отъ чтенія, мысль привыкла носиться по своей волѣ, наполняя время странными, удивительными грезами. Саблинъ вздохнулъ и снова взялся за письмо:

«Папа! О себѣ она не думала. Она думала только о Россіи, о ея чести и существованіи. У ней не было и мысли сохранить себѣ жизнь и спастись заграницу цѣною интересовъ Русскаго народа и чести Россіи.

— «Лучше я буду прачкой! — воскликнула она, обводя всѣхъ блестящими отъ слезъ глазами — лучше приму смерть, нежели подчинюсь интересамъ Вильгельма».

«Въ ней боролись чувства матери и чувства Царицы. Наслѣдника нельзя было оставить одного, но долгъ Императрицы требовалъ отъ нея быть въ трудныя минуты при Государѣ.

— «Яковлевъ увѣряетъ меня», — сказала она Жильяру, — «что съ императоромъ не случится ничего дурного и что, если кто хочетъ сопровождать его, — онъ не будетъ препятствовать. Я не могу допустить, чтобы императоръ уѣхалъ одинъ. Опять его хотятъ отдѣлить отъ семьи, какъ тогда... Хотятъ вынудить его на неправильный шагъ, угрожая жизни близкихъ... Императоръ имъ необходимъ: они понимаютъ, что онъ одинъ представляетъ Россію... Вдвоемъ намъ будетъ легче бороться и я должна быть около него при этомъ испытаніи... Но наслѣдникъ еще такъ плохъ! А если вдругъ случится осложненіе? Господи, какъ все это мучительно! Первый разъ за всю мою жизнь я положительно не знаю, что дѣлать. Раньше, когда мнѣ приходилось

принимать какое-либо рѣшеніе, я всегда чувствовала вдохновеніе, а теперь я не чувствую ничего! Но Богъ не допустить этого отъѣзда; отъѣздъ не можетъ, не долженъ состояться! Я увѣрена, что сегодня ночью тронется ледъ!»

«Татьяна Николаевна сказала: — «Но, мама, надо же что-нибудь рѣшить на случай, если папа все же придется уѣхать ...

Императрица все ходила по комнатѣ, говорила сама съ собою, строила разныя предположенія. Наконецъ она рѣшилась.

- «Да», сказала она, — «такъ будетъ лучше: ѣду съ императоромъ. Алексѣя я ввѣряю вамъ»...

Императрица побѣдила мать. Она рѣшила пожертвовать собою, но не допустить хотя бы невольной измѣны Россіи и союзникамъ.

Папа, а французы и англичане обвиняли ее въ томъ, что она хотѣла заключить сепаратный миръ! Бьюкенэнъ — дававшій золото, чтобы свергнуть Императора, Тома, говорившій льстивыя рѣчи толпѣ бунтовщиковъ, на вашихъ головахъ невинная кровь святой царицы! Исторія не проститъ этого ни Англіи, ни Франціи!

Государь былъ на прогулкѣ. Въ душѣ Императрицы бушевала въ это время буря. Семья, Наслѣдникъ, или честь Родины, честь Россіи! Ты знаешь, папа, что для нея была ея семья и особенно Наслѣдникъ! Вѣдь вся исторія Распутина была лишь потому, что она испытывала глубокій мистическій страхъ потерять мужа и сына и это заставляло ее видѣть въ старцѣ чудо спасенія отъ золъ. Это — суевѣріе, основанное на страхѣ! И какъ же виноваты тѣ, кто не разсѣивалъ, а укрѣплялъ это суевѣріе! Ахъ, папа! Она такъ была несчастна въ эти часы! Да и всю свою жизнь видѣла-ли она, хотя лучъ счастья? Россія, или семья? Вѣрность союзникамъ, честь своего слова, или своя и своей семьи жизнь?

Государь вернулся съ прогулки. Государыня пошла къ нему навстрѣчу.

— «Рѣшено, я ѣду съ тобой», — сказала она. «И съ нами поѣдетъ Марія».

— «Хорошо, если ты этого непремѣнно хочешь», — сказалъ Государь.

13 апрѣля въ 3 часа ночи, еще въ полной темнотѣ къ ихъ дому были поданы простыя сибирскія плетенки. Одна была запряжена тройкой, другія парами. Въ нихъ не было даже сидѣній. Принесли сѣна, въ повозку, предназначенную для императрицы, положили матрасъ. Императрица сѣла съ великой княжной Маріей Николаевной, Государь поѣхалъ съ Яковлевымъ. Съ ними поѣхали кн. Долгоруковъ, Боткинъ, Чемодуровъ, Иванъ Сѣдневъ и Демидова.

«Наслѣдникъ и три великія княжны остались одни.

«Дорога была тяжелая. Стояла весенняя распутица. Мѣстами грязь была такъ велика, что лошади не могли везти и Государь и Императрица шли пѣшкомъ. Яковлевъ все время боялся, что мѣстные большевики не пропустятъ Государя.

«Папа! И никого, никого не нашлось, кто бы въ эти дни спасъ и спряталъ Государя. Гдѣ же Россія! Гдѣ же Русскіе люди!? Я гналась за ними. Тратя послѣднія деньги, я мчалась по ихъ слѣдамъ, останавливаясь на тѣхъ же ночлегахъ, гдѣ ночевали и они.

«15-го апрѣля вдали показались ровные ряды огней. Весенній вечеръ догоралъ. Впереди была станція Тюмень. Тамъ ждалъ поѣздъ. Папа! этотъ поѣздъ метался взадъ и впередъ. Онъ пошелъ на востокъ, потомъ повернулъ назадъ на Тюмень, потомъ пошелъ къ Омску. Въ Омскѣ Яковлевъ велъ какіе-то переговоры съ Москвой и повезъ Государя въ Екатеринбургъ. Москва приговорила Государя къ смерти.

«10 мая туда же привезли и остальныхъ дѣтей. Царская семья соединилась вмѣстѣ, для того, чтобы больше не разлучаться.

«Въ Екатеринбургѣ Государя помѣстили въ домѣ Ипатьева. Это небольшой каменный домъ въ два этажа. Нижній этажъ подвальный и окна съ рѣшетками. Государь съ Императрицей и августѣйшая семья помѣщались въ верхнемъ этажѣ. Одну комнату занимали великія княжны, двѣ Государь съ Императрицей и Наслѣдникомъ, кромѣ того у нихъ была общая столовая. Въ залѣ помѣщались Боткинъ и Чемодуровъ, въ одной небольшой комнатѣ Демидова и въ крайней комнатѣ и кухнѣ лакеи Леонидъ Сѣдневъ, Харитоновъ и Трупнъ. Послѣднюю комнату тутъ же, въ квартирѣ Царской Семьи занимали комиссаръ Ав-

дѣевъ, его помощникъ и нѣсколько рабочихъ. Команда охраны изъ мѣстныхъ Екатеринбургскихъ рабочихъ помѣщалась внизу. Это были люди грубые, вѣчно пьяные и натравленные на Государя. Они дѣлали все, чтобы сдѣлать жизнь Государя и великихъ княженъ невозможной. Днемъ и ночью они наполняли комнаты Царской Семьи, пѣли циничныя пѣсни, курили, плевали куда попало, и грубо ругались въ присутствіи Государя и дѣтей.

«Государь обѣдалъ, по собственному желанію, за однимъ столомъ со своими приближенными и лакеями. Это была одна семья... Обреченная на смерть... Изъ двухсотъ милліонной Россіи только они... Только они, папа, имѣли смѣлость и честность раздѣлить участь своего Царя-Мученика!

«На обѣденномъ столѣ вмѣсто скатерти была никогда не смѣняемая клеенка. Посуда была простая, грубая. Обѣдъ приносили изъ «совѣтской столовой». Это былъ неизмѣнный супъ и мясныя котлеты съ макаронами. Императрица, которая не ѣстъ мяса, питалась одними макаронами.

«Но не это бѣда. Нѣтъ, папа, — это все были мелочи въ сравненіи съ тѣми страданіями, которыя заставляли испытывать Государя Авдѣевъ и его охрана. Они во время обѣда вваливались толпою въ столовую, лѣзли своими ложками въ миску съ супомъ, наваливались на спинку стула Императрицы, грубо шутили, старались какъ бы нечаянно задѣть по лицу Государя. Они плевались и сморкались и въ ихъ шумной толпѣ молча и торопливо, давясь кусками, съѣдала Царская Семья свой обѣдъ.

«Это была утонченная нравственная пытка, передъ которою ничто всѣ пытки инквизиціи. Это пытка Русскаго хама, пытка животнаго, котораго раздражаетъ благородство его жертвы.

«Конечно, ни о какихъ регулярныхъ занятіяхъ, или работахъ не могло быть и рѣчи. Выходить можно было только въ жалкій садъ, окруженный высокою стѣною, но и тамъ всѣ были на глазахъ у охраны.

«Такъ шли дни, недѣли, мѣсяцы. Кругомъ сверкали въ богатомъ лѣтнемъ уборѣ лѣсовъ отроги Уральскихъ горъ, струилась рѣчка, блестѣло какъ зеркало озеро, отражая голубое бездонное небо, отражая правду Божію. И Богъ смотрѣлъ оттуда и видѣлъ муки того, на кого Онъ

возложилъ бремя власти, кого Онъ помазалъ на царство, и кто двадцать два года правилъ великою Руссkою Имперiей, кто былъ кротокъ и незлобивъ сердцемъ, кто любилъ Россiю и Русскiй народъ больше чѣмъ самого себя.

«Я гуляла по этимъ лѣсамъ. Я стирала въ рѣчкѣ бѣлье Царской Семьи, я плакала о нихъ и я молилась за нихъ! Что могла я сдѣлать больше этого, если вы, генералы, офицеры, если вы солдаты, вы, сильные и могучiе, покинули его. А онъ васъ такъ любилъ!!...

Единственнымъ утѣшенiемъ Царской Семьи было пѣнiе духовныхъ пѣсенъ и особенно Херувимской.

Сидѣла я въ садикѣ, ожидая, когда передадутъ мнѣ узелъ съ бѣльемъ. Былъ теплый iюньскiй вечеръ. Было тихо кругомъ. Охрана завалилась спать. Комиссаръ куда-то ушелъ. Недвижно висѣли круглые листочки березъ, и бѣлыя бабочки порхали надъ примятой травой. Наверху открылось окно. Великая княжна Татьяна Николаевна подошла къ нему.

— «Нѣтъ, никого ихъ нѣтъ», — сказала она кому-то. — Можно съ открытыми окнами. Мама, вы начинаете.

Прошла минута молчанiя. Мое сердце разрывалось отъ тоски за нихъ. И вдругъ сверху пять женскихъ голосовъ запѣли. Сначала долго тянулось, все подымаясь, выше и выше, расходясь и сливаясь, стремясь къ самому небу, достигая до Бога, тонкое, воздушное «и»... «Иже херувимы» — пѣли Государыня и княжны, «тайно образующе!» и пѣснь молитва неслась къ небу и достигала его глубинъ. Вся душа во мнѣ плакала и я не могла больше сидѣть. Я встала и прошла ближе къ окну. У двери стоялъ часовой рабочiй. Сѣрыми глазами онъ смотрѣлъ въ небо и казалось весь отдался обаянiю царственной пѣсни и что то далекое шевелилось въ его тупыхъ мозгахъ.

А пѣсня молитва лилась и ширилась и чудилось, что поютъ ее ангелы, духи безплотные, что зоветъ она образумиться весь Русскiй народъ.

«Я увидѣла слезы на глазахъ у часового. Я подумала, что Русскiе люди не могутъ погубить Государя.

«Ангельскими невидимо дорvносима чинми», — замирало у окна пѣнiе. Я рыдала. Часовой выругался сквернымъ словомъ и пошелъ отъ окна. Точно стыдно стало ему Русскаго чувства...

«21-го іюня областнымъ совѣтомъ Авдѣевъ и его помощникъ Мошкинъ были смѣщены. Они недостаточно жестоко обращались съ Государемъ и его семьей. На его мѣсто назначенъ еврей Юровскій, а его помощникомъ Русскій рабочій Никулинъ.

Я видала Юровскаго. Высокій, коренастый, черный еврей. Широкій, чуть вздернутый носъ, темная борода, усы, лохматые волосы. Темные непріятные глаза. Онъ распоряжался у дома. Прежнюю охрану переселяли въ сосѣдній домъ, а въ домъ Ипатова привели десять человѣкъ. Я видѣла, какъ они входили въ калитку. Папа! — это — больше половины не Русскіе люди. Они угрюмые, мрачные... Настоящіе палачи.

Въ ночь на 4-е іюля, около 12-ти часовъ, Юровскій вошелъ къ спавшей Царской Семьѣ и сказалъ, чтобы всѣ одѣлись. — «Васъ сейчасъ повезутъ изъ Екатеринбурга» — сказалъ онъ.

Всѣ одѣлись, умылись и надѣли верхнее платье. Юровскій предложилъ имъ спуститься въ нижній подвальный этажъ. Государь и великія княжны захватили съ собою подушки, чтобы положить въ экипажи. Когда спускались внизъ, на лѣстницѣ было темно. Императрица споткнулась о каменныя ступени и больно ушибла себѣ ногу. По темнымъ комнатамъ Юровскій провелъ ихъ въ самую большую, гдѣ окно было съ рѣшеткой. Тамъ горѣла лампа.

— «Обождите здѣсь», сказалъ Юровскій.

Государь просилъ, чтобы имъ принесли стулья. Сверху подали три стула. На нихъ сѣли Государь и Наслѣдникъ. Рядомъ съ Государемъ и немного позади сталъ Боткинъ. Императрица сѣла у стѣны — возлѣ окна. Рядомъ съ императрицей стала Татьяна, три великія княжны прислонились къ стѣнѣ, справа отъ нихъ стали Харитоновъ и Труппъ, въ глубинѣ комнаты Демидова съ двумя подушками въ рукахъ. Они стали такъ, машинально, сбиваясь вмѣстѣ, ближе другъ къ другу. Они думали, что сейчасъ подадутъ экипажи, но скоро догадались, въ чемъ дѣло. Юровскій и Никулинъ, — еврей и Русскій рабочій, ставшій рабомъ еврея, распоряжались. Лампа свѣтила тускло. Въ пустой комнатѣ было грязно и неуютно. Какъ только всѣ размѣстились,

въ комнату вошло семь человѣкъ охраны съ револьверами въ рукахъ и комиссары Вагановъ и Ермаковъ, члены чрезвычайки.

«И всѣ поняли, что насталъ конецъ.

«Прошла, папа, можетъ быть, какая-нибудь секунда, но что должны были всѣ они пережить въ эту секунду!

— «Ваши хотѣли васъ спасти, но имъ этого не пришлось и мы должны васъ разстрѣлять», сказалъ Юровскій и первый выстрѣлилъ изъ револьвера. И сейчасъ же затрещали выстрѣлы злодѣевъ.

«Всѣ упали безъ стона, кромѣ Наслѣдника и Анастасіи Николаевны, которые шевелились и Анастасія Николаевна страшно стонала. Юровскій добилъ изъ револьвера Наслѣдника, одинъ изъ палачей Анастасію Николаевну.

«И сейчасъ же стали сносить убитыхъ на грузовой автомобиль и увезли въ глухой рудникъ, въ лѣсъ.

«Городъ спалъ... Нѣтъ, папа, клянусь, я не спала. Я знала, что это будетъ... И это было. И никто не спалъ... Кто могъ спать, когда убивали Царя! Когда жестокіе Іудеи распяли Христа — были и Матерь Божія, и Марія Магдалина и апостолы, и Іосифъ Аримафейскій умолилъ отдать ему тѣло и похоронить по обычаю. И воскресъ Христосъ.

«Когда убивали ихъ была низкая смрадная комната, тускло освѣщенная лампой, былъ притаившійся въ горахъ спящій городъ. Ихъ тѣла, говорятъ, рубили на части и жгли въ бензинѣ и обливали сѣрной кислотой.

«Папа! Этого ужаса Богъ никогда не проститъ ни Русскимъ, ни евреямъ!

«Насъ освободилъ Колчакъ. Но къ чему это было? Юровскаго не нашли. Да, если бы и нашли?! Ихъ не воскресить и муки ихъ не залѣчить. Было слѣдствіе, были допросы, снимали показанія, искали хотя что-либо отъ нихъ. Ничего не нашли!

«Папа! Кому-то надо уничтожить Россію. Кому-то надо уничтожить святую вѣру во Христа и снять красоту любви со всего міра.

«Россія одна сохраняла въ чистотѣ вѣру христіанскую и на нее обратилъ свое вниманіе врагъ Христа.

«Папа! И я такъ думаю: нужно было, чтобы ничего не осталось отъ великаго Царства Русскаго и отъ Царя,

который больше чѣмъ кто-либо любилъ Россію. И они ничего не оставили ни отъ Россіи, ни отъ Царской Семьи.

Только такъ-ли? Осталась память! Память создаетъ легенды и легенды сотворятъ чудо. Онѣ вернутъ Русскій народъ Россіи и Царя Русскому народу.

«Такъ вѣритъ любящая тебя, твоя Таня и вѣрю, что такъ вѣришь и ты.

«А смерть?.. Моя, твоя, ихъ — смерть — это ничто. И чѣмъ ужаснѣе была жизнь и смерть — тѣмъ прекраснѣе будетъ воскресеніе!

«Они никогда не побѣдятъ.

«Бороться будутъ. Побѣждать будутъ, но не побѣдятъ никогда! Свѣтъ побѣждаетъ тьму и лѣтомъ ночь короче дня!

«Но какъ долго еще ждать дня?

«Папа, за тебя молюсь, о тебѣ думаю. Кромѣ тебя, у меня здѣсь никого и ничего!»

«Твоя Таня.»

XL.

Въ серединѣ зимы, когда именно, Саблинъ не могъ точно установить, такъ какъ несмотря на всѣ старанія отмѣчать и запоминать дни и числа, это ему не удавалось, глухою ночью его разбудили. Пришелъ нарядъ матросовъ съ юношей-комиссаромъ.

— Пожалуйте, товарищъ, на новую квартиру, — сказалъ ему комиссаръ.

Саблинъ привыкъ къ извѣстному остроумію совѣтскихъ служащихъ, изощрявшихся въ различныхъ наименованіяхъ смертной казни и подумалъ, что пришли, чтобы покончить съ нимъ. Онъ сталъ, невольно торопясь, одѣваться.

— Не торопитесь, товарищъ, мы подождемъ, — сказалъ, закуривая папиросу, юноша. — Васъ приказано доставить на улицу Гоголя, въ вашу квартиру.

Саблинъ не повѣрилъ словамъ комиссара. Онъ надѣлъ свое измятое, изорванное пальто и пошелъ, окруженный матросами, къ выходу. Морозный воздухъ опьянилъ его. Ноги въ стоптанныхъ порванныхъ ботинкахъ мерзли. Саблинъ вздохнулъ полною грудью. Онъ давно не дышалъ свѣжимъ

воздухомъ и теперь едва не лишился отъ него сознанія. Онъ поднялъ голову. На темномъ небѣ ясно горѣли звѣзды и мѣсяцъ висѣлъ надъ соборомъ. Какъ хороша была жизнь!

У воротъ ожидалъ автомобиль. Саблина посадили на заднее мѣсто, рядомъ сѣлъ комиссаръ, матросы стали на подножки и автомобиль, качаясь на ухабахъ, выѣхалъ изъ крѣпости.

Они свернули на Троицкій мостъ и Саблинъ увидалъ Неву. На мосту, какъ и во всемъ городѣ, фонари не горѣли. Городъ былъ погруженъ въ странную мглу. Ни одно окно въ особнякахъ и дворцахъ на набережной не свѣтилось и другой берегъ рисовался темною неопредѣленною линіей на фонѣ яснаго неба и бѣлой, занесенной снѣгомъ Невы. Мостъ былъ пустъ. Ни пѣшехода, ни извозчика, или автомобиля. Не было городовыхъ, милиціонскихъ, никакой стражи. Городъ казался умершимъ, покинутымъ. Странно было думать, что это Петербургъ, тотъ Петербургъ, въ которомъ Саблинъ родился и выросъ, въ которомъ весело прожилъ столько лѣтъ и который онъ такъ любилъ. Онъ оставилъ его, живущимъ нервною суетливою жизнью, промчался по нему тогда, когда ходили патрули, горѣли на углахъ костры и городъ жилъ тревожною, опасливою жизнью. Прошло около года. Прошла та весна, когда его арестовали солдаты и когда онъ бѣжалъ по лѣсу и мягко разступался снѣгъ подъ его ногами, прошло лѣто, которое онъ зналъ лишь потому, что душно было въ камерѣ, сильнѣе былъ запахъ нечистотъ и гніющихъ тѣлъ со двора и иногда ночью слышалось, какъ вылъ вѣтеръ и плескали волны Невы. Наступила опять зима. По тому, что еще мало было снѣга и большія черныя полыньи были на Невѣ, — начало зимы.

Какъ весело бывало въ это время въ Петербургѣ на Троицкомъ мосту. Даже въ глухіе ночные часы весело... А теперь?... Мертвый городъ лежалъ передъ Саблинымъ.

Автомобиль ѣхалъ по набережной мимо спящихъ дворцовъ. Двери были глухо замкнуты, окна заколочены, стекла разбиты и дворцы стояли мрачные и нелюдимые. У зимняго дворца съ разбитыми стеклами маячилъ пѣшій патруль красной арміи. Было похоже на то, что комиссаръ сказалъ правду: Саблина везли на его квартиру.

Автомобиль остановился у воротъ. Матросы долго стучали прикладами въ калитку, наконецъ, вышелъ какой-то незнакомый старикъ. Онъ, увидавъ матросовъ, снялъ шапку съ сѣдой головы и низко поклонился.

— Квартиру Саблина! — коротко сказалъ комиссаръ.

— Пожалуйте, товарищи, — услужливо сказалъ дрожащимъ голосомъ старикъ и повелъ на черную лѣстницу.

На лѣстницѣ было темно и комиссаръ зажегъ припасенный имъ огарокъ. Саблинъ подумалъ, что здѣсь, — будь у него его прежняя сила, онъ могъ бы выхватить ружье у матроса, идущаго сзади и переколоть ихъ всѣхъ и уже, если суждено умереть отъ руки своего, то умереть въ борьбѣ. Но онъ былъ такъ слабъ, что, вѣроятно, не удержалъ бы ружья въ рукахъ. Ноги тряслись и неловко нащупывали ступени, въ ушахъ звенѣло. Саблинъ былъ, какъ послѣ тяжелой болѣзни. И думать было нельзя о сопротивленіи и борьбѣ. И Саблинъ понялъ теперь, почему тотъ юноша, котораго втолкнули къ нему въ камеру такъ спокойно и покорно пошелъ на смерть по окрику солдата. Голодъ уже сдѣлалъ все для порабощенія воли. Но, если нѣтъ силы сопротивляться, то дай мнѣ, Боже, силы красиво умереть!

Опять стучали сапогами и прикладами въ дверь и звонили въ дребезжащій звонокъ. Дверь открыла, освѣщая комнату маленькимъ ночникомъ жена Петрова — Авдотья Марковна. Она увидала матросовъ и ночникъ задрожалъ въ ея рукѣ. Она едва не уронила его. Она была блѣдная и исхудалая, и глаза смотрѣли, голодные и испуганные.

— Хозяина привезли, — сказалъ комиссаръ. — Очищайте, товарищи, квартиру. Гдѣ ночевалъ всегда генералъ?

— Въ кабинетѣ, ваше высокое превосходительство, — трясясь, сказала Авдотья Марковна.

— Веди, товарищъ madame, въ кабинетъ.

— Тамъ матросъ-коммунистъ устроился, — прошептала Авдотья Марковна.

— Прогонимъ. Не важная птица, — сказалъ комиссаръ.

Авдотья Марковна пошла по корридору въ гостиную. Въ гостиной на диванѣ, завернувшись въ коверъ, спалъ какой то субьектъ. Воздухъ былъ тяжелый и спертый.

Саблинъ замѣтилъ, что всѣ двери были съ испорченными замками, многія безъ бронзовыхъ ручекъ. Онъ шелъ по своей квартирѣ и не узнавалъ ее. Мебель была поставлена иначе. Даже при бѣгломъ взглядѣ, при свѣтѣ ночника, Саблинъ замѣтилъ, что многихъ вещей недоставало.

Открылась высокая дверь кабинета. При мерцающемъ свѣтѣ пламени Саблинъ почувствовалъ на себѣ взглядъ синихъ глазъ Вѣры Константиновны. Портретъ былъ цѣлъ и висѣлъ на прежнемъ мѣстѣ. На его диванѣ, сплетясь въ объятіи, лежало два тѣла. При звукѣ голосовъ и при стукѣ шаговъ они зашевелились и съ дивана поднялись растрепанный молодой парень съ идіотскимъ лицомъ и дѣвушка съ остриженными по плечи волосами, съ веснушками на толстыхъ щекахъ и маленькими узкими глазами. Она сѣла на диванѣ и болтала босыми, бѣлыми, большими ногами, щурясь на пламя ночника. И здѣсь былъ спертый воздухъ и такъ непривычно для его кабинета пахло мужицкимъ потомъ и нечистотами.

— Ну, товарищи, побаловались на господской постели и довольно, — сказалъ комиссаръ.

— Куда же мы пойдемъ, товарищъ? Мы здѣсь по распоряженію Чека поселены. Насъ нельзя такъ гнать среди ночи. Мы коммунисты, — хриплымъ голосомъ, почесываясь, протестовалъ мужчина.

— Я знаю, товарищъ, что дѣлаю, — спокойно сказалъ юноша. — Тутъ комнатъ много. Забирайте свои манатки и пошли отсюда. Я имѣю точное приказаніе изъ Реввоенсовѣта.

— Да, какъ же это такъ, — развелъ руками парень. — Ужели-же есть такія права, чтобы коммунистовъ, трудящій народъ, можно было середь ночи съ постели гнать. Мы, товарищъ, не буржуи какіе.

— Ну нечего разговаривать, — сказалъ матросъ, — а то смотри выведу въ расходъ и со шкурою твоею.

— Товарищъ комиссаръ, — завопила дѣвица — я прошу, чтобы меня не оскорбляли.

Юноша посмотрѣлъ на нее и ничего не сказалъ. Но вѣроятно въ его молчаливомъ взглядѣ она прочла что-либо угрожающее, потому что быстро стала натягивать на свои не совсѣмъ чистыя ноги шолковые черные чулки.

— А вы, товарищъ madame, — обратился комиссаръ къ Авдотьѣ Марковнѣ, — поставьте ночничокъ на столъ и принесите сюда подушки, простыни и одѣяло, да приготовьте умывальникъ, воду и все, что полагается, чтобы генералъ ночевалъ, какъ у себя дома. А къ утру согрѣйте чаю и подайте завтракъ.

— Да, какъ же, ваше высокое превосходительство, я это сдѣлаю, — сказала Авдотья Марковна, — когда все бѣлье забрали коммунисты эти самые. Вишь и чулки то она напяливаетъ барышнины. Вчора пришла, никакихъ на ней чулковъ не было, все перерыли, отобрали и рубашечки и чулки и все, что я спрятать успѣла.

— Товарищъ, — сказалъ комиссаръ высокому матросу. — Пойдите съ товарищемъ madame и отберите, что нужно для ночлега. Да предупредите, что завтра съутра обѣ сосѣдния комнаты освободить придется для караула.

Пара, спавшая на диванѣ Саблина удалилась, оставивъ одну подушку, смятыя простыни и пуховое одѣяло. Авдотья Марковна вернулась, неся нѣсколько болѣе чистую подушку и еще одѣяло и стала устраивать Саблину постель. Комиссаръ распорядился поставить часового у дверей кабинета, пожелалъ Саблину спокойной ночи и вышелъ.

Авдотья Марковна молча разставляла посуду, вытряхивала одѣяла, разглаживала простыни. Саблинъ стоялъ, прислонившись спиною къ книжному шкафу.

— Ну, здраствуйте, — сказалъ Саблинъ. — Какъ же вы тутъ жили безъ меня?

Авдотья Марковна остановилась съ одѣяломъ въ рукѣ, слезливо заморгала, махнула рукою и чуть слышно сказала.

— Не спрашивайте, ваше превосходительство. Стѣны тутъ слышатъ... Его то... голубчика моего, Ѳаничку то... мужа... Разстрѣляли... Вотъ сороковой день завтра будетъ. А за что!.. Кто ихъ знаетъ...

И она торопливыми, точно старушечьими шагами вышла изъ кабинета.

Саблинъ остался одинъ. Онъ взялъ ночникъ и подошелъ къ столу. Здѣсь былъ запертъ имъ и забытъ, когда онъ бѣжалъ, роковой дневникъ Вѣры Константиновны. Столъ былъ взломанъ. Шкапчикъ съ бумагами былъ пустъ. Саблинъ подошелъ къ библіотекѣ. Книгъ на половину не было. Кое гдѣ стояли разрозненные томы. Переплеты были

оторваны. Но по стѣнамъ вправо и влѣво отъ портрета Вѣры Константиновны чинными рядами висѣли портреты предковъ. Ночникъ давалъ слишкомъ мало свѣта, но видны были бѣлки глазъ и то тутъ, то тамъ проступалъ бѣлый лобъ, шитье мундира, кружево платья.

Саблинъ шатался отъ утомленія. Въ глазахъ темнѣло. Онъ торопливо раздѣлся и бросился на свой диванъ. Сладкое чувство сознанія, что онъ еще живъ, что его еще не казнили, охватило его и онъ крѣпко, безъ сновъ, заснулъ...

XLI.

Когда Саблинъ проснулся былъ уже день. Угрѣвшись подъ двумя одѣялами, онъ лежалъ и долго не могъ сообразить, гдѣ онъ находится и что съ нимъ. Временами онъ думалъ, что всѣ событія послѣднихъ десяти мѣсяцевъ, уходъ изъ Петербурга, арестъ на желѣзной дорогѣ, Смольный, Петропавловская крѣпость, письмо Тани съ вѣстью о мученической кончинѣ тѣхъ, кого онъ такъ любилъ — все это было тяжелымъ сномъ. И вотъ проснулся онъ и смотритъ зимній день въ окно и ласково улыбается съ полотна портрета вѣчнолюбимая, дорогая Вѣра.

Сонъ подкрѣпилъ его. Въ головѣ стало яснѣе. Саблинъ замѣтилъ полное отсутствіе ковровъ и звѣриныхъ шкуръ въ его кабинетѣ. Паркетный полъ былъ голъ, загаженъ и заплеванъ. Мѣстами шелуха отъ подсолнуховъ, плевки и уличная грязь образовали такой плотный сѣрый слой, что полъ казался покрытымъ какою то сѣрою мастикою... Вырванные замки изъ стола оставили зіяющія отверстія у дверей шкапчиковъ и ящиковъ. Столъ былъ пустъ. Бронзовыя статуетки, малахитовый приборъ исчезли. У большого мягкаго кресла кожа была содрана и оно стояло съ бѣлой уже просиженной парусиной. Воздухъ былъ холодный и тяжелый и по угламъ висѣла паутина.

Нѣтъ. Это все было. И революція, и большевики, и оскорбленія солдатъ, и Коржиковъ, и тюрьма. Что будетъ? Неизвѣстно. Почему его перевезли на квартиру? Можетъ быть перемѣнилось правительство? Можетъ быть кровавый

туманъ перестаъ носиться по Россіи? Или его ожидаютъ новыя пытки, новыя муки?

Саблинъ всталъ, умылся и одѣлся. Онъ подошелъ къ портрету. Чья то кощунственная рука карандашемъ и чернилами измазала и исчертила скверными надписями бѣлое подвѣнечное платье Вѣры Константиновны. Саблинъ тяжело вздохнулъ и подошелъ къ окну. Знакомый видъ открылся передъ нимъ. Наискось должны были быть вывѣски кондитерской. Ихъ не было. Окна кондитерской были заложены досками. Подлѣ нея, у какой то двери стоялъ длинный хвостъ чего то ожидающихъ людей. Бѣдно одѣтые люди топтались на морозѣ. Но они смѣялись чему то. Красногвардеецъ съ винтовкой похаживалъ подлѣ. Прилично одѣтый старикъ пронесъ подъ мышкой березовое полѣно. Двѣ барышни въ хорошихъ шубкахъ везли на маленькихъ санкахъ двѣ доски какого то забора и грязный мѣшокъ чѣмъ то наполненный. Ихъ лица были исхудалыя, но онѣ смѣялись. Вправо уходила широкая улица и чуть видна была площадь. Три человѣка стояли и читали что то приклеенное на стѣнѣ.

Шла въ Петербургѣ какая то жизнь. И ужасъ охватилъ Саблина. Онъ, Петербуржецъ, не зналъ и не понималъ этой жизни. Точно не десять мѣсяцевъ прошло, а прошло много вѣковъ и Петербургъ вымеръ. Тѣ странные люди, которыхъ видѣлъ на улицахъ Саблинъ, не походили на Петербуржцевъ. Пробѣжалъ сытый, но плохо чищеный вороной рысакъ и въ санкахъ сидѣлъ молодой человѣкъ въ сѣрой солдатской шинели, съ красной повязкой на рукавѣ и золотыми звѣздами на ней. Онъ обнималъ правой рукою богато одѣтую женщину. Но и рысакъ, и кучеръ, и молодой человѣкъ и женщина такъ не походили на настоящаго рысака, настоящаго офицера и настоящую женщину что казались каррикатурой. Глядя на свою родную улицу Саблинъ начиналъ понимать декадентовъ и футуристовъ. Онъ понималъ ихъ кривые дома, угловатыхъ лошадей, изломанныя линіи въ изображеніи людей. Петербургская жизнь претворилась въ картину и картину скверную, сквернаго тона, сквернаго пошиба. Въ очереди стояла дѣвушка. Она была хороша собою. Но лицо у нея было блѣдное, больное, на головѣ была неуклюже напялена старомодная шляпка, а на тѣлѣ какая то кацавейка, изъ которой по швамъ

торчала вата. Крошечныя ножки въ башмакахъ замерзли и она танцовала дробный танецъ, чтобы согрѣться. Рядомъ съ нею стояла толстомордая, скуластая женщина, типичная охтянка. На ней была одѣта изящная бархатная шапочка съ бѣлымъ ésprit,*) богатый котиковый сакъ и сѣрые ботики, съ трудомъ напяленные на ноги. Она съ величавымъ равнодушіемъ смотрѣла на свою сосѣдку и Саблину казалось, что онъ слышалъ, какъ она говорила полнымъ презрѣнія голосомъ: — «баржуйка!»

За эти десять мѣсяцевъ жизнь Петербурга претворилась въ каррикатуру надъ жизнью и Саблину жутко было смотрѣть на нее.

Авдотья Марковна заглянула къ нему и, увидавъ, что онъ всталъ, принесла ему чай, хлѣбъ и сахаръ.

— Комиссаръ прислали, — сказала она. — Велѣли вамъ всего давать. Я сюда подала. Въ столовой то коммунисты, да мамзели ихнія. Вамъ не особенно будетъ пріятно.

И только Саблинъ хотѣлъ ее о чемъ то спросить, какъ она ушла, видимо боясь разговора съ нимъ.

Саблинъ поймалъ себя на мысли, что его не возмущаетъ погромъ его квартиры, не коробитъ то, что его комнатами, его вещами распоряжаются совершенно чужіе люди и что онъ ощущаетъ животное счастье пить настоящій чай, съ чернымъ хлѣбомъ и сахаромъ. Онъ вдругъ замѣтилъ, что ему пріятенъ свѣтъ и просторъ холодной, грязной комнаты, и онъ не трясется отъ злобы при видѣ поруганнаго портрета любимой женщины и раскраденныхъ бумагъ семейнаго архива.

«Что это?» подумалъ онъ. — «Воспитаніе голодомъ и тюрьмою? Порабощеніе воли, подчиненіе духа велѣніямъ тѣла? И, если я поддался на это и ощутилъ это, я, сильный, то, что же будетъ со слабыми? Они лизать будутъ руку, которая будетъ ихъ избивать».

Какъ то, недѣли двѣ тому назадъ, комиссаръ юристъ, навѣщавшій его въ крѣпости, сказалъ ему новое beau mot**) Троцкаго: — «мы достигли отъ буржуазіи такого подчиненія

*) Перо отъ цапли.
**) Словцо.

что, если я прикажу завтра всѣмъ явиться на Гороховую для порки, то у Гороховой построится длинный хвостъ буржуазіи, жаждущей исполнить нашу волю!».

Это власть голода. Это власть куска хлѣба. Но онъ, Саблинъ, этому не поддастся. Какъ бы слабъ онъ ни былъ!

XLII.

Въ шесть часовъ вечера дверь кабинета распахнулась и въ неё вошелъ, не раздѣваясь, въ солдатской шинели на кенгуровомъ мѣху высокій плотный человѣкъ. Въ кабинетѣ, какъ и во всей квартирѣ горѣло электричество, и Саблинъ въ вошедшемъ сейчасъ же узналъ генерала Пестрецова.

Саблинъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ и читалъ найденный имъ въ библіотекѣ томикъ сочиненій Куприна.

Онъ не всталъ навстрѣчу незваному гостю и скрестилъ на груди руки. Пестрецовъ понялъ его движеніе и сказалъ:

-- Ну, какъ хочешь! Не будемъ изъ за этого ссориться. Когда ты выслушаешь меня, когда ты все поймешь, ты будешь на меня смотрѣть совсѣмъ иными глазами. Ты многое пережилъ, Саша, и я пережилъ не мало. Саша, — я два мѣсяца жилъ тѣмъ, что распродавалъ то немногое, что я имѣлъ. Потомъ и это у меня отобрали, и я шесть дней, зимою, торговалъ на улицѣ печеньями, которыя дѣлала Нина Николаевна. И вотъ тогда я получилъ приглашеніе на Николаевскій вокзалъ. Тамъ въ вагонахъ Царскаго поѣзда я нашелъ своихъ товарищей по Академіи: Бончъ-Бруевича, Парскаго и Балтійскаго. Мы долго и откровенно говорили. Саша, — tout comprendre c'est tout pardonner.*) Все наше горе въ томъ, что вы не понимаете ихъ. Да, Саша. Ну къ чему это! Ты ѣхалъ къ Каледину и Корнилову! Это было въ мартѣ... Да... Ну слушай, милый другъ, вѣдь... Я не знаю... Саша, ты меня всегда считалъ за умнаго человѣка, да... Я знаю, знаю ... И я тебя тоже, но прости, мой дорогой, я не понимаю одного. Ты молчишь, ну молчи и слушай, слушай.

*) Все понять — простить.

— Я слушаю вас, ваше высокопревосходительство, только потому, что я не могу васъ выгнать вонъ. Сила на вашей сторонѣ, — слабымъ голосомъ проговорилъ Саблинъ.

— Ахъ Саша! Т-ссъ! Тише, ради Бога, тише! — махая ему рукою, сказалъ Пестрецовъ.

— Не поминайте Божьяго имени — вы продавшійся діаволу! сказалъ Саблинъ.

— Ахъ... Все тотъ же! Но погоди... Ты другое скажешь, когда все узнаешь. Рабоче-крестьянское правительство было вынуждено вступить въ Брестѣ въ переговоры съ нѣмцами. Армія была разрушена задолго до большевиковъ. Приказъ № 1 составили, правда, въ Совѣтѣ, но утвердилъ-то его Гучковъ и дали широкое распространеніе по всему фронту главкосѣвъ, главкозапъ, главкоюзъ. Декларацію правъ солдата писалъ Керенскій. Керенскій насаждалъ комитеты и выборное начало. Воевать стало невозможно. Мы имѣли не армію, а толпу мародеровъ. Не ты ли, Саша, подавалъ докладную записку и просилъ объ отставкѣ. Если бы не заключеніе мира въ Брестѣ — нѣмцы заняли бы Петербургъ и Москву, и обрушились бы всѣми силами на союзниковъ, никѣмъ не связанные. Брестскій миръ не предалъ, а спасъ союзниковъ.

— Точка зрѣнія Ленина, получившаго за этотъ миръ пятьдесятъ мильоновъ марокъ отъ германскаго генеральнаго штаба, — сказалъ Саблинъ.

— Мы не отрицаемъ того, что Ленинъ получилъ деньги отъ нѣмцевъ, но онъ обманулъ ихъ. Когда генералъ Гофманъ въ Брестѣ стучалъ кулакомъ на нашу делегацію, Троцкій нашелъ выходъ изъ тяжелаго положенія и заявилъ: — «мы не воюемъ и не подписываемъ мира» и рѣшено, ты слышишь, Саша, — рѣшено воевать! И солдаты съ нами идутъ и намъ повинуются.

— Разстрѣлами и пытками!

— Временное правительство развратило армію и намъ ничего не оставалось другого, какъ ввести самую строгую желѣзную дисциплину.

— Дисциплина безъ власти начальниковъ. Дисциплина съ комиссарами! вырвалось у Саблина.

— Ты знаешь, Саша, что сказалъ Троцкій на подобный же вопросъ Балтійскаго, автора нашего новаго регламента:

— «если политкомъ посмѣетъ вмѣшаться въ ваши оперативныя распоряженія — я его разстрѣляю по вашей телеграммѣ моей властью. Если вы вздумаете устроить измѣну на фронтѣ, политкомы обязаны васъ разстрѣлять по моей телеграммѣ ихней властью!

— Это называется служить не за совѣсть, а за страхъ, — сказалъ Саблинъ.

— Но, Саша, у кого сохранилась теперь совѣсть? Повѣрь, милый другъ, что большевики дѣлаютъ Русское дѣло. Оглянись, одумайся, кто противъ нихъ? Казаки — всегда готовые бунтовать, прирожденные грабители, Деникинъ, Дроздовскій, ну, скажемъ, адмиралъ Колчакъ, Лукомскій, Романовскій, Драгомировъ. Кто они? Ну еще о Деникинѣ, Колчакѣ и Лукомскомъ мы слыхали до войны. Такъ вѣдь послѣ Быховскаго заключенія они озлобились. Посмотри, теперь кто съ нами! Брусиловъ — нашъ, идейно нашъ, онъ полностью воспринялъ народно-крестьянскую власть и онъ понимаетъ, что только съ большевиками можно создать сильную Россію. Съ нами Зайончковскій, — ты его знаешь, — блестящій генералъ, талантъ, — съ нами Клембовскій, Гуторъ, Балтійскій, Лебедевъ, Свѣчинъ, Незнамовъ, всѣ передовые военные умы съ нами. Самойловъ, мой старый начальникъ штаба, заворачиваетъ фронтомъ противъ Деникина и недавно еще говорилъ мнѣ: — «посмотримъ, кто кого! Мои мужички, или казаки Антона?!»... Саша, то, о чемъ грезили лучшіе умы нашей Академіи — всеобщее обученіе военному дѣлу народа, въ школахъ и въ деревняхъ, созданіе вооруженнаго сто-мильоннаго народа осуществлено Троцкимъ. Лебедевъ составилъ проектъ спортивныхъ ферейновъ и военнаго развитія юношества и Троцкій создалъ великій всевоенобучъ! Мы, Саша, призваны создать величайшую армію въ мірѣ и покорить міръ. Намъ недостаетъ тебя! И какъ это счастливо вышло, что тебя успѣли перехватить и ты можешь быть съ нами. Я докладывалъ о тебѣ Троцкому и онъ очень радъ поручить тебѣ созданіе красной кавалеріи.

Саблинъ всталъ. О какъ онъ былъ слабъ! О, проклятые мѣсяцы, когда онъ сидѣлъ въ крѣпости и питался теплой водой и ржавымъ хлѣбомъ. Ноги едва держали его тѣло. Ему хотѣлось кинуться и задушить этого разжирѣвшаго старика, сидѣвшаго въ теплой шинели на диванѣ. Ему

хотѣлось накричать на него, уничтожить и унизить его. Дать ему сначала нравственную пощечину а потомъ бить, бить его по лицу, по чемъ попало за его гнусное предложеніе, за его подлыя рѣчи. Но голосъ срывался, фразы не имѣли силы и казались ему блѣдными.

— Ваше высокопревосходительство, — воскликнулъ онъ. — Понимаете ли вы всю гнусность и подлость того, что вы говорите и дѣлаете!? Вы помогаете Ленину создать армію... Для чего?.. Для Россіи?.. Для Россіи?.. О, если бы имъ нужна была Россія! Если бы они ею дорожили!.. Имъ нуженъ III интернаціоналъ. Имъ нужна революція всего міра, избіеніе буржуевъ и капиталистовъ... уничтоженіе культуры... обращеніе людей въ скотовъ и порабощеніе ихъ себѣ... И вы... вы всѣ... чѣмъ лучше вы создадите красную армію, чѣмъ больше вы вложите ума, силы воли и таланта, тѣмъ больше вы сдѣлаете зла для Россіи... Но слышите!.. Вы никогда, никогда... не создадите настоящей арміи!! Вы вынули изъ нея душу Русскую.. Вы уничтожили, вытравили вѣру изъ солдата Русскаго... Вы убили Царя, вы заливаете кровью отечество.

Голосъ Саблина сорвался. Онъ сказалъ послѣднія слова хриплымъ шопотомъ. Ноги не держали его. Онъ снова сѣлъ въ тяжелое дубовое кресло, купленное когда то на кустарной выставкѣ, съналокотниками въ видѣ топоровъ и спинкой въ формѣ дуги и рукавицъ и тихимъ голосомъ произнесъ.

— Смерть... Я знаю, что меня ожидаетъ смерть... Знаю... Я готовъ къ ней... Оглянитесь кругомъ... Это вы разрушили... Загадили... заплевали... покрыли грязными надписями красоту... это вы толкнули дикій и невѣжественный народъ на кровь, на убійство и на безудержный грабежъ... Вы... вы... Смерть моя скоро. Я знаю... И вотъ я говорю вамъ... Никогда! Никогда вы не разрушите Россіи! Слышите: Россія встанетъ и такъ прихлопнетъ васъ, что отъ васъ ничего не останется!... Она найдетъ своего Царя, но вы, измѣнившіе Родинѣ генералы, сдѣлаете то, что она оторвется надолго отъ васъ и пойдетъ одна безъ интеллигенціи, безъ образованія пробивать свой путь... Не федеративная... но единая и недѣлимая, не республика, но монархія, не съ жидами, но безъ жидовъ будетъ Россія... И вы — вы только на двѣсти лѣтъ ото-

двинете ее назадъ, вернете ее къ наемнымъ рейтарскимъ и драгунскимъ полкамъ, которые будутъ усмирять вашъ грабительскій всеобщій бунтъ... Антихристъ сокрушаетъ великое дѣло христіанской любви — и вы ему покорились. Здѣсь на землѣ вы сгорите въ геенѣ огненной народнаго гнѣва и, знайте, ваше высокопревосходительство, что, если нашъ народъ терпѣливъ и покоренъ, то онъ же невѣроятно жестокъ въ гнѣвѣ своемъ и онъ постоитъ за свою Россію!..

Нѣсколько минутъ въ кабинетѣ было молчаніе. Пестрецовъ ничего не отвѣчалъ на страстную, сказанную слабымъ прерывающимся голосомъ рѣчь Саблина. За стѣною было слышно, какъ въ гостиной ругались коммунисты. Наконецъ Пестрецовъ всталъ и заговорилъ:

— Саша... — сказалъ онъ, и старые теплые сердечные тона послышались Саблину въ его голосѣ. — Ты сказалъ: — смерть... Ты не знаешь, до чего можетъ дойдти Ленинъ, если онъ узнаетъ, что ты продолжаешь саботировать. Не забудь: — ты обвиненъ въ стремленіи пробраться къ Корнилову, шедшему войною на республику совѣтовъ. Ты не отрицалъ этого. Это измѣна народу и она карается смертью... Вмѣсто смерти я предлагаю тебѣ отремонтировать твою квартиру, вернуть по возможности все то, что унесено отъ тебя, два комплекта обмундированія и...

— Молчите! ваше высокопревосходительство! Не злоупотребляйте тѣмъ, что вы сильны, а я слабъ. Я не измѣню Родинѣ никогда! И, если я не могъ умереть за нее въ рядахъ доблестной Добровольческой арміи — я готовъ умереть здѣсь.

— Тебя замучаютъ, — тихо сказалъ Пестрецовъ.

Лицо Саблина просвѣтлѣло.

— Тѣмъ лучше, — сказалъ онъ. — Чѣмъ страшнѣе муки мои и тѣхъ генераловъ и офицеровъ, которыхъ вы истязуете въ чрезвычайкахъ — тѣмъ больше подвигъ нашего креста. Россія живетъ, не годъ и не два! И, когда встанетъ она, — ей будетъ на кого опереться и на кого указать молодому поколѣнію! У насъ найдутся свои братья Гракхи, свои Муціи Сцеволы и къ незабвенной памяти Сусанина мы приложимъ память о тысячахъ мучениковъ за Русскую землю... И я... какъ счастье приму муки... И съ ними... славу!...

— Саша, — едва слышно проговорилъ Пестрецовъ и старческій подбородокъ его дрогнулъ. — Мнѣ приказано передать, что... твоя дочь Татьяна... арестована въ Москвѣ и находится въ распоряженіи Чрезвычайки... Если ты согласишься, — она немедленно, въ полной неприкосновенности, будетъ возвращена къ тебѣ.

Мучительный стонъ вырвался у Саблина. Онъ поднялъ глаза на портретъ Вѣры Константиновны, ища у нея помощи и совѣта. Синіе глаза ея смотрѣли твердо и непоколебимо. Въ нѣжной красотѣ его жены сквозилъ стальной характеръ. Она отдала свою жизнь и она отдастъ и жизнь дочери, но не сдѣлаетъ гнуснаго дѣла.

— Никогда! — прошепталъ Саблинъ. — Идите вонъ... Вы... Негодяй!

Саблинъ схватился за голову. То, что онъ увидалъ поразило его и заставило задрожать всѣмъ тѣломъ.

Пестрецовъ медленно поднялъ съ дивана, на которомъ сидѣлъ, свое грузное стариковское тѣло, преклонилъ негибкія колѣни и поклонился земнымъ поклономъ Саблину. Потомъ онъ тяжело поднялся и молча шаркающими шагами на трясущихся ногахъ вышелъ за дверь.

Саблинъ былъ такъ ошеломленъ, что не могъ ничего сказать и остался сидѣть въ креслѣ. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ ухода Пестрецова электричество внезапно погасло во всей квартирѣ.

XLIII.

Предчувствіе тяжелаго, неотвратимаго, угнетало Саблина. Въ кабинетъ принесли керосиновую лампу и Авдотья Марковна подала ему обѣдъ.

— Отъ комиссара прислали, — сказала она.

Обѣдъ былъ разогрѣтый, но даже и по старымъ понятіямъ хорошій. Былъ бульонъ съ кускомъ мяса, былъ кусокъ вареного судака съ картофелемъ, крыло жареной курицы и два сладкихъ пирожка. Видно комиссаръ еще считалъ дѣло сдѣланнымъ и не допускалъ мысли объ отказѣ.

Послѣ обѣда лампу убрали и Саблинъ остался въ сумракѣ кабинета. Въ окна съ сорванными портьерами и шторами глядѣлась свѣтлая зимняя Петербургская ночь. Страш-

ная тишина была кругомъ. Ни одинъ фонарь нигдѣ не горѣлъ, ни одно окно не свѣтилось, — городъ казался мертвымъ. Въ немъ было такъ тихо, что когда по Невскому проѣхалъ автомобиль, то было слышно въ квартирѣ. Саблинъ зналъ, что въ эту ночь его возьмутъ и готовился къ этому. Онъ легъ не раздѣваясь, чтобы избѣжать унизительнаго одѣванія на глазахъ издѣвающейся стражи. Онъ уснулъ и тотчасъ-же передъ нимъ развернулся страшный сонъ. Онъ видѣлъ море мутной воды. Оно чуть волновалось и въ немъ плавали и тонули многія знакомыя лица. Саблинъ плылъ, но уже не хватало силы. Онъ сталъ тонуть и, опускаясь на дно, онъ увидѣлъ, что дно завалено пушками, знаменами съ двуглавымъ орломъ и костями. И вдругъ среди костей онъ увидалъ два мертвыхъ тѣла. Они были привязаны за ноги къ чугуннымъ ядрамъ и вода подняла ихъ. Въ рубашкѣ съ погонами Пажескаго корпуса и при амуниціи колыхался его убитый Коля и въ бѣломъ бальномъ платьѣ Таня. Вода колыхала ихъ тѣла. Зеленоватыя лица качались и вода поднимала и опускала черныя рѣсницы глазъ. Утопающаго Саблина тянуло къ нимъ. Онъ ощущалъ во всемъ тѣлѣ жуткую сырость и страхъ передъ зелеными мертвецами, родными ему и вмѣстѣ съ тѣмъ такими страшными.

Онъ проснулся. Въ комнатѣ было сыро и холодно. И подъ одѣялами Саблину не удалось согрѣться. Зимняя ночь бросала мутный свѣтъ въ комнату и, какъ призракъ, смотрѣла съ полотна Вѣра Константиновна. Все еще подъ впечатлѣніемъ тяжелаго сна Саблинъ лежалъ и думалъ. Сонъ былъ понятенъ ему. Въ крѣпости комиссаръ ему разсказывалъ о водолазѣ, спущенномъ зачѣмъ то въ Севастопольскомъ порту и сошедшемъ съ ума. Онъ увидалъ на днѣ толпу морскихъ офицеровъ, сброшенныхъ матросами въ воду. Матросы привязали къ ногамъ ихъ ядра и теперь тѣла распухли, глаза вылѣзли изъ орбитъ и вода приподняла со дна морского десятки тѣлъ въ золотыхъ погонахъ. Она шевелила ими и, казалось, по словамъ водолаза, что утопленные офицеры сошлись на днѣ морскомъ на митингъ и размахивали руками. Разсказъ комиссара произвелъ сильное впечатлѣніе на Саблина. Саблинъ подумалъ, что вода, видѣнная имъ во снѣ, всегда предвѣщала ему несчастье. Когда убили Колю, онъ также видѣлъ воду и также, про-

снувшись, долго лежалъ, подъ впечатлѣніемъ сна. «Что-нибудь случится со мною... Но я это зналъ и на это шелъ», подумалъ Саблинъ. «Но Таня! Таня!»

Саблинъ сталъ думать о Пестрецовѣ, о Самойловѣ, о всѣхъ тѣхъ крупныхъ именахъ военнаго міра, которыя ему только что назвалъ Пестрецовъ. Они соблазнились. Они пошли за благами міра, пошли за усиленнымъ пайкомъ, за двумя комплектами обмундированія, за квартирой. Какъ низко падаетъ человѣкъ, лишенный собственности! И кто дѣлаетъ это и для чего? Руководитъ-ли всѣмъ этимъ зависть обездоленнаго, дикаго пролетаріата, желающаго натѣшиться надъ буржуями, корни этого движенія въ бунтарскомъ характерѣ Русскаго босяка, получившаго власть и силу и Русская революція просто безсмысленный бунтъ, или причины ея глубже и кроются въ таинственномъ рѣшеніи какого-то высшаго совѣта, синдиката еврейскихъ банковъ, руководимаго единою волею, стремящеюся уничтожить христіанскій міръ. Факты двоились. Одни неуклонно и точно показывали Саблину, что онъ стоитъ не передъ простымъ бунтомъ Русскаго хама, но передъ систематическимъ истребленіемъ Русскаго государства. Съ необычайнымъ упорствомъ уничтожали и разстрѣливали все сильное и здоровое, все честное, прямое и не гибкое, все образованное и работоспособное въ Россіи. Профессора, ученые, лучшіе представители соціалъ-революціонной партіи, гибли подъ ударами палачей. Гибли лучшіе генералы и тысячами истреблялось рыцарское сословіе офицеровъ, уничтожалась честная и неиспорченная молодежь, истреблялись казаки. Саблинъ, командуя дивизіей, присмотрѣлся къ казакамъ и научился любить ихъ и уважать. Это были Русскіе изъ Русскихъ, это были крѣпкіе, сильные люди, способные создать государственность. Ихъ уничтожали. И, страннымъ образомъ, въ уничтоженіи всего сильнаго въ Россіи принимали участіе не одни большевики. Саблинъ уже въ крѣпости слыхалъ о несогласіяхъ въ станѣ бѣлыхъ, о томъ, что тамъ идетъ та же работа по уничтоженію, или обезвреженію всѣхъ сильныхъ, патріотически настроенныхъ людей. Какъ только какое-либо лицо начинало проявлять власть и характеръ и неуклонно стремиться къ великой Россіи неизмѣнно его облѣпляла толпа какихъ-то темныхъ людей, создавались громоздкія совѣщанія, комитеты и власть

распылялась и гибло начатое ею дѣло. Въ этомъ разрушеніи Русскаго дѣла несомнѣнно принимала участіе Германія, но это же дѣлали и Англія и Франція — себѣ же на голову. И невольно зарождалась въ головѣ мысль, что дѣйствительно событіями во всей вселенной руководитъ воля какой-то организаціи, возглавляемой однимъ лицомъ. И это лицо поставило себѣ цѣлью уничтожить Россію и Русскій народъ, какъ народъ христіански настроенный. Только въ Россіи сохранилась любовь сердца. Только въ Россіи возможны Сонечки Мармеладовы съ ихъ любовью къ ближнему болѣе, нежели къ самому себѣ, лишь въ Россіи осталось «Христа ради» болѣе могущественное, нежели всѣ благотворительныя организаціи міра. И на Россію обратилось мрачное лицо Сатаны.

Но были факты и другого характера. Все могло оказаться гораздо проще. Былъ дикій и разгульный Русскій народъ, не знающій удержу. Была шайка утопистовъ во главѣ съ Ленинымъ, увѣровавшая въ возможность сказокъ Уэльса на землѣ. Была экзальтированная, неуравновѣшенная, мечтательная Русская молодежь съ ея постояннымъ стремленіемъ къ правдѣ. И все это претворилось въ кровавый Русскій большевизмъ. Молодежь Русская, какъ во времена Имперіи, закрывала глаза на революціонныя убійства, на казни городовыхъ и сановниковъ, на растерзанныя бомбами на улицѣ невинныя жертвы и видѣла только произволъ жандармовъ и охраннаго отдѣленія, такъ и теперь закрываетъ глаза на кровь, текущую со дворовъ Чрезвычаекъ, и считаетъ это неизбѣжно нужнымъ.

Кто, какъ не эта молодежь сочинила коммунистическую марсельезу, гдѣ что ни слово, то призывъ къ убійству и крови? Мечтательность безпочвеннаго Русскаго интеллигента, съ завистью глядящаго на сытыхъ и богатыхъ людей, создала ее. А упала она на благодарную почву.

Изъ похабной матерной Русской ругани, изъ непробуднаго пьянства, изъ отсутствія уваженія къ своему прошлому родился Русскій коммунизмъ. Въ немъ есть и отъ артели Русской и отъ шумной разбойничьей ватаги, гдѣ кровь сплелась съ поэзіей и все это сдобрено еврейскимъ цинизмомъ.

Русское «наплевать» — помогло развиться ему. Русская лѣнь воспитала его...

Правъ-ли я, думалъ Саблинъ, отказываясь стать въ ряды и работать съ большевиками? Можетъ быть цѣлымъ рядомъ усилій людей честныхъ удалось бы свергнуть коммунистовъ съ ихъ ужаснаго пути?»

Нѣтъ! невозможно работать въ той обстановкѣ, которую они создали. Это пожаръ на кладбищѣ. Это домъ умалишенныхъ. Остается одно: — умереть. Долгимъ голодомъ и мыслями о смерти Саблинъ подготовилъ себя ко всему. Какъ понималъ онъ теперь мучениковъ! Ихъ мужество тѣла, происходило оттого, что тѣло умирало раньше, чѣмъ наступали муки и духъ торжествовалъ надъ нимъ.

Проходили минуты, а Саблину они казались часами. Мысль безпорядочно металась въ головѣ. Настоящее, будущее было такъ сѣро, грязно и безобразно, что смерть казалась лучше. Но прошлое было прекрасно. И Саблинъ гналъ воспоминанія и старался не думать о томъ, чѣмъ онъ жилъ всѣ свои сорокъ четыре года.

XLIV.

Вдругъ ярко, по всей квартирѣ, вспыхнуло электричество. Въ ночной тишинѣ было слышно, какъ по комнатамъ проснулись коммунисты и тревожно шептались и шевелились, что-то укладывая и увязывая. Авдотья Марковна въ рваномъ старомъ капотѣ, простоволосая, заглянула въ дверь и испуганно сказала:

— Ваше высокое превосходительство. Сейчасъ обыскъ будетъ.

Но Саблинъ понялъ, что дѣло уже не въ обыскѣ. Насталъ его послѣдній часъ.

На улицѣ стучали машины автомобилей. Саблинъ подошелъ къ окну. Изъ большого грузовика выскакивали солдати-красноармейцы. Сзади него, освѣщая его своими фонарями, стоялъ маленькій Фордъ. Въ немъ сидѣло два человѣка.

Черезъ нѣсколько минутъ въ кабинетъ Саблина вошло восемь красноармейцевъ. Одинъ былъ гаже другого. Четверо — молодые, лѣтъ по восемнадцати съ тупыми безусыми наглыми лицами. Пятый рыжій, въ веснушкахъ, показал-

ся знакомымъ Саблину. Узкіе свиные глаза тупо смотрѣли изъ-подъ красныхъ вѣкъ. Шестой былъ здоровый мужикъ съ обритымъ лицомъ. Къ его мясистому носу, и толстымъ щекамъ не шли маленькіе остриженные усы. Лицо его выражало звѣриную радость. Два остальные были китайцы.

Они всею толпою бросились на Саблина, какъ будто боялись, что онъ убѣжитъ, или окажетъ сопротивленіе. Они схватили его, насильно посадили въ дубовое кресло и крѣпко привязали его руки къ налокотникамъ, ноги къ ножкамъ и поясницу къ спинкѣ. Саблинъ потерялъ всякую возможность шевелиться. Кто-то у дверей распоряжался ими.

— Поставьте у постели! — сказалъ онъ. — Поверните немного къ окну. Такъ! Довольно.

Саблина усадили противъ портрета Вѣры Константиновны и Саблинъ понялъ, что кромѣ мукъ физическихъ его ожидаютъ муки нравственныя.

— Теперь всѣ уйдите! Вам—пу, — приготовить все, какъ въ Харьковѣ дѣлать. Понимаешь! Ожидать въ сосѣдней комнатѣ, — раздавался голосъ въ дверяхъ.

Кабинетъ опустѣлъ. Саблинъ оставался въ немъ одинъ. Вѣра смотрѣла на него съ портрета и противъ воли Саблина мучительно сладкія воспоминанія тѣснились въ его мозгу.

Смѣлыми, короткими шагами вошелъ въ комнату молодой человѣкъ съ блестящими сѣрыми глазами. Онъ былъ одѣтъ въ кожаное платье. Два большихъ револьвера висѣли у него по бокамъ на желтомъ поясѣ, стягивавшемъ черную шведскую куртку.

Саблинъ узналъ въ немъ Коржикова.

Но не только Коржикова узналъ онъ въ молодомъ человѣкѣ, — онъ узналъ въ немъ самого себя. Да. Такимъ былъ онъ въ первый годъ своего офицерства, когда былъ на вечерѣ у Гриценки. И ростъ его, и его маленькія породистыя руки и его гордая Саблинская осанка и смѣлая походка. Такъ подошелъ онъ тогда къ Гриценкѣ и заслонилъ собою Захара...

Глаза Коржикова неестественно горѣли.

Онъ подошелъ къ письменному столу и оперся на него.

— Папаша! — улыбаясь, сказалъ онъ... — Вотъ вы и мой. А какъ отстаивали васъ въ рев-воен-совѣтѣ. Самъ Троцкій былъ за васъ.

Было слышно, какъ на улицѣ шофферы ходили подлѣ автомобилей и переговаривались короткими словами.

— Вы знаете, кто я? — вдругъ коротко спросилъ Коржиковъ.

Саблинъ молчалъ.

Коржиковъ досталъ изъ кармана бумажникъ и вынулъ двѣ карточки. Онъ поднесъ ихъ къ лицу Саблина. Одна была карточка Маруси, другая Саблина въ молодости.

— Это мои папа и мама, — сказалъ, подмигивая, Коржиковъ. — И папа, это вы. Чувствуете ко мнѣ отцовскую нѣжность? А? Гордитесь мною? А? Вы въ мои годы были только корнетъ гвардейскаго полка и ерникъ, а я комиссаръ и членъ чрезвычайки... Карьера, папаша! Не по вашему начинаю. Вотъ, смотрю на вась, похожи на меня. Я ваше сѣмя, а у меня къ вамъ ничего, никакого чувства. Что этотъ столъ, что вы, все одно и то же.

Коржиковъ закурилъ папиросу.

— Курить не хотите? сказалъ онъ, и, подойдя всунулъ свою папиросу въ ротъ Саблину. Саблину страшно хотѣлось курить, но онъ ее выбросилъ изо рта.

— Какъ хотите, сказалъ Коржиковъ. — Воля ваша. Давайте, пофилософствуемъ немного. Есть у человѣка душа, или нѣтъ? По вашему-есть, по моему нѣтъ. По вашему человѣкъ отъ Бога, по моему и Бога нѣтъ. Человѣкъ, что кроликъ или тамъ, что вошь, родился изъ слизи и ничего въ немъ нѣтъ. Вотъ вы, поди-ка, мамашу мою любили, а она то васъ безконечно, и отъ любви вашей родился я. А я и не знаю васъ. Ну, такъ гдѣ же душа? Есть у меня пріятельница, товарищъ Дора. Она въ Одесской чрезвычайкѣ всѣ эти дни работала. Она этимъ вопросомъ занималась. «Ежели, говоритъ, у человѣка душа есть такъ куда же она дѣвается, когда его убиваешь». И вотъ такъ она дѣлала. Сядетъ на стулъ, разставивъ ноги, а сзади нея контръ революціонеровъ голыхъ поставятъ. И заставляютъ, чтобы они подъ стуломъ между ногъ ея проползали и, какъ покажется голова, она въ високъ изъ револьвера и бахнетъ. И смотритъ, что будетъ. Ничего. Понимаете. Только запахъ скверный. Человѣкъ по тридцать въ день она ликвидировала и никакой души не видала. Ну такъ, значитъ, и Бога нѣтъ...

— Вы молчите, — продолжалъ, затянувшись папиросой, Коржиковъ. Не возражаете. Вамъ, поди, непріятно все это. Сынъ родной и все прочее. Память мамаши и такія дѣла! Да... Хотите можно иначе все это обернуть? Вотъ здѣсь, сегодня ночью, составите бумажку, что вы признаете меня своимъ законнымъ сыномъ. Да. И именоваться мнѣ впредь Викторомъ Александровичемъ Саблинымъ... А впрочемъ, зачѣмъ Викторомъ? Я вѣдь не крещеный. У васъ, поди, имена то родовыя. Мнѣ въ дѣдушку надо бы — Николаемъ Александровичемъ быть. Да... И сами вы предложеніе принимаете и вступаете въ рев-воен-совѣтъ и въ коммунистическую партію. Брусиловъ сына въ конницу Буденнаго отдалъ — и вы меня возьмете въ свою красную кавалерію. Звѣзду, папаша, пятиконечную на васъ налѣпимъ, поясокъ командирскій на рукавъ и фу ты, ну ты — генералъ Саблинъ присягаетъ служить подъ краснымъ знаменемъ III интернаціонала! Карьера, папаша!

Коржиковъ оглянулъ портреты предковъ, висѣвшіе по сторонамъ портрета Вѣры Константиновны и сказалъ съ тою же милою интонаціей голоса, какъ нѣкогда сказала это Маруся.

— Предки ваши!... То-то, поди, обрадуются. А вы, папаша, того... не бойтесь. Вѣдь ихъ и нѣтъ вовсе. Предковъ то! Это все ерунда. Традиціи рода! Ни къ чему это, папаша! Выдумка одна... А эта? Послѣдняя ваша, Распутинская распутница... Я вѣдь, папаша, дневничекъ ея прочиталъ, фамильный... Знаете, когда выемку у васъ сдѣлали и къ намъ въ чрезвычайку доставили я заинтересовался. Бумаги генерала Саблина. Какъ же! Можетъ, это голосъ крови? Интересъ къ дѣлу мачихи. Презабавная исторія. А что же вы то! Эхъ вы, — герой! Рыцарь! Папаша, — вы право, странный человѣкъ. Тогда дядюшку моего, Любовина, отдуть какъ слѣдуетъ за его продерзости не смогли, потомъ меня Виктору Викторовичу отдали, Распутина такъ спустили. Какъ же это такъ? Она то, пожалуй, посильнѣе была. А хороша! Что папаша — вкусная она въ постелькѣ была? Я такихъ люблю. Я вообще въ васъ пошелъ. Только куда! Дальше васъ. Я все испробовалъ, все испыталъ. Ну, положимъ, теперь при нашемъ коммунистическомъ совѣтскомъ строѣ возможности шире стали. Вы, папаша, пробовали когда либо семилѣтнюю невин-

ность? И не пробуйте, не стоитъ. Разбивали мы тутъ гнѣздо контръ-революціонеровъ. Шпіонская организація. Понимаете, отецъ у Деникина въ арміи, а мать, жена его, здѣсь — и письма обнаружили, Ну, конечно, къ намъ. Явился я. Она ничего изъ себя не представляла — отдалъ ее красноармейцамъ. А тутъ дѣвочка бросилась ко мнѣ. Голубоглазая, рѣсницы длинныя, черные волосики, какъ пухъ. Руки мои цѣлуетъ. — Маму, маму! кричитъ, — спасите маму... Ножки пухленькія, бѣленькія. Ну я распалился. Понесъ на постель... Такой, знаете, испугъ, такая мука въ глазахъ, а чувства — никакого. Холодъ одинъ. Полъ часа я надъ ней мучился. Вырывалась, кусалась, плакала...

Коржиковъ замолчалъ.

— Что же дѣвочка? невольно спросилъ Саблинъ.

— Съума сошла. Такая дикая стала. Я пристрѣлилъ ее... Да вы что поблѣднѣли то? Эко какой! А вы сами поди, балуясь, никогда птичку на деревѣ не убивали? Такъ, синичку какую-нибудь, или снѣгирика? А на дѣлѣ-то — не все одно. Вы отецъ — я сынъ. У насъ съ вами масштабы только разные. Между нами легла великая Русская революція, а вѣдь дѣвочка то — это одно изъ завоеваній революціи... Ну, это я такъ, отвлекся. Развлечься, позабавить хотѣлъ... Папаша, — вѣдь Императорскій балетъ цѣлъ. Танцуетъ. И того — комиссарамъ то можно и развлечься. Хотите антикваромъ быть — Пельцеръ къ вашимъ услугамъ. Да, что! Ублажимъ... Такъ, какъ же папаша? А? Саблины — отецъ и сынъ въ Красной арміи. Сколько солдатъ и казаковъ отъ Деникина къ намъ перебѣжитъ. А? ужъ, скажутъ, если Саблинъ рабоче-крестьянскую власть призналъ, — ну тогда, значитъ, хороша она. Правильная, законная власть. Что же, рѣшились? Вы только, головой кивните, а тамъ все, какъ по щучьему велѣнью, явится. И автомобиль, и артисточка — содкомъ, какъ называемъ мы: — содержанка комиссара. И золото, и почетъ! А, папаша? Вѣдь это, правда, сыновняя любовь говоритъ во мнѣ. На манеръ какъ бы — голосъ крови что-ли!...

Коржиковъ выжидалъ отвѣта. Но Саблинъ молчалъ. Онъ смотрѣлъ на Коржикова съ такимъ ужаснымъ выраженіемъ страданія и ненависти въ глазахъ, что Коржиковъ прочелъ въ нихъ отвѣтъ.

— Ну такъ... — сказалъ онъ, вставая со стола и отходя въ уголъ комнаты. — Откровенно говоря, я и не ожидалъ иного отвѣта отъ васъ. Все-таки и вы и я — Саблины. Вы служите подъ двуглавымъ орломъ, я служу подъ краснымъ знаменемъ III интернаціонала. И оба свое дѣло понимаемъ точно... Простите, я вамъ еще скажу последнее. Если вы не согласитесь, то кромѣ вашей смерти, погибнетъ и ваша дочь. Сестрица моя. Вѣроятно она красива. Я лично надругаюсь надъ нею, чтобы показать людямъ, что громъ не придавитъ меня за кровосмѣшеніе, а потомъ отдамъ двѣнадцати красноармейцамъ-сифилитикамъ. Поняли? Мое слово твердо! — Согласны вступить въ партію?

— Никогда! — воскликнулъ Саблинъ.

— Хорошо-съ, — холодно сказалъ Коржиковъ. — Я принимаю мѣры.

XLV.

— Вы любили ее, — сказалъ Коржиковъ. Онъ сталъ сзади Саблина и говорилъ почти на ухо ему.

— Вамъ дорога ея память. Вы смотрите на ея портретъ и вамъ кажется, что она благословляетъ ваши муки и смерть. Мы изуродуемъ ее.

Коржиковъ вынулъ револьверъ.

— Стрѣлокъ я хорошій. Вмѣсто синяго праваго глаза пусть будетъ черная дыра. А вы, папаша, воображайте, что она живая.

Глухо ударилъ сзади Саблина выстрѣлъ. И въ ту же секунду портретъ колыхнулся и съ трескомъ полетѣлъ внизъ. Старая рама ударилась объ полъ и разбилась вмѣстѣ съ подрамникомъ и полотно, шурша и ломаясь, полетѣло на полъ за шкапикъ, стоявшій подъ портретомъ. Это было такъ неожиданно и страшно, что Коржиковъ схватился за грудь, у Саблина лицо покрылось крупными каплями пота.

— Ну, чего вы! — сказалъ Коржиковъ, но голосъ его дрожалъ. — Пуля перебила веревку. Естественно портретъ и упалъ. А рама разсохлась. А ловко вышло... А теперь мы... мамашу!

Коржиковъ поставилъ карточку Маруси на шкапикъ на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ портретъ Вѣры Константиновны и приготовился стрѣлять.

— У васъ, поди, рука бы дрогнула, — сказалъ онъ. — Вы бы и въ карточку не посмѣли выстрѣлить. Какъ же, мамаша!... Мать!... А для меня все одно... — и Коржиковъ выругался сквернымъ мужицкимъ словомъ.

— Мамашѣ я прямо въ лобъ! — сказалъ онъ.

Выстрѣлъ ударилъ, но пуля щелкнула на полъ вершка выше карточки.

— Странно... — сказалъ Коржиковъ. — Никогда этого со мною не случалось, чтобы я на семь шаговъ промазалъ. Въ гривенникъ, знаете, царскій, серебряный гривенникъ, попадалъ. А тутъ. Ну еще разъ!

Но онъ промахнулся. Саблинъ сидѣлъ и думалъ. Какъ перевернули и перестроили они Россію! Выстрѣлъ въ Петербургской квартирѣ на улицѣ Гоголя. Неизбѣжно появленіе дворника, полиціи. «Кто стрѣлялъ, почему стрѣлялъ?» — Саблинъ вспомнилъ, какъ послѣ того, какъ Любовинъ выстрѣлилъ въ него, немедленно по всему полку поднялась тревога. Въ квартирѣ корнета Саблина стрѣляли... Событіе!.. А тутъ гремитъ выстрѣлъ за выстрѣломъ, рядомъ комнаты полны коммунистами и красноармейцами и хотя бы кто-либо полюбопытствовалъ въ чемъ дѣло... Когда же это началось? Когда же стало можно стрѣлять невозбранно въ Петербургѣ? Да еще тогда, въ началѣ войны, когда онъ сталъ вдругъ Петроградомъ и зимою 1916 года на льду Невы у Петропавловской крѣпости учились стрѣлять изъ пулемета. Потомъ при временномъ правительствѣ, во время «великой безкровной», когда благодушный князь Львовъ сидѣлъ съ истеричнымъ Керенскимъ въ Маріинскомъ дворцѣ, по всѣмъ улицамъ города гремѣли выстрѣлы. Убивали офицеровъ и городовыхъ. Просто такъ... Спроситъ кто-нибудь: — «Кажется стрѣляли?...» — «Да, офицера солдаты убили...» Въ прежнее время такъ собаку убить на улицѣ было нельзя. Ну, то было при проклятомъ царизмѣ, подъ двуглавымъ орломъ, а теперь — свобода. Стрѣльба въ квартирѣ — это тоже одно изъ завоеваній революціи, какъ и растлѣніе малолѣтнихъ дѣвочекъ и убой людей, замѣнившій смертную казнь.

Выстрѣлы подъ ухомъ, частые, бѣшеные раздражали Саблина, но и развлекали его. Онъ страстно хотѣлъ, чтобы Коржиковъ не попалъ въ портретъ Маруси. Не можетъ сынъ стрѣлять даже, и въ карточку матери. Мистика? Пускай мистика! Но если онъ промахнется, значитъ правъ я, а не онъ. Значитъ, Коржиковъ не кроликъ, родившійся изъ слизи, но въ немъ безсмертная душа. Порочная, мерзкая, но безсмертная и тогда между нимъ и мертвой уже Марусей тянутся невидимыя нити и доходятъ до Саблина. Седьмая пуля ударила подлѣ, а портретъ не шелохнулся.

— А, подлюга! — сказалъ Коржиковъ, — ну погоди же! Раздѣлаюсь я иначе... Постойте, папаша! Не торжествуйте. Ваша пѣсня впереди! Гей?! — богатырски крикнулъ онъ, какъ умѣлъ кричать въ свое время и Саблинъ, — гей! люди! товарищи! сюда!

Красноармейцы ввалились въ комнату.

— Вам—пу! готово? — спросилъ Коржиковъ.

— Есть готово, товалища комиссалъ, — отвѣчалъ китаецъ. Жолтое лицо его было безстрастно.

— Какъ въ Харьковѣ? Снимешь? — сказалъ Коржиковъ.

Китаецъ закивалъ головой. Косые глаза его были безъ жизни. Плоское жирное лицо казалось маской.

— Тащите, товарищи, генерала на кухню. Отвяжите его, — приказалъ Коржиковъ.

Красноармейцы набросились на Саблина. Они были грязны и оборваны. Отъ нихъ воняло потомъ и испареніями грязнаго тѣла и Саблинъ, обезсилѣвшій отъ всего того, что было, едва не лишился сознанія. Въ глазахъ потемнѣло. Онъ неясно видѣлъ людей. Его волокли по комнатамъ и корридору на кухню. Тамъ жарко горѣла плита. На ней въ большой кострюлѣ клокотала и бурлила кипящая вода. Саблина подвели къ самой плитѣ. Кругомъ себя онъ видѣлъ жадныя до зрѣлища лица. Красноармейцы смотрѣли то на Саблина, то на Коржикова и ожидали новой выходки, которая защекочетъ ихъ канатные нервы.

Кухня была ярко освѣщена свѣтомъ тройной лампы. Въ углу, забившись за подушки, сидѣла на кровати перепуганная Авдотья Марковна.

— Товарищи, — сказалъ Коржиковъ. — Что, похожъ я лицомъ на генерала?

— Похожи... Очень даже похожи... Вылитый портретъ, — раздались голоса.

— Товарищи, это мой отецъ. Онъ надругался когда-то надъ дочерью рабочаго и бросилъ ее. Я родился отъ нея и былъ имъ брошенъ. Это было тогда, когда на Руси былъ царь, и господамъ все было можно. Чего онъ достоинъ?

— Смерти! — загудѣли голоса.

Коржиковъ улыбнулся и, взявъ Саблина за кисть руки, поднялъ его руку.

— Товарищи, — сказалъ онъ. — Вы видите какія руки у этого буржуя?

— Какъ у барышни, — сказалъ рыжій солдатъ, крѣпко державшій Саблина, охвативъ его сзади за грудь.

— Этими руками, — говорилъ звонкимъ голосомъ Коржиковъ, — его превосходительство лупцили солдатъ по мордамъ во славу царя и капиталистовъ.

Въ дверяхъ кухни толпились коммунисты-квартиранты и съ ними двѣ женщины. Они постепенно выпирались толпою и входили въ кухню.

— Товарищи, — продолжалъ Коржиковъ. — Этотъ генералъ не пожелалъ признать рабоче-крестьянской власти и, переодѣтый, пробирался къ Каледину и Корнилову. Я его поймалъ и предоставилъ народному суду. Народный судъ приговорилъ его къ смерти.

— Правильно! — загудѣли голоса красноармейцевъ и коммунистовъ.

Въ кухнѣ сразу стихло. Саблинъ услыхалъ, какъ одна изъ женщинъ шопотомъ спросила: — «Что же здѣсь его сейчасъ и порѣшатъ? Любопытно очень...»

Ни въ одномъ лицѣ, а Саблинъ ихъ видѣлъ передъ собою больше десятка, онъ не прочелъ жалости. На лицѣ Авдотьи Марковны былъ только смертельный испугъ и она тряслась мелкою лихорадочною дрожью. Одна изъ дѣвицъ, кутаясь въ дорогой Танинъ оренбургскій платокъ, подошла ближе. Саблинъ узналъ ее. Это была Паша, горничная Тани. Она разъѣлась и ея красныя щеки отекли. Она была босая и надъ колѣнями висѣли юбки съ дорогими кружевами изъ Танинаго приданаго.

— Эти господа, — сказалъ въ затихшей комнатѣ Коржиковъ, — всегда носили бѣлыя перчатки. Они гнушались нами, простымъ народомъ. Мы для нихъ были, какъ нечистыя животныя.

Въ глазахъ у Саблина темнѣло. Онъ уже не видѣлъ толпы, не видѣлъ кухни. Подлѣ него клокотала вода въ кастрюлѣ и трещали дрова. Онъ ясно видѣлъ лицо Паши, съ синяками подъ глазами, сытое, довольное, полное жгучаго женскаго любопытства. Онъ видѣлъ ея плечи, укутанныя сѣровато-коричневымъ платкомъ, въ которомъ онъ такъ часто видѣлъ худенькія плечи Тани.

— Мы снимемъ съ генерала его бѣлыя перчатки! — услышалъ онъ голосъ надъ собою. Но голосъ звучалъ глухо, и лица видиѣлись, какъ въ туманѣ. Было, какъ въ банѣ, когда напустятъ много пара, и голоса глухо слышны и, хотя говорятъ подлѣ, словъ не разобрать.

— Раздѣньте генерала! — приказалъ Коржиковъ. Красноармейцы стащили съ Саблина пиджакъ, жилетъ и штаны и сняли башмаки и чулки. Саблинъ смутно понималъ, что наступаетъ конецъ, но сознаніе притупилось и тѣло потеряло чувствительность. Онъ стоялъ босыми ногами на полу и не чувствовалъ пола.

Толпа жильцовъ придвинулась ближе.

— Значитъ здѣсь порѣшать, — сказала Паша. Любопытство и жадность были въ ея карихъ глазахъ.

— Вам—пу! — сказалъ Коржиковъ. — Орудуй!

Китаецъ подошелъ къ толпѣ и протиснулся вплотную къ Саблину. Онъ взялъ у красноармейца, державшаго Саблина, его руку у локтя и сдавилъ ее своими цѣпкими коричневыми пальцами. Потомъ онъ сдѣлалъ то же и съ другою рукою Саблина. Кровь перестала приливать къ пальцамъ и они онѣмѣли.

Тогда китаецъ быстрымъ и рѣзкимъ движеніемъ опустилъ обѣ руки въ кипящую воду.

Толпа ахнула. Лицо Саблина стало смертельно блѣднымъ, глаза широко раскрылись и крупныя слезы потекли по его щекамъ. Ротъ полуоткрылся, но онъ не издалъ ни одного стона. Всѣ глаза были устремлены на него. Только китаецъ дѣловито смотрѣлъ въ кастрюлю.

— А, буржуй! И не крикнулъ! — съ ненавистью прошепталъ рыжiй красноармеецъ. Молодежь смотрѣла прямо въ лицо Саблину и тупо сопѣла.

— Не больно ему, что-ли? — сказалъ кто-то.

— Господи! Твоя воля! — прошептала Паша.

Было тихо. Слышно было дыханiе людей, клокотала вода въ кострюлѣ и бѣлѣли въ ней, отмирая руки Саблина. Ярко, по праздничному, горѣло электричество.

Коржиковъ съ восхищенiемъ смотрѣлъ въ лицо Саблина... «А умѣютъ умирать эти проклятые буржуи», — подумалъ онъ.

— Делжи такъ! — сказалъ озабоченно китаецъ, передавая руки Саблина рыжему красноармейцу. Онъ досталъ ножъ. На желтомъ грязномъ лицѣ отъ жара и пара проступили капли пота. Медленно, сильно нажимая ножомъ, онъ прорѣзалъ кожу руки Саблина и сталъ обрѣзать ее кругомъ. Кровь стала капать изъ-подъ пальцевъ рыжаго красноармейца и темными каплями падать въ кипятокъ.

Стало еще тише. Саблинъ уже не видѣлъ окружающей его толпы солдатъ. Онъ стоялъ на ногахъ. Въ ушахъ звенѣло. Сумбурныя мысли неслись въ головѣ. Подбородокъ дрожалъ. Всѣ усилiя воли Саблинъ напрягалъ для того, чтобы не застонать.

Обрѣзавъ кожу, китаецъ тщательно задралъ ее и постепенно вынимая распаренную руку изъ кострюли снималъ съ нея кожу.

Толпа придвинулась еще ближе и, затаивъ дыханiе, смотрѣла на это, какъ на какой-то опытъ.

— Господи! съ живого человѣка кожу содрали! — прошептала Паша.

Она была такъ близко къ Саблину, что Саблинъ ощущалъ запахъ душистой помады, густо наложенной на волосы. Отъ этого запаха вязко становилось на зубахъ. Но ея лица и своихъ рукъ Саблинъ не видѣлъ.

— Пальцы-то! Пальцы... — прошептала Паша. — Тонкiе какiе! Кости видать.

— Съ ногтями сошла, — сказалъ кто-то рядомъ.

Какъ сквозь туманъ почувствовалъ Саблинъ жуткiй холодъ въ рукахъ и острую боль. Ихъ вынули изъ кипящей воды.

Потомъ чѣмъ то теплымъ, кожанымъ и мокрымъ ударили его по лицу и онъ услышалъ наглый смѣхъ Коржикова:

— Эти перчатки, папаша, я надѣну, когда буду обнимать свою сестрицу.

Потомъ на сознаніе Саблина опустилась завѣса.

XLVI.

Очнулся Саблинъ отъ мороза. Его вели босого по снѣгу. Двое вели подъ руки, третій подталкивалъ сзади. Они шли по улицѣ. Саблинъ видѣлъ надъ головою синее небо и рѣдкія звѣзды. Большіе каменные дома стояли темные. Подъ ногами рѣзко бѣлѣлъ снѣгъ. Передъ самымъ лицомъ торчали его руки. Но Саблинъ не узнавалъ ихъ. Черные пальцы были растопырены и горѣли жгучею болью.

Но страннымъ образомъ, Саблину не казалось удивительнымъ, что его вели подъ руки босого и въ одномъ бѣльѣ по снѣгу улицы ночью. Онъ шелъ по своей улицѣ Гоголя. Самыя странныя и нелѣпыя мысли были въ головѣ.

«Такъ можно простудиться», подумалъ онъ. «Безъ пальто зимою... Кожа на рукахъ никогда не выростетъ. Руки, вѣроятно, придется отнять... Къ чему?... Меня ведутъ на казнь. И простуда и руки ничто передъ смертью. И все-таки не могъ представить себѣ смерти, то есть того, что ничего не будетъ... По этой же улицѣ увозили Вѣру. Былъ тогда солнечный день и пахло ельникомъ, которымъ была посыпана торцовая мостовая... Онъ шелъ за гробомъ и передъ самымъ лицомъ его былъ громадный вѣнокъ съ бѣлыми лиліями и розами, присланный императрицей. На немъ были бѣлая и черная ленты. Вѣтеръ игралъ этими лентами. Рядомъ съ нимъ шелъ Коля въ черномъ мундирѣ и каскѣ съ бѣлымъ султаномъ, по другую сторону Таня въ траурномъ платьѣ. Оба плакали...

Саблинъ не плакалъ...

По этой же улицѣ онъ ѣхалъ на парныхъ саняхъ, съ рысаками подъ сѣткой, съ Вѣрой слушать цыганъ. Морозъ славно щипалъ за носъ и за уши.

Тогда и морозъ и снѣгъ были другіе.

Были люди. Гдѣ они? Изъ сотень родныхъ и знакомыхъ лицъ мелькнулъ передъ нимъ на минуту Пестрецовъ, и тотъ незнакомый и чужой. Боже! Боже! Вотъ и жизнь кончена. И никто не знаетъ! Паша глядѣла любопытными глазами и ненавидѣла его... Та самая Паша, которая тогда, когда онъ первый разъ пріѣхалъ съ войны домой смотрѣла на него глазами готовой отдаться женщины.

И муки его, и смерть ни къ чему. Никто не узнаетъ и не увидитъ.

Вѣроятно, у него былъ жаръ. Онъ не вполнѣ отчетливо соображалъ, что съ нимъ дѣлалось и временами совсѣмъ не чувствовалъ острой боли въ рукахъ.

Вошли въ ворота. Во дворѣ шумѣло два грузовыхъ автомобиля и отъ ихъ тяжелаго ворчанія было больно въ ушахъ. Ноги подкашивались. По скользкой грязной лѣстницѣ спускались въ какой то подвалъ. Мутно горѣли маленькія электрическія лампочки, висѣвшія съ потолка. Былъ отвратительный запахъ гніющей крови и лежали тѣла людей въ грязномъ бѣльѣ. Глухо стучали выстрѣлы.

Человѣкъ въ кожѣ подошелъ къ Саблину.

— Поставьте, сказалъ онъ.

Саблина поставили у стѣнки. Онъ былъ такъ слабъ, что прислонился спиною къ кирпичамъ стѣны. Стѣна непріятно холодила сквозь бѣлье. Моментами Саблинъ уже ничего не понималъ. Человѣкъ въ черномъ, съ фуражкой на затылкѣ, подошелъ къ нему.

Красная звѣзда была на смятой, сбитой на затылокъ фуражкѣ. Движенія его были вялыя. Онъ точно усталъ отъ тяжелой работы и тяжело дышалъ. Глаза горѣли больнымъ лихорадочнымъ блескомъ. Молодое безъусое лицо было блѣдно.

— Эге, какъ обработали, — сказалъ онъ... Бѣлогвардеецъ!

Саблинъ отчетливо услышалъ это слово. Оно понравилось ему.

— Сами прикончите, товарищъ? сказалъ человѣкъ въ черномъ. Усталъ смертельно. Сегодня — никакой эмоціи. Все офицеры. Никто не умолялъ, не ползалъ на колѣняхъ. Никто не боялся. Скучно.

Саблину стало пріятно слышать это. «Никто не умолялъ... Не ползалъ на колѣняхъ... Офицеры»...

«И я офицеръ», подумалъ онъ, — поднялъ голову и вытянулся.

Лицо Маруси показалось передъ нимъ. Но Саблинъ понялъ, что это лицо Коржикова и придалъ глазамъ своимъ холодное спокойное выраженіе.

— А умѣютъ умирать Саблины! — сказалъ Коржиковъ и Саблинъ почувствовалъ холодное прикосновеніе дула револьвера къ своему виску.

За стѣною глухо урчали и шумѣли грузовые автомобили. Вся яркая жизнь сосредоточилась въ маленькомъ полутемномъ сараѣ, гдѣ пахло гніющею кровью, сырые кирпичи холодили спину и босыя ноги вязли въ кровавой слизи. Кругомъ лежали трупы. У стѣнъ толпились красноармейцы съ ружьями и два человѣка въ кожаныхъ костюмахъ похаживали хозяевами среди этого хаоса.

«Это Россія»! подумалъ Саблинъ.

Это была его послѣдняя мысль.

На разсвѣтѣ зимняго дня красноармейцы по наряду нагружали трупы казненныхъ на грузовые автомобили во дворѣ чрезвычайной комиссіи.

Они выносили за ноги и за головы обнаженныхъ покойниковъ и клали ихъ въ автомобиль. Кровь текла и падала на грязный снѣгъ.

— А вѣдь это генералъ Саблинъ, — сказалъ рослый красивый солдатъ, принимая на платформу окровавленный трупъ въ бѣльѣ.

— А вы знали его? спросилъ подававшій.

— Ну, еще бы! Сердечный баринъ! Хорошій, храбрый офицеръ былъ. Онъ насъ въ атаку на германскую батарею водилъ.

— А ободрали какъ. Гляньте, товарищъ, съ рукъ кожа содрана.

— Да... Обработали. А жаль, душевный баринъ былъ!

— Нонче баръ нѣтъ, — сказалъ сурово первый. Чего скулите. Не знаете, гдѣ находитесь. Сами еще къ стѣнкѣ попадете.

Солдатъ вздохнулъ и замолчалъ.

XLVII.

Тамъ, на горизонтѣ, море такъ ласково и сине, что глазъ отъ него нѣтъ силъ оторвать. Легкій теплый вѣтеръ набѣгаетъ оттуда и несетъ ароматъ весны. Бѣлыя чайки рѣютъ надъ водою, а синее густое небо нависло сверкающимъ пологомъ и больно смотрѣть въ его глубокую синеву. Тамъ, за моремъ жизнь, а не каторга, тамъ спасеніе и защита отъ злобы людской, отъ казней, отъ смерти, отъ грязи, отъ тифа, отъ вшей, отъ ненависти и презрѣнія къ людямъ. Тамъ союзники, которые поймутъ, признаютъ, накормятъ, одѣнутъ и спасутъ. Вѣдь должны же они!.. Вѣдь не могутъ же они не исполнить своего долга... Вѣдь видятъ и понимаютъ они все...

Море входитъ въ заливъ. Слѣва высокія горы бѣлыми мѣловыми обрывами набѣжали къ самой водѣ. Мелкая зеленая поросль дубоваго кустарника опушила балки и глубокія долины. По вершинамъ зеленѣютъ луга. Торчатъ на полугорѣ высокія бѣлосѣрыя трубы цементнаго завода и подъ нимъ расползлись красныя крыши заводскихъ построекъ. Это Стандартъ. Отъ Стандарта въ синее море врѣзывается узкій каменный молъ съ низкимъ фонаремъ маяка на концѣ. Съ противоположной стороны отъ праваго берега къ нему подходитъ другой такой же молъ и образуетъ горло бухты. Въ бухтѣ вода не такая синяя. Волны въ ней цвѣта бутылочнаго стекла и подлѣ пристаней, тремя темными эстакадами врѣзывающихся въ бухту, вода кипитъ малахитомъ и полна бѣлой узорчатой пѣны и пятенъ.

Вправо горы отошли отъ моря. Онѣ ниже, положе и еще веселѣе. Изъ зелени садовъ выбѣгаютъ маленькіе домики Станички, видны большія темныя зданія ваннъ и санаторій, бѣлые дома улицъ и богатыя виллы, отошедшія отъ суеты города и утонувшія въ нѣжной зелени по весеннему одѣтыхъ деревьевъ. Большой храмъ стоитъ на площади, улицы сбѣгаютъ внизъ къ зеленому болоту, раздѣляющему городъ на двѣ части.

По лѣвой сторонѣ у Стандарта видны строгія желѣзнодорожныя постройки, пакгаузы, рельсы и красные вагоны. Деревья тутъ рѣже и больше пахнетъ городомъ и портомъ и меньше радости красивыхъ дачъ, купальныхъ зданій, широкихъ зеленыхъ пляжей. Все сдавилось къ самому морю.

Рельсы вбѣжали на молы и поѣзда точно стремятся впрыгнуть въ самыя воды. Вмѣсто домовъ — правленія и конторы, но и передъ ними бѣлыя акаціи раскинули свои кривыя вѣтви, покрытыя нѣжною перистою листвою.

Этотъ городъ никогда не думалъ ни о войнѣ, ни о крови, ни о массовыхъ страданіяхъ. Въ немъ дымили пароходы, изъ высокаго громаднаго элеватора текли по рукавамъ струи бѣлаго пшеничнаго зерна въ пароходные трюмы и пахло оплодотворяющимъ запахомъ сѣмени. Съ моря неся ароматъ шири и свободы. Въ гавани пахло углемъ и нефтью. Въ синемъ небѣ радостно трепетали Русскіе флаги съ торговыми эмблемами, съ якорями въ углу бѣлой полосы, краснѣли флаги англичанъ, виднѣлись цвѣтные кресты шведовъ и датчанъ и поперечныя полосы французскихъ и итальянскихъ флаговъ. Стукъ лебедокъ, пароходные гудки, отрывистые крики смуглыхъ левантинцевъ: «вира» и «майна», смѣшивались съ цоканьемъ копытъ ломовыхъ лошадей по каменной мостовой, возгласами носильщиковъ, свистками паровозовъ и звономъ буферовъ и вагонныхъ цѣпей. У пристаней стояли изящные черноморскіе фаэтоны, запряженные парами крупныхъ, легкихъ лошадей и смуглые черноусые кучера лихо носились по пыльнымъ, плохо мощенымъ улицамъ, развозя одѣтыхъ въ бѣлое дамъ и людей въ чечунчовыхъ пиджакахъ и бѣлыхъ панталонахъ и туфляхъ.

Такъ было до войны, почти такъ было во время войны, такъ было и во времена республики. Короткое владычество большевиковъ оставило горы труповъ молодежи въ саду курзала, ужасъ и ненависть у всѣхъ, заколоченные дома, а потомъ все снова успокоилось. Дымили въ гавани пароходы. Сновали къ Стандарту и къ Цементному заводу моторные катера, бороздя малахитовыя воды бухты, трепетали на горизонтѣ паруса рыбачьихъ лодокъ и чайки съ крикомъ носились надъ синими волнами. Въ городѣ шла суетливая жизнь. Всюду были люди съ трехцвѣтнымъ, Русскихъ цвѣтовъ, угломъ на рукавѣ, въ рваныхъ солдатскихъ шинеляхъ и рубахахъ. У большихъ домовъ сидѣли раненые, по улицамъ гремѣли Русскія пѣсни и бодро маршировали добровольческія роты и сотни. Въ горахъ пошаливали «зеленые», но это мало кого безпокоило. Жизнь срывала здѣсь, что могла. Работали комиссіонныя лавки,

сыпались «царскія», «керенскія» и «донскія», ѣли бѣлыя булки и мороженое, обѣдали въ гостинницахъ и ресторанахъ, что то покупали, что то продавали, что то мѣняли. Мѣняли больше всего...

Потомъ на рейдѣ вмѣсто запущенныхъ Русскихъ судовъ съ печально висящимъ Андреевскимъ флагомъ появились зеленовато сѣрые гиганты подъ британскимъ алымъ флагомъ, испещреннымъ бѣлыми полосами, на улицахъ стали попадаться зеленоватые френчи и панталоны, оставляющіе колѣни голыми, явился спросъ на знающихъ англійскій языкъ людей, явились бѣлыя бумажки съ изображеніемъ Георгія Побѣдоносца и Вестминстерскаго аббатства и Русскіе дикари, одичавшіе въ степныхъ и ледяныхъ походахъ, стали разбираться въ бѣлыхъ фунтахъ и сиреневыхъ франкахъ.

Какъ то сразу, къ осени 1919 года, Русскія шинели и рубахи были вытѣснены англійскими френчами и пальто, мѣшковато осѣвшими на Россійскія плечи. Появились тяжелые танки, и жестко застучали по мостовымъ башмаки, подбитые гвоздями.

Походить на англичанъ, служить у англичанъ стало мечтою многихъ, и загорѣлые юноши съ орлинымъ взглядомъ стали часто задумываться о томъ, о чемъ никогда раньше не думали: — о валютѣ. Съ устъ людей, говорившихъ раньше объ атакахъ и развѣдкахъ, о лихихъ поискахъ и славѣ, жалѣвшихъ и тосковавшихъ по убитымъ товарищамъ, стали срываться странныя и такъ не шедшія къ нимъ слова: — «я выгодно продалъ»... «Я размѣнялъ фунты на «колокольчики», а «колокольчики» спустилъ въ Ростовѣ на «донскія», а здѣсь думаю купить франки»... Люди съ окладистыми казачьими бородами и большими мозолистыми руками землеробовъ мотались въ поѣздахъ между Харьковомъ, Ростовомъ и Новороссійскомъ и что то продавали и покупали, умѣщая предметы своей торговли въ небольшіе кожаные чемоданы. Ихъ лица были масляны и озабочены.

— При выборномъ то началѣ, да при народоправствѣ, — говорилъ высокій худощавый войсковой старшина съ землистымъ лицомъ, — если самъ о себѣ не подумаешь, погибнешь. Вѣдь пенсій тебѣ войсковой кругъ не дастъ

за твое депутатство. Надобно самому обезпечить свою старость. Да и что еще будетъ!

— Слыхать, — сочувственно кивая головою говорилъ его спутникъ, великанъ съ рыжей бородой едва не до пояса, въ легкомъ казачьемъ зипунѣ, — Кискенкинъ Мамантъ то отошелъ уже отъ Орла, обратно катитъ.

— Ничего, станица, не робѣй. Они на подводахъ свое увезутъ, не пропадутъ, — сказалъ смѣясь войсковой старшина.

Торгашеская нація только прикоснулась къ нетронутой черноземной силѣ, какъ уже заразила ее своею страшною болѣзнью, носящею названіе „business".*)

И была она - хуже тифа. Англійскіе френчи и рыжія пальто кусали Россійскихъ обывателей хуже вшей, и крѣпко засѣвалась въ голову надоѣдливая заботная мысль о необходимости самообезпеченія.

Голубое море вдали подъ небомъ было полно таинственной ласки и манило въ далекіе волшебные края. На рейдѣ стояли темные пароходы. Ползло по рукавамъ элеваторовъ пахучее оплодотворяющее зерно, стучали лебедки и медленно ворочались краны, сгружая тюки съ сѣрозелеными френчами и мягкими широкими пальто.

XLVIII.

Это случилось неожиданно и молніеносно быстро. Сводки „Добрарміи" были коротки и сухи. »Подъ давленіемъ превосходныхъ силъ противника наши части заняли новыя позиціи къ югу отъ Харькова«... Украина подъ генералъ губернаторствомъ Драгомирова таяла, какъ мороженое на солнцѣ въ жаркій день. Никто не ожидалъ, какъ вдругъ явилась угроза Таганрогу и Ростову. Бодрый «освагъ» — освѣдомительное агентство — продолжалъ по вечерамъ у станціи показывать въ волшебномъ фонарѣ портреты Деникина и генерала Бриггса, сцены въѣзда въ Харьковъ и занятія Кіева, жертвы чрезвычайки, лихое улыбающееся лицо знаменитаго партизана Шкуры, но обыватель уже не толпился передъ нимъ, но спѣшилъ къ окну,

*) Торговля.

гдѣ на раскрашенной картѣ цвѣтною шерстинкой показывался новый фронтъ. И фронтъ этотъ стремительно падалъ, какъ барометръ передъ бурей. Чаще стали произносить новое, неслыханное раньше имя Буденнаго, и природные конники казаки и лучшіе кавалеристы всего міра вдругъ съ испугомъ говорили о рейдахъ никому невѣдомаго вахмистра Нижегородскаго драгунскаго полка.

Первой ласточкой, прилетѣвшей въ Новороссійскъ «оттуда», съ отступавшаго фронта, былъ Дмитрій Дмитріевичъ Катовъ.

Онъ декабрьскимъ, по лѣтнему теплымъ вечеромъ сидѣлъ въ Новороссійскѣ, въ бесѣдкѣ, на маленькомъ дворикѣ у сестры милосердія Александры Петровны Ростовцевой, въ обществѣ Нины Васильевны Ротбекъ, и разсказывалъ свои впечатлѣнія.

— Ростова и Новочеркасска ни за что не сдадутъ, говорилъ онъ, прожевывая ватрушку, — Атаманъ и Войсковой Кругъ торжественно заявили, что они не покинутъ Дона... Бои однако идутъ подъ самымъ Новочеркасскомъ..... Какъ-бы наши основательно не драпнули.... И я радъ, что хорошо знаю англійскій языкъ и мнѣ удалось устроиться здѣсь при миссіи. И вамъ, Александра Петровна, я совѣтую уложиться и ѣхать.

— Но куда? спросила Нина Васильевна.

— Ахъ, милая Нина Васильевна, но куда хотите. На Принцевы острова, въ Сербію, въ Парижъ... Въ Аргентину. Только подальше отсюда. Увѣряю васъ: у меня нюхъ — тутъ «драпомъ» пахнетъ.

— Да развѣ здѣсь можетъ быть хотя какая либо опасность? спросила Александра Петровна. Развѣ у насъ нѣтъ арміи? Вѣдь это временныя неудачи.

— Не вѣрьте Освагу. Это все та же старая манера — все скрывать. Увѣряю васъ: — очень плохо. Казаки не желаютъ драться, Кубанская рада недовольна Деникинымъ и мутитъ кубанцевъ. Всѣ наши герои оказались просто грабителями. Шкуро...

— Не говорите, Дмитрій Дмитріевичъ, про Шкуро, сказала Нина Васильевна, — я никогда не забуду, какъ онъ меня спасъ и вывелъ изъ Кисловодска. И не меня одну. Въ то время, какъ все трусило и готово было драпать

и сдаваться, онъ со своими волками шелъ подъ огнемъ и охранялъ насъ. Онъ рыцарь, Дмитрій Дмитріевичъ.

— Ахъ, эти мнѣ дамскіе рыцари, брезгливо морщась сказалъ Катовъ... Русскихъ рыцарей не бываетъ. Рыцари только англичане. А Русскіе — хамы, хамы, хамы и трижды хамы. Я стыжусь, что я родился Русскимъ. Мой вамъ совѣтъ: — на Принцевы острова!

— На Принцевы острова, задумчиво сказала Нина Васильевна. — Какъ это странно. Когда мы съ Никомъ были молоды, мы все мечтали поѣхать пожить на Принцевыхъ островахъ. Волшебной сказкой, какими то островами Принцессы Грезы казались намъ острова на Мраморномъ морѣ. Все манило туда. А теперь, — туда уже переѣхало много Русскихъ изъ Одессы и Крыма, а мнѣ что то нехочется... Да и что я тамъ буду дѣлать?

— Шляпы! шляпы, милая Нина Васильевна, тѣ-же ваши художественные колпачки, въ которые одѣть весь Новороссійскій — я бы сказалъ beaumonde*), но его нѣтъ. Всѣ жены Новороссійскихъ спекулянтовъ, — воскликнулъ Катовъ.

Нина Васильевна вздохнула.

— Какъ странно, сказала она. — Декабрь мѣсяцъ, ночь, луна и тепло. Сегодня на Воронцовской продавали фіалки. Море такъ красиво блеститъ подъ луной и красные, зеленые и бѣлые огни судовъ бросаютъ трепещущія отраженія... Такъ хорошо!.. А почему то такъ нерадостно и тяжело на сердцѣ. Боже! когда же кончится это метаніе по бѣлому свѣту! Изъ Петрограда въ Кіевъ, подъ защиту нѣмцевъ, оттуда въ Кисловодскъ. Изъ Кисловодска пѣшкомъ, въ легкихъ туфелькахъ и шелковыхъ чулкахъ въ Анапу, потомъ къ французамъ подъ крылышко въ Одессу. Оттуда кошмарное путешествіе на рыбачьей лодкѣ сюда! Я не могу видѣть распущенныхъ нѣмецкихъ солдатъ съ ихъ сдвинутыми на затылокъ касками и сигарами въ зубахъ, когда они на улицахъ продавали большевикамъ ружья и пулеметы, я дрожу при видѣ сизой французской шинели и вспоминаю, какъ растерянно бѣжали эти рыцари изъ Одессы при приближеніи толпы уличной сволочи. Я ни-

*) Свѣтъ.

когда не забуду, какъ меня грубо оттолкнули отъ поручней французскаго парохода и я едва не упала въ воду. Одессу мы никогда не простимъ французамъ. Я боюсь Русскихъ солдатъ и казаковъ. Я вѣрю только офицерамъ. Такъ неужели мнѣ суждено разочароваться и въ нихъ!

— Скажу одно: — торопитесь запастись билетами на Константинополь..., ваши офицеры уже драпнули къ Ростову — повторилъ Катовъ.

Недѣли двѣ спустя Катовъ таинственно и на ухо сообщилъ Александрѣ Петровнѣ, что онъ видѣлъ членовъ «державнаго», какъ онъ называлъ членовъ верховнаго казачьяго круга, которые съ узелками и увязками озабоченно шныряли по Новороссійску и справлялись о пароходахъ.

— Пора, — сказалъ онъ. — Я знаю, чѣмъ это пахнетъ. Когда капитанъ покидаетъ корабль, то пассажирамъ давно пора сдѣлать то же.

Шерстяная ленточка въ окнѣ «Освага» падала слишкомъ быстро, чтобы можно было оставаться спокойнымъ. Сообщали о побѣдахъ генерала Павлова и донцовъ на Маничѣ и спѣшно эвакуировали Екатеринодаръ. Кто-то изъ самовидцевъ, пришедшій пѣшкомъ изъ Ростова, разсказывалъ, что всѣ пути заставлены товарными вагонами съ развымъ имуществомъ. Онъ видѣлъ въ разбитомъ солдатами вагонѣ плюшевую мебель и чучело тигра, а рядомъ пѣшкомъ и на подводахъ по непролазной грязи тянулись раненые, женщины и дѣти.

По степи двигалось цѣлое калмыцкое племя со стариками, женами и дѣтьми, съ табунами лошадей и стадами быковъ, шли громадныя калмыцкія станицы. Калмыки не желали оставаться у большевиковъ на вѣрную смерть и уходили впереди быстро отступавшей арміи. Никто не зналъ, куда идутъ. Никто не распоряжался. Главное командованіе мѣняло планы чуть не ежедневно. То шли въ Грузію, то въ Новороссійскъ, то собирались драться снова, но уже было ясно, что драться не будутъ.

Тифозные умирали на подводахъ и въ дорожной грязи. Женщины бросали мертвыхъ дѣтей на ночлегахъ и утромъ безъ слезъ и стоновъ снова шли въ громадной толпѣ, гдѣ перемѣшались люди всѣхъ званій и состояній.

Этотъ самовидецъ говорилъ Александрѣ Петровнѣ, что муки казаковъ были такъ велики, что если бы онъ былъ на ихъ мѣстѣ, онъ сталъ бы не краснымъ, а пунцовымъ.

Съ конца февраля Новороссійскъ сталъ наполняться бѣженцами и войсковыми частями.

Стало ясно: — случилась катастрофа.

XLIX.

Братья Полежаевы и съ ними Оля съ Ермоловымъ отходили послѣдними за арьергардами Русской арміи. Передъ ними шелъ громадный казачій корпусъ. Десятки тысячъ лошадей растоптали шоссе и на каждой верстѣ валялись трупы погибшихъ отъ безкормицы коней. Чѣмъ ближе подходили Полежаевы къ Новороссійску, тѣмъ чаще попадались лошадиныя тѣла. Кое-гдѣ, наполовину раздѣтые, лежали трупы людей: — солдатъ, добровольцевъ и бѣженцевъ, женщинъ и дѣтей. Попадались низкіе, наскоро сдѣланные холмики могилъ, безъ крестовъ и надписей. Валялись повозки съ поломанными колесами, разбитые ящики, полные тряпья и домашней рухляди. Тамъ, гдѣ шоссе подходило къ желѣзной дорогѣ были видны безконечные ряды красныхъ вагоновъ и холодные пустые паровозы.

Громадный богатый край вдругъ кинулся спасаться къ морю и тащилъ накопленное вѣками богатство, надѣясь спасти его и устроиться съ нимъ и на него гдѣ-то на новомъ мѣстѣ. Гдѣ будетъ это спокойное «гдѣ-то», объ этомъ никто не думалъ. Будущее было призрачно, настоящее кошмарно и каждый спѣшилъ уйдти отъ этого настоящаго.

Синее море — сказка Русскаго дѣтства, и волшебный край, который долженъ быть за синими морями, заставляли двигаться сотни тысячъ къ морскому берегу. Для большинства весь смыслъ движенія сводился къ вѣчно живымъ Русскимъ: авось, небось и какъ нибудь. Было все равно, куда идти, — потому что оставаться было нельзя. И было, какъ въ сказкѣ: — направо пойдешь, смерть найдешь, налѣво — голову сложишь, прямо — коня потеряешь. И шли прямо. Какъ то такъ случилось, что въ минуту несчастья нигдѣ не стало друзей. Впереди Грузія ощетинилась штыками, и готовилась встрѣтить пулеметами, сзади Кубань провожала

шниками, союзники отмалчивались и ругали Русскій народъ. А Русскій народъ, изнемогшій въ борьбѣ, лишившійся державнаго хозяина, потерявшій вѣру, метался въ кровавой злобѣ и не зналъ, что дѣлать и куда идти. Вожди безъ авторитета молчали. Правительства и выборная демократія торопились самообезпечиться и уѣхать подальше, пользуясь депутатскими прерогативами, а народъ: — офицеры и солдаты, казаки и калмыки, отупѣвшіе отъ постоянныхъ боевъ, измученные тифомъ, голодные и босые, брели, отдавшись полному равнодушію.

Никто не зналъ, почему отходятъ, никто не зналъ силъ непріятеля, который преслѣдуетъ, но шли стихійно: — безъ приказовъ, безъ ночлеговъ, безъ квартирьеровъ, шли только для того, чтобы спасти себя и свои семьи.

Оля за эти два года возмужала и выросла. У ней отъ перенесенныхъ страданій стали большими глаза и худымъ лицо, но сильными руки и крѣпкими ноги. Она стала походить на тѣхъ казачекъ, съ которыми она жила, помогая имъ въ полевыхъ работахъ. Кравченко оберегли ее и Ермолова во все время пребыванія большевиковъ. Оля выходила Ермолова и, когда добровольцы, 2-го августа 1918 года заняли Екатеринодаръ — Ермоловъ снова вступилъ въ ряды Добровольческой Арміи.

Дорога спускалась въ широкую долину. Вдали сверкало голубое море, дымили пароходы на рейдѣ и видны были бѣлые дома Новороссійска. Какой-то франтъ, въ длинныхъ брюкахъ завязъ на размытомъ мѣстѣ съ подводой, груженой вещами и не зналъ, что дѣлать. На подводѣ, подъ зонтикомъ, сидѣла молодая женщина въ бѣломъ платьѣ. Франтъ толкалъ ладонью крупъ лошади и жалобно повторялъ: — «милая ну! иди-же!... ну иди-же, милая!» Но лошадь выбилась изъ силъ и только хвостомъ отмахивалась.

— Бросьте вы ее, — сказалъ Павликъ, — опоздаете съ нею на пароходы, къ краснымъ попадете.

— А какъ же вещи? — растерянно сказалъ франтоватый человѣкъ, — это все наше достояніе. Вы думаете, мы опоздаемъ... Но какъ же!... Насъ никто не предупредилъ. Мы жили на дачѣ... Это все, что мы успѣли собрать... Вы думаете, мы не достанемъ билета? Намъ хотѣлось бы каюту.

— Бросайте все, — сказалъ Ермоловъ, — потому что иначе и сами погибнете.

Лицо дамы сжалось отъ боли. Она заплакала. Молодой человѣкъ стоялъ въ грязи и разводилъ руками. Полежаевы и Оля прошли мимо. И долго слышали съ дороги: — «милая, ну иди-же!... Ну иди-же, милая».

— И сколько людей погибло теперь изъ-за вещей, — сказала Оля.

— Вся борьба идетъ изъ-за собственности, — сказалъ Павликъ.

Они вошли въ городъ. Улицы, ведущія къ морю, берегъ моря и молы, у которыхъ дымили суда, были заполнены верховыми лошадьми. Однѣ стояли съ сѣдлами, другія безъ сѣделъ, со стертыми больными спинами, съ облѣпленными кровью высокими холками и обнажившимися отъ худобы хребтами. Гнѣдыя, рыжія, вороныя, сѣрыя, онѣ сгрудились сотнями и покинутыя хозяевами даже не разстроили строя и стояли по шести. Тутъ были маленькіе маштаки-землеѣды, съ большими некрасивыми головами, но преобладала рослая Задонская лошадь, равной которой по боевымъ качествамъ нѣтъ во всемъ мірѣ. Сотни лѣтъ любовно разводилась и выращивалась она въ привольѣ Маничскихъ и Егорлыцкихъ степей, она поразила всѣхъ въ великую войну, сохранившись во всей своей силѣ и красотѣ и она донесла казаковъ до синяго моря, по весенней растоптанной степи, черезъ снѣга и бураны, черезъ разлившіяся рѣки. Она стояла теперь, какъ солдатъ на часахъ, и ждала своей смерти. Между полками стояли табуны матокъ съ чистокровными жеребцами, ихъ охранявшими. У ногъ костистыхъ кобылицъ жались исхудалые жеребята. Все лошадиное имущество Россійской Имперіи было согнано сюда въ надеждѣ спасти его отъ красноармейской руки. Здѣсь стояли лошади съ таврами «Д. В.» — войскового Провальскаго завода, съ буквою «К» — знаменитыхъ Корольковскихъ зимовниковъ, съ удиломъ на лѣвомъ стегнѣ, съ сердцемъ пронзеннымъ стрѣлою... Отдѣльной группой стояло двѣнадцать жеребцовъ. Несмотря на худобу они сохранили благородство формъ чистокровной лошади и блескъ тонкой, нѣжной шелковистой шерсти. Подлѣ нихъ ходилъ въ волненіи пожилой человѣкъ въ бѣломъ просторномъ пиджакѣ и короткихъ сѣро-синихъ штанахъ съ алымъ лампасомъ. Это былъ

знаменитый коннозаводчикъ Себряковъ со своими лучшими скаковыми лошадьми. Эти жеребцы — были его семья. Одни уже дали потомство, которое прославило его конюшню, другіе только еще начинали скакать, но уже были извѣстны. Онъ любилъ ихъ, какъ дѣтей. Они столпились около него. Одинъ, свѣтло-рыжій, могучій, немолодой жеребецъ положилъ ему морду на плечо и косилъ на него громадный темный агатъ глаза. Себряковъ читалъ въ этомъ глазѣ глубокую лошадиную думу, которая была ему понятна. Молодой гнѣдой жеребецъ, стоявшій поодаль, подъ сѣдломъ, вдругъ подошелъ къ старому и положивъ свою точеную голову на шею рыжему такъ же устремилъ взглядъ благородныхъ глазъ на стараго коневода. Они будто спрашивали Себрякова — ну что? Ну какъ рѣшилась наша участь? Старикъ то смотрѣлъ на лошадей, то оборачивался къ морю. Отъ моря, проталкиваясь между лошадей, бѣжалъ къ нему человѣкъ. Это былъ сынъ коннозаводчика. Рыжій жеребецъ увидалъ его раньше старика, насторожилъ маленькія уши. приподнялъ голову и тихо заржалъ. Точно спросилъ опять: — «ну что?»

Всѣ лошади подняли свои головы, устремили красивыя тонкія, рыжія, гнѣдыя, темныя уши къ морю и всѣ заржали, сдержанно, вопросительно.

Голова старика упала на грудь.

— Ну что, Пепа? — спросилъ онъ юношу.

— Лошадей не берутъ ни за что. Меня и тебя обѣщали подождать полчаса. Идемъ. Я насилу протолкался среди лошадей. Идемъ, батюшка, — задыхаясь проговорилъ молодой человѣкъ.

— Такъ не берутъ, говоришь, лошадей-то? — тихо спросилъ старикъ.

— Нѣтъ, батюшка. Да я самъ былъ на корабляхъ. Тамъ не то, что лошадь — кошку и ту погрузить некуда.
сейчасъ!...

— Ну, хорошо! — Ты иди, Пепа!.. Иди родной... А я

Старикъ перекрестилъ и поцѣловалъ сына.

— Вотъ, — сказалъ онъ, — котомку возьми. Тамъ деньги... Бѣги, родной, скажи, чтобы обождали... А я сейчасъ... Вотъ съ ними прощусь.

Сынъ нерѣшительно пошелъ подъ гору...

Когда онъ отошелъ шаговъ на полтораста, старый конозаводчикъ подошелъ къ рыжему жеребцу. Онъ отвелъ его въ сторону и поставивъ отошелъ. Жеребецъ сталъ какъ на выводкѣ. Онъ поднялъ благородную голову и насторожилъ уши. Переднія ноги, цѣльныя, чистыя онъ составилъ вмѣстѣ, а заднія раскинулъ, откинувъ хвостъ. Онъ зналъ, что имъ любуются. «Да», думалъ старикъ, — «такимъ онъ былъ въ 1909 году, когда на скачкѣ трехлѣтокъ взялъ всѣ первые призы.

— Такимъ онъ былъ, когда въ Москвѣ онъ взялъ самые большіе призы и поразилъ прыжками на стиплъчезахъ... Такимъ я вывелъ его на всероссійской выставкѣ, окруженнаго шестнадцатью масть въ масть, шерсть въ шерсть въ него трехлѣтками, его дѣтьми. Такой лошади нѣтъ и не будетъ. Ты простишь меня, Бенарессъ?»

Старикъ вынулъ изъ кармана тяжелыйНоганъ, подошелъ къ жеребцу и вложилъ дуло въ ухо. Жеребецъ покорно подставилъ ухо къ старику, точно понимая всю необходимость операціи.

Глухо ударилъ выстрѣлъ. Жеребецъ метнулся въ сторону и тяжело рухнулъ на пыльную дорогу. Старикъ поблѣднѣлъ и осунулся. Онъ подошелъ къ гнѣдому. Это былъ его любимецъ. Равнаго ему по формамъ не было на цѣломъ свѣтѣ. Такъ недавно англичане на скачкахъ въ Ростовѣ любовались имъ и удивлялись, какъ могутъ быть въ Россіи такія лошади.

— Прощай, Рустамъ! — сказалъ старикъ. — Прости меня. — Онъ дрожащею рукою застрѣлилъ своего любимца.

Лицо старика стало желтымъ и морщины, еле видныя раньше, густою сѣтью покрыли запыленное лицо. Глаза его слезились. Онъ подошелъ къ третьему. Это былъ золотисто рыжій сынъ Бенареса и Горыни, трехлѣтній жеребецъ. Онъ, увидавъ старика, потянулся къ нему нѣжными сѣрыми губами и сталъ лизать руку, державшую револьверъ. На немъ было сѣдло сына старика. Эта лошадь была баловень семьи. Она всходила на крыльцо ихъ дома въ степи, проходила въ комнаты и въ столовой съ тарелки ѣла сахаръ. Она знала свое имя, какъ собака. Она знала всѣхъ членовъ семьи.

Старикъ смотрѣлъ на лизавшую ему руку лошадь и плакалъ. Все въ ней любилъ онъ. И упругое, блестящее темно-сѣрое копыто, и стройную вытянутость тонкой ноги съ отбитыми жилами и могучую выпуклую грудь, и тонкую шею, и благородную голову. Онъ долженъ убить его! Но онъ не могъ убить. Такъ по-дѣтски довѣрчиво, по-лошадиному ласково, безъ женской хитрости, безъ людского заискиванія, безкорыстно лизалъ ему руку молодой жеребецъ, что рука съ револьверомъ упала у старика и онъ заплакалъ.

Потомъ онъ поднялъ голову, отошелъ къ убитому Бенаресу и сѣлъ на его трупъ.

— Прости меня, Господи! — прошепталъ онъ. — Ты далъ мнѣ ихъ, Ты и отнимаешь!

Онъ медленно поднесъ револьверъ къ своей головѣ и такъ же, какъ вкладывалъ его жеребцамъ вложилъ себѣ въ ухо...

Тѣло дернулось. Бѣлая фуражка упала на землю. Кровь полилась по пиджаку и старикъ повалился съ мертвой лошади.

Сынъ подбѣжалъ къ нему. Нѣсколько мгновеній онъ стоялъ надъ тѣломъ старика, блуждающимъ взоромъ глядя на него, потомъ всплеснулъ руками, вскочилъ на молодого рыжаго жеребца и поскакалъ полнымъ ходомъ по улицѣ, расталкивая жавшихся къ домамъ лошадей. Послѣдній пароходъ подъ англійскимъ флагомъ отчаливалъ отъ мола. На молу стояли густымъ табуномъ рыжія казачьи лошади. Онѣ тѣснились къ морю и смотрѣли большими темными глазами на казаковъ, наполнявшихъ палубу. Онѣ все ждали, что за ними придутъ, что ихъ возьмутъ. Сняли трапы. Отцѣпили канаты. Зашумѣлъ, въ малахитъ обращая синія воды, пароходный винтъ.

— Прощайте, родныя! — крикнулъ кто-то изъ казаковъ.

Изъ толпы лошадиныхъ тѣлъ съ колеблющимися, отъ вѣтра, какъ спѣлая рожь лѣтомъ, гривами поднялась одна лошадиная голова. Шея вытянулась впередъ, раздулись храпки сѣрыхъ ноздрей, уши напряглись и огнемъ сверкнули на солнцѣ глаза. Она заржала. И весь полкъ лошадей поднялъ головы, устремилъ шеи впередъ, напрялъ уши, раздулъ ноздри и жалобное ржаніе волною перекатилось по всему молу...

— Прощайте, родимыя! . . . .
. . . .

Плакали казаки. Послѣдняя частица родины, послѣдняя связь съ роднымъ краемъ погибала.

Лошади стояли на молу, устремивъ впередъ головы и ждали... ждали...

L.

На кормѣ парохода, среди казаковъ, три женщины: Оля Полежаева, Александра Петровна и Нина Васильевна Ротбекъ. Онѣ сидятъ на тюкахъ и увязкахъ, на старыхъ грязныхъ сѣдлахъ и плачутъ, глядя на берегъ, покрытый лошадьми.

— Смотрите, скачетъ кто-то! — сказалъ кто-то изъ казаковъ.

— На рыжемъ коню.

— Не доспѣетъ.

— Неужели не подождутъ.

— Надо сказать капитану, — раздавались взволнованные голоса.

— Говорили уже.

— Да, какъ говорили. По-Русски!

— И по-французски и по-англійски говорили, — сказала Александра Петровна.

— Ему бы, сестрица, по-казачьи сказать, онъ бы скорѣе понялъ.

— Отчаливаетъ.

— Господи! Это невозможно. Вѣдь это нашъ офицеръ. Доброволецъ, — воскликнула Оля.

— Казакъ, — замѣтилъ старый урядникъ.

— Шапкой машетъ.

— Смотрите!... въ воду кинулся... Плыветъ...

— Хоть бы остановили пароходъ.

— Ну, лодку или кругъ?... Вѣдь погибнетъ душа христіанская.

— Мало ихъ теперь погибло!

— Видалъ, калмыки дѣтей въ воду кидали.

— Упорный народъ!... Сколько ихъ погибло.

— Все племя пропало задарма.

— Плыветъ по морю. Эхъ и лошадь добрая подъ нимъ...

— Пароходъ стоитъ.

— Надо заднiй ходъ дать...

— Одинъ плыветъ. Лошадь ко дну пошла.

— Эхъ родимая!

— Да, что же лодку! Лодку! Кругъ бы кинуть.

— Я сама за нимъ кинусь, — вставая воскликнула Оля.

— Не глупи, Оля!

— Надо канатные нервы имѣть.

— Потонулъ...

— Нѣтъ, за волнами не видно. Вотъ видите, рука.

— И недалеко совсѣмъ.

— Нѣтъ, потонулъ... Не видать.

— Пошли полнымъ ходомъ.

Пароходъ проходилъ бухту. Проплыли мимо фонари маяковъ, показались въ садахъ красныя крыши и бѣлыя трубы цементнаго завода, зашипѣла и заплескала, ударяя въ борта парохода синяя бѣлогребенная волна, шире раздвинулись берега, въ рыже черное пятно слились табуны лошадей въ улицахъ города и на молахъ и ярче стали сверкать огоньками отраженія солнца на синихъ волнахъ.

— Прощай, Россія! — сказалъ кто-то.

— Погоди, вернемся еще...

— А вонъ, видите, и другія суда идутъ. Во-онъ дымятъ... Подъ самымъ небомъ.

— Поплыла Россія... По морямъ, морямъ... По чужимъ... Эхъ! родная!..

— Подъ чужимъ флагомъ... Подъ чужимъ именемъ пришлось скитаться... Своего не смогла уберечь...

— А все не сдалась жидамъ!.. Не покорилась...

— Эхъ! родимые! И когда, и гдѣ конецъ!

Остатки Россіи уплывали по синему морю.

Господи! Господи! Ты видишь!...

LI.

Пусто стало на рейдѣ. Ни пароходовъ, ни военныхъ кораблей, ни лодокъ, ни фелюгъ. Не снуютъ моторные катера отъ города къ Стандарту и къ Цементному заводу и странными кажутся длинные молы, не обставленные судами.

Темный дымъ поднялся надъ домами, метнулся къ небу, раздулся чернымъ клубомъ и пробились сквозь него языки пламени. Кто-то зажегъ чужое добро. Безпокойнѣе стали кони, а сквозь нихъ протискивались новыя толпы запоздалыхъ бѣженцевъ, женщинъ и дѣтей. Еще съ горы, остановившись, прижимая худыми, черными отъ загара руками, плачущихъ дѣтей къ иссохшимъ грудямъ, эти женщины смотрѣли на пустое море и жаднымъ безумнымъ глазомъ шарили по горизонту, ища кораблей. Потомъ онѣ шли, молча, широкими шагами спускаясь къ городу, не останавливаясь, тяжело дыша и слезы стояли въ застывшихъ глазахъ. Онѣ сходились со всѣхъ концовъ и торопливо пробирались между лошадей въ улицы мимо опустѣвшихъ домовъ. Онѣ шли къ морю, наполняли пристани, молы, тѣснились у береговъ.

Ждали...

Не могли же ихъ бросить!?

Проходили часы, набѣгали волны, шелестѣли мелкими камушками пляжа, плескались о зеленые, обросшіе водорослями съ сѣрыми основаніями, исщербленные водою и временемъ столбы эстакадъ, а онѣ стояли, голодныя, ничего не ѣвшія и ждали. Ждали помощи, спасенія...

И въ толпѣ ихъ долго была тишина. Не было словъ, чтобы выразить муки ихъ женскихъ сердецъ, чтобы сказать то, что творилось въ ихъ опустѣлыхъ душахъ. Синее море сверкало серебристою парчою подъ косыми лучами спускающагося къ западу солнца. Холодкомъ февральской ночи тянуло отъ залива и улегались темныя волны. Въ черноту ударилась вода у пустыхъ пристаней.

На самомъ концѣ у тяжелыхъ причаловъ съ желѣзными кольцами съ обрывками сѣрой измочаленной веревки капризно заплакалъ ребенокъ. Нарушилась тишина и раздались крики, вопли, проклятія...

— А!Ироды проклятые! Наплодить могли, а уберечь нѣтъ! Удрали, сволочи, а насъ бросили... — кричала истошнымъ голосомъ молодая казачка и все поднимала и протягивала впередъ, словно показывая кому то, плачущаго ребенка.

— Боже великій! что же это будетъ! — воскликнула рядомъ съ нею молодая женщина, къ которой пугливо жалась маленькая четырехлѣтняя дѣвочка.

— А что! Замучатъ, испоганятъ, да и убьютъ... Имъ что! Черти! Побѣдители!

— Живою не дамся.

— Господи! И никого, никого!...

Отъ города несло гарью. Сильнѣе разгорался пожаръ. Безпокойно метались лошади и гдѣ-то раздался выстрѣлъ.

— Идутъ...

— Можетъ, наши?

— Да, наши! Что-бъ имъ!... Драпнули, да и конецъ!

— А, говорили, пароходы на всѣхъ заготовлены. Всѣхъ увезутъ.

— Увезли. Сами себя увезли... И съ казною...

— Ой! православные! Да что же это на бѣломъ свѣтѣ дѣется!

Въ горахъ то трещалъ, то умолкалъ пулеметъ и вдругъ показались на пустой и безлюдной дорогѣ быстро несущіеся съ криками конные и пѣшіе люди.

И уже казалось, что это бѣжали не люди, но какое то страшное неотвратимое чудовище надвигалось на городъ, чтобы все и всѣхъ пожрать.

Всплеснулись черныя воды, на секунду подъ ними бѣлымъ пятномъ, продолговатымъ сверткомъ показался ребенокъ и тихо исчезъ въ зелено-черной глубинѣ.

— Господи! Маринка!.. ребенка бросила...

— А что-жъ! Куда дѣваться съ ними. Я и свово брошу, — раздался жесткій выкрикъ.

Молодая женщина въ бѣлой юбкѣ и плюшевой кофтѣ мелкимъ крестомъ крестила плачущую дѣвочку, цѣплявшуюся за ея юбку руками.

— Мама! . Мама! Не надо! Боюсь... — кричала дѣвочка, а мать все крестила ее, смотрѣла большими испуганными глазами то на нее, то на черную глубокую воду и слезы стояли въ углахъ ея глазъ.

И вдругъ, точно рѣшившись, она схватила дѣвочку, подняла на воздухъ, прижала къ груди, оторвала и съ размаху швырнула въ воду. Синее платьице раздулось колоколомъ по водѣ, мелькнули бѣлыя ножки, головка потянула книзу, раздался жалкій тонкій крикъ и вода сомкнулась за ребенкомъ и стала тихая, черная, какъ могила.

Мать стояла посреди другихъ женщинъ и смотрѣла окаменѣвшимъ лицомъ на толпу. Она ждала, что будетъ, ждала, быть можетъ, что ее схватятъ, убьютъ.

— А что-жъ, милыя мои, она это правильно. Безъ дитя то, пропитаешься какъ никакъ, а куда съ дѣтьми дѣваться, — раздался голосъ изъ толпы.

Маринка схватила женщину въ бѣлой юбкѣ за руку и шептала ей: — идемъ! идемъ!.. въ горы, къ зеленымъ.

Онѣ шли сквозь толпу, шли въ темнѣвшія улицы города и сзади нихъ надъ моремъ пылалъ закатъ, а вправо металось пожарное пламя: горѣлъ Стандартъ.

По улицамъ носились лошади, пострѣливали въ горахъ и раздавались дикіе крики — красноармейцы разлавливали лошадей и врывались въ дома, ища добычу.

Въ темномъ сумракѣ надвигающейся ночи чаще булькала вода и скрывала брошенныя жертвы. Матери бросали своихъ дѣтей въ море и расходились по городу, сами не зная куда идти и что дѣлать.

Въ темнотѣ ночи ихъ хватали крѣпкія, цѣпкія руки, зловонныя горячія губы прижимались къ ихъ устамъ и безуміе охватывало ихъ.

Красное зарево пожара отражалось въ темныхъ волнахъ, на погасшемъ небѣ проявлялись свѣтлыя звѣзды, затихало море, а городъ все больше и больше наполнялся криками, воплями, стонами, чаще вспыхивали огни выстрѣловъ, свистали въ воздухѣ пули, слышался топотъ копытъ, носились лошади, бѣгали люди, звенѣло стекло и хриплыя ругательства неслись по улицамъ, спускавшимися къ морю.

Таинственно чернѣли горы и среди голаго кустарника тамъ и тамъ виднѣлись темныя фигуры, карабкавшіяся на кручи, лѣзшія выше, стремившіяся куда и зачѣмъ — сами не знали.

Надъ смятеннымъ городомъ, надъ чернымъ моремъ, съ тихимъ шорохомъ ласкавшимся къ крутому берегу мягко сіяли звѣзды, темнымъ пологомъ спускалась ночь, отражавшая огни пожаровъ, недоумѣнная и тревожная.

На волнахъ колыхались дѣтскіе трупы, а матери разбѣгались по горамъ, ища смерти и, пусто было въ ихъ женскихъ душахъ.

Господи! Господи! Ты видишь!...

LII.

Жаркій полдень. Небо густого синяго цвѣта куполомъ нависло надъ моремъ. Въ маревѣ тумана, подернутыя дымкой, синѣющія, какъ спѣлая слива, дремали на горизонтѣ фіолетовыя горы Малоазійскаго берега. Розово-золотой берегъ, точно выложенный перламутромъ таялъ въ глубокихъ даляхъ очаровательныя сказки волшебнаго востока. Между берегомъ и островомъ залегъ широкій проливъ. Недвижно застылъ на синихъ волнахъ сѣрый, тяжелый, неуклюжій броненосецъ и подъ бѣлыми парусами шелъ мимо острова большой трехмачтовый бригъ.

Гордо надулись его паруса и бросали тѣни и розовыя отраженія на синюю глубину моря. Въ бѣлую пѣну разбивалась вода у его носа и чудилось, что слышно ея задумчивое шипѣніе подъ бѣлымъ, золотыми украшеніями покрытымъ килемъ. Какъ чайка надъ моремъ, какъ мечта въ часы раздумья, какъ грёза дѣтства манилъ онъ за собою стройностью мачтъ и такелажа, и чудилось, что несется онъ въ волшебные края невиданной красоты.

Братья Полежаевы, Оля и Ермоловъ задумчивыми глазами слѣдили за чудеснымъ бѣгомъ его.

Они сидѣли на полугорѣ, на каменномъ крыльцѣ богатаго дома, на островѣ игрушкѣ съ рощами цвѣтущихъ миндалей и персиковъ, среди апельсиновыхъ садовъ и мраморныхъ виллъ. Надъ ними недвижно нависли листья бѣлой акаціи и кисти душистыхъ цвѣтовъ пряныхъ ароматомъ поили воздухъ. Двѣ лохматыя драцены росли у крыльца, а вдоль выложенной камнемъ лѣстницы причудливыя агавы разбросали во всѣ стороны мясистые зубчатые листья и чудилось, что онѣ живыя, цѣпкія и страш-

нія, какъ змѣи. Блѣдно-розовыя розы цвѣли въ саду. Пониже, за желѣзной рѣшеткой, горѣло на солнцѣ бѣлое, мѣловою пылью покрытое шоссе, и было больно смотрѣть на его сверкающую ленту. Временами маленькіе ослики пробѣгали по нему, неся на малиновыхъ бархатныхъ сѣдлахъ нарядныхъ гречанокъ въ большихъ шляпкахъ, толстыхъ грековъ въ бѣлыхъ или нѣжно-сиреневыхъ фланелевыхъ костюмахъ. Босоногіе турченки бѣжали за ослами. Звонкій смѣхъ и женскіе голоса по праздничному весело раздавались кругомъ.

По ту сторону шоссе была дача. Сквозь широко раскрытую дверь, обвитую цвѣтущими глициніями, въ лиловомъ сумракѣ, какою-то грезою казалась зала съ мраморнымъ поломъ, гдѣ двѣ дѣвочки, въ короткихъ бѣлыхъ платьяхъ и съ босыми ногами, сплетясь худенькими нѣжными руками подъ звуки неслышной музыки танцовали странный танецъ, похожій на польку. И казались онѣ не живыми, но фреской старой Помпеи, воскресшей здѣсь и движущейся въ лиловомъ сумракѣ, на мраморномъ полу пустыннаго зала.

За дачей ажурная мимоза раскинула золотыя вѣтви и сквозь ея причудливую рамку глядѣло синее море и берегъ, опѣненный тихо шепчущимъ прибоемъ, ресторанъ со столиками и надъ ними вѣтви могучихъ карагачей.

Праздникъ весны былъ кругомъ. Сновали, шумя тяжелыми колесами, большіе бѣлые пароходы, переполненные пестро и ярко одѣтымъ народомъ. Съ пристани махали платками и что-то радостно кричали. Весело расходились по золотистымъ дорожкамъ къ рощамъ плоскихъ пиній парочки съ маленькими свертками и ихъ движенія казались легкими и гибкими, какъ движенія лани. Въ жаркомъ воздухѣ срывался звонъ мандолины и греческая пѣсенка шаловливо порхала у ресторана возлѣ столиковъ подъ тентами. Ослы уносили пріѣхавшихъ въ горы, откуда такъ безконечно красивъ былъ горизонтъ, сверкающій перламутровыми берегами рядомъ съ густымъ, темнымъ, морскимъ сапфиромъ.

Острова-игрушки были созданы для мимолетныхъ утѣхъ любви. Ихъ назвали Принцевыми островами, а море назвали Мраморнымъ и на нихъ были дачи только богатыхъ людей, сады съ душистыми цвѣтами, рестораны и кафе, да веселые ослики для подъема на гору, чтобы оттуда любо-

ваться видами на оба материка стараго свѣта. На нихъ были танцующія дѣвочки, поющія птицы, играла музыка, звенѣли гитары и неслась пѣсня изъ каждой таверны.

И сюда то, къ берегамъ нѣжнаго моря, подъ глубокое синее небо прибило бурей страшное, мучительное, кровавое Русское горе, нищету бѣженскую. И не тѣшила красота вида, но оскорбляла. Не чаровалъ ароматъ напоеннаго цвѣточною пылью воздуха, но будилъ отчаяніе отъ сознанія своего несчастія. Не прельщали танцующія дѣвочки и звонъ гитаръ и мандолинъ, но навѣвали мучительную тоску по потерянной Родинѣ.

Въ этой красотѣ, среди апельсиновыхъ и лимонныхъ рощъ, люди грезили о бѣлыхъ березахъ, о тонколистныхъ ивахъ, о зеленыхъ лугахъ, покрытыхъ пестрымъ ковромъ скромныхъ цвѣтовъ Русской равнины. Глядя на фіолетовыя горы, тонущія вершинами въ маревѣ синяго неба, думали о безконечномъ просторѣ голубо-желтыхъ степей, о ѣдкомъ запахѣ кизечнаго дыма. Слушали пѣсни грековъ, веселые взлеты скрипокъ, а вспоминали лай деревенскихъ собакъ въ степи ночью зимой, да глубокіе снѣга и маленькія хаты, мерцающія жолтыми огоньками оконъ.

На каменную площадку подлѣ крыльца, окруженную розовыми кустами, вошла дѣвочка лѣтъ семи. У нея было загорѣлое худощавое лицо съ большими синими глазами. Прекрасные русые волосы покрывали всю ея спину густыми волнами отъ природы вьющихся прядей. На ней было розовое платьице, мѣстами порваное и грязное. Худыя, тонкія ножки были босы и изранены о камни. Ея личико, съ маленькими пухлыми губами и плутовски вздернутымъ носомъ, было очаровательно. Но глаза смотрѣли не по дѣтски серьезно, печально и вдумчиво.

Она оглядѣла своими синими глазами Полежаевыхъ, Олю и Ермолова. Ермоловъ и Павликъ были въ англійскихъ потрепанныхъ френчахъ съ погонами Корниловскаго полка, въ стоптанныхъ, сбитыхъ сапогахъ, Ника былъ въ старомъ пиджакѣ, въ платьѣ, купленномъ на дешевкѣ, и плохо пригнанномъ. Онъ походилъ на рабочаго.

Дѣвочка остановилась противъ нихъ, еще разъ осмотрѣла ихъ, какъ будто желая провѣрить свои впечатлѣнія и удовлетворилась ими.

Она стала въ позу, закинула назадъ рученки и дѣтскимъ, вѣрнымъ, неустановившимся, но умѣло выговаривающимъ слова голосомъ запѣла:

Цыпленокъ дутый
И необутый
Пошелъ по улицѣ гуля — а — ать...
Его поймали,
Арестовали,
Велѣли паспортъ показа — а — ать...
Я не кадетскій,
Я не совѣтскій,
Я не народный комиса-а-аръ...

— Гдѣ же ты научилась этой пѣснѣ? — спросила Оля.

— Въ Кисловодскѣ, тетя одна научила, — сказала, потупляя глаза и прикладывая маленькій пальчикъ къ губамъ, дѣвочка.

— Я и еще знаю, — сказала она.

Она сдѣлала серьезное лицо, нахмурила брови и запѣла:

Вмѣстѣ пойдемъ мы,
За Русь святую,
И всѣ прольемъ мы
Кровь — мо-о-лодую...
Близко окопы
Трещатъ пулеметы...

Она прервала пѣніе и сама уже пояснила:

— Въ Новороссійскѣ офицеръ, который съ мамой жилъ, училъ меня пѣть.

— А гдѣ твоя мама? — спросила Оля.

— Мама утонула, — печальнымъ голосомъ сказала дѣвочка.

— Когда?.. Гдѣ?..

— Въ Одессѣ. Мы хотѣли уходить, когда большевики пришли. Сѣли на лодку, мама ухватилась уже за трапъ, а французъ ее оттолкнулъ. Она и утонула. Такъ и не видала я больше мою мамочку... Меня французы взяли. Они меня сюда привезли. Они тоже пѣть учили. Я знаю.

Дѣвочка снова запѣла, совершенно правильно грассируя слова:

Allons enfants de la Patrie,
Le jour de gloire est arrivè,
Contre nous de la tyrannie
L'étendart sanglant est levé . . .*)

— Гдѣ же ты училась французскому языку, — спросила Оля, когда дѣвочка кончила пѣть.

— Мама учила. Мама француженка была. Она шляпки въ Петербургѣ дѣлала. Я тоже умѣю.

— Что же ты умѣешь?

— Цвѣты дѣлать. Мама меня очень любила.

— Что же ты тутъ дѣлаешь?

— Ничего. Пою. Хожу по Русскимъ.

— Гдѣ же ты живешь?

— Нигдѣ.

— Какъ нигдѣ?

— Гдѣ добрые люди устроютъ.

— Какъ же такъ?

— Какъ птицы. Птичекъ Богъ кормитъ и меня не оставитъ, — повторила она чью-то фразу.

— Папчикъ, Сергѣй Ипполитовичъ, — взволнованно воскликнула Оля, — я возьму ее. Ей надо помочь. Тебя какъ звать?

— Анелей.

— Аня. Милая... Да ты сегодня кушала что-либо?

— Нѣтъ еще. Сегодня все такъ неудачно.

— Постой... Мы тебя какъ-нибудь накормимъ.

— Чаю дайте... Сухарика. Больше ничего не надо, — сказала дѣвочка.

— Пойдемъ къ намъ. Ахъ ты, бѣдная моя... И какая красавица!...

Напротивъ, черезъ дорогу, за открытою дверью, обвитой глициніями, въ лиловомъ сумракѣ на мраморномъ полу танцовали, обнявшись двѣ босоногія дѣвочки. Дальше сверкалъ золотомъ и брильянтами берегъ и плескалось о него темносинее, густое, теплое море.

---

*) Идемъ дѣти отечества,
День славы насталъ!
Противъ насъ поднялось
Кровавое знамя тиранніи.

LIII.

— Ты не перемѣнишь своего рѣшенія, Ника, — спросила Оля. — Ты рѣшился?

— Да, — коротко отвѣтилъ Ника.

— Тебя могутъ узнать и тогда... — сказалъ Ермоловъ.

— Разстрѣляютъ. А можетъ быть, и замучаютъ. Я знаю. Но милые, родные мои, вы знаете сколько разныхъ причинъ заставляютъ меня идти на это... Разстрѣляютъ... — а на войнѣ развѣ не могутъ убить? Конечно, это не то же самое. Переживанія иныя, но... Я считаю, что это необходимо во имя Родины. Кромѣ того, вы знаете, у меня есть и личное дѣло... Таня Саблина тамъ... — глухо сказалъ онъ.

Братья молчали. Наверху на балконѣ дѣвочка пила принесенный ей Олею чай съ сухарями. Отъ акацій шелъ пряный ароматъ. Море и далекій берегъ съ розовыми горами казались волшебною декораціей.

— А какъ же вы порѣшили? — спросилъ Ника. — Когда и гдѣ свадьба?

— Въ Константинополѣ черезъ мѣсяцъ, — отвѣчала Оля.

— А потомъ?

— Сережа и Павликъ ѣдутъ въ Крымъ къ Врангелю. Кажется, тамъ снова будемъ драться.

— А ты?

— Не знаю. Я не хочу мѣшать имъ. Не хочу быть имъ обузой. Посмотрю. Можетъ быть останусь здѣсь. Здѣсь Ростовцева, Ротбекъ, кажется, дѣло будетъ. Проживу. Женщинамъ не мѣсто въ крѣпости. А вѣдь Крымъ это крѣпость. Но все-таки, Ника, — не передумаешь-ли и ты? Такъ жутко тебя отпускать! Что же ты думаешь дѣлать тамъ? Какъ ты будешь работать?

— Я знаю, какъ трудна будетъ моя работа. Мнѣ придется служить подъ красными знаменами III интернаціонала, носить побѣдную звѣзду Антихриста... Можетъ, и черезъ кровь придется пройдти!.. Но... Во-первыхъ, нужно знать... Чтобы побѣдить противника, нужно узнать его и нащупать его слабыя мѣста. А мы ничего не знаемъ. Прежде всего: — революція или бунтъ были въ мартѣ 1917 года и какъ слѣдствіе этого въ октябрѣ? Если это рево-

люція, — надо ждать, во что выльется она, надо терпѣть и бороться путемъ воспитанія народа. Если бунтъ, надо подавить его самымъ жестокимъ образомъ, вернуться къ прежнему положенію, къ монархіи и тогда устранить всѣ тѣ причины, которыя вызвали этотъ бунтъ. Но узнать это можно только въ Россіи, кипя въ совѣтскомъ кровяномъ котлѣ... Другой вопросъ, который такъ же мучитъ меня. Кто наши союзники и кто враги? Есть-ли вообще у насъ союзники и друзья, или только враги? Все то, что мы видѣли отъ англичанъ и французовъ — такъ двусмысленно. А что, если они не съ нами, а съ ними? Что происходитъ въ Россіи: — страшная работа тайныхъ силъ, задавшихся цѣлью разрушить Россію, уничтожить лучшихъ людей, потомъ воцариться надъ всѣмъ міромъ, или всѣ эти разсказы о масонахъ, о работѣ діавола, о тайныхъ ложахъ и сложной іерархіи — есть плоды воображенія разстроенныхъ нервами людей и передъ нами только обострившаяся до послѣдней крайней степени борьба капитала съ рабочими? Кто такіе — Ленинъ и Троцкій? Просто сумасшедшіе, мерзавцы, изъ личнаго честолюбія, изъ садизма, льющіе человѣческую кровь, или это послушные слуги кого-то высшаго, толкающаго ихъ къ уничтоженію Россіи. Мы ничего не знаемъ. Достойны они только веревки, или ихъ нужно сжигать на медленномъ огнѣ? Что такое красная армія? Каковъ ея бытъ? Павликъ, Ермоловъ! вѣдь служатъ тамъ Русскіе офицеры, вѣдь живутъ тамъ Русскіе люди! Мы видали плѣнныхъ. Э! Нѣтъ! Это не то!! Надо войти въ ихъ казармы, надо подружиться съ ними, войти въ довѣріе и узнать, какъ стали они такими? Въ сердцѣ моемъ будетъ знаменіе креста, въ душѣ молитва къ Господу о прощеніи. На устахъ: — хула на Бога... Но я открою сердце свое многимъ и многимъ и образцу многихъ. Я иду проповѣдывать слово Христово въ страну одичавшихъ людей... Я не вѣрю въ то, чтобы здѣсь что-нибудь вышло. Тѣ же люди, тѣ же помощники: — англичане и французы, тѣ же методы, та же «новая тактика и новая стратегія», — я боюсь, что катастрофа будетъ хуже Новороссійской... Я, милая Оля, Павликъ, Сережа, родные мои, — стосковался по Петербургу, по сѣверному небу, по бѣлымъ ночамъ. И не могу... не могу я больше. Сейчасъ я иду одинъ... Но, можетъ быть, скоро насъ будетъ тамъ уже много и мы уда-

римъ по больному мѣсту... Можетъ быть я отыщу тамъ Таню Саблину... Спасу ее...

Всѣ примолкли. Синее море плескалось о золотой берегъ. Далекія розовыя горы были такъ неправдоподобно красивы. Голубоглазая дѣвочка въ розовомъ платьѣ стояла среди кустовъ, покрытыхъ розами. Зеленая ящерица застыла на мраморной ступени. По улицѣ бѣжали ослики съ красными бархатными сѣдлами и мальчишки гнались за ними. Тихій вѣтеръ несъ ароматъ лиловыхъ глициній и островъ былъ напоенъ миромъ и красотою. Но буря была въ молодыхъ сердцахъ. Что нужно дѣлать и какъ и гдѣ лучше умереть, чтобы спасти Родину!! Свою юную и прекрасную жизнь несли они на алтарь отечества и не знали, гдѣ дастъ успѣхъ эта жертва, гдѣ тотъ алтарь, на который надо отдать ее на сожженіе.

Дѣвочка пѣла:

Allons enfants de la Patrie,
Le jour de gloire est arrivè,
Contre nous de la tyrannie
L'étendart sanglant est levé.*)

Ея мать столкнули въ воду французы, а она поетъ марсельезу. Она одинока на бѣломъ свѣтѣ и ей только семь лѣтъ, и она поетъ.

Въ кустахъ чирикаютъ птицы, толстый шмель жужжитъ надъ алою розою, возлѣ клумбы нарциссовъ притаилась желтая птичка, и Отецъ Небесный питаетъ ихъ всѣхъ. Буря стихала на сердцѣ. Розовыя горы и сверкающее за горами небо своимъ безмолвнымъ языкомъ внятно говорили душѣ о вѣчномъ и прекрасномъ. И понятно становилось, что Ермоловъ женится на Олѣ Полежаевой, а потомъ вмѣстѣ съ Павликомъ ѣдетъ на фронтъ къ Врангелю въ Крымъ, что Ника ѣдетъ искать Таню и работать на оздоровленіе Русскаго народа въ самой республикѣ совѣтовъ. Такъ надо...

Дѣвочка поетъ среди розъ тѣ пѣсни, которымъ ее учили въ Кисловодскѣ, Новороссійскѣ и Одессѣ. Дѣвочка поетъ, а внизу двѣ другія дѣвочки въ рамкѣ изъ глициній тан-

*) Идемъ дѣти отечества,
День славы насталъ!
Противъ насъ поднялось
Кровавое знамя тираніи.

цуютъ въ лиловомъ сумракѣ и подбѣгаютъ уже къ самому фонтану на площади сѣрые ослики съ красными сѣдлами, и плещетъ море: — это жизнь...

Дрожатъ въ розовомъ туманѣ, покрытыя синимъ пухомъ, какъ спѣлыя сливы, далекія горы и на нихъ грезятся пальмы, караваны верблюдовъ и стройные минареты.

Но вся несказанная красота, разлитая кругомъ, не властна надъ тремя юношами и одной дѣвушкой, что замолчали, тѣсно прижавшись другъ къ другу, на каменныхъ ступеняхъ.

Ибо всѣ думы ихъ объ одномъ, что смутно мерещится далекой, несбыточной надеждой, сжимая сердце сладкой и острой болью.

О тебѣ, пресвѣтлый градъ Китежъ!... О тебѣ, Россія!!

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ.

I.

У политкома кавалерійскаго полка Коржикова вечеринка. Собрались: — командиръ полка, нѣсколько коммунистовъ, два чекиста, члены чрезвычайной комиссіи по борьбѣ съ контръ-революціей — латыши Гайдукъ и Шлоссбергъ, со Шлоссбергомъ его неизмѣнная спутница, чекистка Дженни и еще двѣ комиссарскія содержанки: сод-комъ, — обѣ бывшія барышни общества, Мими Гранилина и Беби Дранцова. Всего человѣкъ двадцать собралось у Коржикова въ недавно занятой имъ и отдѣланной для себя квартирѣ въ казармахъ полка.

Несмотря на жаркій іюльскій вечеръ окна въ квартирѣ закрыты. Съ бульваровъ и съ Невы тяжело пахнетъ нечистотами. Бульваръ и улица поросли черезъ камни травою и пустынны. У подъѣзда дежурятъ два облупленныхъ автомобиля; — одинъ, каретка для отвоза содкомъ, другой, открытый, для чекистовъ, если бы они гдѣ-либо понадобились.

Надъ Петербургомъ теплая спокойная ночь. Нева тихо катитъ темныя, густыя, холодныя волны и сверкаетъ подъ мѣсяцемъ серебряными искрами. На ней не видно пароходныхъ огней и темнымъ призракомъ застылъ у Николаевскаго моста низкій и длинный миноносецъ. Въ домахъ нигдѣ не видно свѣта и самые дома кажутся уснувшими вѣчнымъ

сномъ. У мостовъ ходитъ стража для осмотра прохожихъ, но прохожихъ нѣтъ. Городъ тихъ и какъ бы вымеръ.

Было странно убранство квартиры Коржикова. Въ большомъ залѣ на стѣнахъ портреты бояръ въ горлатныхъ шапкахъ, бояринь въ большомъ уборѣ, генераловъ въ орденахъ и звѣздахъ, сановниковъ въ пудреныхъ парикахъ. Подъ бронзовой люстрой, въ которой электрическія свѣчи не горятъ, стоитъ длинный столъ, накрытый для ужина, и тяжелые дубовые стулья въ перемежку съ креслами и стуликами, обитыми потертымъ голубымъ штофомъ. Тутъ же диванъ, оттоманка: — смѣсь обстановки столовой, кабинета и залы. Все роскошно и все грязно, запылено и заплевано. Рядомъ рабочій кабинетъ Коржикова. Громадный письменный столъ съ вывернутыми замками и облупленной рѣзьбой покрытъ бездѣлушками богатаго малахитоваго прибора. Но и въ немъ изъяны. Одной изъ чернильницъ нѣтъ, у бронзоваго медвѣдя отломана лапа. На столѣ немного бумагъ, кипа номеровъ газеты «Известия», какіе то списки. Тутъ же тяжелое кресло, большой диванъ и два книжныхъ шкафа съ выбитыми стеклами и безъ книгъ.

Во всей квартирѣ, несмотря на лѣто, холодно, неуютно, сыро и пахнетъ испорченнымъ водопроводомъ. Мебель точно неизлѣчимо больна и въ тоскѣ по своимъ настоящимъ владѣльцамъ доживаетъ свой вѣкъ.

Накрытый столъ заставленъ винами, закусками и жаркимъ. Но ни въ убранствѣ его, ни въ выборѣ блюдъ не видно опредѣленнаго плана. Подали то, что достали, что съумѣлъ изготовить старый поваръ, при отсутствіи многихъ приправъ. Блюда сдвинуты, какъ попало. Жареная индѣйка стоитъ рядомъ съ земляничнымъ кремомъ, — и то и другое уже тронутое; видно, что здѣсь не ужинали, а ѣли, дорвавшись до вкусной и обильной ѣды. Бутылки не разставлены по столу, но стоятъ кустиками въ трехъ мѣстахъ стола. Тутъ и водка зубровка, и шампанское и красное французское, и донскія вина. Что достали, что удалось еще реквизировать.

Таковы же и гости. И ихъ точно собрали, реквизировали со всей Россіи и смѣшали въ общую кучу. Они разсыпались по комнатѣ и ѣдятъ, какъ попало. Одни

жадно, обсасывая каждую косточку и шумно вздыхая, другіе робко, оглядываясь, точно боясь, что отнимутъ, третьи брезгливо и пренебрежительно.

Въ головѣ стола, на большомъ голубомъ креслѣ, сидитъ самъ хозяинъ. На немъ неизмѣнная, новая, блестящая, черная, кожаная куртка, украшенная красными и золотыми эмблемами. Она разстегнута и изъ подъ нея видна красная шолковая рубашка, заправленная въ кожаныя шаравары, за которые заткнуто два револьвера. Коржиковъ съ ними никогда не разстается. Молодое, исхудалое, изможденное порокомъ, кокаиномъ, пьянствомъ и развратомъ лицо его мрачно. Онъ не въ духѣ. Онъ въ одномъ изъ тѣхъ тяжелыхъ настроеній, когда для него нѣтъ непереступимой черты. Рядомъ съ нимъ, по правую руку тоже въ креслѣ, сидитъ командиръ коммунистическаго полка Павелъ Голубь. Это мущина лѣтъ сорока пяти, изъ старыхъ вахмистровъ, лысый, толстый, кряжистый и могучій. Красное лицо его покрыто морщинами и изъ нихъ угодливо смотрятъ маленькіе сѣрые глаза, вѣчно подернутые слезою почтительности. По другую сторону, — нарядный, въ черномъ ментикѣ старой кавалерійской школы и красныхъ щегольскихъ чакчирахъ, небрежно облокотясь на столъ, сидитъ «военспецъ» — Рахматовъ, пожилой кавалерійскій полковникъ, продавшійся III интернаціоналу. Онъ небрежно, умѣючи, посасываетъ шампанское изъ широкаго фужера и большими, ясными глазами оглядываетъ сидящаго противъ него молодого коммуниста. Это тоже «военспецъ» — товарищъ Николай Полежаевъ. Онъ изящно одѣтъ въ новенькій хорошо пригнанный, англійскій, военный френчъ съ нашитыми на груди красными полосами и нашитыми на рукавѣ красными и золотыми звѣздами. Это герой польской войны, восходящее свѣтило красной арміи. Рядомъ съ нимъ напряженно работаетъ надъ крыломъ индѣйки Осетровъ. Онъ сильно похудѣлъ, но держится прямо и влюбленными глазами смотритъ на Полежаева. Это его теперешній кумиръ и за него онъ готовъ идти въ огонь и въ воду.

Остальные гости — молодые люди въ рубашкахъ косовороткахъ съ красными нашивками черезъ грудь, подпоясанныхъ красными кушаками, въ старыхъ мундирахъ, въ пиджакахъ сидятъ, кто за столомъ, кто на диванѣ. Они

сильно выпили, имъ трудно сдерживаться, но они боятся хозяина и нѣтъ, нѣтъ поглядываютъ на него.

Два красноармейца, въ широкихъ, плохо пригнанныхъ рубашкахъ ходятъ наноскахъ по гостиной и разносятъ чай.

Мими Гранилина сидитъ на маленькомъ пуфѣ, у окна, возлѣ большой вазы съ цвѣтами и, обмахиваясь вѣеромъ, смотритъ снизу вверхъ на красиваго офицера коммуниста Осетрова. На ней шелковое, съ атласомъ и вышивками, узкое и короткое платье, изъ подъ котораго видны тонкія ножки въ золотистыхъ шолковыхъ чулкахъ.

На оттоманкѣ лежитъ Беби Драпцова. Она въ полномъ расцвѣтѣ своихъ двадцати четырехъ лѣтъ. Голова съ классическимъ профилемъ, съ громадными голубо-сѣрыми съ поволокой глазами, съ бѣлымъ, высокимъ лбомъ, матовымъ румянцемъ на щекахъ и темными, по совдепской модѣ, по плечи остриженными и завитыми волосами полна благородства. Широкія плечи и сильно обнаженная, полная, грудь бѣлы. Узкое платье очерчиваетъ ея рослую фигуру съ широкими бедрами и стройными, полными ногами. Два года тому назадъ, на допросѣ въ чрезвычайкѣ, ее изнасиловалъ красавецъ матросъ и съ того дня она упала въ какой то душевный провалъ. Она забыла все прошлое. Воспитаніе, религія, семья — все было брошено. Веселиться, ѣсть, пить, валяться по мягкимъ постелямъ съ этими сильными мущинами, пахнущими порохомъ и кровью, которымъ все можно, получать отъ нихъ подарки: — кольца съ пятнами крови, браслетки и брошки, неизвѣстно откуда добытыя, рыться съ ними въ чужихъ шкапахъ и комодахъ и, безстыдно, при нихъ, примѣрять чужое бѣлье и платье, все это — стало ея жизнью. Полное жизни тѣло искало сильныхъ ощущеній и среди комиссарскихъ содержанокъ она сдѣлалась знаменитостью.

Рядомъ съ нею, обнявъ ее за талію, лежитъ Шлоссбергъ. Онъ сильно пьянъ, раскисъ и Беби противны прикосновенія его мокрыхъ, скользкихъ, холодныхъ рукъ. Но она не смѣетъ прогнать его.

— Товарищъ, говоритъ она тихимъ шопотомъ, вы знаете товарища Полежаева?

— Нѣтъ. А что?

— Мнѣ говорили, что онъ какой то особенный коммунистъ. Даже къ женщинамъ никогда не прикасался.
— А вамъ, Беби, поди такого только не доставало.
— А что жъ? И правда. Я думаю хорошъ.
— Я вамъ его сосватаю.
— А товарищъ Коржиковъ?
— Ему то все равно...

II.

— Вы сомнѣваетесь, товарищъ, — щуря свои глаза и въ упоръ глядя на Полежаева, говоритъ Коржиковъ, — что это мои предки?

Вотъ уже вторую недѣлю, какъ Коржиковъ чувствуетъ себя нехорошо въ присутствіи этого молодого офицера. Нашла коса на камень. Этотъ человѣкъ, безупречный коммунистъ, прибывшій съ польскаго фронта съ самыми блестящими аттестаціями Тухачевскаго и Буденнаго, фаворитъ самого Троцкаго, странно вліяетъ на Коржикова и, въ его присутствіи, Коржиковъ чувствуетъ свою волю подавленной и злится, встрѣчая холодную усмѣшку. Товарищъ Полежаевъ говоритъ ему въ лицо такія вещи, за которыя надо тутъ же разстрѣлять, а Коржиковъ молчитъ и криво улыбается. Сейчасъ всѣ пьяны. Не пьяны только Коржиковъ и Полежаевъ. Коржикову хочется чѣмъ-либо допечь и сбить съ толка Полежаева, унизить и раздавить его.

— Если бы это были ваши предки вы бы знали, кто они такіе, — холодно отвѣтилъ Полежаевъ и его ледяное спокойствіе волновало Коржикова. Вы ихъ перетащили изъ квартиры генерала Саблина, чортъ знаетъ какъ безвкусно и безтолково развѣсили и думаете, что отъ этого стали ихъ потомкомъ.

— Саблинъ мой отецъ, быстро сказалъ Коржиковъ. —
— Не сомнѣваюсь. Потому то вы и носите фамилію разстрѣляннаго эсъ-эра, — холодно сказалъ Полежаевъ.
— Это потому, что я родился внѣ брака.
— А вы знаете, что такое бракъ? насмѣшливо сказалъ Полежаевъ.
— У коммунистовъ нѣтъ брака, сказалъ Коржиковъ.
— Такъ о чемъ же вы и говорите.

Коржиковъ помолчалъ немного и поежился.

— Вы знаете, товарищъ, быстро сказалъ онъ, что значитъ по латыни Викторъ?

— Да, знаю. Но вѣроятно вы знаете тоже, что значитъ по гречески Ника*). Сильны еще въ васъ, товарищъ, буржуазные предразсудки, если васъ тѣшатъ такие пустяки, какъ имя.

Коржиковъ отошелъ отъ Полежаева. Онъ былъ золъ.

— При-слу-га! зычно крикнулъ онъ.

Красноармеецъ подбѣжалъ къ нему и вытянулся.

— Э-э... вотъ что, товарищъ, — спорхайте-ка въ эскадронъ и моихъ пѣсенниковъ и музыкантовъ, да живо!

Красноармеецъ бросился исполнять приказъ политкома.

— Я для васъ, господинъ комиссаръ, — слезливо моргая глазами съ опухшими красными вѣками, сказалъ командиръ полка, — подготовилъ оркестръ, какъ у товарища Буденнаго. Двѣ гармоники и кларнетъ. Но играютъ, знаете, изумительно. Вотъ сейчасъ сами изволите послушать. И опять же новыя пѣсни знаютъ. Частушки эти самыя. И про Колчака и про добровольцевъ. Самыя хорошія.

— Послушаемъ, — небрежно кинулъ Коржиковъ.

На углу стола Рахматовъ выговаривалъ, сидя, стоявшему передъ нимъ Осетрову.

— Вы, товарищъ, доведете лошадей до того, что онѣ подохнутъ. Ни чистки, ни корма.

— Да что же я дѣлать могу, товарищъ? Корма не добьешься. Я уже спеціальныхъ людей назначилъ, чтобы, значитъ, пороги обивали и просили о нарядѣ продовольствія; чистить нечѣмъ. Щетокъ ни за какія деньги не достанешь. Товарищи чистить не могутъ. Какъ тѣни шатаются голодные. Въ конюшняхъ грязь.

— Вотъ на это то самое, товарищъ, я вамъ и указываю. Потрудитесь, чтобы этого не было.

— Нарядите, товарищъ, субботникъ, хоть конюшни почистить... А впрочемъ, — съ досадой сказалъ Осетровъ — и субботникъ не поможетъ. Придутъ буржуи. Ничего не

*) Victor по латыни побѣдитель. По гречески Ника побѣда.

умѣетъ, ни лопатъ у нихъ, ни лотковъ, ни тачекъ. Только нагадятъ по дворамъ.

— А куда же все дѣвалось? спросилъ Рахматовъ.

— Зимою пожгли. Сами знаете, какіе морозы были.

— Ну, знаете, Осетровъ, — это все отговорки. Вотъ у Голубя же все какой ни на есть, а порядокъ.

— Голубь кто! Голубь царскій вахмистръ, а я коммунистъ, — желчно сказалъ Осетровъ.

Пришли музыканты. Ихъ было пять человѣкъ. Поднятые съ постелей, они пришли немытые, лохматые, грязные и всклочіе. На нихъ были оборванные, плохо пригнанные френчи и шаровари, а блѣдныя лица ихъ носили слѣды болѣзней и недоѣданія.

— Вы что, сволочи! злобно зашипѣлъ на нихъ Голубь — Причесаться, подлецы, не могли. Ахъ мерзавцы! Живо прибратися. Чтобъ я такими васъ не видѣлъ.

Они ушли на кухню и, когда вернулись, выглядѣли лишь немного лучше.

Гармоника издала пискливый звукъ, къ ней пристроился кларнетъ, загудѣла другая гармоника и простой, грубый мотивъ раздался по залу. Разговоры смолкли.

Звонкій, хриплый, простуженный теноръ воплемъ вырвался изъ за стоновъ гармоники и гудѣнія кларнета. Не то пѣніе, не то крикъ разносчика, какъ кричали въ старину по дворамъ и по дачамъ ярославцы въ бѣлыхъ передникахъ и съ лотками на головахъ, огласилъ весь залъ.

Огурчикъ зеленый
Рѣдька молодая...
Являйтесь дезертиры,
Къ пятнадцатому мая!.
Пароходъ идетъ,
Да волны — кольцами...
Будемъ рыбу кормить
Добровольцами.
Всѣхъ буржуевъ на Кавказѣ
Аннулируемъ
И сафьяные ботинки
Ухъ! да! реквизируемъ!...

— Славная пѣсня, сказалъ пошатываясь Осетровъ. А, спойте, товарищи, — шарабанъ.

Опять заныла гармоника.

Солдатъ — россійскій,
Мундиръ — англійскій,
Сапогъ — японскій,
Правитель — Омскій.
Эхъ, да шарабанъ мой,
Американка!
Не будетъ денегъ
Продамъ Наганъ,
Идутъ дѣвчонки
Поднявъ юбчонки,
За ними чехи,
Грызутъ орѣхи.
Эхъ, да шарабанъ мой,
Американка!

— Ну что это за пѣсня, — сказалъ, выходя къ музыкантамъ, Полежаевъ. — Вотъ шелъ я сегодня по Питеру, такъ иную пѣсню слыхалъ. Давай, товарищъ, гармошку.

Полежаевъ спокойными глазами обвелъ все общество и взялъ мотивъ частушки.

Я на бочкѣ сижу —

— пропѣлъ онъ,

А подъ бочкой мышка,
Скоро бѣлые придутъ
Коммунистамъ крышка!
Ѣдетъ Ленинъ на конѣ,
Троцкій на собакѣ,
Комиссары испугались —
Думали — казаки.
Я на бочкѣ сижу.
А подъ бочкой склянка,
Мой мужъ комиссаръ,
А я — спекулянтка!

— Здоровая пѣсня, — прокричалъ Голубь, — эко ловко сказано какъ: — мой мужъ комиссаръ, а я спекулянтка! Въ самую точку попалъ!

— Бѣлогвардейская пѣсня, — презрительно сказалъ Коржиковъ. — Откуда вы взяли ее, товарищъ?

— Въ Петрокомунѣ слыхалъ. На «улицѣ 25 октября» мальчики пѣли.

— Видно, чека еще не добралась, вставилъ Гайдукъ.

— Погоди, доберется, мрачно сказалъ Коржиковъ. Лицо его потемнѣло.

Всѣ притихли. Чекисты Гайдукъ и Шлосебергъ подошли къ Коржикову, готовые схватить Полежаева. Дженни съ блѣдной улыбкой на лицѣ пристально смотрѣла на Полежаева. Беби Дранцова приподнялась на локтѣ и съ восторгомъ смотрѣла на него. Среди офицеровъ тоже произошло движеніе. Эхъ! съ досадою воскликнулъ Голубь и на сѣрые глаза его навернулись слезы. Одинъ Полежаевъ остался совершенно спокоенъ. Онъ ровными, твердыми шагами подошелъ къ фортепьяно, открылъ его и, не садясь, попробовалъ.

— Ну, вы! — повелительно крикнулъ онъ гармонистамъ, — Оркестръ Буденнаго! Нишкни! Заткнись и засохни! Не отравляй моего Русскаго слуха дребеденью, придуманною хулиганами и контръ-революціонерами. Я буду пѣть!

Грянулъ мощный аккордъ и сильный голосъ потрясъ весь залъ.

Налей бокалъ!
Въ немъ нѣтъ вина.
Коль нѣтъ вина, такъ нѣтъ и пѣсенъ!
Въ винѣ и страсть,
И глубина
Въ разгулѣ міръ намъ будетъ тѣсенъ!

— Эй! крикнулъ онъ, — товарищъ! Бокалъ мнѣ!

Коржиковъ мягкими кошачьими шагами подошелъ къ нему.

— Вы это что же, прошипѣлъ онъ. — Вы забываете, что я здѣсь хозяинъ.

— Хозяинъ, — загремѣлъ, не оборачиваясь отъ рояля Полежаевъ. — Да вы опалѣли, товарищъ комиссаръ, слава Ленину, мы живемъ въ коммунистическомъ государствѣ и здѣсь нѣтъ собственности. Подайте мнѣ, товарищъ, вина!

Красноармеецъ подошелъ къ нему съ бутылкой и бокаломъ. Полежаевъ медленно, не спуская темныхъ глазъ съ Коржикова, выпилъ бокалъ и заигралъ на роялѣ. Онъ игралъ мастерски. Старыя Русскія пѣсни и мелодіи Русскихъ оперъ лились съ клавишъ, будя какія то неясныя воспоминанія. «Ахъ вы сѣни, мои сѣни» — весело игралъ Полежаевъ и лицо его лукаво подмигивало и вдругъ обрывалъ и тягучій напѣвъ «Ноченьки» зазвучалъ по залу. Онъ сорвался на арію изъ «Жизни за Царя», осторожно, точно

дразни, тронулъ два аккорда Русскаго гимна и сейчасъ же весело грянулъ «Ваньку».

— Ну-же! Ну! — крикнулъ онъ. — Вѣдь знаете же, товарищи, что же молчите! А? Ну!

Понапрасну Ванька ходишь.
Понапрасну ножки бьешь!

— Ну!

Первымъ пристроился Рахметовъ, за нимъ не сдержалась молодежь. Голубовъ старческимъ дребезжащимъ голоскомъ подпѣвалъ и уже слезы лились по его щекамъ.

— Ничего ты не получишь...,

Пѣли всѣ гости и только Коржиковъ мрачно ходилъ взадъ и впередъ по залу.

Полежаевъ заигралъ: «внизъ по матушкѣ по Волгѣ» и хоръ гостей, уже не ожидая приглашенія, грянулъ могучую Русскую пѣсню.

Разъигралася пого-ода

— Буденный, не ври! крикнулъ Полежаевъ отъ рояля въ сторону пѣсенниковъ.

Погодушка, она, верховая...
Ничего въ волнахъ не видно...

Шире гремѣла пѣсня. Коржиковъ ходилъ взадъ и впередъ подъ портретами предковъ и ему казалось, что предки слѣдятъ за нимъ глазами. Онъ понюхалъ кокаина и стало еще хуже. Коржиковъ уже видѣлъ, что пѣли не только его гости, но всѣ предки на портретахъ открыли рты и пѣли проклятую Русскую пѣсню. Онъ посмотрѣлъ кругомъ. Всѣ гости пѣли. Пѣла и прислуга. Молодой красноармеецъ, подававшій вино Полежаеву, опустилъ бутылку, широко раскрылъ сѣрые глаза и, радостно улыбаясь, вторилъ пѣснѣ.

— А и ты, сволочь! — прошипѣлъ Коржиковъ, выхватилъ изъ-за пояса тяжелый револьверъ и выстрѣлилъ прямо въ ротъ красноармейцу...

Тотъ поперхнулся, всхлипнулъ и упалъ навзничь на полъ, тяжело ударившись затылкомъ объ уголъ оттоманки. Вмѣсто рта у него была черная дыра и оттуда, тихо журча, текла темная густая кровь.

III.

Въ залѣ произошло смятеніе. Гайдукъ и Шлоссбергъ угодливо подбѣжали къ Коржикову.

— Контръ-революція? — прошепталъ Гайдукъ.

— Она самая, — сказалъ гордо Коржиковъ. Онъ былъ не въ себѣ. Онъ жадно вдыхалъ тягучій запахъ крови и холоднаго порохового дыма и смотрѣлъ бѣшеными глазами звѣря на Беби Дранцову. Беби билась въ истерикѣ на оттоманкѣ. Гости застыли на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ кто сидѣлъ. Музыканты оркестра Буденнаго сбились въ углу и готовы были бѣжать. Подлѣ нихъ стоялъ Рахматовъ и тяжелая улыбка застыла на его безкровномъ лицѣ. Одинъ Полежаевъ сидѣлъ на своемъ мѣстѣ у рояля и смотрѣлъ то на Коржикова, то на трупъ. Трупъ лежалъ у самой оттоманки и голова его была чуть ниже головы бившейся на мутакахъ Беби.

Коржиковъ потянулся, и въ два шага очутился подлѣ Беби. Онъ нагнулся къ ней и сталъ быстрыми, ловкими движеніями снимать съ нея платье. Она затихла и безумными глазами смотрѣла на Коржикова. Спали вышитые наплечники корсажа, хрустнула передняя планшетка корсета, показалось батистовое смятое продольными складками бѣлье, голубыя ленты резинокъ и шелковые чулки, обнажалось бѣлое, полное, нѣжное тѣло. Коржиковъ снималъ всѣ покровы съ Беби. Она покорно помогала ему. Еще секунда и подлѣ трупа лежала обнаженная прекрасная женщина. Коржиковъ нагнулся надъ нею, сталъ на колѣни на оттоманку и опустился на Беби . . . .

. . . .

Въ залѣ была мертвая тишина. Передъ глазами гостей плылъ туманъ. Сознаніе отказывалось воспринимать то, что происходило. Трупъ съ провалившимся чернымъ ртомъ, большими выкатившимися глазами и бѣлымъ лбомъ, на который спутанные упали волосы, черная лужа крови, блестѣвшая подъ огнями электрическихъ лампочекъ и надъ трупомъ въ сладострастныхъ объятіяхъ извивались два тѣла и стоны Беби сливались съ тяжелымъ дыханіемъ Коржикова. Мими Гранилина сидѣла въ креслѣ съ закрытыми глазами, она была въ обморокѣ. Красноармейцы глядѣли на Коржи-

кова съ тупою жадностью звѣря и часто облизывали сухія, потрескавшіяся губы.

Полежаевъ обернулся къ роялю и заигралъ печальный мотивъ. Заглушая стоны страсти онъ запѣлъ въ полголоса:

Господу Богу помолимся
Древнюю быль возвѣстимъ,
Такъ въ Соловкахъ намъ разсказывалъ
Инокъ святой Никодимъ.
Жило двѣнадцать разбойниковъ,
Жилъ Кудеяръ атаманъ...
Много разбойники пролили
Крови честныхъ христіанъ.

Коржиковъ всталъ. Сконфуженная Беби съ краснымъ лицомъ, торопливо одѣвалась. Голубь потиралъ потныя руки и не зналъ, что сказать.

— Да, — проговорилъ онъ, наконецъ, хриплымъ голосомъ, — видали мы виды!

Коржиковъ посмотрѣлъ на него съ мрачною злобою.

— Молчать! — загремѣлъ онъ. — Полицейская подошва!...

— Товарищи, намъ надо уходить, — сказалъ Рахматовъ. — Товарищъ комиссаръ не въ себѣ.

Коржиковъ не удерживалъ. Полежаевъ продолжалъ пѣть, ни на кого не обращая вниманія. Его слушалъ одинъ Осетровъ. Онъ стоялъ надъ роялемъ и по красивому тупому лицу его пробѣгали какія-то тѣни. Полежаевъ кончилъ играть и всталъ изъ-за рояля. Осетровъ пошелъ къ выходу. Въ залѣ кромѣ Полежаева и Коржикова не было никого.

— Товарищъ, я попрошу васъ остаться, — сказалъ Коржиковъ.

Полежаевъ посмотрѣлъ на Коржикова, какъ на пустое мѣсто и тихо сказалъ:

— Въ законѣ сказано: — «и лучшаго изъ гоевъ убей!» А это, — онъ показалъ глазами на трупъ красноармейца, — развѣ лучшій?... Эхъ вы!...

— Вы знаете... — растерянно воскликнулъ Коржиковъ. — Вы знаете... Значитъ... вы тоже... посвященный...

Полежаевъ всталъ изъ-за рояля.

— Товарищъ! — воскликнулъ Коржиковъ, — поѣдемте въ чрезвычайку.

— Когда-нибудь другой разъ, товарищъ, — холодно сказалъ Полежаевъ. — Сегодня что-то не хочется. Нѣтъ настроенія.

IV.

Полежаевъ занималъ три комнаты въ роскошномъ особнякѣ. Онъ съумѣлъ ихъ обставить съ привычнымъ комфортомъ. Вернувшись домой, онъ ощупью, при свѣтѣ луны, нащупалъ дверь своей спальни и прошелъ въ нее. У него былъ вѣстовой красноармеецъ, но онъ не будилъ его. Раздѣваться пришлось въ темнотѣ: — электричество ему полагалось только зимою на два часа. Раздѣвшись онъ легъ на хорошую мягкую постель и почувствовалъ, какъ онъ весь дрожитъ мелкою дрожью.

«Такъ нельзя...», думалъ онъ. — «Нельзя же такъ... Такъ меня не надолго хватитъ, если я не буду спать. Вся игра на нервахъ, а если нервы не выдержатъ? А гдѣ же выдержать, когда работать приходится въ сумасшедшемъ домѣ. Коржиковъ уже подозрѣваетъ меня. Сорваться такъ легко! А между тѣмъ сегодняшній день далъ мнѣ такъ много. Они Русскіе всѣ. Русскіе, а не интернаціоналисты, Русскіе, а не коммунисты. Можетъ быть Гайдукъ, Шлоссбергъ, Дженни. Вторые два не въ счетъ — они сумасшедшіе. Но и Рахматовъ, и Голубь, и Осетровъ, и музыканты Буденнаго, и офицеры, они любятъ Россію и тоскуютъ по прошлому. И не смѣютъ ничего сказать, потому что нависъ надъ ними жестокій терроръ. Компанія негодяевъ, подобныхъ Коржикову, держитъ ихъ въ вѣчномъ напряженіи страха такими выходками, какъ сегодня. Но мы должны стать выше ихъ и сегодня это мнѣ удалось.»

Судорога отвращенія пробѣжала по его тѣлу. Представился ему трупъ и надъ нимъ дикое торжество похоти. «Надо особеннымъ родиться, особеннымъ воспитаться, чтобы дойдти до этого.»

«Въ казармѣ виситъ вѣчная ругань. Поносятъ Бога и, особенно, Божію матерь самыми скверными словами. Такіе

же пишутъ и стихи, такую же создаютъ и литературу. Напуганные, постоянно трепещущие за свою жизнь, ежедневно десятками разстрѣливаемые въ чрезвычайкахъ робко жмутся подъ красноармейцевъ офицеры и боятся всего... Боятся и все-таки работаютъ, командуютъ, учатъ, дрессируютъ голодныхъ, оборванныхъ людей, ведутъ ихъ въ бои и умираютъ подъ красными знаменами! И никакъ не подойдешь къ нимъ, ничего не выпытаешь, ничего не узнаешь. Послѣ сегодняшняго и пѣсни пѣть не посмѣютъ. Ихъ держатъ Коржиковы, Гайдуки и десятки мерзавцевъ, въ вѣчномъ страхѣ. Вся Россія трепещетъ и въ дикомъ ужасѣ грабитъ, воруетъ, сладострастничаетъ и лукаво смѣется, сама ужасаясь своей мерзости.»

Положаевъ улегся спокойнѣе и повернулъ лицо къ окну. Окно свѣтлѣло. Короткая іюльская ночь приходила къ концу. Разсвѣтъ наступалъ. Холодкомъ тянуло отъ окна въ нетопленую, сырую комнату. Положаевъ лежалъ безъ сна. Событія послѣднихъ трехъ мѣсяцевъ встали передъ нимъ съ болѣзненною четкостью.

Длинное путешествіе сначала кочегаромъ на пароходѣ, потомъ грузчикомъ въ Одесскомъ порту. Томительные переѣзды по желѣзной дорогѣ въ Петербургъ. Случайная встрѣча съ Осетровымъ, осторожный разговоръ съ нимъ и запись въ Петро-коммуну. Тамъ Положаевъ получилъ коммунистическій паспортъ и изучилъ коммунистическіи катехизисъ. Отправка на польскій фронтъ. Здѣсь Положаевъ увидалъ, что польская война для многихъ явилась выходомъ изъ тяжелаго, мучительнаго положенія быть насильно мобилизованными и воевать со своими за III интернаціоналъ. Польская война была національной войной. Офицеры, генералы и многіе солдаты уже понимали, что самое существованіе Польши грозитъ самостоятельности Россіи и большинство шло къ границамъ Германіи въ разсчетѣ на то, что тогда Россія, соприкоснувшись съ Германіей, выздоровѣетъ и окрѣпнетъ. Положаевъ за время пребыванія на западномъ фронтѣ сдѣлалъ цѣнныя наблюденія. Въ его сознаніи совѣтская Россія раздѣлилась на категоріи. Верхи — Троцкій и Ленинъ — несомнѣнно искренно стояли за III интернаціоналъ. Имъ нужно было разрушеніе Россіи, Польши, Германіи, — всего европейскаго міра, всей культуры, чтобы на мѣстѣ ея создать новый міръ, новую культуру. И они ни

передъ чѣмъ не останавливались. Имъ нужны были такіе люди, какъ Дзержинскій, Петерсъ, Коржиковъ, и царица Дора, имъ нужны были люди, не брезгавшіе кровью и способные быть звѣрями и они ихъ ласкали.

Но уже слѣдующая ступень была только возмутительная человѣческая подлость. Клембовскій, Зайончковскій, Бончъ-Бруевичъ, [illegible], Пестрецовъ, Самойловъ — служили ради выгоды и спасенія своей шкуры. Они разсуждали просто. Всегда, при всякомъ правительствѣ, есть высшіе и низшіе. Есть генералы, сенаторы, банкиры, имѣющіе свои дома, сытую жизнь, утѣхи любви — и есть нищій, стоящій съ протянутой рукой по глухимъ улицамъ, ютящійся по ночлежкамъ, умирающій отъ голоднаго тифа въ неурожайные годы въ Казанской, Саратовской, Самарской и другихъ губерніяхъ, разстрѣливаемый жандармами на Ленскихъ пріискахъ... Это неизбѣжно при всякомъ правительствѣ, но для самихъ себя надо стремиться быть генералами, сенаторами и имѣть спокойную сытую жизнь. То, что теперь въ ночлежкахъ ночуютъ ихъ товарищи, люди ихъ круга, что разстрѣливаютъ интеллигентную молодежь, а не взбунтовавшихся каторжанъ, — это уже подробность. Для своего «я» подробностью является и самое названіе Россія и подъ краснымъ знаменемъ можно также хорошо устроиться, какъ и подъ двуглавымъ орломъ. И они оберегали свое «я». Они сумѣли закрыть глаза на страданія ближнихъ. Когда имъ говорили, что жизнь стала невозможна, они отвѣчали: «ничего подобнаго. За деньги можно все достать». И у нихъ было: и молоко, и масло, и бѣлый хлѣбъ, и птица, и они жили почти такъ, какъ раньше.

Когда имъ говорили о разстрѣлахъ, — они отвѣчали, что всякій переворотъ неизбѣжно требуетъ жертвъ. Если бы не было противодѣйствія совѣтской власти, не было бы и разстрѣловъ. Разстрѣлы и чрезвычайки спасаютъ Россію отъ хаоса. Они усыпили свою совѣсть, составили свой кругъ единомышленниковъ и, какъ преступники, связались круговой порукою общаго преступленія. Когда порою просыпалась въ нихъ совѣсть, они говорили: «мы это дѣлаемъ для будущей Россіи, чтобы для нея спасти культуру». Ихъ было много. Полежаевъ съ ужасомъ узнавалъ все новыя и новыя имена людей, которые служили Ленину не только за страхъ, но и за совѣсть.

Бывая на вечеринкахъ, заходя по дѣламъ въ совѣтскія учрежденія, онъ встрѣчалъ множество знакомыхъ, людей свѣта, образованныхъ и культурныхъ. И не то ужасало Полежаева, что они служили III интернаціоналу: — Полежаевъ понималъ, что не служить они не могли, — сила солому ломитъ, а то, что уже находили они хорошее въ немъ, примирялись съ дикою, неестественною жизнью и видѣли какія-то достиженія, которыхъ Полежаевъ никакъ не видѣлъ. Особенно ужасала его молодежь совѣтской республики.

Одна барышня, милая, образованная, кончившая курсы, убѣжденно говорила Полежаеву, что совѣтская власть все-таки ведетъ къ чему-то новому. Въ этомъ новомъ она видѣла хорошее.

— Возьмите, — говорила она, — положеніе женщины. Раньше она была рабыня. Сколько было унизительнаго въ этомъ гаданіи дѣвушки: — выйду замужъ, или нѣтъ, въ этомъ улавливаніи жениховъ. Свахи и смотрины были еще совсѣмъ вчера. Эти балы, вечера, куда зовутъ жениховъ — вѣдь это ужасъ! Теперь этого не нужно. Бракъ, благодаря большевикамъ, сталъ такъ простъ, формальности для брака и для развода настолько примитивны, что дѣвушка не боится попробовать брака. Семейной драмы нѣтъ. Нѣтъ мукъ жизни съ нелюбимымъ человѣкомъ, нѣтъ унизительныхъ сложныхъ хлопотъ о разводѣ и море слезъ высушено разумными декретами народныхъ комиссаровъ.

Полежаевъ указывалъ ей, что этими декретами совершенно разрушена семья. Онъ говорилъ ей, что теперь пропала красота невинности, красота любви и осталась только грязь порока. Онъ говорилъ ей о томъ, что большинство дѣвушекъ стали проститутками, что многія больны нехорошими болѣзнями.

— Оставьте, пожалуйста, — упрямо твердила барышня. — Да, это несчастье, но это временно. Это вызвано тяжелыми условіями жизни, дороговизной, плохимъ пайкомъ. Вотъ кончится война съ бѣлогвардейцами, наладится транспортъ и все станетъ по иному. То, что вы видѣли въ бракѣ: — святость таинства, красоту невинности, — простите меня, это пошлость.

Она же восхищалась тѣмъ, какъ опростилась жизнь.

— Плотское отошло въ сторону. Раньше, казалось, безъ бѣлой булочки и чашки кофе работать нельзя. Мясо

ѣли каждый день, надъ вегетаріанцами смѣялись. Теперь всѣ стали вегетаріанцами. И, знаете, отъ многихъ болѣзней избавились. Мы дѣйствительно стали равны тѣмъ труженикамъ, которые раньше трудились для насъ. Почти каждый день проходишь пятнадцать, двадцать верстъ въ поискахъ муки или картофеля и ничего. Беремя дровъ снесешь на пятый этажъ, улицу расчистишь отъ снѣга. Вы посмотрите — я стала крѣпкая и здоровая.

Напрасно Полежаевъ указывалъ ей на умирающихъ отъ непосильной тяжелой работы, на профессоровъ, которые не могутъ читать лекціи, такъ какъ они то стоятъ въ очередяхъ, то рыщутъ въ поискахъ съѣстного, напрасно говорилъ онъ, что такой порядокъ развелъ опасное для страны тунеядство, никто ничего не дѣлаетъ и всѣ ждутъ пайка, — она упрямо встряхивала подвитыми, коротко остриженными волосами и говорила: — «это временное, это только пока не наладится новая жизнь».

Другая, солидная дама, восхищалась постановкою учебнаго дѣла у большевиковъ. Дѣтей теперь не мучаютъ скучной теоріей, но наука поставлена практически. Мальчики уже ознакомлены съ политическими партіями и лозунгами и они не попадутся такъ, какъ попались наши сѣдовласые администраторы. Ихъ не обманешь, какъ обманывало народъ царское правительство.

И опять, какъ только Полежаевъ начиналъ говорить о томъ, что въ нетопленныхъ, холодныхъ классахъ, безъ учебниковъ и пособій, безъ карандашей и бумаги дѣти не занимаются, а шалопайничаютъ, что правительство готовитъ не гражданъ, а хулигановъ, что скверная ругань стономъ стоитъ въ классахъ съ самыми маленькими дѣтьми, что дѣтей ѣдятъ вши, что они покрыты паршами, что были случаи беременности двѣнадцатилѣтнихъ дѣвочекъ, его оппонентка не соглашалась съ нимъ и упрямо твердила: — «это единичные случаи. Это временно. Нѣтъ мыла, нѣтъ дровъ. Вотъ, погодите, явится мыло, дрова, мы вымоемъ, принарядимъ дѣтей и вы увидите, что даетъ свободная школа!»

Полежаевъ видѣлъ дѣтей на улицахъ. Плохо одѣтыя и обутыя они маршировали по грязнымъ Петербургскимъ улицамъ, пѣли революціонныя пѣсни и несли большія красныя знамена. Ихъ лица были блѣдны и зелены и не дѣтская дума залегала между бровями. Его ловили дѣти на улицахъ,

предлагая купить то коробку спичекъ, то плитку шоколада, то золотое колечко. Въ сумеркахъ лѣтняго дня, въ тѣнистыхъ аллеяхъ бульваровъ, его останавливали дѣвочки-подростки, худенькія, блѣдныя, съ темными ободками кругомъ глазъ, смотрѣли на него тоскующими не дѣтскими глазами и предлагали себя. По манерѣ говорить, по милой застѣнчивости, по проскальзывавшимъ французскимъ фразамъ, Полежаевъ видѣлъ, что эти дѣвочки изъ хорошихъ, когда то богатыхъ, семей.

Одинъ профессоръ при Полежаевѣ обрушился на Русскую интеллигенцію, укрывшуюся заграницей, называлъ ее саботажниками и говорилъ, что работать можно. Онъ восхищался тѣмъ живымъ интересомъ, съ которымъ его слушаютъ студенты изъ простонародья, но тутъ же сознался, что своего настоящаго научнаго курса читать не можетъ, а долженъ упрощать его ниже уровня науки, такъ какъ больше половины его слушателей едва грамотны.

Полежаевъ вдумывался въ эти явленія и страшная мысль закрадывалась ему въ голову. «Это потому, что всѣ они: — и милая барышня, и дама, и профессоръ боятся сказать правду. Они льстятъ и превозносятъ совѣтскій строй, боясь лишиться пайка, боясь попасть въ чрезвычайку, боясь обыска, разстрѣловъ». Въ Полежаевѣ они видятъ офицера красной арміи, всемогущаго коммуниста и подмазываются и подслуживаются къ нему.

«О Боже мой!» — думалъ Полежаевъ, — «но какая же это подлость! Въ какую пучину подлости и мерзости вовлеченъ Русскій народъ коммунистами!

«А кто они?»

V.

Первую роль въ государствѣ и главную роль въ арміи играли коммунисты.

Коммунистами были — матросы, коммунистами считались латыши и китайцы, коммунистами были всѣ члены чека, — чрезвычайныхъ комиссій, красные юнкера — курсанты и вся внутренняя охрана, или «вохра». Коммунисты были вездѣ и всюду. Они были самыми преданными слугами совѣтскаго строя.

Россійская совѣтская федеративная соціалистическая республика вовсе не была республикой. Ленинъ вернулъ Россію къ самымъ древнимъ временамъ и построилъ управленіе государствомъ по образцамъ чисто сказочнаго примитива. Во главѣ — царь Додонъ съ правомъ казнить и миловать, съ правомъ самодурствовать и приказывать все, что угодно. Подъ нимъ услужливая дружина и свора покорныхъ палачей и доносчиковъ. Таково было государственное устроеніе Р.С.Ф.С.Р., которому удивлялись и съ которымъ считались великія державы. Для того, чтобы провести такое управленіе и имѣть возможность казнями и карательными экспедиціями подавлять возстанія и усмирять недовольныхъ, Ленину нужны были готовые на все люди. Коммунисты — это была только вывѣска. Коммунисты были просто негодяи, преступники, босяки и хулиганы. Полежаевъ самъ записался въ коммунистическую партію и имѣлъ возможность присмотрѣться къ своимъ товарищамъ и хорошо узнать ихъ.

Одни изъ нихъ были люди съ уголовнымъ прошлымъ. Имъ жизнь коммуниста казалась прекрасной. Въ нормальное время они сидѣли въ тюрьмахъ, въ исправительныхъ заведеніяхъ, арестантскихъ ротахъ, жили въ ссылкѣ, или на каторгѣ. За воровство, за грабежъ, за разбои, за убійства. Они знали свою вину, они знали, что имъ не избѣжать кары и они предпочитали ту власть, которая не только отпускала имъ грѣхи ихъ, но ставила преступленія въ заслугу.

Другіе были юноши-неудачники. Неврастеники съ надломленной нервной системой они въ нормальномъ государствѣ не смогли бы кончить гимназіи, выдержать экзамена на аттестатъ зрѣлости и томились бы писцами по канцеляріямъ, мелкими почтовыми чиновниками на захолустныхъ станціяхъ и была передъ ними жизнь сѣрая, скучная и томительно однообразная. Попадая въ коммунисты, они играли роль. Они становились начальствомъ и, конечно, совѣтскій строй имъ казался идеальнымъ и они готовы были на всякую подлость, лишь бы онъ оставался. Они сознавали, что дальше доносовъ, слѣжки, лжи, подхалимства, убійства безоружныхъ, затравленныхъ жертвъ по чердакамъ и подваламъ чрезвычаекъ они идти не способны, — и они составляли ту прослойку, которая давала возможность коммунистамъ высшаго порядка знать о всемъ, что думаютъ рядовые красноармейцы и обыватели. Они наполняли военныя школы,

спѣшно оканчивали ихъ и обезпечивали себѣ паекъ и возможность шумной и сравнительно веселой жизни въ красныхъ полкахъ. Вина не было, но былъ кокаинъ, былъ морфій, эфиръ, были женщины, съ самыми неожиданными конмами большой страсти. Была кровь, сумракъ чрезвычайки, стоны жертвъ, шутки палачей, вопли женщинъ, было безстыдство казни и все это опьяняло и окончательно ломало недалекіе умы. Эта молодежь, мужская и женская, наполняла чрезвычайныя комиссіи, становилась добровольными палачами, выступала на митингахъ съ истеричными рѣчами, писала статьи въ совѣтскія газеты, сочиняла стихи, богохульствовала, оскверняла церкви, наполняла театры и концерты и составляла шумную хвалебную рекламу совѣтской власти. Совѣтская власть съ нею не церемонилась. При малѣйшемъ подозрѣніи въ измѣнѣ лишала пайка и разстрѣливала. Главы совѣтскія называли ее сволочью, но искусственно разводили эту сволочь, потому что она облѣпляла все здоровое и парализовала его.

Третьи коммунисты были такого порядка, что съ ними самой совѣтской власти приходилось считаться. Это коммунисты отъ природы. Въ Русскомъ народѣ всегда жилъ типъ бродяги, не помнящаго родства, безпаспортнаго Спиридона-поворота. Сильные физически, глубоко развращенные, никогда не имѣвшіе собственности и потому не признающіе ее, они и Императорскому правительству создавали не мало хлопотъ. Они скитались по Волгѣ и по берегамъ Чернаго моря и Каспія, нанимаясь грузчиками на суда и работали сутками, таская тюки съ товарами. Они послѣ работъ недѣлями пьянствовали по кабакамъ, спали на берегу моря, купались шумными ватагами въ синей влагѣ и голые созерцали красоты Божьяго міра. Они не знали страха ни передъ чѣмъ. По народному выраженію: — они были — прожженные. Прожгло ихъ тѣло южное солнце, прокалилъ морозъ, знали они и голодъ, и излишества, испытали всѣ превратности судьбы, бывали капитанами на каботажныхъ судахъ и умирали отъ голода въ портовыхъ ночлежкахъ. Среди нихъ были люди большой фантазіи, широкаго юмора, но юмора циничнаго. Если имъ случалось убить человѣка, они умѣли схоронить концы въ воду, они умѣли использовать украденное и, когда попадались, умѣли смѣло лгать. Въ XVII вѣкѣ такіе, какъ они пополняли дружины Стеньки

Разина и совершали набѣги на Персію, на Астрахань, куда придется. Разбойничья пѣсня къ нимъ пристала. Коммунистическому строю имъ нечего было учиться, они всегда жили коммуною и собственности ни своей, ни чужой не признавали. Въ XX вѣкѣ ихъ удѣлъ было бродяжество, шатаніе по участкамъ и нелестное прозваніе босяковъ.

Для нихъ появленіе и проповѣдь Ленина, явились откровеніемъ. Они поняли великое значеніе для нихъ диктатуры пролетаріата и они стали ея защитниками. Они именно были тѣмъ, что нужно было Ленину въ его задачѣ разрушить Россію. Эти босяки въ буквальномъ и переносномъ смыслѣ, эти народные пустоцвѣты находились на всѣхъ географическихъ широтахъ Россійской Имперіи и во всѣхъ слояхъ общества. Босяки по убѣжденіямъ были и на верхахъ. Изъ нихъ сами собой навербовались громадные кадры управителей Совѣтской Республики: — комиссары и предсѣдатели чрезвычаекъ. Всѣ видные, примѣчательные народные комиссары по идеологіи своей были босяками. Имъ на все было плевать. Они могли рядиться во фраки и въ модные въ республикѣ френчи, могли умѣть отлично говорить по французски и по англійски, но босяцкая душа оставалась. Чѣмъ выше было ихъ образованіе, тѣмъ шире размахъ презрѣнія ко всему міру и больше заносчивость. До Ленина они скрывали свои инстинкты, они считались нигилистами, въ обществѣ ихъ избѣгали, но ихъ и побаивались, потому что у многихъ было не одно нахальство, но и большая воля. Ихъ выходки при прежнемъ имперскомъ порядкѣ не шли дальше подтруниванія надъ религіей, насмѣшки и сатиры по адресу правительства и того самооплеванія, которое все болѣе и болѣе входило въ моду и замѣняло патріотизмъ. При Ленинѣ они почуяли для себя широкое поле. Самъ Ленинъ носилъ въ себѣ слѣды такого же босячества, но прикрытаго идейностью. У сотрудниковъ его этой идеи не было. Насолить чему то крупному, ущемить большую націю, дать въ морду Англіи, насмѣяться надъ Франціей и сейчасъ же раболѣпствовать передъ ними, дарить краденое золото, пресмыкаться, чтобы дать новый ударъ, накопить новый сочный плевокъ. Комиссаръ по иностраннымъ дѣламъ Чичеринъ, образованный Красинъ, наглый Литвиновъ, смѣлый Воровской, хитрый Коппъ, — это все были совѣтскіе вельможи съ замашками и природою

самаго грязнаго босяка. Надуть, обмануть и не только надуть и обмануть, но тутъ же насмѣяться и нагадить. Они превзошли всѣ мѣры наглости и правительства Англіи и Италіи, и Ллойдъ-Джорджъ и изящный гр. Сфорца терпѣли ихъ, — потому что за ними стояли такіе же босяки всего міра. Они обокрали весь Русскій народъ для того, чтобы на украденное золото купить прессу всего міра и во всѣхъ столицахъ Европы и Америки они имѣли свои газеты. Міровой пожаръ революціи, торжество пролетаріата, царство такихъ босяковъ, какъ они, повсюду, было ихъ цѣлью не потому, что они вѣрили, что при такомъ торжествѣ пролетаріатъ станетъ лучше жить, — они въ это не вѣрили, потому что видали каково жилось въ Россіи, — но говорила въ нихъ удаль босяцкая, желаніе поломаться и напакостить. Кровь ихъ не смущала. Они говорили такъ же, какъ низшіе ихъ служащіе: — «Эхъ вы Пилаты! Крови испугались!» Честнаго слова у нихъ не было. Имъ было все позволено и надъ своею подписью на актахъ они смѣялись, какъ смѣется босякъ, давая показанія въ полицейскомъ участкѣ. Разорить Грузію, смутить сердца мусульманъ, поднять красное знамя возстанія въ Индіи, устроить безпорядки въ Ирландіи, придумать забастовку въ Германіи — для чего? Какая цѣль, какая выгода? — Никакой! Пусть при этомъ льется Русская кровь, расходуется на это сотнями вѣковъ скопленное достояніе Россійской имперіи: — въ высокой степени наплевать. Полежаевъ удивлялся лишь одному, какъ не раскусила еще ихъ Европа. Или и она уже находилась подъ страхомъ босяцкаго возстанія?

Во главѣ комиссаріата по внутреннимъ дѣламъ стоялъ Дзержинскій. Изломанный садистъ, почти безумный, съ глазами газели и душою дьявола. Онъ съумѣлъ собрать вокругъ себя самые гнусные подонки общества и создать изъ нихъ внутреннюю охрану и чрезвычайные суды. Казнь совершалась легко. Они дѣйствительно ее отмѣнили, замѣнивъ разстрѣломъ, знаменитымъ — «къ стѣнкѣ», выведеніемъ «въ расходъ». Казнь требовала извѣстной церемоніи, обстановки и мѣста. Большевистскіе разстрѣлы были просто уничтоженіемъ людей гдѣ попало: — на лѣстницѣ чрезвычайки, на дворѣ, въ сараѣ гаража, въ подвалѣ, на улицѣ, въ лѣсу, хоть у себя въ кабинетѣ, и это не носило характера смертной казни и, странно, даже не устрашало. Просто

уничтожали всѣхъ тѣхъ, кто не сочувствовалъ босяцкой власти.

Полежаева удивлялъ не самый фактъ такой смертной казни и свирѣпость палачей, но его смущало равнодушіе къ этому жертвъ и окружающихъ. Какъ то разъ, тридцать красноармейцевъ, за попытку къ дезертирству, были приговорены въ расходъ. Это были здоровые, сильные парни. Правда, они недоѣдали, но все таки были достаточно крѣпки. Ихъ обезоружили и повели съ двумя коммунистами въ лѣсъ. У коммунистовъ было по два револьвера на поясѣ. Одинъ шелъ спереди, другой сзади. Ведомыхъ на казнь было тридцать, они были въ лѣсу, они могли напасть и обезоружить своихъ палачей. Они не напали и не обезоружили. Въ лѣсу ихъ остановили у большой сосны.

- «Ну становись ты что-ль, первый!» — сказалъ строго чекистъ. Молодой парень поблѣднѣлъ и торопливо сталъ къ дереву. Чекистъ застрѣлилъ его изъ револьвера.

- «Оттащите, товарищи», сказалъ онъ остальнымъ и тѣ покорно оттащили трупъ. — «Слѣдующій», сказалъ чекистъ, и сталъ слѣдующій...

Они перебили такъ вдвоемъ тридцать человѣкъ, обошли еще дымящіяся кровью тѣла и дострѣлили тѣхъ, кто еще шевелился.

Что же это такое? Какая сила съ одной стороны и какая страшная слабость съ другой!..

Какъ то, мѣсяцъ тому назадъ, Полежаевъ сидѣлъ въ гостяхъ у знакомыхъ на Гороховой. Въ коммунальной квартирѣ, гдѣ въ пяти комнатахъ гнѣздилось три родственныхъ семьи, и въ общемъ было восемнадцать человѣкъ, по протекціи совѣтскихъ служащихъ, а въ совѣтскихъ учрежденіяхъ служили почти всѣ, достали настоящіе чай и сахаръ. Кто то принесъ съ дачи землянику, была мука и барышни напекли пирожныхъ. Былъ настоящій буржуйскій чай. Шутили, смѣялись, даже пѣли подъ пьянино и гитару. Много было барышень, былъ пожилой господинъ, когда то страшный либералъ, написавшій цѣлый трактатъ противъ смертной казни. Ночь была бѣлая, свѣтлая, окна открыли и дышали свѣжей прохладой Петербургской ночи. Вдругъ неподалеку застучалъ на холостомъ ходу автомобиль и стали раздаваться рѣдкіе выстрѣлы.

— Кажется стрѣляютъ, — сказала одна барышня съ пирожнымъ въ рукѣ, садясь на подоконникъ.

— Да, опять, сказала другая, подходя къ пьянино.

— Мнѣ Коля говорилъ, что сегодня двадцать восемь офицеровъ назначили въ расходъ.

— Это ихъ, вѣроятно, сказала сидѣвшая за пьянино и заиграла веселую пьесу.

Полежаевъ смотрѣлъ на нихъ. Лица всѣхъ были больныя и блѣдныя. У многихъ башмаки были одѣты на голыя ноги, потому что чулокъ не было въ заводѣ. Онѣ были истомлены. Но въ нихъ цѣпко притаилась жизнь и эта жизнь уже не чувствовала того, что рядомъ убиваютъ.

Полежаевъ вспомнилъ разсужденія Чеховскаго мастерового: — «заяцъ, ежели его долго бить можетъ спички зажигать, а кошка при долгомъ битьѣ огурцы ѣсть...

Добились значитъ того, что зайцы стали спички зажигать, а кошка огурцы ѣсть.

Но вѣдь это люди!.. Люди!..

Значитъ и съ людьми можно!

VI.

Полежаевъ опять погруженъ въ пролетарскую литературу. Передъ нимъ лежали старыя Совѣтскія «Извѣстія», «Правда», «Красный солдатъ» и пр. Передъ нимъ были сборники стиховъ совѣтскихъ поэтовъ, совѣтская беллетристика. Во главѣ этого дѣла стоялъ настоящій писатель — босякъ Максимъ Горькій, но и онъ уже не выгребалъ, болѣе сильные и разнузданные босяки его обогнали. Ловкій и елейно-наглый Луначарскій вмѣстѣ съ госпожею Коллонтай развращали души дѣтей.

Новый слогъ, новыя выраженія, разнузданность мысли, хула на Бога были въ каждой строкѣ. Тонъ газетныхъ заголовковъ, тонъ извѣстій съ фронта былъ гаерическій, босяцкій.

Листая прошлогоднія газеты Полежаевъ, самъ участникъ наступленія добровольческой арміи къ Москвѣ, удивлялся, какъ лгали газеты. Въ іюнѣ 1919 года добровольцы занимали Харьковъ, а въ газетахъ республики писали: —

красный Харьковъ не будетъ сданъ. Имперіалисты всего міра обломаютъ зубы о Красный Харьковъ...

Полежаевъ задумался. Красный Харьковъ былъ сданъ и политъ еще большею кровью. «Имперьялисты» поломали не мало зубовъ и были разсѣяны по всему міру.

On ne périt que par la defensive,*) — сказалъ Наполеонъ.

Большевики всегда нападали. Они усвоили босяцкіе методы борьбы. Босяка городовой уже въ участокъ ведетъ, а онъ все куражится, все кричитъ площадную ругань и норовитъ въ ухо заѣхать городовому...

Съ глубокимъ презрѣніемъ отнеслись большевики къ Русской литературѣ и къ поэзіи. То, что читалъ Полежаевъ, не имѣло ни мысли, ни размѣра, ни риѳмы. Это былъ безпорядочный наборъ словъ, передъ которымъ фабричная частушка казалась изящнымъ поэтическимъ произведеніемъ. Но этимъ восторгались. Объ этомъ писали серьезные, критическія статьи, это разбирали съ глубокомысліемъ ученые старые люди. Въ былое время такую дребедень даже не удостоили бы напечатать въ «почтовомъ ящикѣ», а просто бросили бы въ корзину. Здѣсь, въ совѣтской республикѣ, это многимъ нравилось. Нравилась смѣлость мысли. Площадная ругань по адресу Божіей матери, поношеніе Бога — прельщали. Ихъ шопотомъ передавали другъ другу даже вѣрующіе люди, ихъ показывали изъ подъ полы и ими возмущались, но въ возмущеніи слышалось и восхищеніе передъ дерзнувшимъ. Озорство увлекало. Наглость слога, стихи по одному слову въ строкѣ казались достиженіями чего то новаго и великаго.

Молодые люди и барышни зачитывались футуристомъ Маяковскимъ, цитировали стихи пролетарскаго поэта Демьяна Бѣднаго, бѣднаго и по формѣ и по мысли, и преклонялись передъ Александромъ Блокомъ. Въ немъ видѣли апостола совѣтской власти. Его поэму «Двѣнадцать» заучивали наизусть. Хула на Бога, грязная безпардонная похабщина, идеализація низменныхъ инстинктовъ человѣка, все, что нужно было для великаго босячества -- все это было въ поэмѣ «Двѣнадцать».

Кто эти двѣнадцать? Босяки!

*) Погибаютъ только тѣ, кто обороняется.

Въ зубахъ — цыгарка, примятъ картузъ,
На спину-бъ надо бубновый тузъ!
Свобода, свобода,
Эхъ, эхъ, безъ креста!
Тра—та—та!

Насиліе, убійство, грабежъ — все воспѣто и оправдано въ этой поэмѣ.

А Катька гдѣ? — Мертва, мертва!
Прострѣленная голова!
Что Катька рада? — Ни гу — гу....
Лежи ты, падаль, на снѣгу!...
Революцьонный держите шагъ!
Неугомонный не дремлетъ врагъ!

Въ поэмѣ Блока отразилось и то презрѣніе къ Россіи, которымъ отличались босяки — Спиридоны поворотны. Развѣ были когда либо они Русскими, или хотя-бы Россійскими? Они были непомнящими родства, губерніи небывалой, уѣзда незнаемаго, деревни безъимянной.

Товарищъ, винтовку держи, не трусь!
Пальнемъ-ка пулей въ Святую Русь —
Въ кондовую,
Въ избяную,
Въ толстозадую!
Эхъ, эхъ безъ креста!

Въ этомъ «безъ креста» была вся сила босячества, въ немъ оказалась и сила большевизма.

Запирайте етажи,
Нынче будутъ грабежи!
Отмыкайте погреба
Гуляетъ нынче голытьба!....

Гульба была приманкой для молодецкихъ ватагъ Степана Разина, гульба стала и главной приманкой большевиковъ. Запишись въ коммунисты, стань однимъ изъ этихъ «двѣнадцати» и погуляешь и натѣшишься въ волю.

Ужъ я сѣмячки
Полущу, полущу...
Ужъ я ножичкомъ
Полосну, полосну!....
Ты лети, буржуй, воробушкомъ!
Выпью кровушку
За зазнобушку,
Чернобровушку....
Упокой, Господи, душу рабы Твоея....

Полежаевъ хорошо позналъ, что значитъ это чувство пьяной гульбы и добычи. Ему то, что происходило было противно, но своихъ товарищей онъ понималъ.

Была долгая голодовка. Питались изъ котла какой то мутной похлебкой, сваренной на мерзломъ картофелѣ. И вдругъ ворвались въ богатый, почти не разоренный войной польскій городокъ. Его рота, руководимая коммунистами, разбѣжалась по домамъ. Раздались крики, вопли, стоны, грянули одинъ, другой выстрѣлъ, потомъ все стихло. Улицы опустѣли. Все разошлось по домамъ. Прошло около часа, — красноармеецъ коммунистъ, лѣтъ тридцати, типъ городского извозчика лихача, веселый, разрумянившійся, лукаво ухмыляясь, поманилъ пальцемъ Полежаева.

— Пожалуйте, товарищъ командиръ... Наши уже гуляютъ.

Весь коммунистическій цвѣтъ роты собрался въ богатомъ домѣ. Уже успѣли накрыть столъ. Растерянная прислуга металась, нося тарелки, рюмки, стаканы. Въ углу, на коврахъ, среди какихъ то шолковыхъ стуликовъ лежали и сидѣли пять молоденькихъ дѣвушекъ со связанными руками. Три были въ гимназическихъ платьяхъ съ черными передниками, двѣ въ чистенькихъ бѣлыхъ платьяхъ барышень. Онѣ были смертельно блѣдны и большими испуганными глазами оглядывались кругомъ. Онѣ не плакали, всѣ слезы были выплаканы.

Всѣмъ пиромъ распоряжался Осетровъ, товарищъ по полку Полежаева. Носили окорока, гдѣ-то раздобытые, на кухнѣ торопливо жарили гусей и барановъ...

— Вино! женщины! пѣсня! — привѣтствовалъ Полежаева Осетровъ, — стоило повоевать, товарищъ!

На отдѣльномъ столѣ были свалены золотыя и серебряныя вещи: портсигары, часы, браслеты, кольца, брошки...

Оргія продолжалась трое сутокъ. Когда она кончилась и красноармейцы покидали городъ, на коврахъ лежало три посинѣлыхъ трупа гимназистокъ, двѣ дѣвушки постарше едва шевелились и стонали, безумными глазами провожая уходящихъ. Онѣ были испорчены и заражены на всю

жизни. Коммунисты, уходя говорили о томъ, какой пиръ они устроютъ, когда займутъ Варшаву и дойдутъ до Вѣны, Будапешта и Парижа!

…„И идутъ безъ имени святого
Всѣ двѣнадцать — вдаль.
Ко всему готовы,
Ничего не жаль“…

VII.

Въ своихъ мысляхъ — Полежаевъ не могъ вести никакихъ записокъ, такъ какъ зналъ, что вѣстовой былъ приставленъ къ нему не столько для услугъ, сколько слѣдить за нимъ и обыскивать его карманы, — въ своихъ мысляхъ Полежаевъ разбилъ коммунистовъ на три разряда: — люди съ уголовнымъ прошлымъ; неврастеники, истерики, кокаинисты, морфинисты — словомъ: полусумасшедшіе, дегенераты и, наконецъ, — бродяги и босяки, люди своеобразнаго таланта, большой силы воли, разбойники по природѣ.

Къ каждой изъ категорій примазалось очень большое количество людей, которые коммунистами вовсе не были, коммунистическимъ теоріямъ не сочувствовали, собственность чтили превыше всего, но пошли въ коммунистическую партію по разнымъ причинамъ. Одни потому, что, будучи людьми безпринципными, искали хорошихъ теплыхъ мѣстъ и сытной ѣды; другіе потому, что по природѣ были рабами и привыкли услуживать всякой власти, третьи для того, чтобы не умереть съ голода и избавиться отъ преслѣдованій, обысковъ и угрозъ разстрѣла, четвертые, чтобы спасти и сохранить до лучшихъ дней свое имущество, пятые для того, чтобы спасти и прокормить своихъ близкихъ: жену, дѣтей, родителей. Не только эти примазавшіеся къ коммунизму люди, но и настоящіе коммунисты не вѣрили въ то, что такой порядокъ можетъ долго продержаться. Но настоящіе коммунисты старались продлить его всѣми силами, а примазавшіеся къ нимъ, напротивъ, нетерпѣливо ожидали, когда все это кончится.

Примазавшіеся тоже распредѣлились по своему удѣльному вѣсу между всѣми тремя категоріями. Бывшіе полицейскіе, охранники, сыскная полиція примкнули къ первой

категорiи, интеллигенцiя жалась ко второй, усиленно пополняя своимъ умственнымъ багажемъ недостатокъ образованiя недоучекъ, крестьяне, рабочiе и особенно много казаковъ примкнули къ третьей воинствующей категорiи.

Коммунисты заполнили всѣ верхи Совѣтской республики. Они сидѣли во всѣхъ совѣтахъ, они «комиссарили» во всѣхъ городахъ, они были предсѣдателями и членами всѣхъ комиссiй отъ чрезвычайныхъ, занимавшихся сыскомъ и разстрѣлами, до продовольственныхъ и образовательныхъ, старавшихся кормить и учить несчастный Русскiй народъ.

Яркимъ представителемъ первой категорiи являлся Дзержинскiй. Своимъ садистскимъ отношенiемъ къ смертной казни и убiйствамъ, своимъ умѣлымъ цинизмомъ по отношенiю къ жертвамъ чрезвычаекъ онъ покорилъ сердца самыхъ закоренѣлыхъ преступниковъ и заслужилъ уваженiе всѣхъ заплечныхъ дѣлъ мастеровъ. Равнаго ему по количеству невинно пролитой крови нѣтъ въ мiровой исторiи. Малюта Скуратовъ ничто передъ нимъ, французская революцiя не дала палача равнаго ему. Въ мрачные вѣка инквизицiи не было такого холоднаго отношенiя къ мучимымъ жертвамъ. Дзержинскiй драпировался въ тогу мученика, любилъ говорить, что казнить тяжелѣе, нежели быть самому казнимому и руководилъ самыми жестокими карательными экспедицiями и разстрѣлами, у него была фатальная внѣшность палача-декадента и, что поражало Полежаева, — этотъ человѣкъ, пропитанный кровью, пользовался успѣхомъ у женщинъ лучшихъ фамилiй.

Вторую категорiю возглавляли Луначарскiй, Горькiй и Радекъ.

Луначарскiй съ госпожею Коллонтай, женою многихъ мужей, создавали «Детскiя села», собирали и охраняли, дѣйствительно охраняли музеи и коллекцiи, устраивали «соцiализацiю дѣтей» и отнимали младенцевъ у матерей. Они холодными глазами смотрѣли на растлѣнныхъ мальчиками дѣвчонокъ, на гнiющихъ въ сифилисѣ и дѣтскомъ порокѣ дѣтей и, захлебываясь, восхищались быстрымъ усвоенiемъ дѣтьми коммунистическаго катехизиса. Они уничтожали Россiю подъ корень, они губили будущее Россiи и ихъ незамѣтная дѣятельность была самой страшной. Они тщательно вытравляли Бога изъ сердецъ дѣтей, готовя гибель Русскому народу.

Ихъ поэты, драматурги, писатели и агитаторы, разъѣзжавшіе въ пестро раскрашенныхъ агіо-поѣздахъ, одновременно съ лекціями по сельскому хозяйству, творили хулу надъ Богомъ, надругались надъ религіей и вмѣсто любви вселяли ненависть.

По ихъ указанію переименовывались историческія названія и вытравлялась изъ души народной память великаго прошлаго. Окруженные толпою бездарныхъ кликушъ они создавали праздники и спектакли, на которыхъ странно смѣшивались во едино настоящая наука, настоящее искусство съ развратомъ самаго грубаго свойства. Они ставили Шекспира, Толстого, Тургенева, являлись меценатами истиннаго искусства, наполняли театры простонародьемъ, щелкающимъ сѣмечки и мѣшающимъ играть артистамъ, они заставляли придворную капеллу играть и пѣть въ Зимнемъ дворцѣ, они устраивали симфоническіе концерты для голодныхъ рабочихъ и красной арміи — и они же проводили черезъ ряды публики голыхъ дѣвокъ, чтобы возбудить зрителей и усилить дѣторожденіе.

Они вмѣстѣ съ Горькимъ издавали классиковъ и сажали писателей въ пансіонъ, подобный дому умалишенныхъ, сажали ихъ на паекъ и не позволяли свободнаго слова. Они разстрѣливали поэтовъ и ученыхъ.

Клика ловкачей-футуристовъ слѣдовала за ними. Они расписывали заборы нелѣпыми рисунками, они ставили памятники изъ кубовъ и пирамидъ и внѣдряли въ народъ превратное понятіе о красотѣ.

Ихъ подвиги въ этомъ направленіи трудно перечислить. Когда Полежаевъ думаетъ о нихъ, онъ скрипитъ зубами. Ихъ дѣятельность была хуже, чѣмъ Дзержинскаго и Петерса съ ихъ чрезвычайками и казнями, потому что они готовили впрокъ, заготовляли разсаду будущихъ Дзержинскихъ и Петерсовъ... И что было обидно!!... профессора, академики, художники, люди съ европейскими именами повиновались имъ. Писали плакаты, статьи, стихи, пьесы, раболѣпствовали и восхищались новою властью, воспѣвали висѣлицу и пулеметъ.

«Заяцъ, ежели его долго бить, можетъ спички зажигать. Кошка при долгомъ битьѣ огурцы ѣстъ.»

Но вѣдь это были не зайцы и не кошки, а Русскіе граждане, профессора, ученые, художники, писатели, поэты! Они создавали коммунистическую литературу, они читали лекціи о творчествѣ Демьяна Бѣднаго, они славословили Ленина и ставили его выше Христа, Магомета и Будды...

Почти вся третья категорія коммунистовъ находилась въ красной арміи. Они и были ея силой. Они или составляли отдѣльныя части: были матросами въ несуществующемъ флотѣ, служили въ отдѣльныхъ коммунистическихъ полкахъ и батальонахъ, слушали курсы техники военнаго дѣла, руководили латышскими, китайскими, венгерскими, финскими, башкирскими и казачьими частями, или служили на комиссарскихъ, офицерскихъ и, главнымъ образомъ, унтеръ-офицерскихъ должностяхъ. Возглавлялъ ихъ Троцкій. Они боготворили Троцкаго за то, что онъ создалъ для нихъ привольную, полную разгула жизнь. Они обирали плѣнныхъ, раненыхъ, убитыхъ и казнимыхъ. И на человѣка они смотрѣли, какъ охотникъ смотритъ на пушного звѣря. Войны, походы дѣлались ради добычи. Колчакъ, Деникинъ, Юденичъ — это было нѣчто въ родѣ собирательнаго городового, съ которымъ они всегда боролись и который имъ мѣшалъ грабить и убивать. На югъ шли за хлѣбомъ, шли грабить богатый Ростовъ и обирать богатыхъ казаковъ. Противъ Юденича шли для того, чтобы защитить красный Питеръ, гдѣ были ихъ [illegible] гнѣзда, гдѣ были главные ихъ притонъ. Сражались съ Миллеромъ, потому что съ нимъ шли англичане, которые могли возстановить порядокъ и прекратить ихъ вольную жизнь. Шли въ Сибирь за хлѣбомъ и за золотомъ. Шли на Польшу, надѣясь потѣшиться въ Варшавѣ и поприжать польскихъ пановъ.

„Мы на горе всѣмъ буржуямъ
Міровой пожаръ раздуемъ.“

пѣли они и шли опредѣленно грабить на этомъ пожарѣ. Нормальнымъ арміямъ было трудно бороться съ ними. Они несли съ собою панику. Они разстрѣливали тысячами плѣнныхъ и раненыхъ, они сверхъ-естественными муками мучили офицеровъ и начальниковъ. Они раздѣвали до бѣлья на морозѣ тѣхъ, кого они щадили. Война шла на истребленіе. Они не признавали никакихъ Женевскихъ конвенцій, Краснаго Креста — все это были для нихъ буржуазные предраз-

судки. Они грабили жителей, независимо отъ того сочувствовали они имъ, или нѣтъ, они насиловали женщинъ и дѣтей, надругались надъ храмами и издѣвались надъ трупами.

Это была армія Валленштейна, но безъ нѣмецкаго романтизма и рыцарскаго благородства, отличавшихъ Валленштейна. Это былъ сбродъ. Артиллерія ихъ плохо стрѣляла, пѣхота плохо владѣла винтовкой, конница не умѣла беречь лошадей. Военспецы, приставленные къ нимъ, страдали съ ними. Несмотря на жестокую дисциплину, на разстрѣлы за малѣйшую провинность — они проматывали казенное обмундированіе и напастись на нихъ сапогъ и одежды не было возможности. Они не чистили и не кормили лошадей, плохо берегли оружіе. Они имѣли карманы, полные золота, серебра и ассигнацій и бросали патроны. Они легко подвергались паникѣ и тогда бѣжали безъ оглядки. Они не умѣли нести сторожевой службы, не умѣли развѣдывать и заставляли казнями сторожить себя жителей, а развѣдку замѣняли шпіонажемъ. Они не умѣли обороняться. При аттакѣ на укрѣпленія они гнали впереди себя крестьянъ, рабочихъ, плѣнныхъ бѣлогвардейцевъ, а сами шли сзади съ револьверами и ставили пулеметы, изъ которыхъ безпощадно разстрѣливали тѣхъ, кто повернетъ обратно.

Красная армія не была арміей въ современномъ значеніи этого слова, но она была грозна для даннаго времени, потому что вся Европа устала отъ войны, всей Европѣ надоѣло лить кровь и нигдѣ не было настоящей арміи, которая могла бы противостать имъ. Европейскій солдатъ, солдатъ Добровольческой арміи, были солдатами, но не убійцами. Они убивали по необходимости. Коммунисты красной арміи были убійцами. Они не только не видѣли въ убійствѣ грѣха, но видѣли удаль, а грабежъ и погромы считали нормальнымъ явленіемъ. Кровь ихъ не страшила, слезы ихъ не трогали.

Въ Петербургѣ коммунистовъ водили въ только что отстроенный крематорій, гдѣ имъ показывали сквозь стекло, какъ сгораетъ трупъ. Это дѣлали съ тою цѣлью, чтобы окончательно уничтожить въ нихъ вѣру въ Бога, въ загробную жизнь и существованіе души и тѣмъ вселить въ нихъ безстрашіе и убить боязнь преступленія.

Но эта армія была опасна и для самого государства. Троцкій понималъ, что онъ любимецъ арміи лишь до той

поры, пока въ арміи хорошо, сытно и привольно живется. Стоило уменьшить паекъ и полки волновались. Подобно шайкѣ разбойниковъ красная армія могла жить лишь при условіи постояннаго интереса войны. Коммунисты третьей категоріи, заполнявшіе армію, требовали сильныхъ впечатлѣній. Стояніе по гарнизонамъ ихъ томило, переводъ на положеніе трудовой арміи ихъ оскорблялъ и работали они плохо. Казарма угнетала ихъ. Они жаждали новыхъ походовъ, завоеваній, крови и добычи. Конкубинатъ съ дѣвицами-коммунистками, послѣ потѣхи надъ женщинами высшаго общества, молодыми еврейками и польками, былъ слишкомъ прѣсенъ и отзывалъ мѣщанствомъ. Красная армія должна была постоянно воевать, усмирять и лить кровь.

Это входило въ планы Ленина и Троцкаго, потому что приближало начало міровой революціи.

Полежаевъ зналъ, что главный штабъ разрабатываетъ планы походовъ на Грузію и Малую Азію, что въ ближайшее время стояли на очереди — разгромъ Польши и Румыніи, движеніе черезъ славянскія государства въ Италію и Францію, — движеніе на Индію. Чѣмъ фантастичнѣе были планы, чѣмъ красочнѣе походъ, тѣмъ больше привлекалъ онъ красноармейскія сердца.

Товарищи Полежаева — Осетровъ, Гайдукъ, Шлоссбергъ и самъ комиссаръ Коржиковъ, мечтали о парижанкахъ, о богатыхъ ювелирныхъ магазинахъ, о возможности самаго утонченнаго разврата въ этихъ экспедиціяхъ.

Полежаевъ зналъ, что Радеку дана задача, развратить пролетаріатъ этихъ странъ и подготовить мѣстныхъ босяковъ для встрѣчи босяковъ совѣтскихъ. Полежаевъ зналъ, что на это были кинуты громадные запасы золота и драгоцѣнныхъ камней, отнятые у императорской казны, въ банкахъ, сейфахъ и въ частныхъ квартирахъ.

Товарищи коммунисты смѣялись между собою: — «недолго полежитъ это золото въ чужихъ странахъ. Скоро пойдемъ и себѣ заберемъ».

Эти наблюденія и связанныя съ ними мысли поражали Полежаева. Онъ видѣлъ грандіозную міровую воровскую организацію и онъ не спалъ ночей, думая, какъ все это разстроить и уничтожить.

VIII.

Во главѣ всей работы разрушенія Россіи стояли два крупныхъ мерзавца: Владиміръ Ильичъ Ульяновъ-Ленинъ и Левъ Троцкій Бронштейнъ. Надлежитъ понимать, что съ ихъ смертью и особенно со смертью Ленина, коммунисты большевики, — третья категорія, самая сильная и могущественная, почувствуютъ, что они лишились защиты, лишились того, кто покрывалъ собою кровь, ими проливаемую. Ленинъ передъ всѣмъ міромъ оправдывалъ ихъ преступленія. Ленинъ былъ выше всего міра. Его планы были: міровая революція, пожаръ и разрушеніе всего міра. И потому онъ для нихъ былъ выше Римскаго папы, выше англійскаго короля, американскаго президента, выше французской палаты, значительнѣе Вильсона, Ллойдъ-Джорджа, Мильерана, Фоша, не говоря уже о такихъ мелкихъ птицахъ, какъ Пилсудскій. Ленинъ плевалъ на нихъ и съ цинизмомъ Русскаго хама издѣвался надъ ними.

Про него разсказывали, что какъ то, послѣ его доклада о международномъ моментѣ и противорѣчіяхъ Версальскаго мира, Ленинъ пробирался сквозь толпу партійныхъ клевретовъ.

Товарищъ Ленинъ! — воскликнулъ кто-то въ рабскомъ восторгѣ, — вы и Вильсонъ нынѣ рѣшаете судьбы земного шара!

Обычная кривая усмѣшечка скривила полныя щеки Ленина. Узкіе глазки обратились въ щелки.

— Да, да, — бросилъ онъ на ходу. — Но причемъ же здѣсь Вильсонъ?

Ленинъ первый сказалъ имъ, что то, что они считали грѣхомъ: убійство, грабежъ, насиліе — не грѣхъ. Онъ развязалъ ихъ отъ грѣха, онъ успокоилъ ихъ совѣсть. Громко, на весь міръ, въ газетахъ, листкахъ, по радіо, на митингахъ онъ заявилъ, что убійство — не убійство, грабежъ — не грабежъ, погромъ — не погромъ и насиліе — не насиліе. Онъ приблизилъ къ себѣ и окружилъ почетомъ убійцъ, громилъ и взломщиковъ. Грабители и мародеры его именемъ получали знаки отличія красной звѣзды. По его приказу ставили памятникъ разбойникамъ и предателямъ. Гдѣ-то на Волгѣ умудрились торжественно открыть памятникъ Іудѣ Искаріоту съ веревкой на шеѣ... И всѣ предатели и раз-

бойники обрадовались. Они могли разсчитывать, что, если такъ пойдетъ и дальше, и имъ кто-либо поставитъ памятникъ.

Всѣ эти люди: — босяки, убійцы, громилы, какъ ни крѣпко уснула ихъ совѣсть чуяли, что они дѣлаютъ нехорошее. Они понимали, что настанетъ когда-либо день, когда придется отвѣтъ держать въ тѣхъ злодѣяніяхъ, которыя они совершили, что явится кто-то, кто по заслугамъ пожалуетъ ихъ — «среди поля хоромами высокими, что двумя листолбами съ перекладиною». Спасалъ ихъ отъ этого Ленинъ. И пока живъ былъ онъ, пока былъ онъ у власти — вся кровь была на немъ.

И потому-то Ленинъ могъ не бояться ни за свою жизнь, ни за свое положеніе. Его берегли, какъ не берегли царя; его охраняли, для него слѣдили, за него брали заложниковъ и шпіонили другъ за другомъ. Безъ Троцкаго можно было обойдтись, Троцкаго можно было замѣнить, но обойдтись безъ Ленина было нельзя. Ленинъ былъ идейная вывѣска на грязномъ предпріятіи. Ленинъ разрушалъ Россію во имя блага всего человѣчества. Ленинъ дѣлалъ громадный научный соціалистическій опытъ, отъ успѣха котораго зависѣло: быть или не быть соціализму въ мірѣ. Ленинъ насаждалъ соціализмъ и высшую форму его: — коммунизмъ и потому онъ этимъ научнымъ экспериментомъ покрывалъ все зло и всю кровь.

Съ гибелью Ленина — гибло главное: — идея и оправданіе. Все получало свое настоящее имя и настоящую окраску. Являлся страхъ потерять награбленное и получить возмездіе за преступленіе и, какъ слѣдствіе этого страха, бѣгство изъ рядовъ коммунистовъ и разложеніе красной арміи. Тогда красная армія теряла свою свирѣпость, способность нагонять панику и становилась просто скверной арміей.

На Ленина было сдѣлано два покушенія, оба неудачныхъ. На каждое Ленинъ отвѣтилъ моремъ крови заложниковъ. Разстрѣлянныхъ не успѣвали хоронить и ихъ штабелями, какъ дрова, складывали въ покойницкихъ и сараяхъ Московскихъ больницъ. У тѣхъ, кто намѣревался еще разъ попытаться убить Ленина, опускались руки.

Уничтожить Ленина въ первые годы его царствованія могли только заграничныя войска и заграничное вліяніе. Въ 1918 и 1919 годахъ, когда Полежаевъ былъ въ доброволь-

ческой арміи, достаточно было дружной помощи союзниковъ и красная армія сдалась бы и выдала Ленина. Союзники не помогли. Когда Полежаевъ былъ у Деникина, онъ думалъ, что союзники не помогли по чисто внѣшнимъ причинамъ. Солдаты ихъ устали и не хотѣли воевать, союзники надѣялись, что Русскіе сами справятся со своею внутреннею смутою, они не хотѣли вмѣшиваться во внутреннія дѣла Россіи, демократія Англіи и Франціи была обманута и вѣрила, что Ленинъ дѣйствительно стоитъ за народъ и за рабочихъ. Поступивъ въ коммунисты Полежаевъ узналъ, что Ленинъ и большевики всегда упрямо говорили, что союзники не съ Деникинымъ и Колчакомъ, а съ ними, большевиками и Ленинымъ.

Одинъ серьезный разговоръ съ Рахматовымъ пріоткрылъ ему немного завѣсу, прикрывавшую причину успѣховъ Ленина.

Рахматовъ занималъ крупное мѣсто по красной кавалеріи. Это былъ опытный кадровый офицеръ, происходившій изъ хорошей старой дворянской семьи и во времена имперіи выдѣлявшійся своимъ талантомъ. Полежаевъ, какъ «военспецъ», являясь главнымъ помощникомъ Голубя въ дѣлѣ обученія красныхъ офицеровъ, часто встрѣчался съ Рахматовымъ. О политикѣ, о большевикахъ, о совѣтской власти они никогда не говорили. Боялись другъ друга.

Рахматовъ жилъ хорошо, сохранивъ за собою свою квартиру со всею обстановкою. Онъ присталъ къ большевикамъ съ перваго дня переворота и сразу занялъ видное мѣсто при Троцкомъ. Онъ обучалъ Троцкаго верховой ѣздѣ, а когда генералъ Деникинъ съ казаками сталъ наносить ударъ за ударомъ краснымъ арміямъ, Рахматовъ доказалъ въ рев-воен-совѣтѣ, какую громадную роль играетъ въ гражданской войнѣ конница. Онъ добился рѣшенія создать красную конницу, съ желѣзной энергіей объѣздилъ всю Россію, добылъ конскій составъ и создалъ нѣкоторое подобіе той блестящей кавалеріи, которая была въ Императорской Россіи. Это по его настоянію всячески заманивали на службу Саблина, у котораго въ дивизіи служилъ Рахматовъ и котораго онъ очень высоко цѣнилъ. Это Рахматовъ создалъ Думенко и Буденнаго и слава Буденнаго была славою Рахматова. Рахматовъ былъ уменъ и хитеръ. Онъ сразу понялъ, что рабоче-крестьянская власть Ленина и Троцкаго больше всего

боится появленія Наполеона, что для нея самое страшное — появленіе кого либо сильнаго и волевого и онъ съумѣлъ скрыться на скромной роли воен-спеца, прикрывшись Буденнымъ, Думенко и другими знаменитостями изъ народа.

За то Рахматовъ ни на іоту не измѣнилъ своимъ привычкамъ. Въ его квартиру не вселяли коммунистовъ. У него были старые лакеи и горничныя, онъ ѣздилъ по прежнему на своихъ рысакахъ, его автомобиль былъ въ исправности, онъ ѣлъ то, что хотѣлъ и въ его погребѣ были вина и коньяки. Онъ могъ покровительствовать кому угодно. И, закрывая глаза на внѣшнее безобразіе Петербурга, Рахматовъ у себя на квартирѣ могъ забыть то, что дѣлается въ Россіи.

Рахматовъ полюбилъ Полежаева. Онъ часто приглашалъ его къ себѣ, показывалъ ему свои великолѣпные альбомы снимковъ кавалерійской жизни и коллекціи оружія и рѣдкостей и много и долго разсказывалъ ему о роли и значеніи конницы.

— Западная Европа спитъ и глупѣетъ день отъ дня, говорилъ Рахматовъ. Она говоритъ о роспускѣ армій, объ уничтоженіи войска, о вѣчномъ мірѣ. Ея солдаты стали нервными трусами и будетъ день, когда красная кавалерія погонитъ народы Европы.

Они сидѣли въ кабинетѣ Рахматова. На стѣнѣ висѣла громадная карта Россійской имперіи, испещренная какими то кружками и точками, значенія которыхъ Полежаевъ не зналъ. Передъ ними стоялъ маленькій столикъ, уставленный бутылками съ ликерами. Печенье и свѣжая земляника лежали въ вазочкахъ.

— Ѣшьте, Николай Николаевичъ, — вы это можете получить только у меня, — подвигая землянику радушно сказалъ Рахматовъ.

Онъ тщательно раскурилъ дорогую сигару и задумчиво проговорилъ.

— Я знаю, что тѣ, которые сидятъ теперь у Врангеля, проклинаютъ насъ съ вами. Вѣдь я многихъ тамъ знаю. Дѣло Врангеля погибнетъ такъ же, какъ погибли Деникинъ, Колчакъ и Юденичъ.

Рахматовъ затянулся сигарой.

— Что не пьете, Николай Николаевичъ? сказалъ онъ сердечно. Знаю, что томитъ васъ мысль о томъ, правильно

ли вы поступили, ставъ подъ красныя знамена. И меня томило. Думаете: къ жидамъ нанялись, Россію распинаемъ. Ленину служимъ... Что Ленинъ?.. Ленинъ, Николай Николаевичъ, подручный, наемникъ, приказчикъ; — самъ онъ ничто. Вы слыхали когда либо о масонахъ? Не о тѣхъ, которыхъ описываетъ въ «Войнѣ и Мирѣ» графъ Толстой и которые залучили къ себѣ Пьера Безухова, нѣтъ, а о тѣхъ, которые правятъ міромъ и которые являются злостными врагами Христа. Вы, конечно, знаете о борьбѣ темнаго и свѣтлаго, вы слыхали о Люциферѣ, Бафометѣ, діаволѣ и о ихъ тайныхъ силахъ? Въ магазинѣ Тузова, въ Гостиномъ дворѣ, вмѣстѣ съ книгами, твореніями Афонскихъ старцевъ, разсужденіями епископа Ѳеофана вы могли купить толстую такую книгу «черная и бѣлая магія». Тамъ и хиромантія, тамъ и заклинаніе духовъ, цѣлый отдѣлъ подъ страшнымъ названіемъ «демонологія», и правила составленія гороскопа, и счастливые и несчастливые дни, и какой камень нужно кому носить и снотолкователь. Ерунда форменная. Кто то терпѣливо собралъ всѣ предразсудки и суевѣрія темнаго средневѣковья и напечаталъ ихъ мелкимъ грязнымъ шрифтомъ со многими рисунками на потѣху старымъ бабамъ... Однако, дайте вашу руку.

Полежаевъ покорно подалъ Рахматову свою лѣвую руку. Рахматовъ взялъ лупу и сталъ разсматривать ладонь, перебирая ее своими сухими нервными пальцами. Лицо его становилось озабоченнымъ.

— Однако! — сказалъ онъ. — Дайте правую. Вамъ сколько лѣтъ?

— Двадцать пятый годъ идетъ, — сказалъ Полежаевъ.

— Какіе оригинальные пучки у основанія пальцевъ..., говорилъ какъ бы про себя Рахматовъ. — А такой складки на мизинцѣ я никогда не видалъ. Теперь 1920-й годъ... Да... 1922-й годъ сулитъ вамъ нѣчто очень крупное, какія то страшныя перемѣны въ вашей жизни. Все прогрессируетъ, но и тяжело, охъ, тяжело будетъ... Надняхъ... Вотъ тутъ, видите, полоска, — кровь... Но вы не убиты и не ранены. Какая оригинальная рука, какія странныя линіи!!...

Рахматовъ оторвался отъ руки Полежаева.

— Вы знаете, что у человѣка нѣтъ свободной воли, — сказалъ онъ задумчиво, — Нашими дѣйствіями руководитъ

или темная сила діавола, или свѣтлая — Бога. Такъ вотъ масоны то, знаете, и считаютъ, что темная сила — это Богъ, а свѣтлая — діаволъ... Вы про нашего посланника въ Англіи Красина слыхали? Ученый, Николай Николаевичъ, человѣкъ. Математикъ. Такъ вотъ онъ, математическими точными выкладками доказалъ, что весь міръ неуклонно пойдетъ подъ большевизмъ, то есть, что то начало, которое противоположно христіанству восторжествуетъ. Никогда, Николай Николаевичъ, не слѣдуетъ идти съ побѣжденными. И онъ искренно пошелъ съ Ленинымъ. Ленинъ масонъ, но масонъ маленькій. Онъ исполняетъ приказанія политическаго центра и такъ и ведетъ себя... Николай Николаевичъ, — масоны вездѣ на верху и особенно въ Англіи и Франціи. Ллойдъ-Джорджъ — масонъ, Бріанъ — масонъ и слѣдовательно Ллойдъ Джорджъ и Бріанъ заодно съ Ленинымъ. Вы понимаете, какъ смѣялся Владиміръ Ильичъ, когда всѣ бѣлогвардейцы опирались на Англію и Францію. Чѣмъ кончилось? — наша красная армія была раздѣта и безоружна. Колчакъ, Деникинъ и Юденичъ вооружили и одѣли ее.

Рахматовъ взялъ бутылку съ коньякомъ и наливая рюмки себѣ и Полежаеву сказалъ:

— Посмотрите на фирму и запомните эту фамилію: Мартелль. Графъ де Мартелль видный масонъ. Не коньячный, конечно, а генералъ... Онъ пріѣхалъ къ адмиралу Колчаку — и... чехо-словаки измѣнили, а генералъ Жаненъ предалъ на смерть Колчака. Настало время нажать кнопку, — ее нажали — и Колчака не стало. Передъ крушеніемъ Деникина, Мартелль былъ у него. Теперь онъ ѣдетъ къ Врангелю и Владиміръ Ильичъ спокоенъ. Врангель не устоитъ. Масонамъ страшно казачество. Вотъ оно и служитъ у насъ — а оно не наше. Крѣпко сидитъ въ немъ Христосъ. Казакъ и въ коммунисты запишется, а все крестъ носитъ и ладонку съ родною землею и молитвою матери на груди держитъ. И, — помяните мое слово, масоны уничтожатъ казаковъ. Вы никогда не думали о сущности Версальскаго мира? Вѣдь это тоже масонская штука. Обезоружить весь міръ. Ну, а потомъ создается красная армія, послушная масонамъ, создается красная кавалерія въ сотни тысячъ полудикихъ всадниковъ и вся Европа летитъ кувыркомъ. Такъ вотъ, Николай Николаевичъ, во время этого то кувырка лучше оказаться наверху, нежели внизу.

— Такъ, Дмитрій Александровичъ, придется повѣрить и въ евангеліе и апокалипсисъ, — сказалъ Полежаевъ.

— А кто же говоритъ, что не надо вѣрить? — сказалъ Рахматовъ.

— Но тогда и въ будущую загробную жизнь придется вѣрить и въ возмездіе за грѣхи.

— А что такое грѣхъ? — тихо сказалъ Рахматовъ. Гдѣ Богъ — у масоновъ, или у христіанъ?

— Но почему христіане не уничтожатъ масоновъ? — сказалъ Полежаевъ.

— Попробуйте... Въ Россіи, среднимъ счетомъ казнятъ ежедневно восемьдесятъ человѣкъ и вся Европа молчитъ. Но, когда въ Венгріи попробовали казнить троихъ посвященныхъ вся Европа заволновалась, наше правительство пригрозило казнью тысячи заложниковъ и венгерскіе коммунисты остались живы. Вы посмотрите, Николай Николаевичъ, — Русскіе люди обратились въ стадо обреченныхъ людей и они послушно творятъ волю масоновъ. Скоро пойдетъ и дальше. И вотъ, и вы и я, и всѣ мы, коммунисты, правы, потому что противъ силы не пойдешь.

Полежаевъ, чтобы скрыть охватившее его волненіе медленно пилъ изъ рюмки коньякъ. Сумерки бѣлой ночи входили въ окно. Странная тишина была кругомъ. Громадный городъ притаился и притихъ.

IX.

Весь ужасъ положенія Полежаева заключался въ томъ, что онъ постоянно былъ на людяхъ. Хотя ему и отвели три комнаты, но въ томъ же особнякѣ жили другіе люди, по службѣ Полежаевъ постоянно сталкивался съ людьми самаго различнаго состоянія и положенія и ни съ кѣмъ онъ не могъ откровенно поговорить. Въ этомъ страшномъ государствѣ никто не смотрѣлъ другъ другу въ глаза, никто не говорилъ того, что думаетъ. Всякій слѣдилъ за другимъ и другъ не могъ ручаться за друга, отецъ не вѣрилъ сыну. И въ этомъ одиночествѣ среди людей былъ великій ужасъ.

Совѣтская машина работала во всю. Масса различныхъ комитетовъ, управленій, союзовъ, комиссій и «глав-ковъ». Всюду за столами съ машинками и безъ машинокъ сидѣли

сотни совѣтскихъ чиновниковъ и чиновницъ. Они часами говорили, но впечатлѣніе было такое, что машина работала на холостомъ ходу, что стучали колеса, ходили озабоченно взадъ и впередъ поршни, сновали золотники, свистѣли маховики, но безжизненно висѣли передаточные ремни и вся оживотворяющая работу механика станковъ стояла мертвой.

Люди мѣсяцами ходили и метались изъ учрежденія въ учрежденіе съ какими то бумажками, чтобы получить какой либо пустякъ. Изъ «глав-сахара» въ «глав-бумъ», изъ «глав-бума» въ «главкожу» — всюду добивались пропусковъ, разрѣшеній, и одно учрежденіе разрѣшало, а другое запрещало и люди вертѣлись, какъ бѣлки въ колесѣ. Свободная торговля была уничтожена, мѣшечниковъ пристрѣливали на вокзалѣ и на путяхъ и избивали прикладами, лавки стояли заколоченныя, съ магазиновъ были содраны вывѣски, а на Сѣнной и въ Александровскомъ рынкѣ цѣлыми днями гудѣла толпа и торговали чѣмъ угодно. И походило все это на сумасшедшій домъ.

Такъ же было и въ казармѣ. Казарма напряженно жила цѣлый день, а на повѣрку выходило, что ничего въ ней не дѣлалось.

На другое утро послѣ вечеринки у Коржикова, въ эскадронахъ поднимались вяло отъ тяжелаго долгаго сна. Іюльскій жаркій день давно наступилъ, безпокойно звенѣли цѣпями недоуздковъ лошади, теплый вѣтеръ порывами налеталъ на полковой дворъ и крутилъ пылью и старой соломой, а въ эскадронѣ — люди все потягивались и не вставали. На голодное брюхо трудно было вылѣзать изъ постелей.

Два молодыхъ коммуниста тщетно ходили взадъ и впередъ по эскадрону и звонко кричали:

— Вставать! вставать, товарищи! на уборку!

Товарищи, кто кутался въ старыя рваныя одѣяла или шинели, кто сидѣлъ въ одномъ бѣльѣ на койкѣ и озабоченно почесывался. Матерная ругань перекатывалась съ одного края эскадрона къ другому.

— Опять у меня кто то сапоги сперъ. Ну погоди, сукинъ сынъ, Ротовъ, ежели это ты я тебѣ задамъ! хриплымъ голосомъ говорилъ рыжій красноармеецъ съ краснымъ въ веснушкахъ лицомъ и бѣлыми рѣсницами на узкихъ, какъ у свиньи глазкахъ.

— Чаво-жъ, товарищъ, на уборку идти не жрамши, — говорилъ блѣдный красноармеецъ, потягиваясь такъ, что изъ за поднявшейся рубашки показывалась желтая поясница и видѣнъ былъ провалившійся худой животъ.

Офицеръ остановился противъ него.

— Ты что же, сволочь; разсуждать, скулить теперь будешь. Дрянь паршивая!

Красноармеецъ сидѣлъ и молчалъ. Когда офицеръ отошелъ, онъ проворчалъ: — Вотъ такого слышу! Ну погоди, чортовъ сынъ! придетъ срокъ разсчитаемся! Ишь жидовскія звѣзды понашпилилъ на рукава и куражится. Все одно, что царскій офицеръ.

— Царскій офицеръ, по крайности, дѣло зналъ, да баринъ былъ, а это что, — еврей портной, — сказалъ его сосѣдъ, худощавый солдатъ Переяровъ, одинъ изъ артистовъ оркестра генерала Буденнаго. — Вчора ночью, у Коржикова комиссара, играли мы. Да — всѣ пьяные, растерзанные. Вѣстовой его что то ему не угодилъ, онъ его тутъ же застрѣлилъ, дѣвку раздѣвать началъ, и тутъ же надъ трупомъ скверное дѣло сдѣлалъ. Душа то вѣдь, поди, христіанская.

— Это, товарищъ, не совсѣмъ такъ, — натягивая шаравары, сказалъ его сосѣдъ по койкѣ Лобовъ. — Конечно то, что политкомъ сдѣлалъ, нехорошо, въ разсужденіи вѣстового. А что касается, что душа, такъ я видалъ, какъ сгораетъ эта самая душа. Ничего, знаете, нѣтъ.

— Все-таки, грязно.

— Вся жисть наша такая, — со вздохомъ сказалъ Лобовъ. — Погодите, вотъ, усмиримъ всѣхъ, по иному пойдетъ.

— Эхъ, помню я, — сказалъ Переяровъ, — служили мы въ Нижегородскомъ Его Величества полку, на Кавказѣ стояли. Развѣ такая жисть была! Утромъ встанешь, одѣлся, умылся, Богу помолился — и чай съ бѣлымъ хлѣбомъ. На уборку идемъ — лошадь сытая стоитъ, ее и чистить не надо, съ овса и такъ блеститъ. Ржетъ, встрѣчаетъ тебя, къ рукѣ тянется, любовно такъ. Я всегда ей либо корку хлѣба, либо кусокъ сахара принесу. Вѣдь, — истинный Богъ, по шесть кусковъ сахара въ день давали! А гдѣ онъ, сахаръ-то теперь?

— Что же подѣлаешь, товарищъ. Все бѣлогвардейцы, да казаки мѣшаютъ. Погоди, — вотъ Врангеля генерала усмиримъ, — тогда сахара сколько угодно будетъ.

— Эхъ! слыхали мы! Нѣтъ, ты пойми! Сахара шесть кусковъ!! .. А то въ Питерѣ мы были. Да... На Царскій смотръ насъ вызывали. Зашелъ я въ магазинъ бакалейный, а въ немъ, повѣрите-ли, — пастила четырехъ сортовъ. А? Каково!

— Что же, что пастила. А свободы не было!

— Да, а нонче какая свобода! Коли вѣстового и такъ, здорово живешь, на тотъ свѣтъ отправилъ.

— Да, поди, били тогда? — спросилъ съ другой койки молодой круглолицый парень, весь въ пятнахъ и прыщахъ со спутанными длинными волосами.

— Би-или!? — протянулъ Перерядовъ, — ну нѣтъ, товарищъ. Въ тѣ времена, ежели, кто тронетъ солдата — судебное дѣло. Солдатъ, значитъ, было имя знаменитое — первѣйшій генералъ и послѣдній рядовой носили имя солдата. Вотъ оно какъ было! Бывало, Государь Императоръ пріѣдетъ и солнышко надъ нимъ! Оркестръ гремитъ, а кругомъ золото, золото!! Ахъ, было...

— Ну, что скулите, товарищъ, — злобно сказалъ Лобовъ. — Всегда такъ было, такъ и будетъ.

— Э-эхъ! — съ тоскою сказалъ Перерядовъ — тогда была Россія!

— А ну ее подъ такую! — злобно закричалъ уже одѣвшійся Лобовъ. — Пропади она пропадомъ и съ вѣрою христіанской и съ Богородицею своею.

— Да, постойте, товарищъ! Вы это чего? — сказалъ Перерядовъ.

— Чего, чего? А ты самъ понимай чего? Ты что говоришь?... — послѣдовало крупное ругательство, — ты какъ это понимаешь?... А?... Какъ?... Что это по твоему, контръ-революція, или нѣтъ?... Ты что вспомнилъ?... А?... Ты царя вспомнилъ?... Ты не иначе, какъ шпіонъ и предатель трудового народа.

— Да, постойте, товарищъ Лобовъ. — Ну съ чего вы это взяли. Господи! Да, когда же я что-либо противъ совѣтской власти?! Да вотъ истинный Богъ, съ чистымъ сердцемъ.

— А вы чего Бога поминаете! Плевать на вашего Бога-то, — задыхаясь, кричалъ, не помня себя, Лобовъ.

— Постойте, товарищъ, — блѣднѣя, говорилъ Переяровъ. — Да что я сказалъ? Что комиссаръ деньщика убилъ. Такъ туда ему, паршивцу, и дорога. Ишь, значитъ, не угодилъ его. Что дѣвку при всѣхъ осквернилъ — такъ на то его комиссарская воля. Да развѣ-жъ... я... я... да Господи Твоя воля. Ежели что... Да противъ совѣтской власти! Да, помилуйте, товарищъ, ну развѣ же я не понимаю, что это истинная рабоче-крестьянская власть и иначе нельзя...

Люди выходили на уборку. Переяровъ, побѣднѣвшій и осунувшійся шелъ за Лобовымъ и растерянно говорилъ:

— Да помилуйте, товарищъ, да что я... Царя то вспомнилъ?... Такъ ну его къ бѣсу!... Это такъ къ слову пришлось... Ну, когда же я что-либо такое подумать могъ. Господи, твоя воля... Вотъ напасть еще!

X.

Лошадей выводили на коновязь. Были онѣ, несмотря на лѣто, еще не отлинявшія, косматыя, худыя съ большими животами и выдавшимися у спины ребрами, и шли онѣ, печально звеня цѣпями недоуздокъ, какъ кандалами. Многія были некованы, съ большими отросшими копытами. Тѣ, которыя были кованы имѣли подковы, заросшія рогомъ и небрежно пригнанныя. Вездѣ была та же неряшливость, которая сквозила и во всемъ полку. Лишь изрѣдка, среди плохо содержанныхъ лошадей, появлялась нарядная, съ блестящей шерстью, хорошо кормленная лошадь — это были собственные кони коммунистовъ — разбойниковъ по профессіи. Чистить было нечѣмъ и люди ограничивались лишь тѣмъ, что обдирали съ лошадей деревянными скребками грязь и затирали ихъ пучками грязной ржавой соломы.

Командиръ полка Голубь, по старой вахмистерской привычкѣ, вышелъ на коновязь. Онъ былъ задумчивъ. Тяжелыя думы бороздили его мозгъ, но онъ даже и думать боялся, потому что думы его были: самая настоящая контръ-революція, а онъ зналъ, что за это бываетъ.

Солдаты эскадроновъ раздѣлялись на два класса: — солдатъ-коммунистовъ и солдатъ — мобилизованныхъ. Голубь зналъ, что солдата-коммуниста пальцемъ не тронь. Онъ на все сдачи дастъ, чуть что — комиссару скажетъ и тогда съ командирскаго мѣста можно въ рядовые слетѣть и въ чрезвычайку попасть на разстрѣлъ. Мобилизованные были быдло. Ихъ и въ морду били и пороли...

«А что толку съ этого», — противъ воли своей думалъ Голубь, — «когда все одно настоящаго обученія нѣтъ. Его въ морду вдаришь за контръ-революціонность эту самую, а онъ норовитъ шинель, или сапоги на рынкѣ продать, а то и вовсе удереть. Въ полку три эскадрона - ну какой же это полкъ! Такъ и дивизіона то хорошаго не выйдетъ. Одна слава, что полкъ. За то знаменъ этихъ красныхъ добрый десятокъ и все съ надписями и одна надпись гаже другой. А на древкѣ замѣсто двуглаваго орла - Царя батюшки - антихристова звѣзда. Господи! и когда все это кончится! Вотъ я и командиръ полка, а что толку? Чистка къ примѣру... да въ прежнее время это понимать надо было. Лошади сытыя, играли, а теперь... Бывало эскадронный подойдетъ — скомандуешь: — смирна! и все это бросится къ задамъ лошадей и выстроится. Морды у людей гладкія, веселыя, фуражки на бокъ одѣтыя, отъ него сытостью этой такъ и претъ, красавцы писаные!... А теперь — эскадронный идетъ — никто и не глянетъ. Каждый исподлобья волкомъ мимо смотритъ. Фуражки на затылки сброшены, вида нѣтъ и звѣзда эта самая антихристова торчитъ, совѣсть смущаетъ. А кому служимъ? Интернаціоналу... А кто онъ такой этотъ самый интернаціоналъ, гдѣ онъ живетъ, кто его знаетъ? Вотъ, смотръ, сказываютъ, на дняхъ будетъ, парадъ. Замѣсто Царя то батюшки, яснаго солнышка, Троцкій объѣзжать полки будетъ. Конь подъ имъ плохой, сидитъ какъ собака на заборѣ, на головѣ колпакъ дурацкій. Господи! да какъ же это такъ вышло, что все кругомъ перевернулось! Да почему же это вся Россія въ ничтожество произошла?!»

Среди людей раздались голоса: — «комиссаръ! комиссаръ идетъ» ... Голубь поблѣднѣлъ отъ страха. Ему казалось, что комиссаръ прочтетъ и самыя мысли его.

Коржиковъ шелъ мрачный. Послѣ вчерашняго болѣла голова. Лицо было зеленовато-блѣдное, подъ глазами

мѣшки. Никто не сказалъ бы, что ему всего двадцать пятый годъ. Заложивъ руки въ карманы и, глядя прямо на солдатъ, онъ шелъ по коновязямъ. Вспоминая свое пребываніе въ Донскомъ полку Карпова, онъ видѣлъ, что тамъ лошади были другія и не зналъ, что дѣлать. Дисциплина была. Красноармейцы передъ нимъ тянулись, даже коммунисты его боялись, а порядка не было. Что дѣлать? Составить росписаніе занятій? но не будетъ-ли это отзывать контръ-революціей, не будетъ-ли слишкомъ по старому, не озлобитъ-ли коммунистовъ? И такъ много говорятъ, что въ красной арміи тѣ же порядки, что и въ царской, что офицеры много воли рукамъ даютъ, что солдаты забиты.

Онъ проходилъ мимо грязной худой лошади, смотрѣвшей на него большими прекрасными глазами. Она, видимо, видала иные дни. Рослая, ширококостая съ тусклою вороною шерстью, съ когда-то короткимъ по рѣпицу стриженымъ, теперь неровно отросшимъ хвостомъ, она смотрѣла на Коржикова, выворачивая темные глаза до бѣлка. Коржиковъ невольно остановился. Онъ не зналъ и не понималъ лошади, но и онъ не могъ не замѣтить породистости кобылы.

— Это что за черная лошадь? — обратился онъ небрежно къ шедшему почтительно сзади него Голубю.

— Кобылица Леда... Это генерала Саблина лошадь.

— А... — сказалъ Коржиковъ и чуть было не добавилъ: — «въ расходъ»...

Лошадь смотрѣла на него и, показалось Коржикову, смотрѣла съ упрекомъ. «Осталось, значитъ, кое-что и отъ него. И онъ вспомнилъ про его дочь. «Что-же не присылаютъ изъ Москвы. Тогда, послѣ того требовалъ: — писали — тифомъ больна, послать нельзя.» Потомъ Коржиковъ уѣзжалъ на всю весну, забылъ... Надо будетъ потребовать, коли жива... Теперь вотъ лошадь... и чего она смотритъ.»

— Что она смотритъ? — сказалъ Коржиковъ громко.

— Чего изволите, господинъ комиссаръ, — подскакивая къ нему, сказалъ Голубь.

— Ничего, — грубо сказалъ Коржиковъ и пошелъ отъ коновязи, пожимаясь плечами. «Лошадь Саблина», думалъ онъ... «Чортъ знаетъ что такое! Лошадь осталась! Не все ли одно и столъ, и диванъ, и портреты. Что же, что лошадь! А вотъ смотрѣла какъ!... Непріятно.»

Коржиковъ пошелъ со двора. Когда онъ выходилъ, его нагналъ красноармеецъ. Лицо его было блѣдное, глаза растерянно шмыгали по сторонамъ, просторный англійскій френчъ висѣлъ небрежно, какъ на вѣшалкѣ.

— Товарищъ комиссаръ, — сказалъ красноармеецъ, нагоняя Коржикова, — позвольте доложить.

Они вышли на пустынную улицу. Здѣсь въ тѣни тянуло сыростью и сильнѣе пахло нечистотами. Красноармеецъ оглянулся кругомъ. Никого не было въ переулкѣ.

— Сегодня утромъ... На уборку, значитъ, мы собирались... Переяровъ, красноармеецъ призывной, безпартійный, при всѣхъ громко Царя сталъ поминать и прежніе порядки хвалить. Соблазнъ большой... Теперешнія дѣла хаилъ. Сахару, говорилъ, по шести кусковъ при Царѣ давали... Пастила четырехъ сортовъ... Вчерашнее происшествіе поминалъ. Говорилъ: — зря человѣка угнали...

— Это который Переяровъ? — спросилъ, останавливаясь, Коржиковъ.

— Въ оркестрѣ товарища Буденнаго на кларнетѣ играетъ.

— А... — сказалъ Коржиковъ. — Я ему покажу!

Онъ повернулъ круто назадъ и, подойдя къ воротамъ, звонко, истерично крикнулъ: — «Товарищъ командиръ, пошлите сегодня красноармейца Переярова въ чрезвычайку для опроса»...

Переяровъ уронилъ торбу съ рѣзаной соломой и опустилъ позеленѣвшее лицо на грудь. Кругомъ него всѣ красноармейцы притихли. Всѣ избѣгали на него смотрѣть. Переяровъ понялъ, что онъ обреченъ на смерть и слезы тихо побѣжали по его исхудалому, изможденному лицу.

XI.

Троцкій смотрѣлъ на Марсовомъ полѣ войска Петроградскаго гарнизона. Онъ хотѣлъ выбрать части для отправленія на Крымскій фронтъ.

Погода была кислая. Темныя тучи обложили небо. Вѣтеръ дулъ сильными холодными порывами съ залива. Пахло осенью, морскою водою и свѣжестью. Нева глухо шумѣ-

ла и сѣрыя волны бурлили и пѣнились у высокихъ каменныхъ устоевъ Троицкаго моста. Навѣшенная на памятникъ Суворова красная тряпка уже продранная, трепалась по вѣтру. Отъ шедшаго ночью дождя по Марсову полю были лужи и оно, грязное и истоптанное людьми было красно-желтаго цвѣта. За Лебяжьею канавкой глухо, по осеннему шумѣли густыя липы и дубы Лѣтняго сада. Вѣтеръ рвалъ съ нихъ листья. Небольшая кучка любопытныхъ стояла у Инженернаго замка, ожидая прихода войскъ. Парадъ былъ назначенъ въ необычное время: — въ четыре часа дня, — военный комиссаръ утромъ былъ занятъ и ему некогда было заниматься парадомъ.

Народные комиссары любили парады, но стыдились показать эту любовь. И потому была какая-то небрежность въ исполненіи всѣхъ церемоній парада.

Въ половинѣ четвертаго по Садовой улицѣ раздались бодрые звуки стараго марша Русской гвардіи «подъ двуглавымъ орломъ», показался мѣрно покачивавшійся рядъ пѣхотныхъ музыкантовъ, предшествуемый громаднымъ турецкимъ барабаномъ и за ними стройные ряды хорошо одѣтаго и отлично выправленнаго полка. Винтовки были подобраны и ровно лежали на плечѣ. На людяхъ была новая хорошо пригнанная аммуниція и остроконечныя каски въ сѣрыхъ чехлахъ съ назатыльниками — это были — латышскіе стрѣлки. Командиръ полка, расшитый по рубахѣ красными полосами и золотыми звѣздами ѣхалъ на небольшой, сытой, отлично вычищенной лошадкѣ. За нимъ ѣхалъ его адъютантъ и командиръ батальона. Полкъ шелъ, твердо отбивая ногу по неровной мостовой. Онъ, въ полномъ порядкѣ, перестроился во взводную колонну и сталъ выстраиваться на Марсовомъ полѣ у Екатерининскаго канала. Сухо, вѣско и отчетливо звучали команды на чужомъ для Русскаго уха языкѣ и солдаты выстраивались и выравнивались съ точностью автоматовъ.

Съ Мильонной улицы раздавалось дружное пѣніе молодыхъ голосовъ. Пѣли интернаціоналъ. Это шли красные курсанты. Отлично одѣтые, въ башмакахъ съ обмотками, въ большихъ блиномъ фуражкахъ не Русскаго, а какого-то шофферскаго интернаціональнаго фасона съ большою алою звѣздою на тульѣ, они бодро отбивали шагъ, выходя къ памятнику Суворова.

Вставай, проклятьемъ заклейменный,
Весь міръ голодныхъ и рабовъ!
Кипитъ нашъ разумъ возмущенный
И въ смертный бой вести готовъ.
Весь міръ насилья мы разроемъ
До основанья, — а затѣмъ
Мы нашъ, мы новый міръ построимъ:
Кто былъ ничѣмъ, тотъ станетъ всѣмъ!...

Весело и ярко звучала пѣсня. Батальонный командиръ, старый кадровый офицеръ, ѣхалъ на бѣлой, косматой лошади и хмурилъ сѣдыя брови. Онъ хотѣлъ забыться и не могъ. Онъ хотѣлъ слышать другія пѣсни, онъ хотѣлъ не видѣть кровавыхъ звѣздъ позора на лбу прекрасной Русской молодежи. Молодые люди были блѣдны. Настоящаго боевого загара юности не было. Много лицъ было источено порокомъ, но пѣніе, звучавшая вдали, какъ красивый припѣвъ, музыка, бодрый шагъ въ ногу увлекали ихъ и они поднимали кверху головы и чувствовали себя героями. Они казались себѣ молодцами, способными завоевать міръ и стать «всѣмъ»...

За ними медленно подавался конный коммунистическій полкъ. Старая жилка строевого вахмистра помогла Голубю подобрать лошадей и скрыть изъяны сѣдельнаго убора. Непрерывною цѣлодневною руганью, а кое-гдѣ и побоями онъ добился того, что лошади были вычищены, сѣдла скрыли ихъ худобу и только одного не могъ добиться Голубь — это приличной посадки. Большинство сидѣло на короткихъ стременахъ, подражая казакамъ и стоило лошади зарысить, какъ они валились напередъ, болтая локтями.

Подъ сумрачнымъ небомъ на широкомъ полѣ выстраивались полки и оно покрывалось черными и сѣрыми квадратами. Строевые красноармейскіе полки были одѣты пестро. Были роты, одѣтыя въ старые черные мундиры полковъ гвардіи съ золотыми гвардейскими пуговицами, замазанными красною краскою, были роты въ рубашкахъ, во френчахъ, были роты въ штатскихъ пиджакахъ, надѣтыхъ на рубашки, безъ галстуха, съ патронташами, кое-какъ обвязанными, у кого на поясѣ, у кого черезъ плечо. Обувь была различная. Были части въ высокихъ Русскихъ сапогахъ, были въ обмоткахъ и башмакахъ, были въ рваныхъ ботинкахъ, жалко утонавшихъ въ глинистой грязи. На лѣвомъ флангѣ грозно дыбились ошарпанные танки, взятые у генерала Деникина,

покрытые красными надписями гордыхъ лозунговъ и названій. Надъ стройными прямоугольниками колоннъ рѣяли большія красныя знамена, придавая параду несерьезный видъ. Знаменъ было много и они торчали повсюду. Одни имѣли видъ громадныхъ хоругвей и висѣли на поперечныхъ палкахъ, другія были расперты на двухъ палкахъ и что-то кричали своими жолтыми на красномъ полѣ буквами. Были знамена, сдѣланныя изъ тяжелаго шолка, были просто кумачевыя, бархатныя, плюшевыя, штофныя. Казалось, что ковры, портьеры, занавѣски, дамскія платья, едва-ли не юбки пошли, какъ матеріалъ для хоругвей красной арміи.

Парадомъ командовалъ Пестрецовъ. Грузно сидя на большой лошади, чисто одѣтый въ англійскую аммуницію, съ большой, похожей на пилотскую, остроконечной каской съ красной звѣздою, онъ имѣлъ внушительный и важный видъ. Онъ объѣхалъ съ присутствовавшимъ на парадѣ генераломъ Самойловымъ ряды полковъ и остановился на правомъ флангѣ возлѣ латышскаго полка.

Мелкій дождь срывался съ неба и холодною капелью летѣлъ, гонимый порывами вѣтра. Латыши топтались сзади составленныхъ въ козлы ружей и перебранивались между собою. Сзади нихъ какой-то рабочій совѣтскій полкъ съ красноармейцами, одѣтыми въ пиджаки и въ опорки, съ посинѣвшими на вѣтру лицами совершенно разстроилъ ряды и начиналъ расходиться и офицеры и коммунисты бѣгали и сочно ругались, загоняя красноармейцевъ въ ряды.

На мосту у Лебяжьей канавки стояла группа лошадей, которыхъ держали хорошо одѣтые красноармейцы. Тамъ же былъ и Рахматовъ. Ожидали Троцкаго. Было уже пять, а онъ не ѣхалъ. Очевидно задержали на засѣданіи Цика, гдѣ онъ былъ съ двѣнадцати. Это никого не безпокоило, такъ какъ въ совѣтской республикѣ аккуратность тоже считалась буржуазнымъ предразсудкомъ.

XII.

Рахматовъ, стараясь обходить лужи и грязь, чтобы не запачкать щегольскихъ гусарскихъ лакированныхъ ботиковъ съ розетками на голенищѣ, подошелъ къ Пестрецову и поздоровался съ нимъ, отдавъ честь Самойлову.

— А помните, Яковъ Петровичъ, — сказалъ онъ, — наши парады на этомъ самомъ полѣ? Вы тогда полкомъ командовали?

— Нѣтъ, батальономъ, — хриплымъ простуженнымъ голосомъ сказалъ Пестрецовъ.

— Вотъ тамъ была трибуна, украшенная краснымъ кумачемъ съ бѣлыми подъ горностаи подбоями и флагами трехъ цвѣтовъ. Тамъ вы и съ Ниной Николаевной познакомились?

— Она маленькой институткой была, — сказалъ Пестрецовъ мечтательно улыбаясь.

— А какое солнце свѣтило тогда! Лѣтній садъ былъ еще черный съ малою прозеленью отъ набухающихъ почекъ, а у Лебяжьей канавки сочно зеленѣла трава и цвѣли желтые одуванчики. Все поле было уставлено ровными, математически точными, прямоугольниками пѣхоты. Красиво было...

Пестрецовъ молчалъ и подозрительно смотрѣлъ на Рахматова. — «Уже не провокація-ли», думалъ онъ. Но Рахматовъ говорилъ искренно.

— Не странно-ли, Яковъ Петровичъ, — всего три года отдѣляетъ насъ отъ этого времени, а будто многіе, многіе вѣка прошли и совсѣмъ новая эра настала. А между тѣмъ, — вонъ посмотрите, на Волынскомъ полку еще тѣ же мундиры, а первая школа красныхъ юнкеровъ, — да отъ нея вашимъ роднымъ Павловскимъ училищемъ пахнетъ! Духъ старой Русской Императорской арміи витаетъ здѣсь.

— Я вижу этотъ духъ только въ тѣхъ славныхъ побѣдахъ, которыя сопутствуютъ всюду красной звѣздѣ, — пріосаниваясь и выпрямляясь въ сѣдлѣ сказалъ Пестрецовъ. — Красная армія, созданная товарищемъ Троцкимъ первая армія въ мірѣ.

Но Рахматовъ не понялъ его. Онъ отвѣтилъ безъ задней мысли.

— Единственная армія въ мірѣ, Яковъ Петровичъ, потому что Европа вступила на опасный путь разоруженія.

— А что вы скажете о польской арміи? сказалъ Самойловъ, проницательно глядя на Рахматова. Рахматовъ принялъ вызовъ.

— Польская армія, сказалъ онъ... Но ея побѣды — это побѣды красныхъ казаковъ Буденнаго, которые измѣнили

намъ и перешли на сторону поляковъ. Это побѣда Русскихъ солдатъ и офицеровъ генерала Врангеля... А польская армія и французы тутъ не причемъ. Русскій солдатъ непобѣдимъ. Побѣждаетъ его только такой же Русскій солдатъ.

Пестрецовъ и Самойловъ молчали. Они думали и вспоминали тоже самое, что думалъ и вспоминалъ Рахматовъ. Марсово поле, уставленное войсками и гомонившее тысячами голосовъ имъ слишкомъ многое напоминало и это многое было для нихъ печальное и больное.

— Вы помните, — неожиданно для всѣхъ и, главное, неожиданно для самого себя сказалъ Самойловъ, — какъ точенъ и пунктуаленъ былъ Государь. Ровно въ одиннадцать! Минута въ минуту!..

Никто не отвѣтилъ. Пестрецовъ боязливо оглянулся и подозрительно покосился на уши своей лошади. Въ этомъ проклятомъ царствѣ доносовъ, казалось, и лошадь могла донести.

Всѣ трое тяжело молчали.

Къ нимъ подъѣхалъ растерянный полковой командиръ. На добродушномъ мужицковъ лицѣ его была тревога.

— Ваше... Товарищъ генералъ, — сказалъ онъ, — N-скій полкъ отказывается ждать... Люди въ конецъ промочили ноги. Многіе подметки потеряли. Говорятъ, это одна провокація, никакого Троцкаго не будетъ. Хотятъ уходить.

— Скажите, я латышей пошлю, черезъ десятаго въ расходъ! — процѣдилъ Пестрецовъ.

— Да, кажется, ѣдетъ, сказалъ Самойловъ.

Рахматовъ побѣжалъ къ лошадямъ.

Тяжелый сѣрый броневикъ, съ выставленными пулеметами показался за Инженернымъ замкомъ, за нимъ ѣхалъ красный автомобиль. Въ автомобилѣ сидѣло нѣсколько человѣкъ въ шинеляхъ и высокихъ каскахъ.

— Въ ружье! крикнулъ Пестрецовъ и галопомъ поскакалъ на середину поля.

Поле всколыхнулось темными рядами. Красноармейцы стали разбирать ружья.

— Стано-ви-ись! привычнымъ зычнымъ голосомъ, забывая все, командовалъ Пестрецовъ. Ему казалось, что старое Марсово поле слышитъ его, что сейчасъ проглянетъ яркое

майское солнце и онъ увидитъ ясное лицо Вѣнценоснаго Вождя Россiйской Армiи.

— По полкамъ! Смир-рно! командовалъ онъ въ счастливомъ восторгѣ. Старая, голодная Леда поджималась подъ нимъ. Въ ея лошадиной памяти вставали другiя времена. Ей казалось, что на ней сидитъ не тяжелый мѣшковатый старикъ, а полный юнаго задора стройный Саблинъ, она напрягала свои больныя ноги, раздувала чуткiя ноздри и готова была скакать, откинувъ хвостъ и выгнувъ спину, куда ей укажутъ.

Троцкiй вылѣзалъ изъ автомобиля, протиралъ запорошенное дождемъ пенсне и неловко, неумѣло брался за путлище, доставая плохо сгибающейся ногой стремя сѣдла.

Офицеры свиты садились на лошадей.

XIII.

Троцкiй объѣзжалъ полки. На его лицѣ было самодовольство. Сбылось гораздо больше, чѣмъ онъ когда либо мечталъ. Остро и внимательно, изъ за пенсне, смотрѣли маленькiе глаза. Они видѣли стройные ряды людей, они видѣли молодыя лица юношей, и медленно склонявшiяся передъ нимъ алыя знамена, — но они не замѣчали, что было хорошо и что плохо въ войскахъ. Онъ не видѣлъ обмотанныхъ тряпками, замазанными грязью, ногъ въ полкахъ рабочихъ, онъ не зналъ, гдѣ хорошо, гдѣ дурно пригнана одежда, у кого одѣтъ патронташъ, у кого его не было. На блѣдномъ, одутловатомъ лицѣ съ небольшою бородкой были написаны самомнѣнiе и упоенiе властью, но иногда въ глазахъ мелькалъ страхъ. Онъ боялся, что лошадь споткнется и упадетъ и потому сидѣлъ въ сѣдлѣ неувѣренно. Большая породистая, темно-гнѣдая лошадь шла, вытянувъ шею. Троцкiй не могъ ее подобрать, шенкеля у него были слабые. Лошадь была на уздечкѣ и онъ держалъ поводья, всю силу управленiя возлагая на нихъ. Поводья, оголовье, сѣдло были новыя, хорошiя, взятыя съ чужой квартиры, но опытный кавалерiйскiй глазъ видѣлъ, что они чужiя, что Троцкiй на нихъ себя чувствуетъ нехорошо, что лошадь для него чужая и что онъ не полководецъ и вождь, а просто про-

ходимецъ и воръ, укравшій и лошадь, и сѣдло, и уздечку, и недоумѣвающій, почему его не прогонятъ и не побьютъ.

Красноармейцы, курсанты, офицеры, даже коммунисты, смотрѣли на него со страхомъ. Блѣдныя лица поворачивались за нимъ и старые кадровые офицеры чувствовали, какъ морозъ отвращенія и страха пробѣгалъ по жиламъ при приближеніи этого всадника. Они знали, что кивка головы, недовольнаго взгляда было достаточно, чтобы схватили и уничтожили тутъ же на площади. Про смотры, кончавшіеся такими расправами, ходили легендарные разсказы. Страшное слово «контръ-революція» висѣло въ воздухѣ и съ кровавыхъ знаменъ народные лозунги кричали о жестокой классовой борьбѣ и о смерти всѣмъ имъ, имѣвшимъ несчастіе имѣть когда либо собственность.

Ѣхалъ тотъ, кого многіе считали главной пружиной того, что дѣлается въ Россіи, ѣхалъ Троцкій, за побѣды и хорошее настроеніе частей дарившій офицерамъ золотые часы, бинокли и золотые портсигары съ надписями и вензелями прежнихъ владѣльцевъ и спокойно разжаловывавшій командировъ полковъ въ рядовые красноармейцы, безъ суда отправлявшій ихъ въ тюрьму и на тотъ свѣтъ.

Сзади него, навалившись большимъ животомъ на переднюю луку, на прекрасной вороной лошади, круто подобравшейся на мундштукѣ, ѣхалъ, опустивъ шашку, Пестрецовъ. Лицо его выражало вниманіе и угодливость. Онъ нагибался впередъ, стараясь уловить, что скажетъ Троцкій и не пропустить ни одного слова. Еще дальше ѣхала свита. Парадъ былъ въ мундирахъ, но Троцкій и чины его штаба были одѣты въ какія то плотныя англійскія, уресовыя пальто, штатскаго охотничьяго покроя. Въ новыхъ, недавно введенныхъ уродливыхъ каскахъ съ большими красными звѣздами, всѣ безъ погонъ они производили тѣмъ не менѣе внушительное впечатлѣніе и въ связи съ тою кровью безсчетныхъ смертныхъ приговоровъ, которою пахло отъ нихъ, они казались войскамъ страшною толпою демоновъ.

Троцкій остановился посреди поля и началъ говорить рѣчь. Никто изъ двадцатитысячной массы, собравшейся на полѣ, не могъ слышать и разобрать ни одного слова изъ его рѣчи, вѣтеръ крутилъ его слова и холодный дождь, струями бившій по лицу заставлялъ людей щуриться, но

рѣчь настолько вошла въ обычаи новаго правительства, что безъ нея никогда и нигдѣ не могли обойдтись.

Окончивъ ее, онъ продолжалъ объѣздъ.

Полежаевъ стоялъ передъ вторымъ эскадрономъ коннаго полка. Онъ съ ненавистью и отвращеніемъ смотрѣлъ на приближавшагося къ нему Троцкаго. Онъ оглянулся на своихъ людей. Лица красноармейцевъ, тупыя и голодныя, поблѣднѣли и страхъ былъ на нихъ. Ни тѣни восторга, любви, уваженія, ничего того, что подмѣчалъ Полежаевъ на лицахъ народа и солдатъ, когда проѣзжалъ мимо вѣнценосный вождь Русскаго народа — Божій помазанникъ. Полежаевъ вспомнилъ свой разговоръ съ Рахматовымъ о демонахъ и чувствовалъ, что бѣсовская сила держитъ его. Ему такъ хотѣлось бы броситься и изрубить въ котлеты это отвратительное надменное лицо, а онъ стоялъ неподвижно и смотрѣлъ на Троцкаго и не смѣлъ, не смѣлъ...

«О Господи! что же это за сила въ немъ», думалъ Полежаевъ. «Знаю, что и другіе, мнѣ подобные, пробовали и не могли, не удавалось. Не выходило».

Близко было блѣдное лицо, видна была рыжеватая торчащая впередъ бородка и маленькіе усы, видны мелкія капли дождя на усахъ и щекахъ, видно пенсне, на которое тяжело налегъ толстый бортъ высокой каски. Полежаевъ не видѣлъ глазъ Троцкаго. Троцкій не смотрѣлъ въ глаза своимъ красноармейцамъ, какъ всегда открыто, ясно и привѣтливо смотрѣлъ въ глаза каждому Государь. Троцкій смотрѣлъ м и м о глазъ каждаго. Это проклятое глядѣніе мимо глазъ собесѣдника было во всей этой ужасной республикѣ, оно характеризовало республику...

Маленькою рысью, неловко трясясь и подпрыгивая въ сѣдлѣ, проѣхалъ Троцкій къ срединѣ площади. Онъ не выскочилъ вихремъ, какъ вождь предъ свои войска, но прокрался, какъ воръ, оглядываясь и боясь чего то, и было во всемъ этомъ продвиженіи что то паршивое и гнусное.

Дождь усилился. На глинистой грязи полки устраивались для церемоніальнаго марша. Рѣзко грянулъ оркестръ латышскаго полка старый бодрый Царскій маршъ. Подъ этотъ маршъ, колыхаясь двуглавыми орлами, проходили мимо Императора полки его гвардіи. Отчетливо, утрированно отбивая ногу, но не давая той плавности хода и легкости, которой можно добиться только продолжительной

муштрой и хорошей гимнастикой, шли мимо Троцкаго курсанты. Молодыя лица были повернуты на Троцкаго, блестящія подъ дождемъ красныя звѣзды сверкали. Курсанты шли короткимъ шагомъ, топоча ногами, какъ ходятъ молодые люди, играющіе въ солдатъ.

Пестрецовъ галопомъ, салютуя Троцкому заѣхалъ и остановился, почтительно наклонившись къ военному комиссару. Онъ хмурился. Онъ то, прослужившій почти сорокъ лѣтъ въ Императорской Арміи видѣлъ, что вся эта красноармейская муштра не настоящая, онъ видѣлъ изломанныя поясницы, выставленные зады, согнутыя колѣни и морщился. «Такая выправка, такой шагъ, такая маршировка могутъ нравиться только жидамъ», думалъ онъ.

— Отлично идутъ? А?.. Неправда ли, генералъ? — кинулъ въ его сторону, чуть поворачивая лицо къ нему, Троцкій.

— Великолѣпно, товарищъ комиссаръ, — вытягиваясь сказалъ, салютуя шашкой, Пестрецовъ.

— Отлично, товарищи, визгливо крикнулъ курсантамъ Троцкій.

Батальонъ выждалъ лѣвой ноги и дружно, какъ въ былыя времени кричали: «рады стараться ваше императорское величество», прокричалъ, отчеканивая слоги:

— Служимъ народу и революціи!..

Полки шли за полками и эскадронъ Полежаева приближался къ мѣсту церемоніальнаго марша.

Полежаеву были видны то стройно идущіе ряды старыхъ Императорскихъ солдатъ, отчетливо отбивающихъ ногу, то черные ряды рабочихъ, не могущихъ поймать ноги, проходящихъ вразбродъ съ опущенными штыками и плоско лежащими ружьями и отовсюду слышалось это дружное и рѣзкое: «служимъ народу и революціи»!

Оно было непонятно Полежаеву.

«Если «служимъ народу», такъ отчего же такъ боимся этого народа? Отчего пріѣхалъ Троцкій, имѣя спереди и сзади броневыя машины съ пулеметами, готовыми стрѣлять въ толпу, отчего стоитъ онъ, окруженный видными чекистами, которые ни передъ чѣмъ не остановятся. Если «служимъ народу», отчего ненавидитъ ихъ этотъ самый народъ и красная армія вѣчно борется съ крестьянами и рабочими? Отчего не народомъ Русскимъ окружены Кремль

и Смольный, а наемными латышами, китайцами и венгерцами? Служимъ революціи казалось еще болѣе дикимъ и страннымъ. Что такое революція? Возмущеніе, бунтъ... Ну, было возмущеніе и установился послѣ него этотъ дикій образъ правленія и первобытный образъ жизни, но если служить революціи — это значитъ служить новому возмущенію, которое должно свергнуть совѣтскую власть... Какая нелѣпость съ точки зрѣнія народныхъ комиссаровъ, а вотъ кричатъ же, восторженно кричатъ!».

Полежаеву казалось, что весь этотъ парадъ, подъ хмурымъ небомъ и на грязномъ полѣ, только тяжелый сонъ, что онъ проснется и, какъ призраки, разсѣются эти полки, четко отбивающіе ногу по жидкой растоптанной грязи, и только будетъ звучать бодрый пѣхотный маршъ Русской Императорской гвардіи.

Какъ во снѣ открылось передъ нимъ пустое пространство. Онъ увидалъ удаляющійся первый эскадронъ, за нимъ въ сѣрой дымкѣ тумана розовый домъ принца Ольденбургскаго и низко нависшія косматыя тучи. Онъ вынулъ шашку изъ ноженъ и скомандовалъ: — «маршъ» — эскадронъ тронулся и пошелъ за нимъ, приближаясь къ Троцкому.

На мгновеніе Полежаевъ забылся. Ему стало казаться, что онъ камеръ пажомъ ведетъ эскадронъ за собою, что сзади него нарядные солдаты съ розовыми румяными лицами. Онъ оглянулся. Голодныя лошади устало, вразбродъ, брели по грязи. Сѣрыя лица солдатъ хмуро глядѣли изъ подъ фуражекъ блиномъ, на которыхъ сверкали блестящія кровавыя звѣзды.

— Салютуйте! Салютуйте-же! хриплымъ голосомъ крикнулъ ему Голубь. —

Полежаевъ машинально, деревяннымъ движеніемъ, поднялъ къ подбородку и опустилъ шашку. Онъ повернулъ голову. На фонѣ темной зелени Лѣтняго сада стояла группа всадниковъ. Сзади нея были двѣ броневыя машины. Изъ этой группы выдѣлялся одинъ. Полежаевъ увидалъ большую рыжую каску, какъ колпакъ лежащую на головѣ, и подъ нею маленькое лицо съ козлиной бородкой. Ему показалось, что онъ увидалъ демона, что каска прикрываетъ рога. Холодная дрожь пробѣжала по тѣлу и Полежаевъ прошепталъ про себя: — Господи прости! Прости и помилуй!

— Отлично! товарищи! — послышалось изъ свиты и сзади Полежаева красноармейцы отвѣтили: — служимъ народу и революціи!..

Полежаевъ проѣхалъ мимо Троцкаго и теперь видна стала кучка народа у берега канавы и по шоссе, и деревья Лѣтняго сада.

У выхода съ Мильонной улицы на Дворцовую площадь батальонъ курсантовъ перегородилъ дорогу кавалерійскому полку и Полежаевъ остановился. Курсанты шли съ пѣснями. Въ одной ротѣ звонкій тенорь лихо заводилъ:

Нашъ могучій Импера-аторъ
Память вѣчная ему-у!...

И хоръ дружно подхватывалъ:

Самъ ружьемъ солда-атскимъ правилъ,
Самъ и пушки заряжалъ...

Эта рота удалялась и голоса ея хора заглушали и покрывали звуки торжественнаго интернаціонала, который не пѣла, а ревѣла вся слѣдующая рота: —

Никто не дастъ намъ избавле-енья —
Ни Богъ, ни царь и не герой.
Добьемся мы освобожде-енья
Своей лишь собственной рукой!....

Эта рота прошла, а слѣдующая дружно пѣла старинный, болѣе двухсотъ лѣтъ существующій въ Россіи Петровскій маршъ:

Русскаго Царя солдаты
Рады жертвовать собой,
Не изъ денегъ, не изъ платы,
Но за честь страны Родной!....

Какой сумбуръ, какой сралашъ теперь въ Россіи», думалъ Полежаевъ. — «Разберись, что происходитъ въ умахъ этой молодежи».

Сзади пѣвшей роты раздались свистки и громкіе крики: —

— Довольно! Къ чорту!.. Къ..., непечатная ругань повисла надъ ротой.

— Пой похабную!.. Поха-абную! — кричалъ кто-то зычнымъ неистовымъ властнымъ голосомъ.

И хоръ грянулъ пѣсню про то, какъ принимали сваху... Тоже не новую пѣсню, а старую, созданную изъ циничныхъ созвучій. Новыхъ пѣсень не было. Новыя были только частушки, а подъ нихъ нехорошо было ходить... Полкъ Полежаева тронулъ впередъ. Впереди перваго эскадрона игралъ «оркестръ товарища Буденнаго» — двѣ гармоники. Клариста не было. Кларнетъ полторы недѣли тому назадъ за контръ-революцію былъ «выведенъ въ расходъ».

XIV.

Былъ хмурый ноябрьскій вечеръ. За окномъ бушевала непогода. Нева завывала подъ порывами западнаго вѣтра и гнѣвно плескалась о каменныя перила набережной. Дождь крупными каплями ударялъ въ стекла. Въ печахъ звенѣли вьюшки. Въ холодной нетопленой гостиной квартиры Полежаева было сыро и темно. Электричества не отпускали, дрова надо было беречь до настоящей зимы.

Полежаевъ сидѣлъ за прекраснымъ роялемъ и игралъ на память, стараясь забыться. Онъ прочелъ въ совѣтскихъ извѣстіяхъ о занятіи красными войсками Крыма, о «бѣгствѣ генерала Врангеля съ капиталистами, попами, помѣщиками и бѣлогвардейцами». Извѣстія были краткія, но ликующія. Газеты превозносили товарища Фрунзе, но Полежаевъ зналъ, что Фрунзе тутъ былъ не причемъ. Онъ зналъ...

Самъ Богъ былъ противъ нихъ. Богъ прогнѣвался на Русскій народъ и не хотѣлъ ни его спасенія ни избавленія. Слова Рахматова сбывались. Графъ де Мартелль былъ у Врангеля и дьявольское колдовство совершилось. Пропала послѣдняя надежда, и безцѣльной и ненужной казалась шестимѣсячная мучительная работа въ красной арміи и шестимѣсячный ежечасный рискъ своею жизнью. Что толку въ его развѣдкѣ, въ его знаніяхъ, когда никого не осталось, кому можно бы передать эти знанія. Полежаевъ зналъ, что всѣ фонари на Севастопольской набережной были увѣшаны трупами повѣшенныхъ офицеровъ и рабочихъ, которые не успѣли уѣхать. Онъ зналъ, что Крымъ былъ отданъ Красной арміи, и онъ понималъ все значеніе этихъ словъ. Тоска за Олю, за Павлика, за Ермолова томила его. Отчего онъ не съ ними? Живы-ли они? Полъ года онъ служитъ

подъ красными знаменами, полъ года странствуетъ по совѣтской республикѣ и ни разу и нигдѣ не наткнулся на слѣды Тани Саблиной. Вѣрно погибла. Хорошо, если просто умерла, а если...

Страданія Полежаева были непередаваемы. Онъ часто хотѣлъ покончить съ собой. Спасеніе казалось немыслимымъ и Россія погибшей безвозвратно. Все гибло и разрушалось на его глазахъ. Та конница, которою такъ гордится Троцкій и которая весною должна была перебросить пожаръ революціи въ Западную Европу, гибла отъ безкормицы и плохого ухода. Не проходило дня, чтобы изъ эскадрона не вытаскивали конскаго трупа, и голодныя собаки стаями дежурили у воротъ казармы. Развратъ и дурныя болѣзни дошли въ полку до крайнихъ предѣловъ. Вши появились въ эскадронѣ и, не смотря на всѣ принятыя мѣры, размножались со страшною быстротою. Города гибли и Петербургъ становился все безлюднѣе и глуше. Жутко было ходить по улицамъ.

Молитва и музыка утишали душевную боль Полежаева. За роялемъ, въ холодной гостиной, на память игралъ Полежаевъ цѣлыя оперы и оперетки, пѣлъ старыя пѣсни, фантазировалъ, окружилъ себя призраками прошлаго. Онъ часто читалъ въ газетахъ и слышалъ въ рѣчахъ истеричные выкрики: — къ прошлому возврата нѣтъ, — онъ мечталъ объ этомъ прошломъ и къ этому прошлому онъ стремился.

Въ комнатѣ было темно. Но глазъ привыкъ къ темнотѣ и Полежаевъ различалъ диваны, стулья и кресла, и окна безъ занавѣсей, за которыми въ темнотѣ гнѣвно плескалась Нева.

Онъ игралъ и пѣлъ, позабывъ о времени, и не видѣлъ, какъ вечеръ смѣнился ночью и сталъ стихать порывистый вѣтеръ.

Дверь гостиной, какъ и всѣ двери квартиры, бывшая безъ замка, отворилась и темная тѣнь высокаго человѣка скользнула въ нее и внесла съ собою запахъ лайковой кожи, дождя и воды и холодъ ненастной осенней ночи.

Полежаевъ пересталъ играть и вглядѣлся въ вошедшаго. Вошедшій самъ назвалъ себя.

— Осетровъ, — сказалъ онъ. — Простите, что безъ зова. Сидѣлъ я у коммунистовъ надъ вами. Слушалъ, какъ вы

играете. Томитъ меня тоска смертельно. Послушать пришелъ. Простите. Играйте что-нибудь.

Полежаевъ сталъ играть на память ноктюрнъ. Осетровъ сѣлъ на кресло въ углу у конца рояля и темнота скрыла его. Полежаевъ совсѣмъ забылъ, что у него гость. Онъ вздрогнулъ, когда услышалъ изъ угла тихій, непривычно мягкій голосъ Осетрова.

— Спойте, товарищъ, — сказалъ Осетровъ, — ту пѣсню, что тогда у Коржикова пѣли. Вотъ про разбойника-то, который спокаялся и въ монастырь пошелъ.

Полежаевъ послушно заигралъ и запѣлъ вполголоса:

Господу Богу помолимся,
Древнюю быль возвѣстимъ,
Такъ въ Соловкахъ намъ разсказывалъ
Инокъ святой Никодимъ,
Жило двѣнадцать разбойниковъ,
Жилъ Кудеяръ атаманъ.
Много разбойники пролили
Крови честныхъ христіанъ...

— Что, товарищъ, это правда, или такъ, — сказка одна, — сказалъ Осетровъ, едва Полежаевъ кончилъ пѣть.

— Народъ эту пѣсню сложилъ, — сказалъ Полежаевъ.

— Я думаю, правда... Ахъ, товарищъ, вѣдь если бы не правда — жить нельзя... Томитъ меня тоска смертельная... Ночью покоя нигдѣ не нахожу. Призраки меня преслѣдуютъ... Да... было дѣло такъ. Незадолго до революціи познакомилъ меня Кнопъ, офицеръ одинъ еврей... Онъ солдатами убитъ. При Керенскомъ еще, когда офицеровъ избивали солдаты. Да. Познакомилъ меня съ женою моего полкового командира... Ну и влюбился я въ нее безъ ума... Натѣшился въ волю. Она и пикнуть не посмѣла. Я и чекистъ теперешній, Гайдукъ, ею владѣли... Ну, только, пріѣхалъ генералъ Саблинъ и запрягалъ ее невѣсть куда. Сказываютъ — въ Финляндію. Въ прошломъ году, значитъ, Саблина замучили и разстрѣляли и лишилась, значитъ, она поддержки. Мужа ее еще раньше солдаты такъ, задарма, убили. Тоже въ первую революцію, при Керенскомъ. А были у ней, значитъ, вещи, квартирная обстановка, на складѣ. Зналъ я про это. И вотъ сговорился я со Шлоссбергомъ и отдали мы приказъ отъ Вечека, чтобы, значитъ, если кто за этими вещами придетъ, чтобы арестовать и намъ предоставить. Въ мартѣ этого года пріѣхала. Голодная,

безъ денегъ: изъ Финляндіи, значитъ, прогнали. Дѣвочка съ нею, восьми лѣтъ, ничего нѣтъ. Одежонка плохая. Значитъ, уже все продала, ничего не осталось. Предоставили ее въ Вечека. Сговорились мы со Шлоссбергомъ, чтобы для допроса доставить къ Коржикову, ну и я тамъ былъ. Узнала она меня. А все такая же, прекрасная, бѣлая. Старая любовь то, значитъ, какъ говорится, не ржавѣетъ. Затрепеталъ я весь. Заперлись мы, значитъ, вчетверомъ. Коржиковъ, я, она и дѣвочка. Я притворился, будто покаялся. Ну, только, она чувствуетъ, ничего не ѣстъ, а дѣвочку удержать не можетъ. Голодная, а такъ чистенькая, розовенькая, видно себѣ отказывала, а дѣвочку кормила... Мать! Коржиковъ смѣется надъ ней. Дѣвочкѣ конфеты суетъ и слова нехорошія заставляетъ повторять. Хулу на Бога и Богородицу говорить. Дѣвочка кричитъ на него: — «не смѣй, дядя, не смѣй это дѣлать. Нельзя про Боженьку такъ говорить». Она мечется по комнатѣ, какъ птица въ клѣткѣ. Плачетъ, руки ломаетъ. Но молчитъ. Намъ это тогда очень все забавно казалось. Коржиковъ дѣвочку раздѣлъ, значитъ, повалилъ на диванъ, насиловать хочетъ. Она на него кинулась. Коржиковъ мнѣ говоритъ: — «подержите, товарищъ, пусть посмотритъ, она лучше тогда, страстнѣе будетъ, больше чувства вамъ дастъ». Я схватилъ ее. Насилу справился. Сильная такая стала. Дѣвочка плачетъ, хрипитъ... Ну послѣ я на нее навалился. Только чувствую, холодная она. Гляжу — умерла... И вотъ съ той поры, товарищъ, нѣтъ у меня покоя. Все она мнѣ мерещится. Вчера вошелъ я въ комнату... Днемъ... А она сидитъ въ креслѣ, простоволосая, волосы по спинѣ распущены, каштановые. Посмотрѣла такъ на меня и одними губами говоритъ: — «отдай дѣвочку! отдай Валю!»... и исчезла... И вотъ, товарищъ, сталъ я бояться... Спойте еще разъ эту пѣсню.

Полежаевъ заигралъ и запѣлъ еще тише, чѣмъ пѣлъ прежде:

Много добра понаграбили,
Много убили въ лѣсу,
Самъ Кудеяръ изъ подъ Кіева
Вывезъ дѣвицу красу.
Днемъ съ полюбовницей тѣшился,
Ночью набѣги творилъ,
Вдругъ у разбойника лютаго
Совѣсть Господь пробудилъ...

— А есть это, знаете, — сказалъ Осетровъ задумчиво и помолчалъ... — Совѣсть, или вотъ это самое... Богъ-то... Я не вѣрилъ, а только. — Ну да вотъ разскажу, — судите сами. Помните приказъ такой вышелъ отъ народныхъ комиссаровъ, чтобы, значитъ, Александро-Невскую лавру ликвидировать. Имущество въ народную казну, а помѣщенія для красноармейцевъ забрать и въ соборѣ хотѣли, значитъ, театръ устроить. Пріѣхалъ и я туда съ матросами. Все такой отважный народъ. Орлы революціи. Забрали мы тамъ попика. Уже очень онъ народъ противъ насъ возбуждалъ. И такъ ничего особеннаго не было въ немъ. Простой такой, небольшого роста, сѣдоватый, бородка чуть раздвоенная вотъ, какъ Христа рисуютъ. Отецъ Василій его звать. Посадили его матросы въ автомобиль, а онъ, спокойный такой, будто даже счастливъ чѣмъ. А чему радоваться? — на разстрѣлъ его везли. Тогда мы на Смоленскомъ полѣ больше разстрѣливали. Ему матросъ и говоритъ: — «батя, а ты знаешь, куда и зачѣмъ тебя везутъ?» — А онъ говоритъ: — «этого ни вы, ни я не знаете. Одинъ Господь Богъ это знаетъ». Матросы захохотали, весело такъ. — «Ишь», говорятъ, «батя, — притворяется, разстрѣляемъ тебя и вся твоя недолга». — А онъ опять свое: — «это, говоритъ, какъ Богъ укажетъ, а безъ Его святой воли ни одинъ волосъ съ головы моей не упадетъ». И такъ, знаете, это твердо, сильно выговорилъ, что мы даже примолкли. И только отъѣхали — шина лопнула. — «Ничего», говорятъ матросы, — «катай безъ шины». Ѣдемъ дальше. Трясетъ машину, кидаетъ. На Невскомъ у Думы вторая шина лопается. А автомобиль, надо вамъ сказать, новый былъ, недавно изъ царскаго гаража взятый. Постояли, походили, покрутили головами. Шофферъ говоритъ: «я за запасной шиной духомъ слетаю, тутъ недалече въ Михайловскій манежъ». — Матросы говорятъ: «не надо, валяй такъ». Не доѣхали мы и до Мойки, лопается третья шина. Да, понимаете, — исторія. И вдругъ стало намъ всѣмъ очень страшно. Ну, какъ это отъ Бога? праведника веземъ. Одинъ матросъ среди насъ былъ, угрюмый такой дядя. Онъ собственноручно тридцать офицеровъ живьемъ потопилъ. Ядра къ ногамъ привязывалъ и въ воду бросалъ. Вотъ и говоритъ онъ: «ну, отецъ Василій, коли еще шина лопнетъ, или что случится, ступай на всѣ четыре стороны, а я въ монастырь пойду, грѣхи замаливать стану»...

Поѣхали дальше. И, вѣрите ли, у Александровскаго сада, четвертая шина лопнула и магнето испортилось. Никуда машина стала. Вышли мы. Матросъ тотъ священника высаживаетъ. Шапку снялъ всенародно. «Благословите, батюшка», говоритъ. Руку ему поцѣловалъ и за нимъ всѣ матросы одинъ за однимъ подъ благословеніе подошли... Ну и я тоже. — «Идите, батюшка», — говорятъ, «простите насъ Христа ради». — «Богъ проститъ» — сказалъ отецъ Василій и пошелъ по Гороховой назадъ. — Вотъ какая исторія была. Мнѣ бы тогда образумиться, а то вотъ до чего дошелъ...

Осетровъ замолчалъ. Въ гостиной было тихо. За окномъ шумѣла Нева и волны то грозно вскипали, то плакали, разбиваясь о гранитъ.

XV.

— Вы меня простите, товарищъ, — тихо сказалъ Осетровъ, — что такъ васъ утруждаю, а только моя къ вамъ просьба, спойте еще разъ. Мысли эта пѣсня во мнѣ освѣжаетъ.

Бросилъ своихъ онъ товарищей.
Бросилъ набѣги творить.
Самъ Кудеяръ въ монастырь пошелъ
Богу и людямъ служить.
Господу Богу помолимся
Древнюю былъ возвѣстимъ
Такъ въ Соловкахъ намъ разсказывалъ
Самъ Кудеяръ — Никодимъ...

Мягко звучала пѣсня, обрываясь тихими умиротворяющими аккордами. И послѣ, долго оба молчали. Прошло не мало минутъ. Глухо билась за окномъ плѣненная Нева и дождикъ падалъ на стекла.

— Приказалъ Ленинъ, — тихо заговорилъ Осетровъ, всталъ съ кресла, подошелъ къ Полежаеву и сталъ, облокотившись на рояль. — Приказалъ Ленинъ въ Москвѣ Иверскую снять, а икону Николая Чудотворца, что надъ Кремлевскими воротами висѣла, краснымъ кумачемъ завѣсить. Первое мая тогда мы первый разъ подъ совѣтскою властью праздновали. Сдѣлали мы это все, согласно съ приказомъ. Занавѣсили ликъ угодника Божія съ ночи и ушли. Только

утромъ, иду я съ нарядомъ красноармейцевъ и вижу: народъ толпится у воротъ и то тутъ, то тамъ вспыхнетъ пѣніе: «святителю отче Николае, моли Бога о насъ!» Разгорѣлся я весь. «Ахъ», думаю, «опять эти попы что-нибудь устроили. Наксесъ какую-либо, чтобы народъ смущать». Кинулся туда. Гляжу — ликъ угодника ясно глядитъ, а кругомъ красная матерія въ клочья разодрана. — «Ахъ, ты», думаю, — «какой негодяй это сдѣлалъ!» Достали мы снова лѣстницу, затянули кумачемъ, стали народъ разгонять. А люди и говорятъ намъ: — «не безпокойтесь, товарищи, ангелы съ него вашу бѣсовскую тряпку снимутъ таки». Я остался. Пока съ народомъ говорилъ и на образъ не смотрѣлъ — ничего же не можетъ тамъ случиться. Только слышу: — «вотъ онъ, батюшка нашъ заступникъ!» и опять, значитъ, запѣли: «святителю отче Николае». Я глянулъ: — въ лохмотьяхъ алая тряпка, а ликъ глядитъ на народъ. Доложили Ленину. Обругалъ насъ. «Вѣтеръ», говоритъ, «о зубцы иконы разорвалъ кумачъ. Содрать ее совсѣмъ къ чортовой матери»... Вѣтеръ... много чего тогда было заворочено кумачемъ, да не содралъ вѣтеръ, а это, вишь ты, — вѣтеръ. И никто не исполнилъ приказа Ленина, не снялъ иконы... Такъ вотъ, товарищъ, ежели все это есть, такъ, значитъ, и покаяніе есть.

Осетровъ замолчалъ. Молчалъ и Полежаевъ. Въ залѣ было сыро, холодно и тихо, какъ въ могилѣ. Треснулъ паркетъ и оба вздрогнули.

— А если есть покаяніе, — сказалъ Осетровъ, — есть и прощеніе.

Осетровъ чиркнулъ спичку и посмотрѣлъ на свои золотые съ бриліантовымъ двуглавымъ орломъ часы.

— Который часъ? — спросилъ Полежаевъ.

— Шестого пять минутъ... Товарищъ, хотите, пойдемте въ церковку одну. Богу помолимся. Никто теперь не увидитъ. Если встрѣтимъ кого, скажемъ, что изъ вечека возвращаемся, съ работы.

— Пойдемте, — сказалъ Полежаевъ.

— Только дайте, товарищъ, мнѣ вашу шинель, а то въ кожаномъ платьѣ какъ то неловко идти въ святой храмъ.

Они вышли. На набережной было пустынно. Вѣтеръ стихъ, но взволнованная еще плескалась Нева и пѣной разсыпались волны о темные устои мостовъ. Нигдѣ не было

ни души. Морозило, и улицы были покрыты толстою ледяною корою. Идти было скользко. Осетровъ взялъ подъ руку Полежаева и повелъ его.

— Такъ легче идти, товарищъ, — сказалъ онъ.

Они вышли на Гороховую и, когда пересѣкли Садовую, все чаще и чаще стали они обгонять одинокихъ пѣшеходовъ, шедшихъ въ одномъ съ ними направленіи. Шли старики и старухи, шла молодежь, гимназисты въ сѣрыхъ пальто, нѣсколько красноармейцевъ кралось вдоль стѣнъ, будто стыдясь своихъ короткихъ англійскихъ шинелей и красныхъ звѣздъ на фуражкахъ. Всѣ шли на дребезжащій, медленный, робкій, но увѣренный, одинокій звонъ небольшого колокола. Онъ сталъ слышенъ едва только они вышли на Загородный проспектъ и звалъ ихъ на Звенигородскую. Въ линіи темныхъ домовъ съ темными пустыми окнами выдѣлялось желтыми пятнами четыре большихъ окна второго этажа и желтое освѣщенное пятно широкаго подъѣзда. Въ подъѣздѣ, у большой иконы Сергія Радонежскаго, горѣли сотни тонкихъ свѣчекъ. Яркіе огни стояли неподвижно и видны были колѣнопреклоненныя фигуры людей. Подходили новые прихожане и ставили свѣчи у громаднаго бѣлаго паникадила.

Народъ подымался по лѣстницѣ во второй этажъ. Тамъ былъ небольшой храмъ. Служба еще не начиналась, но церковь уже была полна. Слышались тихіе шаги, осторожный шопотъ, вздохи и плачъ. Женщина въ черномъ, худая и болѣзненная, стояла на колѣняхъ у иконы Божіей Матери, устремивъ на нее громадные сѣросиніе глаза. Крупныя слезы собирались въ нихъ, отражали десятки желтыхъ огоньковъ, потомъ медленно текли по блѣднымъ щекамъ и падали на потертую плюшевую шубку.

— Вдова одна, — прошептала женщина, кивая на нее подошедшему къ ней старику въ старомъ, но хорошемъ пальто. — Съ одной квартиры мы. Вчера ночью мужа ея, офицера, взяли. Кто то донесъ, что онъ офицеръ. Нашли приказы Деникина. Разстрѣляли. Она просила хоть тѣло выдать. При ней на куски разрубили, звѣрей кормить отправили. Теперь молится... Мальчонка у ней махонькій остался. А вещей только вотъ шубка, да и та потертая.

— А Февралевы здѣсь? — спросилъ старикъ.

— Здѣсь, за плащаницей стоятъ. Какъ ее Богъ носитъ, удивляться надо. Говорила съ ней, такъ и голоса нѣтъ.

Экое горе! дочь ушла отъ нихъ, въ содержанки къ комиссару поступила. А ее ли не воспитывали? Господи! Музыкантша была, въ концертахъ играла.

— А Синицынымъ дѣтей не вернули?

— Нѣтъ еще. Сегодня пойдетъ къ самой Коллонтай. На колѣняхъ, говоритъ, умолять буду. Вѣдь все-таки женщина она, ужели моего горя не пойметъ.

— Отсюда въ очередь?

— Да, сказывали, по полъ селедки сегодня выдавать будутъ на паекъ. Вчера хлѣба такъ и не добились, безъ ужина и спать легли.

— У насъ Митя желудей въ Лѣсномъ набралъ, такъ мы варили, все будто кофей.

Горе и голодъ толпились здѣсь. Всюду блѣдныя лица, склоненныя головы, красныя вѣки, тихіе вздохи и плачъ.

И вдругъ все стихло. Изъ-за алтаря раздался чуть слышный голосъ священника. «Аминь» ... поспѣшно отвѣтилъ чтецъ на клиросѣ и началъ читать псалтирь. Проскомидія начиналась.

Полежаевъ слушалъ то, что читалось на клиросѣ, смотрѣлъ на толпу людей, наполнившую церковь, и новыя мысли роились у него въ головѣ. Въ полутьмѣ храма, озареннаго только свѣчами, теплящимися у иконъ, да лампадками, среди глубокой зимней ночи ему казалось, что онъ отошелъ въ святыя времена древности, что это не съ дѣтства знакомый ему храмъ монастырскаго подворья на Знаменской, куда ребенкомъ ходилъ онъ, съ матерью, братомъ Павликомъ и сестрою Олей, а древнія катакомбы христіанскихъ мучениковъ. Каждое слово молитвы, псалма, каждый возгласъ священника изъ темнаго алтаря пріобрѣталъ новое, глубокое значеніе, котораго раньше онъ не замѣчалъ.

Полежаевъ былъ сытъ, но онъ понималъ голодныхъ, потому что голодалъ не разъ. Онъ понималъ горе, потому что его личное горе, его забота, его муки совѣсти не имѣли предѣла. Нравственная пытка служить подъ красными знаменами и быть правовѣрнымъ коммунистомъ была сильнѣе всѣхъ пытокъ тѣла и даже ужаса смерти въ полутемномъ гаражѣ.

Древняя молитва облегчала ее. Она давала надежду на спасеніе.

— Помилуй мя, Боже, по велицѣй милости Твоей, — читалъ чтецъ, — и по множеству щедротъ Твоихъ очисти беззаконіе мое. Наипаче омый мя отъ беззаконія моего, и отъ грѣха моего очисти мя: яко беззаконіе мое азъ знаю, и грѣхъ мой предо мною есть выну. Тебѣ единому согрѣшихъ и лукавое предъ Тобою сотворихъ...

Все это такъ отвѣчало мыслямъ и настроенію Полежаева и Осетрова.

— Окропиши мя иссопомъ и паче снѣга убѣлюся. Слуху моему даси радость и веселіе: возрадуются кости смиренныя... Сердце чисто созижди во мнѣ Боже и духъ правъ обнови во утробѣ моей...

«О, Господи», думалъ Полежаевъ, «но когда же, когда же это будетъ!!»

... — Плещма Своими осѣнитъ тя... Не убоишися отъ страха нощнаго, отъ стрѣлы летящія во дни... Падетъ отъ страны твоея тысяща и тма одесную тебе, къ тебѣ же не приближится... На рукахъ возмутъ тя, да не преткнеши о камень ногу твою: на аспида и василиска наступиши и поперепиши льва и змія.

Надеждой и вѣрой въ побѣду и спасеніе звучали эти смѣлыя слова.

Кругомъ вздыхали и шептали слова молитвъ и никогда, никогда такой горячей молитвы не знала эта маленькая церковь. Этимъ людямъ осталась только молитва. У нихъ новое рабоче-крестьянское правительство отняло все: отняло собственность, право на трудъ, свободу, честь, право любить. Имъ пока осталась молитва, да и молиться приходилось украдкой, раннимъ утромъ, когда послѣ кровавой бани спитъ вечека, и палачи потягиваются на краденныхъ постеляхъ. И люди молились и искали помощи у Бога.

«Господи помилуй, Господи помилуй»... сорокъ разъ повторялъ чтецъ и не было это скучно и непонятно, но и сто разъ повтори онъ эти два слова и послушно шептали бы за нимъ уста этихъ людей: — Господи помилуй!

Ничего не оставалось больше!!...

Началась литургія. На правомъ клиросѣ пѣлъ небольшой, хорошо спѣвшійся хоръ. Тутъ были пѣвцы и пѣвицы изъ оперы, здѣсь на клиросѣ бѣдной церкви забывавшіе позоръ вечерняго служенія царствующему жиду, хаму и

спекулянту, здѣсь пѣли гимназисты и гимназистки, бросившіе учиться, потому что увидали безплодность совѣтской науки...

Мягко начали пѣть «Единородный Сыне и Слове Божій», но когда дошли до конца, страстнымъ воплемъ, по всей церкви раздалось — «спаси насъ! спаси насъ! спаси насъ!»

Вся церковь рухнула на колѣни. Въ полутьмѣ видны были плачущія лица, люди сгибались и припадали лицами къ полу. — «Спаси насъ, спаси насъ!» стономъ гудѣло кругомъ...

— Пойдемъ, — прошепталъ Осетровъ Полежаеву, — я не могу больше!

И когда спустились они внизъ по лѣстницѣ, переполненной молящимися, и проходили мимо образа внизу, сверху неслось трогательное, точно порхающее: — «святый Боже, святый крѣпкій, святый безсмертный помилуй насъ!» ...

Чуть свѣтало. Мутно рисовались на другой сторонѣ низкія постройки казармъ Егерскаго полка. Наступалъ блѣдный холодный день. Небо зеленѣло на востокѣ. Полежаевъ съ удивленіемъ замѣтилъ, что по лицу Осетрова текли слезы. «Хорошъ коммунистъ», подумалъ онъ. — «И Ленинъ смѣетъ говорить, что религія опіумъ для народа.»

Они обогнали странную группу. Женщина везла на ручныхъ санкахъ полуобнаженный трупъ. Сзади бѣжала дѣвочка пяти лѣтъ. Санки скрипѣли по замерзшимъ камнямъ и ѣхали неровно толчками. Трупъ былъ привязанъ къ нимъ сахарными веревками и босыя ноги волочились по мостовой. Лицо покойника было исхудалое и зеленовато бѣлое и та, которая везла его, имѣла такое же зеленовато бѣлое лицо. Она часто останавливалась, чтобы перевести духъ. Ей не подъ силу было везти покойника.

— Позвольте, сударыня, я вамъ помогу, — сказалъ подходя къ ней, Осетровъ.

Женщина дикими глазами посмотрѣла на Осетрова. Ея взглядъ скользнулъ по его алой звѣздѣ.

— «Отойди отъ меня, сатана!»

Она съ усиліемъ потащила санки.

Осетровъ вздохнулъ, опустилъ голову и быстро пошелъ впередъ.

XVI.

Дома Полежаевъ нашелъ записку отъ Коржикова.

«Товарищъ», писалъ ему Коржиковъ. — «Сегодня въ семь у меня соберется кое-кто изъ нашихъ пообѣдать. Товарищъ Воротниковъ привезъ намъ съ Дона осетра. Сокрушимъ его. Приходите. Съ коммунистическимъ привѣтомъ Викторъ Коржиковъ.»

Всѣ эти дни Коржиковъ былъ, какъ бѣшеный. Внутри его шла какая-то непонятная ему работа, онъ испытывалъ странную тоску и пытался заглушить ее виномъ, кокаиномъ, развратомъ и кровью. Таню Саблину ему доставили, но доставившій ее на Гороховую чекистъ написалъ Коржикову, что дѣвица такова, что мараться не стоитъ. Худая, желтая, похожа на смерть. Коржиковъ отвѣтилъ короткою запиской: — «въ расходъ» и не поѣхалъ смотрѣть свою единокровную сестру.

Ему все надоѣло. Онъ все испыталъ, все перепробовалъ и во всемъ разочаровался. Хотѣлось чего то особеннаго. А особеннаго онъ ничего не находилъ. Онъ всенародно надругался надъ мощами: — совѣсть не томила его, онъ танцовалъ и творилъ непотребства въ церкви: — и испытывалъ только скуку. Все время передъ нимъ стояло блѣдное лицо Саблина и его смущало то, что слезы текли по нему, а стона онъ не издалъ и пощады не попросилъ. «Вотъ», думалъ онъ, — «такой же и Полежаевъ. У нихъ есть сила большая чѣмъ у насъ. Но почему они не сопротивляются? Не пришло, что-ли время? А если придетъ?» Страхъ охватывалъ Коржикова. «Коммунистъ ли Полежаевъ? Чортъ его знаетъ! Онъ дѣлаетъ такія дѣла, такъ разумно ведетъ свой эскадронъ, и смерти не боится, что отъ него всѣ въ восторгѣ. Его бумаги и письма провѣрены, нигдѣ онъ не бываетъ, дружитъ... Ни съ кѣмъ не дружитъ... Рахматовъ и Осетровъ отъ него безъ ума. Самъ Гайдукъ какъ то сказалъ: — «съ такимъ характеромъ, умомъ и волею, какъ у товарища Полежаева ему чекистомъ быть, а не въ красномъ полку сгнивать. То, что мы дѣлаемъ подъ кокаиномъ, онъ, если нужно, сдѣлаетъ въ полномъ владѣніи собой».

— А вотъ не дѣлаетъ же, — сказалъ Коржиковъ.

— Значитъ находитъ это пока не нужнымъ, — сказалъ Гайдукъ. — Онъ бережетъ себя. Мы себя всѣ израсходуемъ, а онъ останется.

— Я заставлю его дѣлать! прошипѣлъ Коржиковъ...

Полежаевъ все это зналъ и чувствовалъ, что гроза нависаетъ надъ нимъ. Отъ него потребуютъ какую-нибудь страшную гнусность и, когда онъ откажется дѣлать, его предадутъ въ чрезвычайную коммиссію по обвиненію въ контръ-революціи. У Полежаева было темное мѣсто. Гдѣ онъ былъ въ 1918 и 1919 годахъ? Онъ говорилъ, что работалъ на Волгѣ. Но теперь, когда армія Врангеля была разсѣяна и многіе изъ добровольцевъ взяты въ плѣнъ, могли найдтись люди, которые узнаютъ его. Дразнить Коржикова было опасно и Полежаевъ рѣшилъ идти на обѣдъ, гдѣ, конечно, вслѣдъ за осетромъ съ Дона пойдутъ какія либо гнусности въ родѣ тѣхъ, что были лѣтомъ на вечеринкѣ.

Коржиковъ въ ожиданіи гостей ходилъ по залу, гдѣ висѣли портреты предковъ Саблина.

Онъ былъ подъ кокаиномъ, возбужденъ и неспокоенъ. Ему опять казалось, что портреты слѣдятъ за нимъ глазами и поворачиваютъ головы. Какой то генералъ въ шитомъ мундирѣ съ высокимъ, открытымъ на груди воротникомъ и съ галстукомъ, весь въ орденахъ, былъ какъ живой. Онъ раздражалъ Коржикова.

— Ты чего сволочь, — сказалъ онъ, останавливаясь противъ портрета. — Бѣлогвардеецъ, имперьялистъ, помѣщикъ... Эхъ! выдрать бы я тебя по всѣмъ правиламъ классовой борьбы... Всѣхъ васъ перевести надо. Негодяи!

Онъ хотѣлъ стрѣлять въ портретъ, но вдругъ ему стало безконечно скучно. Эта скука отравляла ему жизнь.

— Ну те въ болото! сказалъ онъ уныло и пошелъ отъ портрета.

Портретъ смѣялся надъ нимъ. «Побѣждаютъ они насъ», подумалъ Коржиковъ... «А что, какъ побѣдятъ?.. Сволочи... буржуи!.. Собственность... Товарищу Каменеву за побѣды надъ Деникинымъ домъ въ Москвѣ подарили... въ собственность... какой же это коммунизмъ?.. комиссаръ Ерохинъ дѣвушку буржуйку въ жены взялъ, такъ вѣнчаться ѣздилъ въ Гатчино, съ попомъ, съ пѣвчими, со свидѣтелями вѣнчался... «Такъ», говоритъ «крѣпче»... А коммунистъ!.. Ленинъ капиталистовъ изъ заграницы зоветъ, концессіи выдаетъ, гарантіи. «безъ этого», говоритъ, «народъ подохнетъ съ голода». — Какой же это коммунизмъ? А пусть его

дохнетъ. Троцкій умнѣе и вѣрнѣе идетъ. Товарищъ Горькій старыя вещи скупаетъ, фарфоръ, бездѣлушки, коллекцію собираетъ — въ собственность тоже... Это коммунизмъ? Черти полосатые! Буржуи на изнанку...

И опять стало скучно.

«Всѣ подлецы», сказалъ Коржиковъ вслухъ...

Въ эту минуту къ нему вошли первые гости. Гайдукъ съ Беби Дранцовой.

— Чикъ, сказалъ Гайдукъ, что по законамъ совѣтскаго остроумія изображало: — честь имѣю кланяться.

— Псъ — отвѣчалъ Коржиковъ. — что означало: прошу садиться, и сѣлъ самъ.

Вслѣдъ за Гайдукомъ стали собираться приглашенные. Гвоздемъ обѣда былъ самъ Воротниковъ, пріѣхавшій съ Врангелевскаго фронта. Во времена Имперіи, Воротниковъ былъ лихимъ вахмистромъ въ гусарскомъ полку дивизіи Саблина. Это былъ красавецъ мужчина саженнаго роста, молодчина и лихачъ, съ «полнымъ бантомъ», то есть съ Георгіевскими крестами всѣхъ четырехъ степеней на груди, рубака и ругатель, умѣющій угодить начальству и во время попасться ему на глаза. Когда то, послѣ атаки германской пѣхоты въ прорывѣ у Костюхновки, онъ подскакалъ къ Саблину, счастливый совершеннымъ подвигомъ и доложилъ ему, что онъ, четырнадцать зарубилъ. Тогда онъ былъ подпрапорщикомъ. Эскадронъ онъ держалъ въ порядкѣ и въ дни пріѣзда какого бы то ни было начальства, дежурнымъ, ординарцемъ, для встрѣчи, къ экипажу, чтобы проводить, неизмѣнно назначали Воротникова, потому что онъ умѣлъ угодить и импонировалъ своею полною солдатскаго благородства фигурою, ростомъ, медалями и крестами. Его изба, или землянка всегда была украшена портретами Царской семьи и ни въ одномъ эскадронѣ не умѣли такъ хорошо пѣть гимнъ, какъ въ эскадронѣ Воротникова.

У него была жена, полная хлопотливая особа, ходившая въ ковровомъ платкѣ и разводившая на эскадронномъ дворѣ свиней и куръ. Офицеры эскадрона были къ ней почтительны, сама она медовымъ голосомъ разливалась передъ эскадроннымъ командиромъ, уступала дорогу и низко кланялась полковымъ дамамъ. Воротниковъ держалъ ее въ трепетѣ и, когда они шли куда либо изъ казармъ «въ городъ», онъ шелъ впереди, а она сзади. Солдаты ее не любили за то,

что она умѣла заставить каждаго услужить ей и что либо сдѣлать. Тотъ вынесетъ ей ведро помоевъ, другой принесетъ соломы свиньямъ, третій загонитъ куръ. Она была дама хозяйственная.

Революція свернула Воротникову мозги. Онъ сначала долго держался, даже запрещалъ солдатамъ носить красные банты. Но его выбрали делегатомъ на обще-армейскій съѣздъ въ Петербургъ и онъ вернулся оттуда другимъ человѣкомъ. На груди его былъ громадный алый бантъ, онъ пристрастился говорить рѣчи, полныя туманныхъ словъ, смысла которыхъ самъ не понималъ, и сталъ «партійнымъ» человѣкомъ. Въ первый же день онъ явился отъ имени комитета къ начальнику дивизіи, не генералу Саблину, а другому и наговорилъ ему дерзостей.

— Насъ, господинъ генералъ, въ темнотѣ держали, страстно кричалъ онъ. Намъ ничего не говорили и ничего не объясняли. Въ Петроградѣ я узналъ, что такое истинная свобода и что есть завоеванія революціи и диктатура пролетаріата. Солдатъ долженъ эво... эво... эволюцировать и вся власть солдатамъ!

При той растерянности начальства, которая была въ полку, власть скоро перешла въ руки Воротникова и комитета. Начали проявлять ее съ того, что подѣлили денежный ящикъ, причемъ львиная доля досталась Воротникову, потомъ приравняли офицеровъ къ солдатамъ и заставили ихъ стоять съ котелками въ очереди у солдатской кухни, потомъ отобрали и продали собственныхъ офицерскихъ лошадей.

Воротниковъ влюбился въ Керенскаго. Онъ бѣгалъ слушать его рѣчи на фронтѣ, протискивался въ первые ряды, отвѣчалъ ему страстными рѣчами отъ имени всѣхъ солдатъ и «всей Арміи», клянясь служить Керенскому и проклинать Царя. Керенскій его произвелъ въ корнеты за его страстность и преданность революціи.

Когда прапорщикъ Крыленко держалъ свою рѣчь, которую окончилъ тѣмъ, что сорвалъ съ себя ордена и погоны, Воротниковъ былъ первый, который въ неистовомъ восторгѣ сорвалъ съ себя колодку крестовъ и медалей и понесъ ее черезъ толпу Крыленкѣ.

— Къ чорту, товарищи, — вопилъ онъ своимъ могучимъ вахмистерскимъ голосомъ, — эти знаки царизма, поповъ

и рабства! Одинъ англійскій крестикъ желаю сохранить за собою, потому, какъ Англія страна свободы и много способствовала революціи!

Въ дни большевистскаго переворота, когда всѣ, даже сами большевики носили еще погоны, онъ явился безъ погонъ, отрепанный, окрученный пулеметными лентами, съ тремя револьверами и изъявилъ свою преданность товарищу Ленину. Онъ былъ назначенъ на Южный фронтъ и очутился въ Саратовскихъ степяхъ.

Съ начала войны супруга его была послана имъ въ деревню, гдѣ должна была скромно жить при родителяхъ. Послѣ раздѣла денежнаго ящика она получила приказъ выдѣлиться и купить на селѣ домъ съ магазиномъ и жить торговлей. Ставъ комиссаромъ, Воротниковъ завелъ себѣ гаремъ «самыхъ аристократическихъ барышень», комплектуемый изъ гимназистокъ занимаемыхъ имъ городовъ, а женѣ послалъ тюкъ денегъ съ приказомъ «до поры бросить буржуазные предразсудки и торговлю, ибо торговля противорѣчитъ ученію коммунизма и карается разстрѣломъ, а скупать у крестьянъ потихоньку хлѣбъ и масло и мѣнять его «господамъ» на золото, брильянты и старыя «табатерки», «понсигары» и «меніатюры». «Ты, супружница наша», — писалъ Воротниковъ, — «по офицерскимъ квартирамъ бывала и должна понимать въ этомъ толкъ. Настанетъ настоящій порядокъ и это все дастъ намъ силу, и богатство».

На обѣдъ къ Коржикову онъ явился во всей красотѣ, въ длинной до колѣнъ рубахѣ, расшитой вдоль плечъ краснымъ угломъ остріемъ на грудь, а вдоль косого борта тремя алыми широкими нашивками, доходящими до широкаго пояса. Карманы были окаймлены краснымъ, на рукавѣ была большая пятиконечная звѣзда, а на груди въ алыхъ розеткахъ ордена красной звѣзды и краснаго знамени. Онъ былъ гордъ послѣднимъ пожалованіемъ Троцкаго: — винтовкою на алой перевязи. Прежней скромности и оборваннаго вида, пулеметныхъ лентъ и револьверовъ за поясомъ не оставалось и слѣда. Онъ былъ изященъ. Его волосы были разобраны длиннымъ проборомъ и примаслены пахучей помадой, богатырскіе усы, такъ красиво когда-то прикрывавшіе его ротъ съ прекрасными бѣлыми зубами, были острижены и торчали двумя кустиками надъ верхнею губою, на немъ была дорогая кавказская шашка

съ красными бантами на эфесѣ. На ногахъ были щегольскіе гусарскіе крановые чакчиры и отличные сапоги съ розетками. Онъ былъ гость хоть куда! На коммунистическихъ хлѣбахъ онъ раздобрѣлъ. Большія руки были выхолены и крупные твердые ногти, которыми онъ когда-то не хуже отвертки выворачивалъ винты, были отшлифованы и отдѣланы опытной маникюршей. Крупный, здоровый, веселый онъ производилъ впечатлѣніе солдата, загримированнаго на солдатскомъ спектаклѣ англійскимъ джентльменомъ и одѣвшаго костюмъ балаганнаго воеводы.

XVII.

Обѣдъ удался на славу. Коржиковъ пригласилъ для изготовленія его стараго великокняжескаго повара и приказалъ ему сдѣлать и подать, какъ подавали великому князю. Лакеи и посуда были взяты изъ дворца. Вина были присланы Воротниковымъ изъ лучшихъ винодѣлень Донскихъ казаковъ, коньякъ раздобыли отъ комиссара народнаго здравія. Гостей было тридцать человѣкъ. Послѣ жаренаго — великолѣпной телятины, подали шампанское.

Коржиковъ сидѣлъ въ головѣ стола. Онъ былъ мраченъ, задумчивъ и ни съ кѣмъ не говорилъ ни слова. По правую руку его сидѣлъ Воротниковъ, по лѣвую воен-спецъ — Рахматовъ. Рядомъ съ Рахматовымъ сидѣлъ Шлоссбергъ, дальше были Дженни, Полежаевъ, Беби Дранцова, Голубь, два молодыхъ офицера коммунистическаго полка, Гайдукъ, Мими Гранилина, офицеры-коммунисты полка Коржикова и ординарцы Воротникова.

Шлоссбергъ постучалъ вилкой по тарелкѣ, поднялся съ бокаломъ вина, окинулъ уже подвыпившихъ гостей внимательнымъ взглядомъ и съ пріемами опытнаго оратора началъ свою рѣчь.

— Товарищи! -- сказалъ онъ. — Какъ всегда, такъ и теперь наше первое слово о текущемъ политическомъ моментѣ. Онъ знаменателенъ этотъ моментъ. Мы чествуемъ героя Крымской побѣды, товарища Воротникова. Мы чествуемъ послѣднюю и окончательную побѣду пролетаріата надъ буржуями, капиталистами, имперьялистами и попами. Полтора года тому назадъ, когда мы боролись съ Колчакомъ

на Ижевскомъ фронтѣ пришло сообщеніе объ одномъ достовѣрномъ, хорошо провѣренномъ и чрезвычайно знаменательномъ фактѣ. Когда тамъ, около Ижевска, атаковали насъ послѣднія группы бѣлогвардейцевъ, то впереди шли ударники, за ними оркестръ игралъ «Боже Царя храни», а на знамени стояло: «да здравствуетъ Учредительное Собраніе!» Недурной переплетъ, можно сказать! Подумаешь, чѣмъ беременна на самомъ дѣлѣ потаскушка учредилка? — Царемъ!

— Но, можетъ быть, это исключительный фактъ? Ничуть. Тогда же, московскія и петроградскія газеты сообщали о томъ, что было тогда въ Крыму. Тамъ власть захвачена меньшевиками и эсерами, тамъ знаменитые Либеръ, Рудневъ и другіе господа стояли у власти. Разумѣется, къ нимъ пришли на помощь буржуазные англичане и высадили небольшой дессантъ. А когда у гавани собрались союзниковъ встрѣчать Либеръ, Рудневъ, меньшевики, эсеры и кадеты — весь цвѣтъ тамошней, такъ называемой демократіи, — то подошедшій англійскій корабль привѣтствовалъ собравшихся на пристани соціалистовъ-революціонеровъ и меньшевиковъ гимномъ «Боже Царя храни». Грянулъ гимнъ — и говорили тогда, что Либеръ и Рудневъ были нѣсколько смущены. Что-то заговорило старое въ ихъ новой душѣ. Но мѣстный министръ иностранныхъ дѣлъ, кадетъ Винаверъ, произнесъ успокоительную рѣчь: англичане не знаютъ, что нѣтъ другого Русскаго офиціальнаго гимна. Конечно, интернаціоналъ — соціалистическій гимнъ, но вѣдь онъ принадлежитъ большевикамъ. Англичанамъ ничего не оставалось, какъ заиграть: «Боже Царя храни». И возможно, что Либеръ, Рудневъ и другіе соціалъ-демократы вполнѣ удовлетворились этими научными объясненіями кадета Винавера, ближайшаго сподвижника господина Милюкова, который имѣлъ мужество, по крайней мѣрѣ, еще въ началѣ революціи, открыто объявить себя монархистомъ.

— Да, товарищи, такъ было всюду. Какъ ни отметались Деникинъ и Врангель отъ «Боже Царя храни», оно гремѣло и на Дону, и на Кубани, и въ Крыму. Таково положеніе было, товарищи, повсюду. Гдѣ у власти буржуи, ихъ лакеи — меньшевики и эсеры, соціалъ-демократы стараго казеннаго толка, тамъ созываютъ, или дѣлаютъ видъ, что созываютъ, или готовятся созвать учредилку.

— Такъ было. И намъ нужно было уничтожить, стереть съ лица земли Донъ, Кубань, Кавказъ и Крымъ, намъ нужно обезкровить Сибирь, чтобы лишить царскихъ генераловъ и помѣщиковъ почвы, на которой они могли бы проповѣдывать Царя подъ флагомъ Учредительнаго Собранія. — Теперь это достигнуто, товарищи. И въ лицѣ товарища Воротникова мы привѣтствуемъ одного изъ побѣдителей вреднѣйшаго врага рабочихъ и крестьянъ!

Всѣ встали и потянулись съ бокалами къ Воротникову. Кое-кто неувѣренно и несмѣло крикнулъ ура.

Когда снова сѣли, Коржиковъ мрачно посмотрѣлъ на Шлоссберга. Взглядъ его былъ такъ тяжелъ и упоренъ, что всѣ сидѣвшіе въ головѣ стола примолкли. На другомъ концѣ среди тишины слышался восхищенный молодой голосъ:

— Ну и лошадь, доложу я вамъ, подъ нимъ была! Заглядѣнье! Прямо — царская лошадь!

Говорившій почувствовалъ, что его голосъ одиноко звучитъ за столомъ, сконфузился и примолкъ.

— И все ты врешь, Шлоссбергъ! — мрачно выговорилъ Коржиковъ и тяжело уставился на Шлоссберга.

— То есть, какъ это? — обиженно сказалъ Шлоссбергъ.

— Да такъ! — сказалъ Коржиковъ, обводя весь столъ мрачными, изъ-подъ набрякшихъ темныхъ вѣкъ, глазами. — Очень просто какъ! Поскоблить тебя — такъ и ты «Боже Царя храни» запоешь, а что слушать станешь съ восторгомъ и шапку скинешь — такъ это фактъ!.. А товарищъ Воротниковъ, хоть и усы сбрилъ и красную звѣзду нацѣпилъ, а все царскій вахмистръ и счастливъ былъ бы стоять околодочнымъ около дворца. А, товарищъ, такъ-то спокойнѣе, чѣмъ Вече-ка опасаться?... А вонъ тамъ сидитъ товарищъ Полежаевъ, — такъ изъ него Царь то этотъ самый, такъ и брыжжетъ изъ глазъ... А крестьяне? Да не царя они боятся, а помѣщиковъ, что землю отбирать будутъ... А рабочіе!.. Эхъ вы коммунисты! — и Коржиковъ выругался трехъэтажнымъ Русскимъ словомъ.

— Но позвольте, товарищъ комиссаръ, — сказалъ Воротниковъ. — То, что вы говорите, доказать надо.

— Доказа-ать, — протянулъ Коржиковъ... Ну и докажу. Россіей то, товарищъ, могутъ править либо большевики, либо царь, — иного нѣтъ. Кабы Колчаки то, Деники-

ны, Врангели, Юденичи съ царемъ шли, да гимнъ играли, да землю царскимъ именемъ давали — такъ вы бы съ ними не дрались.

Коржиковъ обвелъ глазами и показалъ рукою на портреты предковъ Саблина.

— Видалъ? — сказалъ онъ. — Они бы имъ помогали. Изъ могилокъ, значитъ, встали и пошли бы за ними. А то съ чѣмъ они шли? Съ пустымъ мѣстомъ. Съ рѣчами, да программами... Хвастаетесь побѣдами. Не вы ихъ побѣдили, а мы... Мы — своими лозунгами. У насъ то это ясно... Что хочешь, то и дѣлай!

Коржиковъ отвернулся отъ Воротникова, замолчалъ и сталъ накладывать себѣ мороженое.

Голубь во все время рѣчи Коржикова слезливо моргавшій красными вѣками, чтобы выручить смутившагося Воротникова, обратился къ нему и заговорилъ ласково и угодливо:

— Помните, товарищъ, на Воронежскомъ фронтѣ, — мы съ вами ѣхали какъ-то, два ординарца при насъ, а тутъ шестьдесятъ бѣлыхъ напали. Вотъ тутъ пришлось! Ну, все-таки человѣкъ двадцать пять мы ихъ зарубили, а остальные разбѣжались.

Воротниковъ обрадовался такой поддержкѣ и бодро отвѣтилъ: — да, какъ-же было... Было... Мнѣ такія передѣлки не въ первой. Помните, — обратился онъ къ Рахматову, — въ Костюхновскомъ прорывѣ, при генералѣ Саблинѣ, я четырнадцать нѣмцевъ своеручно зарубилъ?.. Эхъ!..

Онъ осѣкся и замолкъ.

XVIII.

Послѣ обѣда игралъ и пѣлъ оркестръ Буденнаго. Коржиковъ то сидѣлъ въ углу у окна, то ходилъ по комнатѣ, ни съ кѣмъ не разговаривая.

Пѣлъ приглашенный знаменитый оперный пѣвецъ и могучимъ басомъ потрясалъ стѣны зала, оглашая ихъ звуками «революціонныхъ» пѣсень, то «Дубинушки», то «Солнце всходитъ и заходитъ»...

— А «Боже Царя храни» споешь? — подходя къ нему и глядя на него въ упоръ сказалъ Коржиковъ. Полежаевъ былъ недалеко отъ пѣвца.

— Если прикажете, — вытягиваясь по солдатски, сказалъ пѣвецъ, — все спою. Голодъ все заставитъ.

— Ну, ну, — болѣе ласково сказалъ Коржиковъ. — Я шучу. Вотъ онъ, — Коржиковъ кивнулъ на Полежаева, — онъ и сытый споетъ.

Коржиковъ пошелъ прочь.

Полежаевъ замѣтилъ, что Коржиковъ привязывается къ нему и понялъ, что сегодня случится то, чего онъ давно ожидалъ отъ Коржикова. То, что носитъ имя «провокаціи» и ведетъ неизмѣнно къ смерти. Но онъ былъ спокоенъ. Еще тогда, когда Полежаевъ поѣхалъ въ Совѣтскую республику онъ сознательно обрекъ себя на смерть и муки. И вотъ онѣ надвигаются. Можетъ быть сегодня начнется его страшный путь на Голгофу офицерскихъ страданій. Онъ ничего еще не сдѣлалъ. Нѣтъ, но онъ умретъ спокойный. Эти полгода жизни подъ красными знаменами сказали ему, что Россія жива. Она погребена заживо, она растерзана, изранена, измучена, но она встанетъ и скоро встанетъ — потому что жива вѣра христіанская, потому что сильна въ народѣ тоска по царю и порядку, по красотѣ и силѣ Русскаго имени. Большевизмъ, окраинныя государства — это отъ Англіи и Франціи, это отъ Германіи, отъ лукаваго, можетъ быть, отъ масоновъ, если то, что о нихъ говорятъ, правда.

Но… Воздвигну церковь мою и врата адовы не одолѣютъ ю!

Коржиковъ волнуется, Коржиковъ злится и трепещетъ — хорошій признакъ. Чуетъ свою гибель.

Коржиковъ подошелъ къ Гайдуку.

— Въ которомъ часу назначено? — спросилъ онъ.

— Съ двѣнадцати, — сказалъ Гайдукъ.

— У меня?

— Да, у васъ.

Коржиковъ посмотрѣлъ на часы. Было безъ четверти двѣнадцать.

— Товарищъ Осетровъ, — сказалъ онъ, — вы пойдете со мной.

— Слушаюсь, — нагибая красивую лохматую голову, сказалъ Осетровъ.

Коржиковъ подошелъ вплотную къ Полежаеву.

— И вы, товарищъ, тоже съ нами!

Въ глазахъ Коржикова была невиданная раньше Полежаевымъ нѣжность и ласка.

— Куда? — спросилъ Полежаевъ.

— Въ чрезвычайку, — сказалъ нѣжно Коржиковъ.

— Зачѣмъ? — сухо спросилъ Полежаевъ.

— Вы никогда не видали большевистскаго правосудія. Это поучительно. Сегодня у насъ назначено восемнадцать офицеровъ-бѣлогвардейцевъ и одна женщина. Дѣвушка общества. Царя спасти хотѣла. Въ Екатеринбургѣ расконки дѣлала. Сестрица моя: — Татьяна Александровна Саблина. Такъ вотъ посмотримъ, товарищъ, какъ это дѣлается. Мы ѣли и пили. Мороженое ѣли, шампанское пили — все это по-буржуйски. Напьемся крови человѣческой — по-пролетарски.

Полежаевъ былъ очень блѣденъ, но спокоенъ. Онъ предалъ себя волѣ Божіей. Онъ вспомнилъ вчерашній разговоръ съ Осетровымъ о священникѣ отцѣ Василіи и объ иконѣ Николая Чудотворца. И если судьба сводитъ его съ Таней такимъ страннымъ образомъ въ чрезвычайкѣ на ея казни, если ему суждено умереть вмѣстѣ съ нею мучительною смертью — пусть это такъ и будетъ, но отъ позора онъ спасетъ ее.

— Хорошо, — сказалъ онъ. — Это даже любопытно. Близко я никогда не видалъ.

— Хочешь кокаина, — со страстью прошепталъ почти на ухо ему Коржиковъ. — Самъ попробуешь. Это такъ пріятно... Волнуетъ. Мы Дженни возьмемъ. Хочешь?

— Не знаю, — протянулъ какъ бы во снѣ, самъ плохо слыша свой голосъ, Полежаевъ. — Можетъ быть... Отчего не попробовать?.. Я думаю, сильное ощущеніе.

— Да..., — шепталъ Коржиковъ. — А то, хочешь... Мы ихъ, смертниковъ, поставимъ въ рядъ — и я лягу съ Дженькой, а ты съ сестрицей моей. А? А они пусть смотрятъ... А то ихъ заставимъ... Передъ разстрѣломъ.. Пусть побалуются!

— Что-нибудь придумаемъ, — сказалъ Полежаевъ и самъ не слышалъ своего голоса.

— Товарищи, — сказалъ Коржиковъ, — ѣшьте, пейте, веселитесь, а мы васъ на полчасика покинемъ. Хочется руку молодецкую потѣшить. Революціи послужить. Дженни, Гайдукъ, Осетровъ, Полежаевъ, идемте!

XIX.

Гайдукъ все приготовилъ въ самомъ домѣ. У воротъ толпился нарядъ красноармейцевъ. Легковой сильный автомобиль Рахматова стоялъ у подъѣзда. Коржиковъ съ сопровождавшими его прошелъ во дворъ; тамъ стоялъ грузовикъ и шофферы-чекисты въ дорогихъ шубахъ-дохахъ возились подлѣ машины. Большой подвалъ, служившій когда-то погребомъ и складомъ, былъ ярко освѣщенъ. Изъ маленькихъ низкихъ оконъ бѣлый электрическій свѣтъ лился потоками на дворъ и освѣщалъ обледенѣвшіе камни и узенькую въ одну плиту панель. У входа въ подвалъ стоялъ красноармеецъ съ ружьемъ. Входъ былъ узкій съ крутыми ступенями. Все это почему то тщательно запомнилъ Полежаевъ. Онъ замѣтилъ, что грузовой автомобиль загораживалъ входъ отъ красноармейскаго наряда, что ворота на улицу были открыты, знакомый шофферъ Рахматова сидѣлъ на автомобилѣ. Полежаевъ замѣтилъ также, что онъ былъ блѣденъ и взволнованъ. Шофферъ былъ юноша-технологъ, пошедшій къ Рахматову, чтобы кормить свою мать и трехъ маленькихъ братьевъ.

Подвалъ былъ низкій, со сводами и двумя арками дѣлился на три части. Въ первой стояло нѣсколько красноармейцевъ. Они стали «смирно» при входѣ комиссара и чекистовъ. Во второй, средней части, чисто подметенной, была поставлена софа, два кавказскихъ кресла, небольшой мавританскій столикъ чернаго дерева, выложенный перламутромъ, на столикѣ были двѣ бутылки и рюмки, вазочка съ печеньями и коробки съ сигарами и папиросами. Красноармеецъ съ ружьемъ караулилъ всѣ эти драгоцѣнности. Передъ софою лежалъ коверъ и были разбросаны вышитыя кавказскія подушки. Въ третьей части подвала, узкая шеренга худыхъ людей, одѣтыхъ въ грязное, истлѣвшее,

оборванное бѣлье подъ присмотромъ красноармейцевъ большими лопатами рыла узкій и глубокій ровъ.

Коржиковъ былъ не естественно возбужденъ, зеленовато блѣдная Дженни непрестанно нюхала кокаинъ и сейчасъ-же подошла къ столику, нервнымъ движеніемъ налила рюмку коньяку и выпила его. Она морщила носъ. Въ подвалѣ пахло сыростью, свѣжими нечистотами и ѣдкимъ потомъ нездоровыхъ людей. Гайдукъ былъ блѣденъ, но спокоенъ и напряженно внимателенъ. Онъ былъ какъ бы на сторожѣ. Полежаевъ посмотрѣлъ на Осетрова. Обычно пьяный въ эти ночные часы пирушекъ, Осетровъ былъ совершенно трезвъ, спокоенъ и полонъ какой-то рѣшительности. Онъ внимательно и строго посмотрѣлъ на Полежаева и въ этомъ взглядѣ Полежаевъ прочелъ выраженіе дружбы и готовность помогать.

— Отлично устроено, — сказалъ Коржиковъ. — Я и не ожидалъ, что такъ выйдетъ. Одно нехорошо, что эта сволочь уже нагадить успѣла.

Онъ прошелся по ковру, закурилъ сигару и, обращаясь къ Полежаеву, сказалъ:

— Сегодня вы мой гость и я хочу вамъ все показать. Съ вашими нервами изъ васъ хорошій чекистъ выйдетъ. Надо только руку набить: — это очень просто. Сдѣлаемъ смотръ нашимъ индивидуумамъ. - Смирно, тамъ! Перестать рыть, — крикнулъ онъ въ сторону стѣнки.

Рывшіе остановились и стали у стѣны. Это были люди, не походившіе на людей. Худые, изможденные, съ большими отросшими волосами въ колтунахъ, они были въ одномъ рваномъ бѣльѣ. Съ праваго края стоялъ юноша лѣтъ пятнадцати съ лицомъ настолько исхудалымъ, что издали казалось на тонкой шеѣ сидитъ черепъ. Щеки ввалились, губы стали маленькими и обтянутыми. Сквозь дыры разорванной рубахи сквозило худое синевато-желтое тѣло и рѣзко выдавалась грудная клѣтка. Тонкія бѣлыя ноги жалко стояли на сырой, свѣже накопанной землѣ. Онъ смотрѣлъ большими темными глазами, не моргая, на Полежаева и Полежаеву казалось, что гдѣ-то онъ видѣлъ этого высокаго худого юношу. Рядомъ съ нимъ стоялъ старикъ съ большимъ животомъ. Онъ былъ въ одной старой, хорошаго полотна, чистой рубахѣ. Толстая шея была обнажена и полныя короткія ноги были розовыя отъ апоплексическаго при-

лива крови. Маленькіе сѣрые глаза были устремлены на подходившихъ. Въ нихъ была странная смѣсь гордости и страха. Дальше былъ пожилой бородатый человѣкъ угрюмаго вида въ очкахъ, худой и не складный, за нимъ стоялъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, бравый, выправленный, смѣлымъ острымъ взглядомъ смотрѣвшій на подходившихъ. Онъ оправлялъ на себѣ рубаху и подштанники и какъ будто смущался небрежности своей одежды.

На противоположномъ концѣ стояла женщина. Уже пройдя полъ шеренги Полежаевъ распозналъ ее и теперь не сводилъ съ нея глазъ, постепенно распознавая милыя, дорогія черты. Отъ прежней Тани остались только ея васильковые глаза. Волосы были острижены во время тифа и теперь отростая подымались на полъ вершка надъ головою, словно золотымъ сіяніемъ окружая прекрасное лицо мученицы. Въ лицѣ не было ни кровинки. Блѣдныя, опавшія щеки смыкались круглымъ упрямымъ подбородкомъ и губы были синеватаго оттѣнка, какъ у мертвой. На всемъ этомъ бѣломъ лицѣ рѣзко выдѣлялись тонкія темныя крутыя брови и большіе глаза, окруженные черными тѣнями длинныхъ рѣсницъ. Такъ же, какъ и всѣ остальные, она была въ одной длинной, простой, крестьянской рубахѣ. Но рубаха ея была чистая и лежала на исхудаломъ тѣлѣ, какъ хитонъ мученицы. Маленькія босыя ноги замазанныя землею нервно жались на холодномъ полу. Она дрожала отъ холода. Глаза, устремленные къ небу, не видали подходившихъ. Она ушла въ молитву и маленькія руки съ тонкими пальцами были сложены на груди.

Полежаевъ пристально смотрѣлъ на нее и на его взглядъ она повернула свою голову и ихъ глаза встрѣтились. Полежаевъ былъ въ теплой солдатской шинели и каскѣ съ большою алою звѣздою. Таня долго всматривалась въ него и тонкія брови хмурились надъ прекрасными глазами. Ужасъ, отвращеніе и презрѣніе вспыхнули въ прекрасныхъ синихъ глазахъ. Она вздохнула и, отвернувшись, подняла глаза къ потолку. Пальцы ея рукъ сжались въ отчаяніи и губы беззвучно шептали что-то.

О чемъ молилась она?

- Вотъ и сестрица моя единокровная, - сказалъ Коржиковъ, но Полежаевъ перебилъ его:

— Ассортиментъ хоть куда, — сказалъ онъ, стараясь заслонить Коржикова отъ Тани. — Прямо мученики христіанскіе!

Коржиковъ посмотрѣлъ на него тяжелымъ взглядомъ и медленно, по слогамъ выговаривая слова, сказалъ:

— Му-че-ни-ки и есть...

И сейчасъ же разсмѣялся. Было что-то сумасшедшее и тяжелое въ его смѣхѣ. Онъ круто повернулся и пошелъ къ дивану.

— Вотъ, товарищъ Полежаевъ, — сказалъ онъ, попыхивая сигарой, — обычная порція настоящаго чекиста. Сегодня даже маленькая порція. Бываетъ и тридцать, и шестьдесятъ человѣкъ. Гайдукъ, помните, разъ было восемьдесятъ?

— Восемьдесятъ два, — спокойно отвѣтилъ Гайдукъ. Это послѣ покушенія на Владиміра Ильича.

— Есть разные способы приканчивать, — сказалъ дѣловито Коржиковъ. Онъ медленно снялъ съ себя шинель на дорогомъ мѣху и остался въ кожаной курткѣ. — Можно стоя, лицомъ или спиною къ стѣнкѣ ad libitum — на выборъ. Можно заставить ихъ лечь въ могилу лицомъ на землю и кончать выстрѣлами въ затылокъ... Ну можно и съ издѣвательствами, — вотъ, какъ товарищъ Дора дѣлаетъ, можно съ надругательствомъ, какъ дѣлаютъ грубые красноармейцы... Вы знаете, товарищъ, нѣтъ гаже Русскаго простого народа. Онъ на всякую мерзость способенъ... Про себя скажу: мнѣ все это стало скучно... Главное, я уже не могу возвыситься до страсти, не убивъ кого-либо. Мнѣ нравится ужасъ того, что люди называютъ грѣхомъ. Я люблю что-либо необычайное... Вотъ что я придумалъ. Та женщина — моя сестра. Она мнѣ, правда, не очень нравится, уже очень святые глаза. Не люблю этого. Дженни любовница Гайдука. Такъ вотъ сначала я убью нѣсколькихъ... Потомъ попробуйте вы. Это нетрудно... Потомъ я возьму свою сестрицу, а вы Дженни. Среди крови и труповъ и на глазахъ остальныхъ это будетъ недурно.

— Хорошо, — сказалъ Полежаевъ, — я попробую.

У него уже началъ складываться планъ. Онъ посмотрѣлъ на Осетрова. Осетровъ ясно и твердо уперся въ него свѣтлымъ покорнымъ взглядомъ и отстегнулъ крышку револьвернаго кобура.

XX.

Въ первой трети подвала глухо гомонили красноармейцы. Они дѣлили одежду, снятую съ казнимыхъ. Дженни лежала, закинувъ ноги на оттоманкѣ и щурясь своими длинными узкими глазами, смотрѣла на налитый въ хрустальную рюмку розовый ликеръ. Коржиковъ вынулъ большой Коганъ и медленно пошелъ къ шеренгѣ людей. Полежаевъ безъ оружія слѣдовалъ за нимъ; за Полежаевымъ шелъ Гайдукъ, не спускавшій глазъ съ Коржикова. У Гайдука была отстегнута кобура и подвинутъ револьверъ, за нимъ шелъ Осетровъ съ револьверомъ въ рукѣ.

Длинный рядъ людей въ бѣльѣ сливался въ глазахъ Полежаева въ сплошное бѣлое пятно и въ немъ онъ видѣлъ только большіе синіе глаза Тани, устремленные вверхъ. Была мертвая тишина.

— Заводи машину! — крикнулъ Гайдукъ въ пространство.

Кто-то у дверей, казавшихся въ туманѣ темнымъ пятномъ, повторилъ хриплымъ голосомъ:

— Заводи машину!

На дворѣ глухо и громко застучалъ грузовикъ, заработавшій съ перебоями на холостомъ ходу.

Коржиковъ крадущейся кошачьей походкой, держа револьверъ за спиною, подошелъ къ юношѣ. Юноша смотрѣлъ въ пространство и, казалось, не видѣлъ Коржикова. Сигара дымилась узкимъ, длиннымъ, тонкимъ, синеватымъ дымкомъ въ зубахъ у Коржикова. Старикъ смотрѣлъ своими сѣрыми глазами на Коржикова. Въ этихъ глазахъ были мольба и ужасъ. Дальше колыхались, какъ тѣни мертвецовъ, остальные смертники.

— Ты что смотришь, старикъ? — спросилъ Коржиковъ. — Пощады не жди!

— Это сынъ мой! Онъ ничего не сдѣлалъ! — прошепталъ старикъ. — Пощадите его. Не на моихъ глазахъ.

— Это можно устроить, господинъ генералъ, — усмѣхаясь, сказалъ Коржиковъ. Онъ вынулъ сигару и ея горящій конецъ приложилъ старику сначала къ одному глазу, потомъ къ другому.

Сигара зашипѣла и потухла. Старикъ со стономъ привалился къ стѣнкѣ.

— Какая подлость! — сказалъ молодой.

— Молчи щенокъ! — сказалъ Коржиковъ и быстро выхвативъ изъ лѣвой руки револьверъ, выстрѣлилъ молодому въ середину лба. Тотъ качнулся къ стѣнкѣ, ударился объ нее и сгибаясь въ поясницѣ, рухнулъ къ ногамъ старика. Старикъ нагнулся къ нему и въ эту же минуту Коржиковъ убилъ его выстрѣломъ въ голый розовый затылокъ.

Бородатый человѣкъ въ очкахъ порывисто повернулся лицомъ къ стѣнкѣ и затрясся въ глухихъ рыданіяхъ. Коржиковъ долго принаравливался, чтобы попасть ему въ трясущійся затылокъ, наконецъ, выстрѣлилъ ему въ плотную обтянутую грязной рубахой спину. Бородатый продолжалъ дергаться и Коржиковъ, брезгливо сморщившись, выстрѣлилъ второй разъ.

— Умираю за вѣру, Царя и Родину, — твердо сказалъ высокій человѣкъ со смѣлымъ лицомъ.

— Ну и умирай, сволочь, — сказалъ Коржиковъ и выстрѣлилъ ему въ ротъ.

Кто-то истерично заплакалъ, но Полежаевъ видѣлъ, что это не была Таня. Таня вся ушла въ молитву и Полежаеву казалось, что ея вытянувшееся тѣло вотъ-вотъ оторвется отъ грязнаго пола и понесется къ небу. Двѣ бѣлыхъ тѣни упали въ обморокъ.

Коржиковъ шелъ молча и стрѣлялъ. Полежаевъ считалъ пули. Седьмой выстрѣлъ былъ сдѣланъ изъ Нагана и Коржиковъ вложилъ его въ кобуру. Онъ досталъ громадный парабеллумъ, любовно осмотрѣлъ его и протягивая Полежаеву сказалъ:

— Это мой любимецъ, не хотите попробовать?

Полежаевъ взялъ револьверъ. Онъ быстро обмѣнялся взглядомъ съ Осетровымъ. Тотъ по прежнему твердо и ясно смотрѣлъ ему въ глаза взглядомъ преданной собаки.

— Главное, не волнуйтесь, — сказалъ Коржиковъ. — Надо, чтобы рука была твердая. Впрочемъ и промахнетесь, бѣда не большая.

— Я не волнуюсь, — сказалъ Полежаевъ, но не слыхалъ своего голоса. Онъ слышалъ, какъ тонко стоналъ не добитый бородачъ и кто-то кричалъ истерично: «этого не можетъ быть! Это кошмаръ. Я признаю Ленина! Отпустите меня! Я все сдѣлаю, что хотите!»

Изъ противоположнаго угла отъ красноармейцевъ сочно принеслась трехъэтажная ругань и грубый хохотъ. На дворѣ съ перебоями стучалъ автомобиль.

Полежаевъ быстро поднялъ револьверъ и въ упоръ, не глядя, выстрѣлилъ прямо въ лицо Коржикову.

Почти разомъ щелкнулъ второй выстрѣлъ. Осетровъ застрѣлилъ въ затылокъ Гайдука.

Полежаеву казалось, что наступила мертвая тишина и время остановилось. Но этого не было. Красноармейцы продолжали ругаться. Машина по прежнему стучала съ перебоями и истеричный голосъ въ углу негромко крикнулъ: — спасены!!

Полежаевъ въ одинъ прыжокъ очутился подлѣ Тани и схватилъ ее. Она показалась ему очень легкой. Осетровъ накрылъ и закуталъ ее шинелью снятой Коржиковымъ и валявшейся на оттоманкѣ и они оба бросились къ выходу.

— Въ чемъ дѣло, товарищъ? преграждая имъ дорогу сказалъ красноармеецъ стоявшій на узкой лѣстницѣ, ведшей въ подвалъ.

— Комиссару дурно стало, сказалъ Осетровъ, отталкивая его и помогая пронести закрытую комиссарской шинелью съ красной повязкой Таню.

На дворѣ продолжалъ стучать и шумѣть грузовикъ. У открытыхъ воротъ сидѣли и стояли красноармейцы. Шофферъ Рахматова сидѣлъ на автомобилѣ и смотрѣлъ въ одну точку.

— Товарищъ! сказалъ ему Полежаевъ, кладя на дно автомобиля Таню, бывшую въ обморокѣ, — заводите машину и везите насъ скорѣе на мою квартиру.

Тотъ быстро поставилъ ключъ. Машина заводилась изнутри и сейчасъ же мягко застучала.

Осетровъ вскочилъ за Полежаевымъ въ автомобиль.

— Катай, Николай Николаевичъ, ко мнѣ лучше, сказалъ Осетровъ, обращаясь на «ты» къ Полежаеву.

— У меня найдется для нея полное приданое и денегъ куча золотомъ, а тамъ сегодня же и дальше.

— Хорошо, Миша, — сказалъ Полежаевъ, этимъ уменьшительнымъ именемъ давая понять Осетрову, что ему все прощено и какъ онъ его любитъ.

Машина мягко тронула и почти безъ шума покатилась по ледяной мостовой.

Черезъ минуту кучка людей въ бѣльѣ вырвалась изъ воротъ и стремительно побѣжала по улицѣ, за ней безпорядочно стрѣляя бѣжали толпою красноармейцы. Кто то безумнымъ дикимъ крикомъ вопилъ.

— Комиссара убили! Комиссара... и сопровождалъ свой крикъ самой грубою руганью.

Въ подвалѣ было пусто. На вскопанной землѣ, подлѣ неглубокой канавы, лежало пять труповъ въ бѣломъ бѣльѣ, шестой тихо стоналъ и шевелилъ рукою.

На шагъ отъ нихъ, разметавъ руки, лежалъ Коржиковъ. Его лицо была одна сплошная кровавая дыра. Кто то изъ красноармейцевъ успѣлъ стащить съ него револьверъ и одинъ сапогъ. Рядомъ съ трупомъ Коржикова валялся трупъ Гайдука. Надъ нимъ сидѣла Дженни и сумасшедшими глазами глядѣла въ лицо убитаго.

Со столика исчезли коньяки, ликеры, печенья, сигары и папиросы. Самъ столикъ былъ опрокинутъ. Въ пустомъ подвалѣ ярко горѣло электричество.

На дворѣ два красноармейца торопливо наваливали на грузовикъ вынесенный изъ подвала большой коверъ. Шофферы пили коньякъ и ликеры прямо изъ горлышка. Въ освѣщенныя окна второго этажа видны были гости на квартирѣ Коржикова. Тамъ, подлѣ неубраннаго стола, кружились двѣ пары. Мими Границына и Беби Дранцова танцовали съ адъютантами Воротникова.

Грузовикъ шумѣлъ на холостомъ ходу.

Жизнь въ Совѣтской республикѣ протекала нормально...

XXI.

На холодномъ ночномъ воздухѣ Таня очнулась и зашевелилась на днѣ автомобиля, поджимая свои босыя ноги. Полежаевъ заботливо укуталъ ихъ шинелью, приподнялъ ее и усадилъ на сидѣнье.

Ничего барышня, — ласково сказалъ Осстровъ, — духомъ прикатимъ ко мнѣ и я вамъ все предоставлю. Боты сѣрые на кенгуровомъ мѣху у меня есть, пальто каракулевое самое настоящее, шапочка, платокъ, укутаемъ васъ во какъ! Одѣнемъ какъ принцессу и ай-да заграницу!

— Кто вы такіе? — слабымъ голосомъ сказала Таня. Слова прозвучали такъ невнятно, что Полежаевъ только догадался, что она спросила.

— Мнѣ казалось, Татьяна Александровна, что вы узнали меня, сказалъ онъ.

Таня негромко охнула. Широко открылись глаза ея и тихо, но твердо она спросила:

— Какъ вы попали сюда, Николай Николаевичъ?

Всегда, съ самаго дѣтства, называла она его Никой, какъ и онъ звалъ ее Таней, и теперь этимъ обращеніемъ по имени и отчеству они клали между собою пропасть невыясненнаго, пропасть подозрѣнія и страха съ одной стороны, мольбы понять и простить съ другой.

— Богъ меня направилъ сюда и Богъ спасъ васъ... Богъ спасетъ и Россію, — сказалъ Полежаевъ.

Таня ничего не сказала. Упоминаніе о Богѣ успокоило ее. Она сѣла удобнѣе и стала смотрѣть въ пространство. Полежаевъ видѣлъ, какъ въ темнотѣ сверкали ея ставшіе большими глаза, видѣлъ ея бѣлое, какъ у мертвой лицо и чувствовалъ, какъ она дрожала въ теплой шинели Коржикова.

Автомобиль скоро остановился. Они пріѣхали.

— Погодите одну минуту, сказалъ Осетровъ. Мнѣ надо все у себя подготовить.

Автомобиль застылъ на обледенѣлой улицѣ. Полежаевъ прислушивался къ каждый шорохъ. Каждую минуту грозила опасность. Убійство комиссара и члена чрезвычайки уже стало, конечно, извѣстно на квартирѣ Коржикова, и нужно было ждать преслѣдованія. Во второмъ этажѣ тусклымъ краснымъ огонькомъ засвѣтилась въ окнѣ свѣча и сейчасъ же упала темная штора. Осетровъ прибѣжалъ сверху и принесъ мягкіе ботики и штатскую шапку для Полежаева.

— Одѣньте, барышня, сказалъ онъ, — пока такъ что-ль, на босую ножку, а то на лѣстницѣ грязно и сыро.

Съ Осетровымъ къ автомобилю подошелъ красноармеецъ съ ружьемъ.

— Онъ покараулитъ покеля, — сказалъ Осетровъ. — А то кабы чего не вышло. — Ты, — обратился онъ къ красноармейцу, ежели кто станетъ идти, патруль какой, или толпа, выстрѣли вверхъ, понялъ?

— Понимаю, мрачно сказалъ красноармеецъ.

Я останусь тоже при машинѣ, сказалъ Полежаевъ.

— И то лучше, сказалъ Осетровъ.

Онъ почтительно повелъ Таню подъ руку черезъ дворъ на черную лѣстницу. Она шла покорно. За это время она такъ привыкла повиноваться чужой волѣ, дѣлать то, что ей приказываютъ, что и теперь она шла, отдавая себя тому, кто ее велъ.

Осторожнѣе, барышня, еще ступенька, — говорилъ Осетровъ.

Дверь въ квартиру была открыта. Черезъ двѣ темныя комнаты видѣлась третья, тускло озаренная свѣчою.

— Вотъ барышня, я сготовилъ, что могъ. Кушайте на здоровье. Сейчасъ чайку вамъ какъ нибудь согрѣю.

Осетровъ поставилъ на столъ тарелку съ хлѣбомъ и небольшимъ кускомъ копченой воблы, затѣмъ онъ открылъ ящики громаднаго коммода и сталъ выбрасывать изъ него на диванъ вороха дорогого батистоваго и шелковаго бѣлья, дамскіе чулки, юбки, кофточки, бальныя платья.

Выбирайте, что по вкусу, — сказалъ Осетровъ. Все одно — бросить придется. Да не мѣшкая и поѣдемъ. Будьте спокойны — сюда никто не войдетъ.

Онъ вышелъ изъ комнаты и заперъ за собою дверь.

Таня осталась одна въ этой большой комнатѣ тускло озаренной одинокой оплывающей свѣчей. Она сѣла на широкую низкую постель корельской березы съ бронзой, небрежно накрытую голубымъ, стеганымъ на пуху одѣяломъ. Платья и бѣлье лежали передъ нею на диванѣ и на коврѣ. На туалетномъ столикѣ съ кокетливымъ приборомъ и большимъ зеркаломъ, у котораго стоялъ мягкій пуфъ, въ видѣ двухъ подушекъ, разрисованныхъ акварелью, печально, въ грязномъ мѣдномъ шандалѣ, горѣла свѣча и на тарелкѣ лежало два ломтя стараго чернаго хлѣба и кусокъ вонючей воблы.

«Чья..., Чья была эта комната? Кто спалъ на этой постели?» — думала Таня, разбирая чужое бѣлье, — чье было все это бѣлье, чулки, платья»?

Вся эта воровская обстановка ее смущала. Ничего не было подходящаго для дороги и побѣга. Всѣ эти нѣжныя, расшитыя цвѣтами и узорами прозрачныя рубашки не одѣвали, а раздѣвали. Сюда тащили то, что годилось для разврата и страсти. Отъ вороха бѣлья шелъ пряный ароматъ

старыхъ духовъ. Иныя рубашки были ношенныя, не стиранныя. „Съ кого, когда и гдѣ онѣ сняты? Быть можетъ, въ такихъ же подвалахъ, передъ разстрѣломъ».

Маленькіе, огрубѣлые пальцы Тани дрожали. Наконецъ она выбрала три рубашки, не ношенныя, показавшіяся ей болѣе скромными и осторожно, спуская свою длинную рубашку-саванъ, надѣла ихъ одна на другую. Пріятно охватилъ исхудалое тѣло душистый батистъ и напомнилъ давно прошедшія времена.

Чулки были тонкіе, шелковые, цвѣтные, ажурные съ вышитыми стрѣлами и цвѣтами. Таня надѣла три пары ихъ и все не могла согрѣть застывшія ноги. Она обула ноги въ высокіе сапожки, надѣла юбки, кофточку, пригладила торчащіе волосы, подтянула ихъ черепаховой гребенкой и стала спокойнѣе. Она взяла кусокъ хлѣба и стала ѣсть... Животная теплота побѣжала по жиламъ... Страннымъ сномъ ей казалась эта комната, воровски освѣщенная одинокою свѣчою, съ роскошной постелью и разбросаннымъ въ безпорядкѣ сладко пахнущимъ бѣльемъ.

Въ дверь постучали.

— Можно? — спросилъ Осетровъ за дверью.

— Войдите, — сказала Таня.

— Чайку принесъ вамъ, — ставя на туалетный столикъ три чашки съ чаемъ, сказалъ вошедшій Осетровъ. — Всѣ три вамъ. Для скорости. Каждая минута на счету. Пейте скорѣе и ѣдемъ.

Чай прояснилъ мысли Тани. Она уже въ полномъ сознаніи закутала плечи дорогимъ оренбургскимъ платкомъ, покрыла ихъ собольимъ палантиномъ и надѣла поверхъ широкій сакъ изъ каракуля.

— Одѣвайте, барышня. — Все пригодится. Вамъ на это жить придется еще, можетъ, сколько годовъ. А мнѣ ни къ чему, — говорилъ, подавая то то, то другое, Осетровъ.

По его настоянію Таня поверхъ всего надѣла пальто Коржикова и, едва двигаясь, пошла за Осетровымъ. Онъ шелъ впереди и свѣтилъ на лѣстницѣ. На улицѣ все было тихо. Блѣдный шофферъ сидѣлъ на своемъ мѣстѣ. Полежаевъ и Желѣзкинъ стояли подлѣ и вглядывались въ темноту ночи. Гдѣ-то, квартала за три, раздались два выстрѣла, и все опять стихло. Громадный городъ притаился и застылъ въ ночномъ тревожномъ оцѣпененіи.

— Наконецъ то, — сказалъ Полежаевъ.

— Ничего, товарищъ, я ей паспортъ на всякій случай захватилъ. И для насъ взяты.

— Никто не видалъ?

— Товарищи знаютъ. Да теперь все равно. — Желѣзкинъ, ты съ нами?

— Съ вами, Михаилъ Сергѣевичъ.

— Ну съ Богомъ!

Это забытое Русское слово странно прозвучало въ ночной тишинѣ изъ-подъ красной звѣзды, сверкавшей на фуражкѣ. Шофферъ обернулся и посмотрѣлъ на Осетрова.

— Катайте, друже, по Забалканскому къ Петергофскому тракту... До Ораніенбаума бензина хватитъ?

— Должно хватить, — сказалъ шофферъ и нажалъ ногою на рычагъ автомобиля.

XXII.

Темный городъ несся на встрѣчу. Автомобиль съ тускло свѣтящими фонарями качался и прыгалъ на выбоинахъ разбитой мостовой. У казармъ шатались люди, слышался пьяный крикъ. Какая-то женщина, то плакала, то ругалась послѣдними словами, отбиваясь отъ красноармейцевъ. Чѣмъ ближе подъѣзжали къ окраинамъ, тѣмъ становилось безлюднѣе. На Обводномъ каналѣ, пустомъ, безъ лодокъ и барокъ, не было ни души. У Балтійскаго вокзала проскользнуло нѣсколько темныхъ тѣней съ мѣшками и котомками и хрипло и порывисто свисталъ за высокимъ заборомъ паровозъ. Потомъ пахнуло свѣжестью осеннихъ полей, гнилою капустой, мусоромъ, крѣпкимъ запахомъ воды, камыша и моря: автомобиль катился по Петергофскому шоссе. Пошли пустыри, каменные верстовые столбы, раскидистыя бѣлоствольныя голыя березы, ивнякъ глухо шумѣлъ по канавамъ, пахло болотомъ, показались сады, дачи, бѣлыя ворота Сергіевскаго монастыря, дорога стала лучше, крѣпче, лужи на выбоинахъ сверкали бѣлымъ пузыристымъ льдомъ и трещали подъ автомобилемъ, потянулись темныя деревья парковъ, дачъ, пожарная команда, каменный мостъ надъ шлюзами, гдѣ глухо шумѣла, низвергаясь водопадами вода, а влѣво темнѣло широкимъ просторомъ Стрѣльнинское озе-

ро, потомъ опять были дачи и поля, шоссе обступили кусты и деревья Михайловскаго и Знаменскаго парковъ. Старинныя ворота двумя каменными столбами приняли автомобиль и по обѣимъ сторонамъ тѣсно стали деревья парка Александрiи. Пахло мохомъ, елью, сыростью, потомъ автомобиль запрыгалъ по выбоинамъ Петергофской улицы, пошли дачи, дворцы, плацъ...

Какое все это было знакомое Танѣ, съ дѣтства родное. Свидѣтели ея игръ и шалостей съ братомъ Колей проносились мимо нея. Сколько воспоминанiй будили эти темныя лиственницы и пихты, эти таинственныя ели Петергофскихъ ремизовъ! Здѣсь каталась она верхомъ на маленькомъ пони съ отцомъ и матерью, здѣсь они ѣздили въ шарабанѣ и здѣсь она ребенкомъ научилась свято чтить Царскую семью... Образы отца, матери, ихъ лошадей, ея прелестнаго пони «Ральфа», образы брата, какъ призраки обступили ее. Ихъ всѣхъ покрывалъ призракъ того, кто царилъ надъ всѣми ними. Образъ царя, образы царей вставали передъ Таней, когда она мчалась по шоссе, приближаясь къ Петергофу. И всѣ они умерли!

Какое все это было родное и милое!... Здѣсь на плацу учились кадеты. Здѣсь Коля и Таня ходили смотрѣть, какъ перебѣгали кадеты въ бѣлыхъ рубахахъ, какъ штурмовали они дачу Мурузи... Здѣсь бывали смотры и Concours-hippiques, и черезъ высокiе валы и заборы перелетали офицеры на нарядныхъ лошадяхъ. Въ Троицынъ день и въ день Петра и Павла гулко звенѣли колокола высокаго квадратнаго коричневаго собора и на плацу, украшенномъ зелеными гирляндами и пестрыми флагами, появлялись прекрасные полки гвардейской кавалерiи. Были праздники, гремѣла музыка, слышалась пѣсня, а подъ вечеръ, по улицамъ въ разстегнутыхъ мундирахъ съ алыми лацканами ходили пьяные уланы и конногренадеры, но они не были страшны. Они улыбались простоватыми улыбками и они были славными, добрыми Русскими солдатами...

Это было тогда, когда двуглавый орелъ высился надъ дворцами.

...„А теперь?... Теперь, когда не стало царя и во главѣ народа сталъ страшный, кровавый, пахнущiй трупами Ленинъ?

Передъ глазами Тани поплыли призраки недавняго прошлаго... Убійство Царской семьи. Обгорѣлая поляна въ глухомъ лѣсу и ея поиски хотя чего-либо, что дало-бы ей надежду, что тотъ ужасъ, о которомъ шопотомъ говорили въ Екатеринбургѣ былъ неправдой!

Потомъ почти два года при арміи Колчака. Жуткое сознаніе, что и тѣ, кто шли спасать Россію, кто называли себя «бѣлыми» — говорили плохо о Царѣ и постоянно повторяли: — «къ прошлому возврата нѣтъ!» — Но что же должно придти на смѣну этому прошлому?

Колчакъ преданъ союзниками и чехословаками и звѣрски разстрѣлянъ. Подло, гадко... Кругомъ кровь, измѣна и подлость. Жизнь украдкой въ сибирской деревнѣ и медленное путешествіе на югъ. Куда-нибудь, гдѣ еще есть Россія не потасенная, не замученная, не заѣденная вшами, не больная гнойными ранами, не затравленная и залитая кровью, но Русь свободная, гдѣ гордо рѣютъ Русскіе флаги и гдѣ можно говорить о прошломъ.

У Тани былъ покровитель. Влюбленный въ нее солдатъ-красноармеецъ, жалкое полудикое существо, съ широкимъ скуластымъ лицомъ, покрытымъ глубокими оспинами провелъ ее, какъ нянька, черезъ всю бушующую страстями Россію и доставилъ въ Москву.

...Встрѣча съ Пестрецовымъ. Пестрецовъ ей сказалъ, что ея отецъ будетъ служить въ красной арміи. Жизнь у тетки въ кривомъ переулкѣ на Арбатѣ, въ уплотненной квартирѣ, жизнь подачками отъ Пестрецова и продажей вещей тетки...

Потомъ былъ арестъ, скучное пребываніе въ обществѣ тридцати женщинъ и наблюденіе, какъ подъ вліяніемъ голода, падали одна за другой и уходили на службу совѣтской власти. Извѣстіе о мученической смерти отца. Оно не поразило ее. Когда узнала она подробности смерти отца, была только одна мысль въ ея мозгу, и мысль эта была радостная и гордая: «не сдался отецъ, не предалъ Христа. Умеръ, какъ и жилъ — героемъ». Таня знала, что ее ждетъ смерть и готовилась къ смерти. И тутъ было что-то такое нелѣпо дикое, что теперь, когда почти годъ прошелъ съ тѣхъ поръ Таня вспоминаетъ объ этомъ и не можетъ понять, какъ могло все это быть.

Однажды утромъ къ ней пришелъ ея обожатель, красноармеецъ Ѳома Сисинъ. И онъ похудѣлъ и какъ-то постарѣлъ. Изрытое лицо его, круглое, скуластое, безбровое и безусое, бабье лицо, стало еще некрасивѣе.

— А я тебѣ, товарищъ, вошу принесъ, — сказалъ онъ, доставая коробочку. — Хорошая воша, тифозная. Я досталъ у товарища, за большія деньги. Она испытанная. Кого укуситъ, безпремѣнно заболѣетъ. Такая воша... Пять красноармейцевъ черезъ нее отъ службы домой уволили, я для тебя досталъ.

— Зачѣмъ мнѣ? — содрогаясь, сказала Таня.

Круглое бѣлое лицо близко придвинулось къ ней, широкій ротъ открылся и обнажилъ рядъ рѣдкихъ гнилыхъ зубовъ.

— Тебя приказано въ Питеръ доставить... Слышь, комиссаръ тебя пожелалъ въ содержанки взять. Значитъ... будетъ... Ну, а я не хочу. Хочу, чтобы ты чистая была. И, коли не я, такъ и никто другой.

Сисинъ говорилъ не стѣсняясь, все называя своими простыми мужицкими именами, какъ въ этомъ государствѣ говорили всѣ, потому что давно условія жизни стали таковы, что понятіе о стыдѣ утратилось.

— А вотъ ты эту вошу пусти, и, значитъ, тифомъ заболѣешь, а тамъ ничего тебѣ и не будетъ...

Таня пустила этихъ вшей. Таня была больна тифомъ. Таня лежала въ госпиталѣ съ обритой головой, Таня была при смерти...

...Двадцатый вѣкъ... Культура.. Она ѣдетъ въ автомобилѣ... Къ ея тѣлу мягко прижимается вышитый шелками батистъ, дорогой мѣхъ окуталъ ея шею. Въ сверкающихъ надъ моремъ лучахъ прожектора маячатъ мачты безпроволочнаго телеграфа. Страна, по которой она ѣдетъ, — провозглашена самой свободной страной въ мірѣ, въ ней нѣтъ собственности, это соціалистическій рай, еще недавно въ ней былъ знаменитый англійскій писатель и восхищался ея устройствомъ и въ ней, для того, чтобы освободиться отъ самаго гнуснаго рабства, отъ позора гаремной наложницы, нужно было пускать на себя зараженную тифомъ вошь!...

...Европа! Торговыя сношенія, признаніе совѣтской власти и вошь спасительница!!

....Кошмаръ?...

Нѣтъ, торжество соціализма!

«Милый Ѳома Сисинъ, а вѣдь ты спасъ меня!

«И сейчасъ... кто эти люди, которые спасли меня. Этотъ молодой офицеръ, солдатъ худой и длинный, юноша шофферъ? Почему они спасли меня? Почему Полежаевъ съ ними? И Ника-ли съ ними, или они съ Никой?

Они ѣхали полтора часа, и она ни слова не сказала съ Никой. Она боялась узнать подробности, боялась услышать, что онъ, кого она такъ любила, былъ съ ними, служилъ подъ краснымъ знаменемъ, поклонился діаволу.

Она очнулась отъ думъ. Автомобиль стоялъ среди поля. Недалеко былъ морской берегъ. Порывами налеталъ вѣтеръ, вылъ и шумѣлъ въ ушахъ и глухо рокотали волны.

— Ну что, другъ, и вы съ нами? — сказалъ Ника, обращаясь къ шофферу.

Шофферъ смотрѣлъ на Нику и лицо его было блѣдно. Борьба шла въ немъ.

— Нѣтъ, — глухо сказалъ онъ. — Не могу. Мать у меня тамъ... братья маленькіе.

— Что же вы будете дѣлать? — спросилъ Полежаевъ

— Отпустите меня. Вернусь къ Рахматову. Разскажу все, какъ было. До утра за вами не поспѣютъ, а тамъ вамъ все равно ничего не будетъ.

— Пусть будетъ такъ, — сказалъ Осетровъ. — Мальчикъ правъ. Если онъ удеретъ, его мать прикончатъ. А такъ пусть показываетъ. Открутится. Вылѣзайте, барышня. И слушай, Николай Николаевичъ, посиди здѣсь съ барышней немного, а я съ Желѣзкинымъ пойду отыскивать Топоркова. Вмѣстѣ то пойдемъ, напугаемъ его. Вѣдь я его и такъ два раза арестовывалъ, да все онъ откупался. Онъ нашъ... Перевозомъ занимается. Десять тысячъ царскими беретъ за персону... Перевезетъ, а потомъ пьетъ мертвую. А офицеръ былъ.. Кадровый... гвардеецъ... Дворянчикъ... Буржуй... Такъ до скораго.., Крикну! гопъ-гопъ! отзовитесь.

Автомобиль повернулъ назадъ и скрылся въ темнотѣ ночи. Полежаевъ и Таня остались одни...

XXIII.

— Ника, какъ вы попали къ нимъ на службу? — спросила Таня, садясь на большой плоскій камень на берегу моря.

Ночь была кругомъ. Темныя тучи неслись по небу, разрывались и тогда сквозь нихъ блестѣлъ мѣсяцъ. На мгновеніе вспыхивало серебромъ взволнованное море и были видны бѣлые гребни волнъ, песчаный берегъ, поломанный черный камышъ, кусты съ оборванными листьями, пригнутые порывами вѣтра, и все сейчасъ же опять исчезало въ темнотѣ. Темный лѣсъ шумѣлъ неподалеку и выли черныя сосны, точно проклинали свою судьбу. Нигдѣ не было видно ни огонька, и на морѣ не горѣли огни проходящихъ судовъ. Съ шумомъ и ропотомъ катились волны, вставали черныя, косматыя, покрывались пѣной, сшибались и неслись прямо на Таню и вдругъ падали и покорно шипѣли по песку у самыхъ ея ногъ. Въ шубкѣ было тепло и мягко сидѣть, вѣтеръ не могъ пробить шерсть платка и щеки подъ нимъ горѣли лихорадочнымъ румянцемъ. Таня слушала разсказъ Ники о всѣхъ событіяхъ этихъ трехъ лѣтъ. Они разстались дѣтьми, встрѣтились стариками. Передъ Таней вставалъ легендарный походъ дѣтей на Кубань, подвиги братьевъ Полежаевыхъ, Ермолова и Оли, она слушала разсказы про казаковъ, про то, какъ просыпались и вставали станицы на Дону и Кубани и освобождался югъ Россіи.

— Какъ ждали мы васъ тогда у Колчака... Осенью 1918 года. Отчего, отчего, Ника, вы не пришли тогда и не соединились съ нами? — прошептала Таня.

Тихо звучалъ голосъ. Онъ говорилъ о соперничествѣ вождей, о задѣтыхъ самолюбіяхъ, о честолюбіи наверху въ штабахъ, пока внизу лилась драгоцѣнная кровь Русской молодежи и дѣтей. Онъ говорилъ, какъ кадеты и гимназисты спасали положеніе на фронтѣ, а потомъ, брошенные, грабили жителей, чтобы питаться. Ника разсказывалъ, какъ исполнялись требованія англичанъ и французовъ и какъ за каждую винтовку и патронъ, за каждую рубашку, которой смѣняли лохмотья раненыхъ, платили кровью казаковъ и добровольцевъ. Голосъ Ники дрожалъ, когда онъ разсказывалъ, какъ уходили къ Новороссійску и какъ шли они по грязной степи, а ихъ обгоняли поѣзда, груженые разными

вецами. Слезы звучали въ его голосѣ, когда онъ разсказывалъ, какъ стояли на молахъ и по улицамъ Новороссійска казачьи лошади и какъ волною проносилось по ихъ рядамъ печальное ржаніе и какъ плакали казаки.

— Таня... я убѣдился, что пока мы опираемся на Францію и Англію, мы не спасемъ Россію. Это не въ ихъ интересахъ. Они ссорили между собою вождей, они сознательно разрушали казачество. И Франція и Англія всегда боялись казаковъ. Одной, они грезились съ войны 1812 года, другая боялась движенія новаго Ермака черезъ Афганистанъ на Индію. И тѣ, кто первый поднялъ возстаніе противъ насилій большевиковъ, кто боролся въ передовыхъ рядахъ три года, затирались и унижались. И вмѣсто дружбы и любви были зависть и злоба... Я видѣлъ, Таня, что и Врангель погибнетъ, потому что онъ не могъ работать самостоятельно. Онъ долженъ былъ прислушиваться къ общественному мнѣнію Парижа и долженъ былъ исполнять желанія французовъ. И, еще находясь на островѣ Халкѣ, я понялъ, что спасти родину можно только работая въ Россіи. Заграница и эмигранты могутъ лишь немного помочь. Они могутъ искусственно создать въ Россіи свободу слова, то, что такъ необходимо для нея, они могутъ сберечь и сохранить спеціалистовъ и знанія, которыя имъ нужны. Но и только. Я пошелъ сюда. Я пошелъ на тысячи мукъ душевныхъ, на вѣчный рискъ быть узнаннымъ и замученнымъ. Но настойчиво и постоянно я будилъ здѣсь Русскія чувства и я напоминалъ погибшимъ заблудшимъ людямъ только одно: что они Русскіе... Таня! Вѣрьте мнѣ!.. Еще немного времени и Россія спасется. Уже близка она къ покаянію... А черезъ покаяніе найдетъ она и спасеніе. Когда?.. Какъ? Не знаю... не знаю...

Тѣснѣе прижалась къ нему странная фигура въ солдатской распахнутой шинели и мѣховой шапкѣ, окутанной платкомъ. Большіе глаза устремились на него и были видны только они, да прямой бѣлый носъ. Они любили другъ друга три года тому назадъ и всѣ три года черезъ лишенія, испытанія, опасности и муки они пронесли свою любовь. И теперь не знали каждый о себѣ: — сохранилась ли эта любовь? Осталось ли въ Никѣ прежнее чувство страстнаго обожанія къ ней — Танѣ Саблиной! Тогда она была дочерью извѣстнаго генерала, богатой невѣстой, дѣвушкой

Петербургскаго свѣта, прекрасной въ свои восемнадцать лѣтъ... Теперь, — ея отецъ замученъ и разстрѣлянъ. У ней не только ничего нѣтъ, ни дома, ни квартиры, ни имущества, но у ней нѣтъ и Родины. Она нищая, одѣтая въ краденое платье и, можетъ быть, тамъ, заграницей, куда они бѣгутъ, узнаютъ ея каракулевое пальто, ея ботинки, ея бѣлье и привлекутъ ее къ суду. Ея юное тѣло увяло отъ голода и тифа, ея роскошные волосы острижены, и застывшая кровь не въ силахъ заиграть румянцемъ на впалыхъ щекахъ... Какая она невѣста!

Ника смотрѣлъ въ ея лучащіеся любовью глаза и думалъ, что онъ недостоинъ ея. Да, онъ спасъ ее. Да, можетъ быть, уже завтра они будутъ свободны и въ свободной странѣ, но Родина не свободна и къ какому алтарю поведетъ онъ ту, которую любилъ больше всего, и гдѣ совьетъ онъ свое гнѣздо?

Ихъ сердца бились одинаково. Одинъ и тотъ же гимнъ любви звучалъ въ ихъ душахъ и души ихъ, измученныя, изстрадавшіяся, истосковавшіяся, избитыя этою ужасною жизнью, подобныя загнаннымъ на горной скалистой дорогѣ молодымъ лошадямъ, съ разбитыми въ кровь колѣнями, со стертыми холками, со страдающими слезящимися глазами — были молоды и жаждали любви и счастья.

Передъ ними было темное море. Неприютное, некрасивое, грозное, плоское море. Кругомъ была разлита печаль сѣвера. Стлались къ землѣ гибкія вѣтви ивы, побурѣвшая трава была мокра и печальна, сухо шумѣлъ потемнѣлый камышъ и стонали въ лѣсу темныя сосны. Все было черно и мрачно. Глухая осень говорила о смерти и кладбищемъ казалась земля.

— Какъ хорошо! — сказала Таня... — Милый, какъ хорошо! Какое великое счастье свобода!... Мы ушли, мы ушли отъ нихъ. Какъ хорошо шумитъ море!... Какой чудесный запахъ воды, простора и воли... воли!!...

Прорѣзая темное небо, скользнулъ бѣлый лучъ прожектора. Заискрились и мертвыми блестками, какъ гробовая парча серебромъ, заиграли подъ ними волны. Онъ скользнулъ по водѣ, уперся въ небо, что-то искалъ въ косматыхъ, стремящихся на востокъ тучахъ, потомъ быстро понесся вдоль берега, озарилъ яркимъ свѣтомъ сосны и сильнѣе стала видна темнота лѣса. Выдѣлились прямые розовые па-

верху, голубо-сѣрые внизу стволы и качающіяся вершины деревьевъ, сѣрый заборъ сталъ видѣнъ и низкая избушка. Лучъ бѣжалъ по берегу и подъ нимъ оживали какъ призраки предметы: перевернутый дырявый челнъ, лайба на берегу о двухъ мачтахъ, камень, песокъ и приникшая, растерявшаяся подъ вѣтромъ, низкая, плоская трава.

Лучъ остановился на нихъ. Ярко вспыхнули глаза Тани и стала видна ихъ васильковая синева, заблестѣли завитки каракуля изъ-подъ разстегнутой шинели и черная плоская костяная пуговица заиграла какъ зеркало.

Ника и Таня бросились на землю. Одна и та же мысль, заледенила ихъ сердца: — «неужели увидали?»... Прошло нѣсколько секундъ. Лучъ оторвался отъ нихъ и побѣжалъ, шаря по волнамъ, сверкая на бѣлыхъ гребняхъ, а они все сидѣли молча и не могли оправиться отъ охватившаго ихъ ужаса.

— Гопъ-гопъ! — раздалось неподалеку за ними.

— Гопъ-гопъ! — отозвался Ника и всталъ.

Осетровъ, Желѣзкинъ и еще какой-то высокій одѣтый въ мужицкое платье человѣкъ приближались къ нимъ.

XXIV.

— Товарищъ Топорковъ, — отрекомендовался сухой бритый человѣкъ. Онъ плюнулъ и лицо его искривилось больною улыбкой. — «Тьфу... привязалось это подлое слово и со своими не могу иначе. Поручикъ Топорковъ.»

— Ну что же, ѣдемъ, — сказалъ, пожимая ему руку, Ника.

— Сегодня не могу. Поздно, — это одно. Свѣтло будетъ, когда мимо Толбухина пойдемъ. Кабы предупредили меня, у меня готово было бы. А то за снастями идти надо. И вѣтеръ силенъ, и волна. Зальетъ. Не могу.

— А завтра поздно будетъ, — глухимъ голосомъ сказалъ Ника. — Вамъ Осетровъ разсказывалъ въ чемъ дѣло. Мы не обыкновенные бѣженцы.

— Самъ вижу, что комиссары. Дѣло мнѣ понятное. А только тонуть мнѣ за васъ не приходится. Да и вамъ, я думаю, не охота.

— Но какъ же быть?... За нами погоня.

— И хуже бывало, да не найдутъ. Вонъ Осетровъ то съ цѣлой ротой два мѣсяца тому назадъ шарилъ, а не нашелъ ничего, а у меня пять семействъ тутъ три дня погоды ожидало. Идите за мной.

Топорковъ долго велъ ихъ лѣсною глухою тропинкой. Шли молча, спотыкаясь о невидные корни и пеньки. Въ душѣ Полежаева вдругъ шевельнулось подозрѣніе. А вдругъ это обманъ и предательство, вдругъ Осетровъ испугался и выдалъ ихъ и теперь ихъ ведутъ въ какую-нибудь «губчека», или просто на красноармейскій пограничный постъ. Таня шла впереди мелкими шагами. Она такъ обезсилѣла, что едва двигалась, у ней темнѣло въ глазахъ и не было никакихъ мыслей. Одно было: — она вѣрила этимъ людямъ, вѣрила, что они спасутъ ее.

Узкая, мокрая, глинистая дорога съ глубокими колеями, о которыя споткнулась и чуть не упала Таня, пересѣкла ихъ путь. Они пошли по ней, потомъ свернули въ лѣсъ и скоро очутились передъ небольшой чистой избушкой.

Топорковъ постучалъ въ окно. Окно сейчасъ же открылось и лохматая голова появилась въ немъ.

— Вы, ваше благородіе? — сказалъ кто-то съ нерусскимъ акцентомъ и пошелъ отворять дверь.

Черезъ часъ Таня, напившаяся молока, съѣвшая большой кусокъ хлѣба съ масломъ и два яйца, лежала на постели на своей шубкѣ, накрытая шинелью и крѣпко, безъ сновъ, спала. Ея спутники спали тутъ же на полу. Въ избушкѣ было тихо и мѣсяцъ чеканилъ на полу замысловатый узоръ сквозь мелкій переплетъ оконъ, заставленныхъ бальзаминами и геранью. Въ избѣ стоялъ крѣпкій запахъ мужика, овчины и махорки.

Таня проснулась поздно. Былъ ясный морозный день. Въ окно были видны освѣщенныя солнечными лучами сосны, жердяной заборъ и огородъ съ черными вскопанными грядами картофеля и кочерыжками снятой капусты. Буря стихала, но вѣтеръ былъ силенъ и лѣсъ шумѣлъ кругомъ. Таня долго не могла понять, гдѣ она находится и что произошло. Въ трехъ шагахъ отъ нея за небольшимъ столомъ сидѣли за самоваромъ Ника, молодой офицеръ, длинный солдатскаго вида человѣкъ и пожилой, весь въ морщинахъ эстонецъ, съ льняными волосами и голубыми свѣтлыми глазами. Онъ

держалъ на растопыренныхъ пальцахъ желтое блюдечко съ чаемъ и упорно, старательно выговаривая Русскія слова, говорилъ:

— А я говорю: все это ерунда. Чушь одна, Что за штука такая — Эстія? Не можетъ она безъ Россіи быть — , вотъ какъ рука безъ тѣла не можетъ. И Царя надо! Прежде то знали мы одного Царя, да одного губернатора, а теперь. Ѣду по Ревелю, мимо парламента. Парламентъ подумаешь! Я же ихъ всѣхъ знаю! Все воры проклятые, дармоѣды... Чиновниковъ расплодили, — а мы содержи! Что же это возможно? это хорошо? Куда не приди, вездѣ чиновникъ, или барышня-машинистка и все на наши деньги! Ну, скажи пожалуйста, а войско!? Вѣдь сколько народа взято въ войско и все мало! Чуть что скажешь: — сейчасъ и обида: — мы демократы, а это, молъ, черносотенство! Въ Ревелѣ грязь, пакость, порядку нѣтъ и все одно раболѣпствуютъ передъ совѣтскими, какъ раньше никогда не раболѣпствовали передъ губернаторомъ. И хоть бы это господа были! А то Петроградскую гостинницу запакостили, загадили и все спекулируютъ, воруютъ. Развѣ это государство! За англичанъ уцѣпились. Въ праздникъ англійскіе матросы пьяные шатаются, народъ задѣваютъ, а мы молчи! Раньше Россія была — все своя, знали мы ее, а теперь — тьфу! Англичане. И все крадутъ... Кругомъ царь необходимъ. Безъ царя порядка не будетъ... Эти такъ смотрятъ — наворовать и уйдти. Ты гляди, — кто дачу строитъ? — депутатъ. Кто лѣсъ скупаетъ? — членъ правительства. Онъ знаетъ: — у него только сегодня, а завтра нѣтъ. Пока выборный, сидишь въ правительствѣ, — бери, хватай, — потомъ уйдешь — ничего тебѣ не будетъ, другой возьметъ. Царь то далеко смотрѣлъ. У него наслѣдникъ, ему, значитъ, охота все передать, чтобы въ акуратѣ было, по настоящему. Онъ и глядѣлъ, чтобы не крали... А эти — только о себѣ и думаютъ. Господи! — посмотрѣлъ бы во что желѣзную дорогу обратили, дачи запакостили, да и дачника нѣтъ, вмѣсто него бѣженецъ сидитъ. А бѣженецъ извѣстно: сундуки уложилъ и ему горя мало. Зимою заборъ, да что заборъ — мебель тянетъ, печи топитъ. Ему что! Онъ бѣженецъ — здѣсь разоритъ, дальше побѣжитъ. И никто ничего не дѣлаетъ. Все соберутся, говорятъ, говорятъ, сначала будто и путное что: — огороды, молъ, будемъ разводить, на лѣ-

сопильни пойдемъ, а потомъ пойдетъ программа, станутъ говорить о политикѣ, переругаются и разойдутся...

Эстонецъ шумно выпилъ чай осмотрѣлъ всѣхъ голубыми глазами и сказалъ: —

— И что за штука такая политика, господа, — понять не могу. Раньше политики не было, а былъ пор-радокъ! Была подать, былъ урядникъ, ну, кто платилъ — тому ничего, кто не платилъ, извѣстно, хорошаго мало. Взятки тоже брали, да не грабили, какъ теперь. А теперь на все налогъ. И ничего нѣтъ, а что есть не укупишь. За керосиномъ пойдешь: — керосина нѣтъ. Грузія, молъ, воюетъ съ Совѣтами, черезъ то керосина нѣтъ, — а я и не слыхалъ, что керосинъ грузинскій. За бѣлой мукой пошлешь — муки нѣтъ. На Украинѣ, молъ, безпорядки, не даетъ Украина муки. Сукна дешеваго нѣтъ: — Польша отдѣлилась, воюетъ, мороженаго мяса сибирскаго и не жди... Что такое стало, житья нѣтъ. Все равно, какъ въ мужицкомъ хозяйствѣ, пока недѣлены были, были богатѣями, а какъ, значитъ, подѣлились и ни у кого ничего не стало. У одного къ примѣру плугъ, а у другого лошадь, а у третьяго борона. Пахать надо, а тотъ плуга не даетъ, а этому лошадь, вишь, жалко стало... Плохая, господа, политика. И плохо отъ нея крестьянину... Нѣтъ, безъ Царя намъ никакъ не обойтиться! Потому, порядокъ нуженъ и всю эту сволочь разогнать надоть, а то объѣдали казну со своими бумагами.

Ника замѣтилъ, что Таня проснулась и пригласилъ ее къ столу. Желѣзкинъ и Осетровъ ушли, эстонецъ досталъ яйца, масло и хлѣбъ.

— На, барышня, кушайте на здоровье сказалъ онъ. — Ишь какъ исхудали, да блѣдныя какія! А тоже, поди, и вы здѣсь по дачамъ живали. Видать изъ господъ.

Таня сѣла къ столу.

XXV.

День прошелъ въ томительной тревогѣ и волненіи. Начинали говорить о чемъ либо и обрывался разговоръ и вяли на губахъ слова.

— Постойте, господа... Вы ничего не слыхали? блѣднѣя сказалъ Осетровъ.

Ника вышелъ въ лѣсъ, прокрался на дорогу. Солнце скупо свѣтило, жирныя глинистыя жолтыя колеи блестѣли подъ лучами, бурый верескъ, набухшій отъ дождя, набѣгалъ на дорогу. Сквозь тонкіе стволы частыхъ сосенъ привидѣніемъ грозился черный можжевельникъ. Бѣлка, ломая сучья, прыгнула отъ шаговъ Ники. Онъ вздрогнулъ и долго смотрѣлъ и слушалъ. Мѣрно шумѣлъ лѣсъ, то притихнетъ и тихо шуршитъ вершинами, то вскинется, загудитъ, заскрипитъ и долгій ведетъ о чемъ то разсказъ густыми голосами старыхъ сосенъ... Нигдѣ, никого.

Въ избѣ притихшіе ждали Нику Осетровъ, Желѣзкинъ и Таня.

— Нѣтъ, — сказалъ Ника, — это такъ, послышалось.

— Мнѣ показалось, что кто то кричалъ команды, сказалъ Осетровъ.

— А я слышалъ будто автомобиль.

Эстонецъ покачалъ головою.

— Какой тутъ автомобиль, — сказалъ онъ. Тутъ топь такая кругомъ, что и телѣгою не проѣдешь. А то автомобиль! Да, вы, господа, не бойтесь. Коли поручикъ за это дѣло взялся, такъ онъ его проведетъ. Онъ вѣдь тоже головою рискуетъ.

— А вы давно знаете поручика? спросилъ Ника.

— Пятнадцать годовъ. Во какъ! — сказалъ, вытряхивая пепелъ изъ трубки эстонецъ. — Фельдфебелемъ въ его ротѣ былъ шесть лѣтъ. Онъ вѣдь неудачливый поручикъ то нашъ. Разжалованъ былъ и снова служилъ. Онъ то горя намыкалъ не мало. Въ Красноярскомъ пѣхотномъ полку не было противъ меня сурьезнѣе фельдфебеля! Послѣ пять годовъ въ Петербургской полиціи околодочнымъ служилъ. Полный бантъ за войну имѣю! Меня къ эстонцамъ на офицерскую должность звали. Да чего не видалъ! Служилъ Государю, а больше никому служить не желаю. Хаму не поклонюсь никогда! Демократія! Демократическое правленіе! Равенство! А какъ явился я къ нимъ, такъ службой въ полиціи попрекать стали! Эхъ! люди!..

Разговоръ умолкъ и снова сидѣли на лавкахъ и ждали, когда смеркнетъ день, когда наступитъ часъ освобожденія.

Солнце спускалось за лѣсъ. Длинныя потянулись тѣни отъ сосенъ и красными стали стволы подъ закатными лучами.

— Пойдемте, сказала Таня Никѣ. — Посидимъ немного на воздухѣ. Душно здѣсь въ избѣ.

Они вышли за избу и сѣли, — она на пнѣ, онъ подлѣ, на песчаномъ обрывѣ. Лѣсъ все разсказывалъ свою древнюю сказку. Въ свѣжемъ воздухѣ пахло морозомъ и терпкимъ запахомъ можжевельника, смолы, хвои и терпентина. Лужи затягивало ледкомъ и онѣ морщились и тихо потрескивали.

— Вы помните, Ника, — тихо проговорила Таня, какъ любили мы съ Олей наступать на ледокъ на лужахъ и слушать, какъ хруститъ онъ подъ каблукомъ.

— Да, Таня, помню, — коротко сказалъ Ника.

— Ника, послѣ долгой паузы сказала Таня и широко раскрылись ея глаза, будто два синихъ василька глянули изъ черной опушки длинныхъ рѣсницъ, — Ника что же это такое!?. Было... Было... Было... Вся жизнь въ воспоминаніи. А что же есть, что осталось? Господи! какъ подумаешь! Ни одной карточки папы, или мамы, ни одного портрета, ни крестика, которымъ крестили, ни колечка, которое подарила мама, никакой памяти не осталось отъ того, что было. Все пропало... И точно не было ничего. Мама, папа, Коля... Ваша сестра Оля, Павликъ... — По всему свѣту, или на томъ свѣтѣ... Ни письма, ни телеграммы.

— Все вернется Таня, — ближе садясь къ ея ногамъ сказалъ Ника.

— Вернется, говорите вы... — сказала Таня. — Нѣтъ, Ника, не вернется. Эти три года я ходила по деревнямъ. Нигдѣ никто ничего не знаетъ. Ночью постучишь въ избушку. «Пустите, Христа ради!» — «Проваливай, милая. Христосъ подастъ!» И такъ это холодно, жестоко, грубо! А гдѣ пустятъ, войдешь: — темная изба, лучина въ ставцѣ чуть тлѣетъ, холодно и на стѣнѣ вмѣсто образовъ картина... Изъ города, изъ господскаго дома, добытая. И вижу, что имъ она не нужна, вижу, что и имъ холодно и голодно живется. И молчимъ. Иногда вся ночь пройдетъ — и слова не скажемъ. Точно и не Русскіе это... Ахъ Ника! что же это такое!

— Погодите... Вернется, — глухо сказалъ Ника и слезы клубкомъ стояли въ его горлѣ.

— Вернется... А помните... Глухою осенью у васъ на дачѣ въ Царскомъ Селѣ... Я ночую у Оли. И вышла раннимъ утромъ. На окнахъ каплями насѣлъ туманъ. Не-

движныя стоятъ желтыя березы, красный кленъ и лапчатый каштанъ наполовину потерявшiй листья. Ахъ! какъ тихо кругомъ! Мокрый песокъ хруститъ подъ ногами. Туманъ стоитъ надъ землею и тонутъ въ немъ деревья парка, чуть намѣчается его ограда и густая стѣна акацiи. Царское Село спитъ. На улицахъ тихо, шоссе уходитъ вдаль и въ туманѣ черными силуэтами стоятъ раскидистыя ели, за ними лугъ, тамъ дальше едва блеститъ маленькое озеро. И такъ хорошо, хорошо на сердцѣ. Такъ тихо! О Боже, какъ я любила тогда васъ всѣхъ, и папу и маму. Какъ я любила Царское Село!.. Теперь оно... Детское село... И я не та.

— Таня! — сказалъ Ника.

— Что, дорогой мой? поворачивая къ нему свое худое блѣдное лицо спросила Таня.

— Вы все та же.

— Ахъ нѣтъ, — нервно кутаясь въ платокъ сказала Таня... Развѣ вытравишь изъ памяти позавчерашнюю ночь?.. Хотя нѣтъ... не помню. Какъ ярко, отчетливо стоятъ въ моей памяти воспоминанiя дѣтства и какъ туманно то, что было такъ недавно. Какъ во снѣ, я вижу ярко освѣщенный низкiй сарай, или погребъ, сыро, гадко и кругомъ люди. Жалкiе, нечистые люди. И я такая же... Ногамъ холодно. Въ глазахъ рябитъ. Я не видала ничего. Я не знаю, кого убили, кого нѣтъ.

— Вы молились, Таня?

— Молилась... Молилась, Ника... Ника, объ этомъ не говорятъ... Я была тогда близка къ смерти и я почувствовала... что смерти нѣтъ, есть безсмертiе.

— Вы ничего не видали.

— Нѣтъ... Ничего... Но я чувствовала, какъ что то сладкое и сильное заливало мое сердце и я уносилась куда то изъ этого мiра. Я не боялась мученiй. Тутъ вдругъ увидала васъ.

— Вы узнали меня?

— Узнала и не хотѣла повѣрить, что вы. Такъ было тяжело! Ника, Ника, еще разъ скажите мнѣ, что вы не были съ ними душою, ни одной минуты.

— Ни одной секунды, Таня.

— Вы думали этимъ путемъ спасти Россiю?

— Я разочаровался спасти другимъ путемъ... Таня... Я хотѣлъ вамъ сказать... Вы помните тотъ вечеръ въ Царскомъ Селѣ, когда Павликъ, Оля, я и вы, — мы поклялись спасти Государя...

— И не спасли.

— На все Божья воля!

Они примолкли. Закатные лучи уже поднялись по стволамъ и освѣщали только самыя верхи сосенъ. Внизу подымался туманъ. Сталъ слышенъ запахъ гніющаго камыша и моря.

— Таня, — прижимаясь лицомъ къ ея ногамъ, сказалъ Ника. — Видитъ Богъ, Таня, что я всегда былъ вѣренъ ему. Таня простите меня.

— Что же прощать?..

— Ахъ все... Всю жизнь... О! что это за жизнь была! Звѣриная жизнь... Таня, но теперь... По новому... мы вернемъ старое... Таня вы одни и я одинъ. Гдѣ всѣ люди!.. Таня, будемъ вмѣстѣ и какъ только можно будетъ, мы обвѣнчаемся Таня... Милая, любимая моя Таня...

— Куда уже мнѣ! Да развѣ можно любить такую, какъ я! И съ этимъ ужаснымъ прошлымъ.

— Прошлое забудется и будетъ, будетъ жизнь! Вѣдь, если не вѣрить и не ждать, то и жить нельзя.

— Что-то завтра? сказала Таня.

— Ахъ, что бы ни было!.. Но уже хорошо, что мы вмѣстѣ. Какъ я искалъ васъ, какъ ждалъ, какъ томился, и вотъ случай... Этотъ... Но не буду вспоминать о немъ.

— Осетровъ хорошій человѣкъ, сказала Таня. — А вы знаете, я его видѣла разъ въ Царскомъ Селѣ, въ эти ужасные дни Керенскаго. Я была съ Олей и миссъ Прокторъ. Онъ мнѣ показался отвратительнымъ.

— Онъ былъ такимъ. Онъ покаялся...

— Въ покаяніи спасеніе — такъ вѣрилъ Русскій народъ, задумчиво сказала Таня.

— Таня!

— Что дорогой мой?

— Таня. Я жду вашего отвѣта.

— Отвѣта... А развѣ нуженъ отвѣтъ?

Она нагнулась къ Никѣ. Было уже совсѣмъ темно. Близко приблизились къ Никѣ большіе, ставшіе темными глаза, маленькія руки охватили его шею и онъ почувствовалъ, какъ къ его губамъ прижались теплыя губы.

— Я была ваша, и я буду вашей, прошептала Таня... Да... да... Любимый!..

XXVI.

Когда луна поднялась и засверкало и заискрилось въ ея лучахъ море, отчалили. Садились съ берега. Мущины, разувшись, брели до лодки по ледяной водѣ, Таню Ника донесъ на рукахъ. Ей было хорошо на его сильныхъ рукахъ. Ей казалось, что она маленькая, и блаженное чувство свободы и безопасности охватило ее. На лодкѣ былъ мальчикъ чухонецъ. Онъ распёръ парусъ длинной тонкой косою райной и бросилъ веревки черезъ головы усѣвшихся на днѣ пассажировъ. Топорковъ устроился на кормѣ и взялся за румпель.

— Готово, господа, — сказалъ онъ. Ничего не забыли?

— Готовы, сказалъ Осетровъ.

— Ну, съ Богомъ.

Топорковъ снялъ фуражку и перекрестился, и всѣ за нимъ осѣнили себя крестомъ.

Топорковъ подтянулъ парусъ и лодка дрогнула и напряглась. Ее поддало снизу набѣжавшей волной, еще и еще ударили по ней волны и разсыпались дождемъ, обдавъ всѣхъ ледяными брызгами. Серебристая струя зазмѣилась за кормою, лодка вздрогнула и пошла, расплескивая носомъ шипящія волны. Быстро убѣгалъ берегъ. Кругомъ были только черныя волны, въ лунныхъ бриллiантахъ.

Таинственный лучъ бѣлаго свѣта пробѣжалъ откуда то издалека, вспыхнулъ на волнахъ, перебросился на берегъ и невидныя въ серебристомъ лунномъ сумракѣ сосны вдругъ встали ослѣпительно яркія, волшебныя, не похожія на сосны. Берегъ оказался гораздо ближе, чѣмъ думали. Лучъ быстро бѣжалъ по нему, соскользнулъ къ небу, точно и тамъ хотѣлъ что то отыскать и снова спустился на море и тамъ, куда

онъ упадалъ, видна была кипень волнъ. Онѣ казались громадными. Лучъ скользнулъ по лодкѣ, отвѣтилъ на секунду блѣдныя напряженныя лица и снова покрылъ волшебнымъ покровомъ сверкающія, страшныя волны. И тамъ, гдѣ не было его свѣта, волны казались тяжелыми, громадными, не подвижными. Онѣ непостижимо вставали и падали, черныя, жуткія, готовыя поглотить и лодку и людей.

— Не найдутъ, — сказалъ спокойно Топорковъ, когда снова по лодкѣ скользнулъ лучъ прожектора. — Раньше, года два назадъ, звѣрями рыскали по морю, дѣйствительно опасно было. А теперь матросъ не тотъ. Дьявола забылъ, къ Господу Богу обратился. Въ Андреевскомъ соборѣ полно. Недавно архіерея изъ Петербурга вызвали. Поѣхалъ, Богу молился, думалъ, — на расправу. Толпы народа, цвѣты какіе набрали бросаютъ, карету прислали, покатили, въ соборъ. Въ соборѣ матросы, оркестръ «Коль славенъ» играетъ. Послѣ службы всѣ подъ благословеніе. Стараго-то матроса разбойника почти не осталось. Кого на фронтѣ перебили, а кто нажился, разбогатѣлъ и въ деревню поѣхалъ свое хозяйство заводить. Теперешній матросъ и самъ не знаетъ, что онъ хочетъ. «Царя», говорятъ, не хотимъ, — «а только и жиды намъ надоѣли до смерти. Хотимъ, чтобы совѣты были, но только безъ коммунистовъ». При такомъ то настроеніи иной разъ мимо брандвахты въ ста шагахъ пройдешь, часового видать — вотъ онъ — рукой подать можно, а онъ и не крикнетъ ничего.

На днѣ лодки, у самой мачты, на подосланной шинели сидѣла Таня. Полежаевъ сѣлъ рядомъ съ нею, заслоняя ее отъ волнъ и вѣтра. Тѣсно прижалась къ нему худенькая дѣвушка и укутанная сѣрымъ платкомъ маленькая головка упала ему на плечо.

— Спитъ, — тихо сказалъ Топорковъ, глазами показывая Полежаеву на Таню. — Устала сильно, да и наволновалась, вѣрно.

Полежаевъ посмотрѣлъ на Таню. Близко, какъ ребенокъ къ матери, довѣрчиво прижавшись къ нему, сидѣла, подогнувъ подъ себя ноги Таня и крѣпко спала. Брызги волнъ упадали на шерсть ея каракулеваго сака и замерзали свѣтлыми бриллiантами и отъ нихъ онъ казался серебрянымъ панцыремъ.

— Сестра? спросилъ Топорковъ.

— Невѣста, тихо прошепталъ Ника.

— Давно знакомы?

— Съ дѣтства.

— Пусть спитъ, — сказалъ Топорковъ. — Это хорошо. Значитъ свободу почуяла. А вѣрно страдала въ коммунистическомъ раю не мало. Въ лицѣ — ни кровинки.

Пѣнились волны. Мрачную пѣсню пѣлъ вѣтеръ, свисталъ въ вантахъ мачты и разсказывалъ о далекихъ странахъ запада, гдѣ нѣтъ диктатуры пролетаріата, гдѣ нѣтъ ни тюремъ, ни казней, нѣтъ ни холода, ни голода, но въ свободномъ трудѣ живутъ свободные люди.

Лодка трещала, падая на волны и серебряныя капли дождемъ сыпались изъ-подъ ея киля. За кормою безконечной дорогой уходилъ бѣлопѣнный слѣдъ и вился по волнамъ. На небѣ въ лунномъ сіяніи чуть намѣчались блѣдныя звѣзды и черное облако подошло къ лунѣ и растворилось въ лунномъ свѣтѣ и сверкающими облачками нѣжно вилось подлѣ луны, вѣнцомъ окружая ее.

Весь міръ для Ники замкнулся въ одной квадратной сажени прыгающей по волнамъ лодки. У ногъ Топоркова, прижавшись къ лѣвому борту, сидѣли Осетровъ и Желѣзкинъ. Топорковъ раскуривалъ трубку и, когда чиркалъ спичку, нагнувшись и закрываясь отъ вѣтра, вспыхивали и выступали изъ мрака блѣдныя лица Осетрова и Желѣзкина. Они сидѣли, не шевелясь, и глаза ихъ неподвижно смотрѣли вдаль.

Чѣмъ-то безпредѣльно далекимъ казался тотъ міръ, что они оставили за собой. А еще и сорока восьми часовъ не прошло съ тѣхъ поръ, какъ было это все. Онъ, Ника Полежаевъ, шелъ сзади Коржикова, а тотъ пристрѣливалъ блѣдныхъ людей. Третьяго дня былъ живъ этотъ жалкій старикъ генералъ въ рубашкѣ, съ розовыми голыми ногами, который, слезливо моргая, просилъ за сына... Былъ живъ офицеръ, нервно обдергивающій подштанники и старающійся сохранить горделивую осанку... Третьяго дня шумѣлъ за стѣною грузовой автомобиль, ярко горѣли электрическія лампочки, кто-то истерично кричалъ, кто-то плакалъ и черная текла кровь изъ разбитыхъ череповъ. Таня стояла въ углу

у стѣны и васильковые глаза ея, устремленные къ небу, горѣли неземнымъ огнемъ. Съ плечъ свѣшивалась длинная рубашка и маленькія ножки пожимались на грязной землѣ. Надъ нею золотомъ сверкалъ вѣнецъ ея волосъ и казалась она иконой, написанной въ темномъ углу подвала... Третьяго дня онъ убилъ человѣка. Выстрѣлилъ ему въ лицо въ упоръ и не видѣлъ даже, какъ онъ упалъ.

Да было-ли это? Могло-ли быть, чтобы на оттоманкѣ, покрытой дорогими коврами, закинувъ ноги, лежала Дженни и, щуря длинные косые глаза, смотрѣла на рюмку съ ликеромъ, а подлѣ лежали убитые люди. Могло-ли быть, чтобы заглушая стоны и хрипы умирающихъ людей въ двадцати шагахъ ругались и ссорились изъ-за ихъ одежды Русскіе мужики-красноармейцы!... Сонъ... Кошмаръ... Не могло этого быть, никогда, не могло быть на яву...

Тамъ, куда онъ причалитъ и гдѣ спокойно и мирно живутъ люди онъ разскажетъ все это и ему не повѣрятъ... Да, не повѣрятъ, потому что такъ невозможно все это.

А вѣдь было... На глазахъ у всего міра творится ужасное надругательство надъ людьми и міръ молчитъ.

Ника вздохнулъ.

Не надо думать объ этомъ! Было вѣдь и другое. Была же опушка лѣса, осіянная золотыми лучами заходящаго солнца, были сосны, сѣрыя внизу и красныя на верху, синее гаснущее небо, свѣжій запахъ сосны и моря, и тихія слова ласки. Вѣдь это — счастье!...

Счастье...

Бѣдное одинокое счастье! Ихъ только двое... Гдѣ отецъ, и братъ, и сестра, и гдѣ будутъ они счастливы? Среди чужихъ, голодныхъ людей, не дома, не на Родинѣ, не въ Россіи! Царь ихъ и его семья, кого учились почитать одновременно съ родителями, умерли. Россіи нѣтъ. И новое гнѣздо придется вить... Гдѣ?... Кто приметъ ихъ, лишенныхъ самаго святого — Родины. Какъ встрѣтятъ ихъ.

Но гдѣ бы ни было это — онъ всю свободу отдастъ на работу, чтобы спасти Россію и освободить ее отъ дьявольскаго навожденія.

Шумитъ вѣтеръ, поетъ пѣсню въ вантахъ, шипятъ и плещутъ волны, а на душѣ покой и ясная рѣшимость.

XXVII.

— Берегъ виденъ!...

Полежаевъ вздрогнулъ и проснулся. Эти слова произнесъ хриплымъ утреннимъ голосомъ Топорковъ. Таня не спала и тихо сидѣла, оберегая сонъ жениха.

Мракъ отходилъ куда-то вдаль и клубился туманами на горизонтѣ, стало видно дальше. Волны были графитоваго цвѣта, мельче и не на каждой шипѣлъ пѣнистый гребень. Лодка не рыскала и не билась по волнамъ, а шла ровно, чуть вздрагивая и вода кипѣла у ея носа. Впереди мутно сѣрѣла полоса берега, покрытаго снѣгомъ.

— Въ Финляндіи уже зима, — сказалъ Топорковъ, внимательно вглядываясь вдаль. Мальчикъ-чухонецъ лежалъ на носу и смотрѣлъ подъ лодку.

— Камней много, — сказалъ Топорковъ, — приставать приходится гдѣ попало.

Бѣлый берегъ съ лѣсомъ, осыпаннымъ снѣгомъ, надвигался и становился отчетливѣе. Сладко пахло зимою и хвоей и мертвая тишина была на берегу. Волна стала совсѣмъ мелкая, подъ килемъ заскрипѣлъ песокъ, лодка остановилась. Топорковъ свернулъ парусъ. Мальчикъ разулся и прыгнулъ въ воду. Ему едва закрыло колѣни. Онъ подтащилъ лодку ближе къ берегу и пошелъ къ лѣсу.

— Какъ мы попали... Туда-ли? Финляндія-ли? — спросилъ Осетровъ.

— Анти пошелъ на развѣдку, — сказалъ Топорковъ.

Прошелъ часъ ожиданія на берегу у вытащенной лодки. Потомъ пришли финны съ Анти и всѣ пошли въ какую-то деревушку, а оттуда на военный постъ. Мрачный солдатъ въ нѣмецкой шинели, небрежно одѣтый, хрипло, по чухонски ругался и все поминалъ какого-то лейтенанта. Было совершенно свѣтло. Блѣдное небо висѣло надъ лѣсомъ, вдали шумѣло море, ставшее темно-синимъ, кругомъ былъ молодой чистый снѣгъ и звонко раздавались голоса людей въ морозномъ воздухѣ. Ребятишки шли въ школу и кидались снѣжками. Мохнатая собака прыгала на нихъ, виляя хвостомъ. Полежаевъ, Таня, Желѣзкинъ и Осетровъ сидѣли въ маленькой хатѣ, противъ нихъ сидѣлъ солдатъ и курилъ трубку. Въ небольшое окно видиѣлся снѣгъ, лѣсъ, голубое небо и синее море.

«Неужели свобода?», думалъ каждый изъ нихъ. «Неужели въ прошлое отходитъ грязь и мусоръ, голодъ и холодъ, вонь и мерзость Россійской соціалистической федеративной совѣтской республики, неужели не будетъ больше казней, разстрѣловъ, чрезвычаекъ?» Было жутко. Непріятенъ былъ солдатъ, хмуро и съ презрѣніемъ глядѣвшій на нихъ. Шли минуты, слагались въ часы, а ничто не измѣнялось въ ихъ положеніи. Наконецъ пришелъ лейтенантъ. Онъ былъ чисто одѣтъ, молодъ, красенъ отъ мороза и свѣтлые глаза его нагло смотрѣли на «бѣженцевъ». Онъ притворялся, что очень дурно говоритъ по-Русски.

— Ню, эт-та глюпости совсѣмъ, — говорилъ онъ. — Паспорта подавай... виза... Надо пропускной постъ. Идите обратно. Откуда пришли. Я не могу пускайтъ. Тутъ и такъ все полно.

Осетровъ перемигнулся съ Полежаевымъ и увелъ финна въ другую комнату. Слышенъ былъ за дверью горячій голосъ Осетрова: — «я съ вами какъ офицеръ съ офицеромъ говорю... Дочь свитскаго генерала... Вы понимаете... Да... Да...»

Лейтенантъ быстро что-то отвѣчалъ и говорилъ на чистомъ Русскомъ языкѣ. Часто слышались слова: «марки», «дороговизна жизни», «я бы купилъ», «если что-либо цѣнное». Черезъ полчаса оба вернулись. Лица у обоихъ были красныя и довольныя.

— Ну пойдемте господа, — сказалъ лейтенантъ. — Наша страна свободная и мы люди культурные. Мы понимаемъ, что надо спасать... Разстрѣлы, казни... Да, да... Это ужасно. Тутъ, господа, мы васъ устроимъ въ карантинѣ, а тамъ вы добудете визы и куда угодно... Только въ Гельсингфорсъ очень трудно... Ну да для васъ, я могу и это устроить. Я другъ Русскихъ. Я служилъ въ Русской арміи. Я люблю Россію!

Усталыхъ и голодныхъ путниковъ провели на большую дачу. Дача была населена. Изъ трубъ валилъ дымъ. Какая-то дама въ сѣромъ шерстяномъ платкѣ наставляла на крыльцѣ самоваръ. Два маленькихъ гимназистика выбѣжали имъ навстрѣчу.

— Изъ Совдепіи? — кричали они. — Давно оттуда? А кто такіе будете? А про Кормилицыныхъ ничего не слыхали? Купецъ такой. Онъ тоже бѣжать былъ долженъ.

Еще черезъ часъ, они уже освоились съ новою полусвободной жизнью паріевъ культурнаго міра — Россійскихъ бѣженцевъ. Пили за общимъ столомъ чай, складывались въ «коммуну» для довольствія, узнавали гдѣ и какія вещи можно продать. Таню помѣстили въ одной комнатѣ съ толстой дамой, раздувавшей самоваръ и оказавшейся богатой женщиной, дочерью генерала Мартова. У нея были крупныя деньги заграницей и родственники въ Гельсингфорсѣ, но она не могла получить визы, а родственники не могли пріѣхать за нею и она второй мѣсяцъ сидѣла на дачѣ, занимая по грошамъ у проѣзжавшихъ и услуживая имъ, — наставляя самоваръ, подметая комнаты, починивая бѣлье.

Комната у нея была маленькая, но въ ней было двѣ постели и одну она предложила Танѣ. При дачѣ былъ «комендантъ», котораго нѣкоторые называли «комиссаромъ», на что онъ обижался. Онъ подозрительно осмотрѣлъ Осетрова, Полежаева и Желѣзкина и сказалъ: — ежели черносотенцы и монархисты, то воздержитесь, товарищи, отъ пропаганды. Я народный соціалистъ. Я крѣпко усвоилъ, что къ прошлому возврата нѣтъ и держусь завоеваній революціи. А между прочимъ позвольте представиться: штабсъ-капитанъ Рудинъ».

Онъ помѣстилъ всѣхъ въ одной большой комнатѣ рядомъ съ комнатой Тани. Свободная постель была только одна: — ее отдали Полежаеву. Она стояла у большого окна безъ занавѣсей. Осетрову и Желѣзкину предоставили устраиваться на полу, на своихъ вещахъ. Кромѣ нихъ было еще три постояльца, ждавшіе паспортовъ и визъ. Сѣдой старикъ, купецъ, пожилой полковникъ и юноша офицеръ красной арміи, горделиво называвшій себя «дезертиромъ красной арміи». Онъ былъ болтливъ, пѣлъ частушки, собранныя имъ, какъ онъ говорилъ, со всѣхъ частей свѣта, аккомпанировалъ себѣ на балалайкѣ и говорилъ, не умолкая.

— Обломки Россіи, Россійскій хламъ, — говорилъ онъ. — Здѣсь собрался камышъ поломанный волнами бури. Хмъ! — съ позволенія сказать — «Россійская республика». Онъ хмыкалъ носомъ и продолжалъ: — завоеванія революціи, чортъ возьми! Видали нашего комиссара, штабсъ-капитана Рудина?! Соціалъ-предателя: Комрайбѣжъ, что означаетъ комиссаръ Райяоккскихъ бѣженцевъ... А по моему замѣститель комиссара по морскимъ дѣламъ лучше, звучнѣе...

Закомпомордѣлъ... А? И вѣдь правда есть такой. Я вѣдь служилъ у нихъ.

Его никто не слушалъ. Онъ ерошилъ свои по-коммунистически, съ челкой, остриженные волосы, принималъ идіотскій видъ и пѣлъ на всю дачу:

Прежде красились мы
Брилліантами,
А теперь мы живемъ
Эмигрантами!..
Куда яблочко спѣшишь,
Куда котишься,
Никогда ты домой
Не воротишься.
Лагерь тутъ, лагерь тамъ,
Всѣ мы Русскіе,
Молодцы стерегутъ
Насъ французскіе!...

Было что-то безобразно тяжелое, томительное въ этой пѣснѣ, она рвала сердце на части. День проходилъ безтолково, въ суетѣ, толчеѣ, ничего не дѣланіи. Читали старыя газеты, разсказывали кто, какъ бѣжалъ, кого разстрѣляли, кто остался живъ. Пожилая дама знавала Саблина, была знакома съ Мацневымъ.

— Варвара Николаевна Мартова, — представилась она Танѣ, добрыми глазами глядя сквозь очки съ большими круглыми стеклами. — Я вашего папу молодымъ офицеромъ знала. Онъ бывалъ у насъ. Я переписывалась съ нимъ. Я вѣдь лѣвая была. Соціалистка. Вѣрила во все это. Въ народъ ходила. Школьной учительницей была, учила народъ Царя ненавидѣть и въ Бога не вѣрить. Вотъ я какая была! А я вѣдь добрая была, хорошая... А такъ вотъ увѣрили меня, что такъ надо. Вотъ теперь вижу я, какъ ошибалась... А Мацнева на моихъ глазахъ убили. На границѣ. Онъ бѣжалъ. Жену его въ заложницы взяли, на Гороховую посадили. Она сознательно на подвигъ пошла, чтобы спасти его и дѣтей. Дѣти удачно прошли, а Ивана Сергѣевича по недоразумѣнію часовой застрѣлилъ... Да... вотъ она революція, а какъ мечтали мы!...

Въ три часа дня обѣдали. Всѣ сидѣли вмѣстѣ за столомъ и двѣ барышни бѣженки подавали свою стряпню: щи съ мясомъ и картофель. Потомъ до глубокихъ сумерокъ

пили чай, разговаривали и строили планы — и все сводилось къ одному: когда же, наконецъ, можно будетъ вернуться въ Россію. Вихрастый молодой человѣкъ опять пѣлъ:

Куда яблочко спѣшишь
Куда котишься,
Никогда ты домой
Не воротишься!...

Дамы кричали ему, чтобы онъ замолчалъ.

— Что это, Сеничка! Да бросьте вы! Эта пѣсня несчастье приноситъ. Какъ споете ее, сейчасъ у красныхъ какая-нибудь удача будетъ.

— Серьезно, Семенъ Дороѳѣевичъ, — сказалъ пожилой господинъ въ очкахъ, съ черной бородой густо росшей чуть не до самыхъ глазъ, — бросьте, не до пѣсенъ вашихъ.

— Пою отъ радости, Александръ Александровичъ, — сказалъ, смутившись, юноша. — Радуюсь свободѣ.

— Ахъ и свободѣ не радуешься, — сказалъ пожилой господинъ. — Вотъ я, господа, инженеръ и инженеръ, не хвастаясь, скажу, — съ именемъ. Бѣлолипецкій, — можетъ быть, слыхали? Бѣжалъ я и, какъ вы всѣ, и я свободѣ радовался. Прошелъ день, другой... И что же? Кровавые призраки замученныхъ тянутъ меня на Родину. Они требуютъ возмездія. Тамъ мать моя, братья... Развѣ можно жить, развѣ можно дышать, смѣяться, пѣть, когда тамъ, за заливомъ, потоками льется Русская кровь и шайка интернаціональныхъ мошенниковъ и жидовъ распродаетъ Россію оптомъ и въ розницу, а другая шайка такихъ же мошенниковъ заграницею покупаетъ ее, со всею ея кровью? Не знаю, какъ у васъ, господа, а у меня обрывается дыханіе, смѣхъ мретъ на устахъ. Да вѣдь, если бы гибли только люди! О, что люди! Люди смертны и имъ все равно, часомъ раньше, часомъ позже — это только подробность. Нѣтъ, гибнетъ то, что казалось вѣчнымъ. Санктъ-Петербургъ, мой родной городъ, пустѣетъ, вымерзаетъ, разрушается. Гибнетъ старая Москва. Творчества нигдѣ, никакого. Все застыло и умираетъ. Историческія Русскія имена замѣнены крикливою пошлостью. «Проспектъ 25-го октября», «улица кровавыхъ зорь», «улица Розы Люксембургъ», «Красноармейскъ» — Боже! до чего все это пошло! И надменная хулиганщина царствуетъ вездѣ. Хулиганы отъ профессуры надругались надъ Русскимъ языкомъ, языкомъ Тургенева и Пушкина, и

заборная грамотность прививается молодому поколѣнію. Хулиганы отъ литературы изощряются въ хвалебныхъ гимнахъ палачамъ и убійцамъ... Какъ жить! Боже сильный! Что дѣлать, когда вернуться туда — вѣрная смерть, а оставаться здѣсь — умереть съ тоски по Родинѣ, по милому Невскому, по царственной Невѣ, по волшебной красавицѣ Ялтѣ, по всей любимой, ни съ чѣмъ несравненной Россіи! — И гдѣ же ея спасеніе? Какъ оно придетъ? И мнѣ кажется порою, что она погибла безвозвратно и не встанетъ никогда. И такъ горько, такъ тяжело... Нѣтъ, не пойте, Семенъ Дороѳеевичъ, вашихъ пѣсенокъ. Не до пѣсенъ. Погибла Россія.

Всѣ притихли. Сумерки поползли въ комнату. Варвара Николаевна перетирала стаканы, сидя за самоваромъ. И вдругъ изъ глубины комнаты раздался мягкій спокойный голосъ:

— Нѣтъ, Россія не погибнетъ. И она скоро спасется, — сказалъ незамѣтно вошедшій священникъ.

— А, отецъ Василій! — раздались привѣтствія. — Отецъ Василій! Ну скажите, скажите, какъ же спасется Россія?

XXVIII.

Варварѣ Николаевнѣ Мартовой казалось, что она не сорокапятилѣтняя старая дѣва, глупо прожившая свою жизнь и бѣженкой сидящая за большимъ столомъ на холодной дачѣ въ Райяоккахъ, а молодая 20-ти-лѣтняя курсистка Варя Мартова. И кругомъ нея не потрепанные лишеніями, несчастные бѣженцы безъ Родины и безъ денегъ, а та шумливая, спорящая молодежь, что когда-то смѣло рѣшала вопросы въ ихъ домѣ на Николаевской улицѣ и стремительно атаковала молодого корнета Саблина, съ налета отмѣняя армію.

Такъ же молодо, шумно гремѣли голоса безконечнаго Русскаго спора, такъ же рѣшительны были сужденія и такъ же безцеремонно тянулись къ ней допитые стаканы.

«Какъ странно», думала Варвара Николаевна, — «вѣдь мы добились того, чего хотѣли въ тѣ молодые годы. Мы уничтожили Царя, уничтожили армію, мы подѣлили землю трудящимся, мы дали всѣ свободы народу — и вотъ сидимъ

у разбитаго корыта. Мы мечтали объ интернаціоналѣ, о всемірномъ братствѣ народовъ и создали вмѣсто единой Россіи — всѣ эти Финляндіи, Эстіи, Латвіи, Польши, Бѣлоруссіи и другія государства, гдѣ съ нами обращаются, какъ съ паріями и держатъ насъ за рѣшоткой»...

Столъ былъ полонъ гостей. Изъ окрестныхъ дачъ пришли бѣженцы, узнавшіе, что есть еще вновь бѣжавшіе изъ Петербурга.

Споръ разгорѣлся отъ того, что священникъ, отецъ Василій, сказалъ, что Россія только тогда будетъ Россіей, когда вернетъ себѣ Царя. Онъ сказалъ это тихимъ спокойнымъ голосомъ, самъ не ожидая въ какую бурю споровъ выраститъ его заявленіе, казавшееся ему неоспоримымъ.

— Нѣтъ, ужъ это: — ахъ, оставьте, — завопилъ бѣженскій комендантъ, штабсъ-капитанъ Рудинъ. — Этого никогда не будетъ! Народъ крѣпко станетъ на сторону завоеваній революціи и главное завоеваніе революціи: это уничтоженіе Царской власти.

— А кто пришелъ на смѣну? — грозно спросилъ его Бѣлолипецкій и придвинулся къ нему.

— Народъ, — не смущаясь, сказалъ Рудинъ.

— Народъ!... народъ!... народъ!... — передразнилъ его Бѣлолипецкій. — Да вы знаете, что такое народъ? А? Вы живали съ нимъ? Вы работали съ нимъ? Я то его, голубчика, знаю насквозь. Я инженеръ, такъ и рабочаго и крестьянина-то повидалъ достаточно. Какіе его интересы, какія у него понятія, вы знаете?

— Что-же, развѣ виноватъ онъ въ томъ, что его держали въ темнотѣ столько вѣковъ? — сказалъ Рудинъ.

— То то теперь онъ просвѣтлѣлъ! На митингахъ управлять государствомъ научился, — горячо сказалъ Бѣлолипецкій.

— Да, позвольте, господа, о чемъ вы спорите, — вмѣшался въ разговоръ помѣщикъ, сосѣдъ Ники по койкѣ. — О какомъ народѣ вы говорите, я не понимаю васъ. Гдѣ это народъ у власти въ Россіи? Государя Императора смѣнило Временное Правительство во главѣ съ княземъ Львовымъ. Тамъ ни одного человѣка отъ народа не было. Все интеллигенція. На смѣну Временному Правительству явились народные комиссары, а тамъ, почитай, все жиды. Гдѣ же народъ?

— Господа! господа! — съ возмущеніемъ въ голосѣ, сказалъ невысокаго роста полный человѣкъ, рыжій, въ очкахъ и съ рыжей бородкой клинушкомъ. — Ужели и теперь вы будете утверждать, что евреи виноваты въ несчастіяхъ Россіи.

— Но, Абрамъ Іосифовичъ, факты на лицо, — сказалъ Бѣлоницкій. — Въ совѣтѣ народныхъ комиссаровъ три четверти — евреи. Самодержцы Россійскіе: — только Ленинъ — Русскій, а Троцкій и Зиновьевъ — евреи. Брестскій миръ заключилъ еврей Іоффе, иностранную политику дѣлаютъ и Россію продаютъ оптомъ и въ розницу Радекъ и Литвиновъ — евреи. Карлъ Марксъ — еврей. — Кажется довольно.

— Это, — сказалъ печально рыжій человѣкъ, — выродки еврейства. Силу народныхъ комиссаровъ составляетъ ихъ красная армія и чрезвычайныя комиссіи — безъ нихъ комиссары были бы давно сметены народными возстаніями. Но создавали и укрѣпляли красную армію Русскіе генералы и офицеры, въ ней за власть Ленина и Троцкаго борются Русскіе солдаты и казаки. Во главѣ трибуналовъ стоитъ не еврей, а полякъ Дзержинскій и подъ рукою у него палачи Петерсъ и Эйдукъ — латыши, а не евреи.

Никто ничего не сказалъ и на минуту наступила тишина. Голосъ рыжаго человѣка сталъ еще болѣе глубокимъ и скорбнымъ.

— За грѣхи этихъ выродковъ еврейства — евреи заплатили небывалыми въ исторіи погромами. Они разсѣяны изъ Россіи. Они, а не Русскіе, боролись активно съ народными комиссарами. Палача Урицкаго убилъ еврей Каннегиссеръ, въ Ленина стрѣляла Дора Капланъ, и въ рядахъ добровольческой арміи не мало евреевъ отдало свою жизнь сражаясь за Родину.

— Все это вѣрно, Абрамъ Іосифовичъ, — сказалъ старый полковникъ, — но долженъ вамъ сказать, что евреи — это то бродильное начало, это тѣ, такъ сказать, дрожжи, на которыхъ поднимается всякій Русскій бунтъ, всякое броженіе. Русскій народъ, какъ мука. Налейте воды и размякнетъ и дастъ тѣсто. Ну пошумитъ тамъ что-ли, но ничего не сдѣлаетъ, ну, а разъ [illegible] скажетъ — жидъ — и Русскій забродитъ, поднимется и пошелъ, очертя голову, рубить сукъ, на которомъ сидитъ.

Вы думаете: — Царя сослали бы? Да никогда! Самъ по себѣ Русскій народъ милостивый и великодушный. Не будь тутъ подъ бокомъ еврейскаго совѣта солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ, не будь этого ублюдка Керенскаго, — да князь Львовъ честь честью отправилъ бы Государя съ семьею въ Англію и не сидѣли бы мы теперь у разбитаго корыта. А вы думаете безъ жида то Свердлова, безъ жида Юровскаго посягнули бы Русскіе люди на Государя?... Знаете, всякую пакость сдѣлали бы — а не это. Потому что Русскій народъ знаетъ, что все это временное... И придетъ хозяинъ.

— Истинное слово, — воскликнулъ Осетровъ.

Ника съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него. Осетровъ даже всталъ отъ волненія и прошелся по комнатѣ, встряхивая своими молодецкими кудрями. Варвара Николаевна не спускала съ него восхищеннаго взгляда, даже Таня любовалась имъ.

— Истинное слово, товарищъ!

Осетровъ смутился.

— Ну это я такъ. По привычкѣ. Извиняюсь... Истинное слово. Я народъ Русскій доподлинно знаю. Выросъ съ нимъ. У папеньки извозчиковъ, да конюховъ человѣкъ до полутораста бывало. И съ разныхъ губерній. А я завсегда съ ними. Опять теперь въ красной арміи три съ лишнимъ года одною жизнью прожилъ, сколько народа повидалъ, со сколькими говорилъ. Русскій народъ — удивительный народъ. Батюшка! Отецъ Василій, помните, какъ чудомъ вы насъ добили?... А, дыкъ какъ же! Это, господа, очень даже замѣчательная исторія. Везли мы, значитъ, отца Василія, вотъ что съ нами сидитъ здѣсь, на разстрѣлъ. А онъ и яви чудо намъ. Автомобиль совсѣмъ поломался... Да, батюшка, вѣдь мы тогда Бога то почуяли. А Тереховъ то, матросъ, и правда, на Аѳонъ, въ монахи подался... Вотъ какъ... Ну, это къ слову. А я такъ понимаю... Вдругъ узнали бы люди, что Государь Императоръ Николай II живъ. Да... И, значитъ... Вотъ такъ же солнце заходитъ, закатъ золотитъ сосны и изъ дремучаго лѣса, съ Уральскихъ горъ выходитъ, значитъ, Государь. Босой, въ рубищѣ, опоясанный веревкой и какъ странникъ идетъ къ деревнѣ. И вотъ тамъ — ну, узнали его. По примѣтѣ что-ли какой такой неоспоримой. Такъ вотъ тогда-то, — головою ручаюсь, взяли бы на руки, да народомъ то такъ до самой Москвы,

до Московскаго Кремля и вознесли бы его. И всѣ ему поклонились бы. И красноармейцы стали бы на колѣни передъ нимъ. Царь Мученикъ! Да... Ну... а явись онъ, или кто другой изъ царской семьи, опять съ генералами и помѣщиками во всей славѣ своей...

Осетровъ примолкъ, опустилъ голову и тихо отрывисто сказалъ:

— Убьютъ его снова... Потому: — не надо этого!

— Намъ, — сказалъ, вставая, Желѣзкинъ, — своего Царя надо. Простого мужицкаго. Чтобы горе наше гореваньице понималъ. Онъ то, Николай Александровичъ, въ Тобольскѣ и Екатеринбургѣ много горя повидалъ и чистымъ остался. Россіи, значитъ, ни капельки не измѣнилъ. Сказываютъ, нѣмцы за нимъ посылали, чтобы спасти его, а онъ и не поѣхалъ. Не захотѣлъ Россію покинуть. У насъ въ полку красноармейцы говорили: «Коли объявится нашъ святой страдалецъ Царь — всѣ ему подъ присягу пойдемъ. Потому безъ царя намъ и земли не видать»...

— Вотъ, господа, именно это-то я и хотѣлъ вамъ сказать, — проговорилъ изъ угла отецъ Василій, — да вы мнѣ помѣшали.

— Говорите, батюшка, будемъ слушать, — сказалъ Бѣлолипецкій.

XXIX.

— Революція наша, или бунтъ, какъ хотите, такъ и называйте, — началъ отецъ Василій — возникла изъ: — утомленія войною и жажды мира во что бы то ни стало, во первыхъ; желанія крестьянъ захватить и овладѣть землею, на что болѣе ста лѣтъ ихъ натравливали, — во вторыхъ, и въ третьихъ изъ за того, что рабочимъ внушили, что заводчики и фабриканты имѣютъ вслѣдствіе войны сверхъ-прибыль, а рабочіе голодаютъ и утѣснены. Сверженіемъ Государя и установленіемъ учредительнаго собранія надѣялись получить миръ, землю и капиталъ. Результаты вамъ извѣстны. Послѣ Брестскаго мира Русскаго солдата заставили воевать на двадцати фронтахъ, а всѣ воюющія державы уже третій годъ наслаждаются миромъ и покоемъ, одна Россія воюетъ. Россія распалась на множество отдѣль-

ныхъ республикъ, мѣшающихъ другъ другу, не способныхъ къ самостоятельной жизни и обреченныхъ на гибель. Землю захватили безтолково и оказалось, кто получилъ, а кто и свое потерялъ, фабрики погибли. Революція ничего не дала — и завоеванія революціи: — это громадный всероссійскій погромъ.

— Это уже слишкомъ! — воскликнулъ комендантъ. — Отрицать завоеванія революціи!

Отецъ Василій не обратилъ вниманія на возгласъ штабсъ капитана Рудина и спокойно продолжалъ: —

— Россія страна по преимуществу крестьянская и потому разрѣшеніе вопроса о землѣ — я поставлю въ первую очередь. Земли у насъ: — крестьянскія общинныя, крестьянскія собственныя, помѣщичьи вотчинныя, помѣщичьи благопріобрѣтенныя, удѣльныя, государственныя, войсковыя, монастырскія, городскія и т. д. Крестьянинъ желаетъ имѣть землю въ собственность — если даже и не личную, то по крайней мѣрѣ общинную. Соціалистическій принципъ, что земля, какъ воздухъ, — общая, — онъ не принялъ и онъ теперь точно понимаетъ, какъ онъ можетъ получить землю. О земляхъ крестьянскихъ я говорить не стану. Это вопросъ общины, волостного и сельскаго сходовъ. Тутъ, можетъ быть, и не безъ драки, но подѣлятся, но вотъ препоною является земля помѣщичья. Помѣщичью купленную землю крестьянинъ готовъ купить, даже больше — онъ съ нею мирится, но вотъ съ землею вотчинною, жалованною за заслуги предковъ онъ мириться не желаетъ и ее то онъ и добивается. Но я васъ спрошу, кто ее можетъ дать? Давали ее большевики, давалъ ее панъ-гетманъ, давали Деникинъ и Врангель, давалъ Махно, — и ничего не вышло. Обѣщаютъ ее заграничные эмигранты, собраніе членовъ Учредительнаго Собранія въ Парижѣ, сулятъ ее соціалисты-революціонеры, кадеты, даже монархисты, о ней говорятъ на различныхъ съѣздахъ, совѣтахъ, объединеніяхъ, центрахъ и т. п., но крестьянинъ отлично понимаетъ, что это не прочно. И очень просто почему. Всѣ эти господа не имѣютъ права распоряжаться этою землею. Не они ее давали и потому они ея не имѣютъ права и отнять. Помѣщикъ не признаетъ ихъ постановленій и хотя крестьянинъ и будетъ фактически владѣть землею, онъ не будетъ спокоенъ до тѣхъ поръ, пока не закрѣпитъ ее за нимъ тотъ, кто одинъ

только имѣетъ право отнять эту землю у помѣщика и дать кому надо — и это можетъ сдѣлать только — Царь.

— Какъ это просто! — сказалъ Бѣлолипецкій.

— Но, позвольте, батюшка, — сказалъ помѣщикъ, и Царь не можетъ этого дѣлать. Мы, дворяне Однодворцевы, жалованы землями при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ за заслуги предковъ моихъ. Какъ же стереть съ лица земли заслуги ихъ?..

— Нѣтъ, нѣтъ, Θеодоръ Петровичъ! — закричалъ Бѣлолипецкій, — я согласенъ съ батюшкой. Князья и цари жаловали своихъ дружинниковъ землями за защиту ихъ и земли Русской отъ враговъ, а вы защитили ихъ? Нѣтъ, вы скажите, скажите — кто предалъ Государя?.. Когда дворянинъ Родзянко въ Думѣ возмущалъ народъ противъ Государя, когда князь, чувствуете, князь Львовъ шелъ противъ Государя, когда дворянинъ Шульгинъ и воевода Рузскій требовали отъ Государя отреченія. — А! Достойны ли они послѣ этого владѣть землями, жалованными ихъ предкамъ за вѣрность Государю... Правильно, правильно, батюшка! И, если Царь дастъ землю, — наступитъ успокоеніе въ крестьянской массѣ.

— Но, позвольте, — кричалъ помѣщикъ, — да вѣдь армія, рабочіе, чиновники и города подохнутъ безъ насъ и безъ нашей земли. И они уже дохнутъ потому, что помѣщика прогнали.

— Простите, сказалъ отецъ Василій, — я не договорилъ. Царь можетъ, — и Царя послушаютъ, — Царь можетъ, давая землю крестьянамъ, закрѣпить опредѣленную часть земли за арміей, за рабочими и городами, такимъ образомъ, чтобы обезпечить хлѣбомъ и скотомъ тѣхъ, кто по разнымъ причинамъ не можетъ лично трудиться на землѣ.

— И, конечно отдать эту землю помѣщикамъ, — заржалъ штабсъ капитанъ Рудинъ.

Отецъ Василій опять не обратилъ вниманія на его выходку.

— Да, сказалъ онъ, — дать эти земли тѣмъ, кто умѣетъ вести широкое хозяйство, кто не истощитъ земли и соберетъ съ нея maximum*) урожая. Дать ученымъ агрономамъ, можетъ быть, и опытнымъ помѣщикамъ практикамъ.

*) Наибольшее количество.

— Это что то новое, — проворчалъ помѣщикъ.

— Да, — тихо сказалъ священникъ, — старою должна остаться только святая вѣра Христіанская, а строить жизнь придется по новому.

— Ну, конечно, — ядовито усмѣхаясь, проговорилъ Рудинъ.

Отецъ Василій продолжалъ:

— Если будетъ Учредительное Собраніе, или Земскій Соборъ, или какой либо съѣздъ, если восторжествуетъ какая либо партія и поставитъ правительство со своимъ большинствомъ — порядка не будетъ. Будетъ борьба, что мы и видимъ вездѣ, гдѣ установился такой образъ правленія. Министры не прочны, никто не увѣренъ въ завтрашнемъ днѣ и живутъ только ради сегодня. А вѣдь строить государство, такъ нужно на сотни лѣтъ впередъ думать. Вотъ, говорятъ, Романовы, Романовы, и такіе и сякіе они... А изъ хаоса смутнаго времени — такого же почти, какъ теперь хаоса, вывели Россійскій корабль и довели до того, что сдѣлали первою державою въ мірѣ. А почему? Да потому, что думали не на свой вѣкъ только, а на вѣкъ своихъ внуковъ и правнуковъ. Петръ строилъ Петербургъ и зналъ, что онъ то его не увидитъ во всей славѣ, да за то Александръ III его такимъ увидалъ... Только наслѣдственный Государь сможетъ примирить всѣхъ. Вы думаете президента Россійскаго признаютъ Эстія, Латвія, Грузія, Польша, Азербейджанъ, Аджарія, Дальневосточная республика и пр,. и пр. Одни скажутъ: — «онъ слишкомъ лѣвый». Другіе скажутъ: — «онъ слишкомъ правый». Третьимъ не понравится его происхожденіе, четвертымъ его рѣчи... Только Государь, избранный народомъ Русскимъ, или наслѣдственный монархъ — стоитъ надъ партіями. Только онъ можетъ творить. Ему покорятся сами всѣ тѣ, кто отъ него отложился. Да и отложились то не отъ него. Отложились отъ того хаоса, который сталъ на его мѣсто.

— Но, какъ же! И когда же это будетъ! — сказалъ, вздыхая Бѣлолипецкій.

— Мнѣ кажется, господа, вотъ какъ это будетъ, вдругъ сказалъ Ника.

— Ну, ну! — эко задорный какой, сказалъ старый полковникъ. — Ну, такъ, какъ же это будетъ, вчерашній коммунистъ!?.

XXX.

Но не успѣлъ Ника сказать ни одного слова, какъ его перебилъ пожилой профессоръ. Онъ сидѣлъ рядомъ съ Варварой Николаевной. Это былъ высокаго роста худощавый человѣкъ съ круглыми, какъ у рака, большими черными глазами, прикрытыми пенсне безъ оправы, съ узкою, клинушкомъ, бородкою и небольшими мягкими усами. Про него знали, что онъ не только профессоръ, но и академикъ, что онъ пріѣхалъ изъ Совѣтской республики свободно, всего третій день въ карантинѣ и завтра, по особой протекціи, долженъ получить свободу. Онъ много писалъ, но по такимъ спеціальнымъ вопросамъ, что никто не читалъ его сочиненій и они издавались Академіей Наукъ, какъ ученые труды. Онъ свысока окинулъ своими выпуклыми глазами все общество и сказалъ важно и чуть чуть въ носъ, растягивая слова.

— Не глубоко, господа, все, что вы тутъ говорите. Показываетъ ваше малое знакомство съ совѣтской жизнью и совѣтскими дѣятелями. Очень просто сказать: «Ленинъ мерзавецъ и предатель... кругомъ него хулиганы, жиды, палачи и убійцы»... Да... просто. Но это не правда. Вы, господа, не изучали соціализма. Вы не прошли по тому пути, который проложили намъ великіе свѣточи свободнаго народа. Отъ Бакунина къ Крапоткину, отъ Крапоткина къ Карлу Марксу. Вы проглядѣли міровое событіе, куда болѣе глубокое и важное, нежели христіанская религія, вы совершенно не знакомы съ работами III интернаціонала, съ Циммервальдомъ и Кинталемъ. Вы не понимаете партійной жизни и той широкой эволюціи, какая произошла въ партіи соціалистовъ революціонеровъ. Ленинъ — міровой геній и къ нему нельзя подходить съ обывательскимъ аршиномъ. Съ обывательской точки зрѣнія: — убійца, — а съ точки зрѣнія науки человѣкъ, принужденный переступить черезъ кровь. Основы большевизма — это основы правильной, будущей жизни людей, безъ лжи и стѣсненій. Кто станетъ спорить, что капиталъ зло и онъ долженъ быть уничтоженъ. Это проповѣдывалъ даже Христосъ...

— Никогда Христосъ этого не проповѣдывалъ, — мягко возразилъ отецъ Василій.

Профессоръ посмотрѣлъ на него, блеснулъ стеклами пенсне и продолжалъ: —

— Религія и государство отжили свой вѣкъ и пора приступить къ уничтоженію всяческихъ граней между людьми. Допустимъ господа, что бѣлымъ удалось бы захватить Москву. Не вѣшать Ленина, не ломать то, что онъ создалъ, вамъ пришлось бы, но расширять. Землю уже нельзя отнять отъ тѣхъ, кто ею завладѣлъ. По праву, или нѣтъ, это не важно, но никакой Царь ее не отберетъ. Дома домовладѣльцамъ не вернете, потому что прочно укрѣпились въ нихъ домовые комитеты и не такъ то легко вамъ будетъ выгнать трудовой народъ, осуществившій свое право пользованія ими. Вамъ пришлось бы сохранить всѣ тѣ ячейки, комитеты и совѣты, которые создали большевики, такъ какъ безъ нихъ все распадется. Къ прошлому возврата нѣтъ! Безполезно говорить о Царѣ. Мы, — интеллигенція, не допустимъ до этого. Новая Россія должна строиться на началахъ мартовской революціи и всѣ завоеванія революціи должны быть свято сохранены. Вся власть, — я допускаю, что временно она можетъ быть отобрана отъ большевиковъ, — вся власть должна быть въ рукахъ демократіи и спасеніе Россіи только черезъ демократію. Правительства Деникина, Колчака и Врангеля строились на этихъ-же трехъ началахъ: — **къ прошлому возврата нѣтъ, завоеванія революціи должны быть сохранены, и спасеніе Россіи въ ея демократіи.** Но, говоря это, они, всѣ три, обманывали народъ, они были неискренни. Они стремились къ прошлому, начиная съ формы своихъ солдатъ и старой дисциплины и кончая водвореніемъ помѣщиковъ въ ихъ усадьбы. Выходилъ разладъ между словомъ и дѣломъ, выходилъ обманъ и ихъ дѣло рушилось. Правды не было. А народъ жаждалъ правды и не находя ея, разочаровывался въ правителяхъ и правительствахъ. Большевики искреннѣе. У нихъ дѣйствительно все новое. Народъ во всемъ видитъ желаніе двинуться по новому пути. Возьмите народные университеты...

— Съ замерзающими голодными профессорами и неграмотными студентами, — сказалъ помѣщикъ.

— Возьмите стремленіе создать электрофикацію, продолжалъ профессоръ.

Гдѣ-жъ она? Города въ темнотѣ. Электрическія станціи разрушаются, а они повѣсятъ лампочку въ хлѣву и рады, какъ дѣти, сказалъ Бѣлолипецкій.

— Господа, вы не даете мнѣ говорить, — воскликнулъ профессоръ. — Дома отдыха для рабочихъ.

— Запакощенныя, ограбленныя дачи, изъ которыхъ сознательный пролетарій тянетъ на рынокъ все, что можно украсть и унести, — крикнулъ Осетровъ.

— Это неправда.

— Правда, — сказалъ Осетровъ. — Самъ тянулъ.

Шумъ поднимался за столомъ.

— Большевики приняли тяжелое наслѣдство, разоренную войною и царскимъ правительствомъ Россію, — пытался говорить профессоръ.

— Да вы кто, большевикъ? — закричалъ помѣщикъ.

— Господа, дайте человѣку говорить, — сказалъ Рудинъ. — Изъ столкновенія мнѣній родится истина.

— Вы желаете видѣть только оборотную сторону медали, только чрезвычайки и разстрѣлы, совершаемые несознательными мелкими агентами большевизма, а вы посмотрите на работу, — говорилъ профессоръ.

— Почему же вы бѣжали изъ Совдепіи? — спросилъ помѣщикъ.

— Почему окружена она непроницаемой стѣною и ни въѣзда, ни выѣзда изъ нея нѣтъ, — сказалъ Бѣлолипецкій.

— Это неправда, — воскликнулъ профессоръ. — Государства Европы, лучшіе умы міра, Ллойдъ-Джорджъ, графъ Сфорца широко открыли двери молодому правительству. Европа...

Но его перебилъ вдругъ вставшій изъ темнаго угла коренастый могучій человѣкъ, съ большою головою, на которой путанно росли рѣдкіе черные волосы, съ черными усами и небольшою бородою и съ широкимъ выразительнымъ Русскимъ лицомъ.

— Не говорите мнѣ о Европѣ, желчно воскликнулъ онъ.

— Писатель... писатель... говоритъ писатель, — шорохомъ пронеслось по комнатѣ и всѣ притихли. Это былъ авторъ сильно нашумѣвшаго въ 1909 году романа и поэмы напечатанной въ 1911 году. Въ романѣ и поэмѣ пророчески ясно было предсказано то, что дѣлалось теперь въ Россіи.

Всѣ насторожились. И даже профессоръ, почуявъ достойнаго противника, притихъ.

Писатель говорилъ желчно, прерывисто, страдая самъ отъ своихъ словъ.

— Европа... — кинулъ онъ и помолчалъ одну секунду, будто ловя свои собственныя мысли. — Ужасно то, что направленіе міровой политики въ наше безумное время, я бы сказалъ — авантюристическое, ведущее родъ человѣческій къ самоистребленію. Можетъ быть, тутъ дѣйствуютъ высшія причины, космическія — что-ли, которыя внѣ нашего изслѣдованія и сильнѣе нашей воли, нашего ума, можетъ быть, мы не въ силахъ имъ противиться?!... Но у всѣхъ заправилъ міровой политики, у всѣхъ этихъ Ллойдъ-Джорджей, Бріановъ, Джіолитти и другихъ, во всемъ красной нитью проходитъ одно: — всѣми способами доконать Россію... Уничтожили великую Россію, всѣмъ страшную, всѣмъ заступавшую дорогу и надо бы остановиться. Такъ казалось бы! Вѣдь она уже на много десятилѣтій обречена залѣчивать свои ужасныя раны и никому не страшна. Такъ нѣтъ: идетъ походъ противъ самого Русскаго народа, противъ его существованія. Длительнымъ распятіемъ, муками, пытками, голодомъ, болѣзнями, каторгой и подлыми подвохами противъ тѣхъ, кто идетъ на спасеніе Родины, какъ то было съ бѣлыми нашими арміями, хотятъ вбить осиновый колъ въ могилу Русскаго народа. Вѣдь это уже походъ противъ самой жизни. Такой безжалостности, такого озвѣрѣнія исторія человѣчества еще не дала примѣровъ. Замѣтили ли вы, что муки колоссальнаго числомъ Русскаго народа, который красныя власти истребляютъ, какъ насѣкомыхъ, не только никого въ культурномъ человѣчествѣ не возмущаютъ, но ихъ даже не замѣчаютъ. Какъ будто такъ и быть должно. У меня въ памяти маленькая параллель: когда младо-турки свалили Абдуль-Гамида, то въ своемъ усердіи по насажденію европеизма въ Константинополѣ, они переловили всѣхъ бродячихъ уличныхъ собакъ и перевезли ихъ на пустынные скалистые острова на Мраморномъ морѣ. Собаки, обреченныя на голодную смерть, перегрызли другъ друга и, конечно, всѣ подохли. Въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ европейская пресса кричала о гуманитарныхъ принципахъ цивилизаціи, о двадцатомъ вѣкѣ; въ журналахъ даже появлялись изображенія тощихъ, несчастныхъ собакъ, клеймили варварскіе пріемы младо-турокъ и т. д.... Теперь многомилліонный великій народъ поставленъ въ положеніе несравненно худшее. Ему не даютъ работать, дышать, его пытаютъ, разстрѣливаютъ и гуманный христіанскій міръ ни

гу-гу!... Значитъ, мы въ глазахъ «высшихъ» человѣческихъ расъ ниже цареградскихъ бродячихъ собакъ, мы... — насѣкомыя и при томъ, вѣроятно, вредныя, которыхъ надо истреблять самымъ возмутительнымъ образомъ. Иначе міровая совѣсть не допустила бы такого издѣвательства и истребленія, иначе долженъ бы быть крестовый походъ противъ душителей... Я лично думаю, что совѣсти у современнаго культурнаго человѣчества нѣтъ... Но, гдѣ же разумъ!?

Писатель стоялъ на фонѣ окна, гдѣ чернымъ силуэтомъ рисовалась вся его крѣпкая фигура. Въ комнатѣ было почти темно. Всѣ сидѣли молча. У Вари Марговой, у Тани, у какой-то блѣдной дамы въ рваной кофточкѣ текли слезы. Голосъ писателя достигъ высшаго напряженія. Онъ говорилъ, какъ пророкъ. Казалось, онъ какъ будто слушаетъ кого-то далекаго и повторяетъ его слова. Мистическій ужасъ закрадывался въ сердца многихъ. Желѣзкинъ и Осетровъ смотрѣли въ упоръ въ его глаза и стояли за стульями, впившись пальцами въ спинки ихъ и тяжело дышали. Потъ проступилъ на лбу Желѣзкина. Священникъ, отецъ Василій, всталъ со своего мѣста и незамѣтно подошелъ къ писателю, какъ будто бы онъ боялся пропустить каждое его слово, звукъ его голоса.

— Какъ, — задыхаясь, проговорилъ писатель, — какъ заправилы міровой политики не поймутъ, что еще годика три, четыре «правленія» и «опытовъ» большевиковъ въ Россіи и міръ, по крайней мѣрѣ европейскій, начнетъ буквально дохнуть отъ голода! Всѣ ихъ хваленыя фабрики и заводы станутъ и вынуждены будутъ цивилизованные граждане ходить въ костюмахъ индѣйцевъ южной Америки — въ однихъ поясахъ. Но вѣдь это не по климату!... Я не говорю уже объ общемъ политическомъ крахѣ... А они... Они, вмѣсто того, чтобы гасить пожаръ у сосѣда, ограничились тѣмъ, что тащутъ уворованное съ пожарища... Или они — жалкіе людишки... или я рѣшительно ничего не понимаю...

— Но эта грядущая картина міровового развала, — тихо, чеканя каждое слово, закончилъ писатель, — стоитъ у меня передъ глазами... Допустимъ, что я фантазеръ... Но вѣдь иныя изъ моихъ фантазій, черезъ нѣкоторый и, не такъ уже большой, промежутокъ времени воплощались въ ужасную дѣйствительность...

Онъ замолчалъ. Никто не возражалъ. Всѣ были подавлены. Не было просвѣта для этихъ людей, только что покинувшихъ Родину и такъ мечтавшихъ снова идти туда, гдѣ былъ у нихъ домъ, гдѣ остались родныя могилы.

— Есть Богъ! — тихо началъ отецъ Василій и каждое слово звучало отчетливо въ большой комнатѣ. — Неисповѣдимы пути Божіи... Мы не знаемъ, для чего это все... Мы не знаемъ, какъ изживемъ мы свое горе. Онъ знаетъ...

Отецъ Василій тяжело вздохнулъ...

— Много крови я вижу тамъ... Но уже меньше невинныхъ жертвъ. Часъ расплаты близокъ.

— Какъ?... Какъ, батюшка, это будетъ? — задыхаясь, спросилъ Осетровъ.

— Намъ не дано этого знать, — сказалъ отецъ Василій и тихо вышелъ изъ комнаты.

Ночь уже наступила. Послѣ тѣхъ горькихъ откровеній, которыя сказалъ писатель, никто не могъ сказать ничего. Правда звучала въ каждомъ его словѣ, безнадежная, тяжелая правда. Ее сознавали всѣ и всѣ не вѣрили ей, ища спасительнаго обмана. Надѣялись на здоровый эгоизмъ англійскаго народа, на рыцарскую честность французовъ, на благородство нѣмцевъ, на человѣколюбіе американцевъ, на дальновидный разсчетъ японцевъ. Но видѣли во всѣхъ ихъ поступкахъ, во всѣхъ событіяхъ противное этому и все таки чего то ждали. Писатель рѣзко прогналъ мечты и показалъ суровую дѣйствительность.

Расходились молча.

XXXI.

Полежаевъ простился съ Таней. Пора было идти спать. Керосина на дачу не отпускалось и съ наступленіемъ темноты всѣ забивались по своимъ угламъ.

Купецъ и полковникъ сидѣли на койкѣ въ углу комнаты и тихо разговаривали, продолжая, повидимому, тотъ споръ, который былъ за столомъ. Желѣзкинъ подсѣлъ къ нимъ и устроился на полу, слушая ихъ. Осетровъ долго возился, прилаживая себѣ изголовье изъ своего кителя, маленькаго чемодана и вороха соломы.

— Ты, Николай Николаевичъ, — шопотомъ сказалъ онъ Никѣ, — тоже поберегай мой саквояжикъ. Въ немъ всѣ наши капиталы... Пригодится... Теперешнему народу вѣрить нельзя. Онъ полковникомъ называется, а воромъ окажется. Видали мы ихъ... Или вотъ какъ этотъ профессоръ. Видать — отъ комиссаровъ закупленъ, чтобъ пропаганду дѣлать.

Ника лежалъ, обернувшись лицомъ къ окну. Онъ видѣлъ, какъ за моремъ, чернѣвшимъ за бѣлой полосою оснѣженнаго берега, всталъ и тихо поплылъ по небу круглый полный мѣсяцъ. Парчевая дорога побѣжала отъ него по морю и дошла до самаго берега. При свѣтѣ мѣсяца все перемѣнилось и стало волшебнымъ. Голыя деревья передъ окномъ казались фантастически прекрасными, а садъ большимъ, глубокимъ, полнымъ тайны. Большой валунъ, усыпанный снѣгомъ, лежавшій на берегу, казался красивой серебряной скалой. Въ тишину комнаты доносился ропотъ волнъ морского прибоя и было слышно, какъ звенѣли маленькія льдинки, ломавшіяся у берега.

Ника прислушивался къ разговору въ углу, къ которому присоединился Осстровъ и боролся со сномъ. Усталость и нервное потрясеніе всей жизни въ совѣтской республикѣ и особенно послѣднихъ страшныхъ дней сказывались. Онъ былъ, какъ долгое время связанный человѣкъ, съ котораго сняли веревки. Все тѣло еще саднило отъ нихъ и не вѣрилось настоящей свободѣ. Ему казалось страннымъ, что можно открыто говорить то, что говорили за столомъ, о чемъ бесѣдовали теперь въ углу тихими голосами купецъ, полковникъ и Желѣзкинъ съ Осстровымъ.

Долго бубнилъ что-то купецъ, разсказывая полковнику и разводя, должно быть, руками и слышался отчетливый тихій соболѣзнующій голосъ полковника.

— Сѣять... засѣвать перестали... Вы понимаете, чѣмъ это пахнетъ?

— Да ужъ куда-же! Хужѣе и быть не можетъ, — вздохнувъ, сказалъ Желѣзкинъ.

— Они, значитъ, порѣшили сѣять только для себя, для своей семьи. А тѣ пришли и отобрали все одно, что имъ положено. Продналогъ это у нихъ называется.

— Да вѣдь это же помирать съ голода! — сказалъ Желѣзкинъ.

— Вотъ именно — голодъ, — сказалъ полковникъ.

— Мнѣ разсказывалъ нашъ военспецъ Рахматовъ, — отчетливо заговорилъ Осетровъ. — Онъ такъ, на пари что-ли, подержалъ, что онъ двадцать сутокъ ничего не будетъ ѣсть. Ну и выдержалъ это. Такъ онъ мнѣ говорилъ, что потому выдержалъ, что зналъ, что каждую минуту можетъ перервать это самое пари и ѣсть все, что захочетъ — всего кругомъ много. А вотъ, если бы — говорилъ онъ, — настоящій голодъ и ничего нѣтъ и не знаешь, когда будетъ — ни за что не выдержать. Ума рѣшиться можно. Родную мать зарѣзать и съѣсть — такія муки!

— Что-жъ! Очень даже просто, что можно. Когда голодъ былъ на Волгѣ, при царѣ то, такъ все жрали. И макуху, и лебеду, и хлѣбъ съ глиной дѣлали, чтобы тяжельше былъ, — сказалъ Желѣзкинъ.

— Такъ это въ этомъ году, — сказалъ полковникъ, — въ этомъ хоть что ни есть, а собрали. Съ Сибири и съ Украины привезли, а что въ будущемъ будетъ. Вы то подумайте: имъ, значитъ, пахать, а комиссары лошадей отобрали для какой-то трудовой повинности. Стали на себѣ пахать. Бабъ запрягать.

— Много на ей напашешь, коли она тоже голодная, — сказалъ Желѣзкинъ.

— Что же, значитъ, голодъ? — спросилъ Осетровъ.

— Не голодъ, а просто выбиваютъ крестьянство, чтобы его и духомъ не пахло, — сказалъ полковникъ.

И снова длинно и не разборчиво забубнилъ купецъ.

Ника пріоткрылъ глаза. Серебряная дорога сверкала по морю и, казалось, подходила къ самой постели. Свѣжимъ холодкомъ тянуло отъ окна. Ника закутался съ головою въ одѣяло, разговоръ сталъ доноситься до него, какъ надоѣдливое жужжаніе и онъ заснулъ. . . . . . .

. . . .

Онъ проснулся отъ щемящаго чувства тоски, голода и страха и непріятнаго ощущенія неподвижнаго взгляда, направленнаго ему въ лицо.

Онъ лежалъ на холодной деревенской печи въ ворохѣ какого-то дурно пахнущаго тряпья и былъ маленькимъ и безсильнымъ.

Былъ полный зимній день и ярко сверкало солнце. Противъ него была бревенчатая стѣна избы, между бревенъ

клочьями висѣла пакля и тонкимъ слоемъ льда были покрыты бревна у оконъ. Давно не топили избу. Въ маленькое окошко видны снѣга и далекая степь, вся розовая отъ солнечнаго свѣта. Густою синею полосою тянулась тѣнь отъ колодезнаго журавля и сѣткой лежала тѣнь отъ березы.

Все казалось роднымъ, давно надоѣвшимъ и съ дѣтства знакомымъ.

Подъ окномъ на дощатой лавкѣ сидѣло страшное существо и Ника зналъ, что это его мать.

Желто-сивые волосы прямыми, грязными космами висѣли къ плечамъ. Синеватый лобъ былъ туго обтянутъ кожею и сѣрыя тянулись по нему морщины. Отъ скулъ кожа сразу проваливалась и круглилась лишь внизу лица у тупого широкаго подбородка. Черныя губы были поджаты и, когда верхняя приподнималась, показывались ровные, бѣлые, прекрасные, молодые зубы. И странно не гармонировали они съ изсохшимъ лицомъ.

Большіе глаза были широко раскрыты и какъ будто вылѣзли немного изъ орбитъ, зрачекъ былъ окруженъ сѣросинею бѣлизною и взглядъ казался безумнымъ. Этотъ взглядъ и разбудилъ Нику.

Тонкая шея упиралась въ изсохшія желтыя плечи и такъ велика была худоба ихъ, что всѣ кости и трубки пищепровода и горла были видны подъ морщинистою кожею. Грубое тряпье покрывало тѣло этого существа. Оно куталось въ него и натягивало на себя изорванный лохматый тулупчикъ.

Въ углу избы на большомъ столѣ стояла глиняная чашка, въ которой варятъ похлебку, лежалъ длинный ножъ, на полу валялись вязанка дровъ и топоръ.

Ничего съѣстного не было въ избѣ, не жалась у печки кошка, собака не лежала подъ лавкой и не бродили куры. Запахъ въ избѣ былъ холодный и нежилой. Точно давно она была брошена обитателями, давно не выпекался въ ней хлѣбъ и не вскипали пахучія деревенскія щи.

Надъ печью, на веревкѣ, гдѣ обыкновенно висѣли головки лука, была сѣдая холодная паутина.

Ника поднялся подъ взглядомъ матери, хотѣлъ что-то сказать, но только поежился, закутался въ какое-то пальтецо и вышелъ на дворъ.

Стоялъ крѣпкій морозъ. Снѣгъ славно скрипѣлъ подъ ногами и обжигалъ голыя ступни. Легкій вѣтерокъ задувалъ сквозь щели забора. На дворѣ было пусто. Ника заглянулъ въ подклѣти, — онѣ были занесены снѣгомъ, въ коровникѣ и конюшнѣ не было и слѣда навоза, или соломы. Ника вспомнилъ, что еще на прошлой недѣлѣ онъ съ матерью составлялъ какую-то смѣсь для ѣды, въ которую клали послѣдніе остатки навоза.

Безотчетный страхъ гналъ его изъ угла въ уголъ. Къ страху этому примѣшивалось томящее сознаніе неотвратимо тяжелаго, отъ котораго тошно было сердцу. Но бѣжать онъ не могъ. Онъ выглянулъ за ворота.

Кругомъ была снѣжная пелена и въ ней тонули узкимъ рядомъ маленькія избушки. Нигдѣ не подымался дымъ, нигдѣ не видно было колеи отъ саней, желтыхъ пятенъ навоза, не появлялась собака, не пахло соломенною гарью и деревня была, какъ мертвецъ.

Никѣ стало еще болѣе жутко, и онъ тихо, покорившись судьбѣ, пошелъ въ избу. Въ печи жарко горѣлъ огонь, и красные языки съ шипѣніемъ бѣжали по сосновымъ полѣньямъ, но они не радовали Нику. Что-то неумолимо грозное было въ огнѣ.

Мать стояла у стола и сосредоточенно точила ножъ. Въ чанкѣ была налита вода. Грязное черное ведро, въ которое сливали помои, стояло у стола.

Когда Ника вошелъ и сталъ у печки мать обернулась къ нему и стала медленно подходить, не сводя неподвижнаго взгляда. Она ничего не говорила, но губы ея обнажали ряды бѣлыхъ зубовъ и такъ страшенъ былъ ихъ блескъ, что Ника тонкой рученкой закрылся отъ матери.

Онъ не видѣлъ и не слышалъ, но чувствовалъ, какъ она подошла, сорвала съ него тряпье и онъ, голый, былъ поднятъ ею на воздухъ.

Онъ открылъ глаза. Близко, близко къ нему были большіе, страшные, безумные глаза матери, но еще ближе было остріе ножа, уже коснувшееся его груди. Ника затрепеталъ и забился. . . . .

Теперь онъ видѣлъ черное ведро. Въ темной жидкости лежала маленькая сморщенная сизая дѣтская головка съ русыми, торчащими колтуномъ волосами, двѣ ладошки съ

окровавленными пальчиками и двѣ ступни. Кругомъ были бурыя, тонкія кишки и сбоку валялось чернымъ комкомъ маленькое человѣческое сердце.

На столѣ, въ глиняной чашкѣ, плавали куски бѣло-розоваго мяса, а рядомъ на сѣромъ рядиѣ лежали двѣ ноги и перерубленное вдоль туловище. Бѣлыя ребрышки торчали изъ краснаго мяса.

Надъ столомъ, на лавкѣ, сидѣла та же женщина и безумными глазами глядѣла на чашку съ водой. Въ пустой избѣ ярко пылалъ огонь. За окномъ тянулась безкрайняя степь и казалась розовою отъ солнечныхъ лучей. Чуть шевелилась паутина голубыхъ тѣней, отброшенныхъ на бѣлый снѣгъ березой.

Было томительно тихо.

. . . .

— Въ 1612 году, въ Москвѣ, на площадяхъ были найдены котлы съ человѣческимъ мясомъ, — говоритъ полковникъ.

Эти слова пробудили Нику. Онъ порывисто повернулся и открылъ глаза. Мѣсяцъ свѣтилъ въ большія окна комнаты и она была наполнена серебристымъ сумракомъ. Въ углу, на койкѣ, сидѣли двое и двое были противъ нихъ на полу.

Ника трясся подъ шинелью и нѣсколько мгновеній не могъ освободиться отъ впечатлѣнія ужаснаго, яркаго видѣнія.

— Что-жъ. Дѣло обыкновенное, — сказалъ Желѣзкинъ. — Извѣстно — голодъ не тетка. Родного сына зарѣжешь.

— Исторія даетъ намъ много примѣровъ людоѣдства по нуждѣ, — говорилъ полковникъ. — Особенно при кораблекрушеніяхъ, или въ такихъ экспедиціяхъ, гдѣ нѣтъ продовольствія, но массовое людоѣдство отмѣчено исторіей только въ Россіи и, особенно, въ Поволжьи.

— Французы въ 1812 году тоже ѣли людей, — сказалъ Осетровъ.

— Къ этому идетъ Ленинъ. Ему желательно, чтобы одна часть Русскаго народа пожрала другую, во славу третьяго интернаціонала и идей коммунизма, — сказалъ полковникъ.

— Смотрите, какъ бы его самого не пожрали, — сказалъ Осетровъ.

XXXII.

Снова забубнилъ купецъ. Въ тишинѣ ночи Ника теперь разбиралъ его слова. Онъ прислушивался къ тому, что тотъ говорилъ, ему хотѣлось звуками живыхъ голосовъ заглушить тягостное впечатлѣніе сна, которое все не покидало его.

— И вѣдь что, господа, обидно! Какая богатая страна была Россія, вы того и представить себѣ не можете! Не только кормила, одѣвала, обувала и согрѣвала себя кругомъ, но еще и на сторону продавала. Подумать страшно — весь югъ Россіи, все побережье Чернаго моря были покрыты хлѣбными ссыпками и элеваторами. Осенью идешь пароходомъ по Волгѣ такъ спѣлымъ зерномъ по всей матушкѣ и тянетъ. Здоровый такой сладкій духъ. Въ Новороссійскѣ, или Одессѣ, или Херсонѣ возьмите, у элеватора стоятъ корабли, а зерно по рукавамъ, какъ рѣка течетъ днемъ и ночью. Пшеничку грузятъ. Прямо видно, какъ подъ нею какой-нибудь итальянецъ, или французъ, осѣдаетъ на водѣ до самаго чернаго борта.

— Да, сколько народу кормила, матушка, — сказалъ, вздыхая, Желѣзкинъ.

— Что твоя Америка, — проговорилъ Осетровъ.

— Вы подите, опять, возьмемъ, — скотъ. Безконечными поѣздами тянули на Москву и Петербургъ красный черкасскій скотъ, или сѣрый украинскій, каждый день, а его все не убывало. Или возьмите рыбу. Тутъ тебѣ и судакъ съ Урала и Каспія и мороженая бѣлужина, и треска, и сельдь бѣломорская, и кэта Амурская — и вдругъ ничего.

— Вотъ, говорятъ, царскіе министры были плохи, а вѣдь этого не было, — сказалъ полковникъ.

— Ку-ды... Развѣ мы голодъ знали? Хватитъ неурожай отъ засухи на Волгѣ — съ Сибири, или съ Украины хлѣбъ подадутъ. А теперь...

— Стыдно сказать. И смѣхъ и грѣхъ. Въ Баку безъ керосина сидятъ.

— Опять, посмотрите, какая промышленность была! Я по галантерейной части работалъ. Конечно съ аглицкимъ, или нѣмецкимъ товаромъ конкурировать было трудно. Такъ, опять — гдѣ? Вы знаете, въ Азіи, въ Персіи скажемъ, или въ Китаѣ нашъ товаръ ходчѣе шелъ. Понимаете, — мы

ближе къ нему, къ азіату. И обращеніе съ нимъ знаемъ и цвѣтомъ и рисункомъ угодить можемъ. Лѣтъ шесть тому назадъ, довелось мнѣ быть въ Кульджѣ. Зашелъ я въ лавку китайскую, хотѣлось домой что-либо китайское привезти по своей части. Показываетъ мнѣ, ходя, товары. Не нравится мнѣ все. И вижу, кипой у него лежатъ платки желтые и по нимъ черный хвостатый драконъ вытканъ съ золотыми блестками. Я хватился за нихъ. Вотъ оно, говорю, самое настоящее. А ходя смѣется. Достаетъ платокъ и показываетъ клеймо. Саратовская сарпинка.

— Да вотъ это-то англичанамъ и не нравилось, — сказалъ полковникъ.

— Не однимъ англичанамъ. А вообще мировому капиталу поперегъ горла становилось. Вотъ онъ и придумалъ соціализмъ этотъ самый, а за нимъ и коммунизмъ. Ленина купили на это дѣло.

— Вы считаете Ленина продажнымъ? — спросилъ Осетровъ.

— Какъ вамъ сказать? — проговорилъ полковникъ. — Я его считаю величайшимъ мошенникомъ. Онъ продаетъ Россію иностранному капиталу для того, чтобы на эти деньги уничтожить иностранный капиталъ и иностранную промышленность такъ, какъ они уничтожили капиталъ Русскій и Русскую промышленность. Ему хочется весь старый міръ уничтожить, чтобы создать новый.

Не Богъ же онъ. Если старое уничтожить, творить придется изъ ничего, — сказалъ купецъ.

Ну, Ильичъ то себя ниже Бога во всякомъ случаѣ не считаетъ. Въ чемъ другомъ, а въ скромности его упрекнуть нельзя.

— Вы его близко знали? — спросилъ Осетровъ.

— Да, видать приходилось, — уклончиво сказалъ полковникъ. — Нашъ народъ теменъ и падокъ до ходкихъ такихъ словъ. Возьмите, напримѣръ, хотя это глупое слово: — завоеванія революціи. Ну вотъ, мы видимъ теперь на самихъ себѣ, что такое эти самыя завоеванія.

Ника опять повернулся къ окну. Короче стала серебряная дорога на морѣ и манила своею таинственностью. Она шла по морю въ ту страну, гдѣ теперь все полно завоеваній революціи и откуда онъ только что бѣжалъ.

Ника закрылъ глаза.

«Странно», подумалъ онъ. «Завоеванія революціи». Это слово стали произносить съ самыхъ тѣхъ сумбурныхъ дней, когда совершилась революція. Ихъ говорилъ Керенскій, ихъ повторяли на югѣ такіе вожди, какъ Калединъ, Корниловъ, Деникинъ. Они всѣ обѣщали народу и войскамъ стоять на стражѣ этихъ самыхъ «завоеваній революціи»...

«Завоеванія революціи... революціи» мелькнуло въ туманящейся сномъ головѣ.

«Завоеванія революціи», сказалъ кто-то надъ ухомъ и мракъ окуталъ Нику. . . . .

Мало по малу мракъ этотъ сталъ разсѣиваться. Безконечное пространство бурой земли тянулось передъ Никой. Оно было пусто и никакая травка, никакая былинка не росли по нему. Такъ пуста бываетъ позднею осенью свѣже запаханная степь. Но здѣсь не видно было прямыхъ, параллельныхъ бороздъ, уходящихъ къ горизонту, но была лишь пустая бугристая земля, ни чѣмъ не скрашенная. Никакая пустыня не бываетъ такъ мертва, какъ было мертво это безкрайное голое пространство.

Низко клубились, подобно черному дыму, косматыя тучи и вѣтеръ проносился порывами надъ нимъ. Иногда вспыхивала далекая зарница, безгромная, страшная своимъ полыхливымъ мерцаніемъ.

Ника стоялъ одинокій среди этого пространства и въ мрачный горизонтъ упирались его взоры, нигдѣ не встрѣчая никакого предмета. И жутко было ему. Вѣтеръ трепалъ волосы и рвалъ полы его шинели. И не зналъ онъ, что дѣлать, что предпринять.

Кто-то громко и отчетливо, какъ бы надъ самымъ ухомъ его сказалъ еще разъ: — «завоеванія революціи»...

Играющія фосфорическимъ свѣтомъ, непостижимыя полосы побѣжали по землѣ. Сначала далекія, потомъ ближе. Подошли къ самымъ ногамъ Ники и степь вдругъ засіяла мертвеннымъ синеватымъ свѣтомъ и стала подыматься волнами словно море отъ набѣжавшаго вѣтра. Потомъ, то тутъ, то тамъ, какъ гнойные пузыри на тѣлѣ, стали вздуваться по нему холмы, лопаться и изъ нихъ потекла черная, зловонная кровь. И сейчасъ же мертвецы стали выходить на землю. Одни изъ нихъ были одѣты въ тѣ одежды, которыя

носили въ минуту смерти, другіе были въ одномъ бѣльѣ, третьи нагіе и синеватыя тѣла ихъ казались прозрачными.

Поднимались изъ земли генералы въ погонахъ съ вензелями, при амуниціи, сѣдые, съ загорѣлыми лицами, вставали іерархи въ золотыхъ митрахъ, профессора и ученые въ длинныхъ черныхъ сюртукахъ, старые министры и сенаторы.

Изъ земельныхъ нѣдръ вставали офицеры съ искаженными нечеловѣческими муками лицами, съ разбитыми головами, выколотыми глазами, съ кожей, срѣзанной на плечахъ, какъ погоны и гвоздями, вбитыми вмѣсто звѣздочекъ. Выявлялись чубатыя головы казаковъ, то сѣдыхъ, то совсѣмъ юныхъ и на голыхъ ногахъ кровавою лентою были вырѣзаны лампасы на кожѣ. Иные шли безъ головъ и несли головы въ рукахъ, у другихъ руки были откручены, ноги перебиты, и они, какъ черви, ползли по землѣ, третьи были страшно, непотребно изуродованы и на лицахъ ихъ застыло мученіе, котораго не знали еще люди во всемъ прошломъ міра.

Вставали женщины, старыя и молодыя, шли дѣвушки съ искаженными стыдомъ и мукой лицами, вытягивались дѣти и неистовая мука была на каждомъ лицѣ.

Ихъ были десятки тысячъ. То, просто убитые съ маленькой ранкой на лбу, то залитые кровью, съ отсѣченными членами, разбитыми внутренностями. Они вытягивались изъ земли такъ густо, какъ густа бываетъ трава на горномъ лугу послѣ спораго весенняго дождя и все тянулись къ небу, стремясь оторваться отъ земли.

И не могли оторваться, земля держала ихъ. Они не были отомщены!

Вѣтеръ колебалъ страшныя тѣни и фосфорическій блескъ освѣщалъ ихъ снизу, а сверху красными сполохами пробѣгала кровавая зарница и еще ниже приникали космастыя тучи.

Вдругъ сквозь все сознаніе Ники мучительнымъ стономъ, какъ тогда на Звенигородской въ притворѣ Сергіевскаго подворья, пронесся потрясающій душу вопль:

— «Спаси насъ! Спаси насъ! Спаси насъ!...»

Подъ этотъ вопль онъ и проснулся и нѣсколько секундъ все ощущалъ этотъ ужасный крикъ. Ника сознавалъ, что это сонъ, ощущалъ постель подъ собою, разогрѣтую по-

душку, края шинели на лицѣ, слышалъ голоса въ комнатѣ, но не вошелъ въ явь, не позабылъ сна.

— Завоеванія революціи, — бубнилъ купецъ, — потоки крови, милліоны растерзанныхъ и замученныхъ жертвъ чрезвычаекъ, изнасилованныя женщины, повальный развратъ, казнокрадство, воровство, взяточничество, — вотъ вамъ: — завоеванія революціи. И наша интеллигенція все еще стыдливо отворачивается отъ этого и не желаетъ признать того, что это такъ. Все говоритъ и въ Россіи и въ зарубежной прессѣ — «къ прошлому возврата нѣтъ».

— Да, это вѣрно, — сказалъ полковникъ и Ника прислушивался къ его словамъ. — Къ прошлому возврата нѣтъ. А вы посмотрите, что было въ этомъ прошломъ. Помните, сколько шума надѣлала статья графа Л. Н. Толстого «Не могу молчать», написанная по поводу смертной казни. Какъ свободно писали тогда такіе писатели, какъ Короленко. Они открыто возставали противъ всякой судебной ошибки, противъ всякаго насилія со стороны власти. Вы помните и дѣло Бейлиса и дѣло о разстрѣлѣ рабочихъ на Ленскихъ пріискахъ. Они искали правды и добивались ея. Возьмите — теперь... Да развѣ посмѣетъ кто-либо пикнуть по поводу бѣшеныхъ насилій Ильича. Попрано право, попранъ законъ. Ленина считаютъ идейнымъ человѣкомъ!... Какой чортъ! Это жалкій, подлый трусь, кровью милліоновъ невинныхъ жертвъ охраняющій свое прекрасное существованіе. Когда Дора Капланъ стрѣляла въ него, — болѣе восьмисотъ невинныхъ юношей заложниковъ было умучено и казнено во дворѣ Московскихъ застѣнковъ. Самое темное прошлое царя Ивана Грознаго показалось бы теперь райскимъ житіемъ. Тогда хотя знали за что казнили — а теперь...

— До точности вѣрно, — сказалъ купецъ. — Мнѣ много пришлось на моемъ вѣку попутешествовать и повидать. Оставили мы нашихъ матросиковъ — хуже некуда, не люди, а просто звѣри. Палачи! Краса и гордость революціи!.., то есть — братоубійства и насилія. А повѣрите-ли, лучше нашего матроса въ мірѣ нѣтъ. Въ 1901 году возвращался я изъ Японіи съ товарами и стоялъ сутки въ Гонкъ-Конгѣ. День былъ воскресный. Шатался я по городу и къ вечеру пришелъ на пристань. И какъ разъ въ это самое время возвращались на военныя суда команды матросовъ, которыхъ спускали на берегъ. Подошла англійская команда. Пьяно

расньяно. Видъ растерзанный. Куртки разодраны. Офицера не слушаютъ. Посѣли на катеръ. Гребутъ не впопадъ, ругаются, весло упустили, тутъ же блюютъ, — срамъ одинъ смотрѣть. Пришли французы. Не лучше. Ну, правда, больше веселости у нихъ, но тоже долго и шумно размѣщались, нестройно усѣлись красные помпоны, а гребли, одно горе. Я думалъ и до корабля не дотянутъ. Нѣмцы молча, угрюмо разсѣлись — но гребли, какъ на военномъ катерѣ грести не полагается. И вотъ, гляжу, подходитъ наша команда съ канонерской лодки «Сивачъ». Бѣленькія матроски, бѣлыя шаравары до пятъ, чистыя фуражки. Ну тоже, — не трезвые. Сѣли молча. Офицеръ скомандовалъ, разобрали весла. «На воду!» — знаете: — я всталъ восхищенный. Вѣдь пьяные же были! а какъ гребли, какъ шли — одно заглядѣнье.

— Да, была Россія! — вздохнулъ Осетровъ.

— Въ исторіи я читалъ, — сказалъ полковникъ, — при императрицѣ Екатеринѣ, на Черномъ морѣ, застукалъ нашъ флотъ турецкій флотъ въ Синопской бухтѣ. Сами знаете — корабли были парусные, чуть вплотную не сходились. Сжигали и топили людей безъ пощады. И нашихъ было меньше, нежели турокъ. И вотъ поднимаютъ на адмиральскомъ корабле вереницу значковъ — значитъ, сигналъ подаютъ, — смотрѣть на адмиральскій корабль... Всѣ трубы устремились на него. Что же видятъ: лѣзетъ матросъ на бизань мачту и гвоздями приколачиваетъ къ ней Андреевскій флагъ. Это значитъ — спускать не будутъ, драться до послѣдняго, не помышляя о сдачѣ.

— И что-жъ? — спросилъ Желѣзкинъ.

— Побѣдили турокъ. Весь турецкій флотъ пожгли и потопили.

— Да, была Россія, — сказалъ опять, тяжко вздыхая, Осетровъ.

— Вы посмотрите, — сказалъ полковникъ, — какихъ только подвиговъ у насъ нѣтъ въ исторіи. Гдѣ только не перебывали наши знамена подъ двуглавымъ императорскимъ орломъ. Въ Берлинѣ при императрицѣ Елизаветѣ, Миланѣ и Туринѣ при Павлѣ, въ Вѣнѣ и Парижѣ при Александрѣ I... Чего, чего не навоевали для того, чтобы хорошо и богато устроить жизнь Русскому народу. И Туркестанъ, и

Кавказъ, и Бессарабія, и Прибалтійскій край и Польша. Отъ моря и до моря протянулась. Круглая была...

— Господи! — воскликнулъ Желѣзкинъ, — да почему же насъ всему этому не учили? Не пошли бы мы подъ красное знамя?, кабы знали все это!

— Учить, то насъ учили, — задумчиво промолвилъ Осетровъ, — а только не вѣрили мы. Хорошему не вѣрили, за то гадкое все на лету схватывали. Теперь подъ краснымъ знаменемъ все утеряли. Финляндію, Польшу, Эстонію, Латвію, Кавказъ, Туркестанъ... Эхъ и думать тошно! Все отвоевывать заново придется!

— А вѣдь это сотни лѣтъ труда, войны и крови!

— Да, распяли Россію. На крестѣ, на Голгоѳѣ, какъ Христа распяли...

XXXIII.

Ника не отдавалъ себѣ отчета, услышалъ онъ послѣднюю фразу на яву, или опять она пригрезилась въ охватившемъ его снѣ.

Сначала все было густо, до черноты темно и блаженное сознаніе крѣпкими узами охватившаго сна проникло послѣднимъ помысломъ Ники.

Потомъ показались алыя полосы и темный пологъ неизмѣримаго, тучами насупившагося неба. Холмъ бугромъ вздымался надъ пустыней и по ней море головъ народной толпы. На холмѣ три креста. На среднемъ, въ бѣлыхъ одеждахъ, въ терновомъ вѣнцѣ распята прекрасная пожилая съ виду женщина. Ника не видитъ ея лица, низко упала на грудь голова, — но всѣмъ существомъ своимъ ощущаетъ, что распятая — м а т ь. И такъ же чудится ему, что и каждый въ толпѣ глядитъ и видитъ въ распятой — свою мать.

Сильно бьется сердце у Ники и сквозь сонъ ощущаетъ онъ его мучительные перебои и сознаетъ ужасную непоправимость содѣяннаго.

По правую сторону, ближе къ подножію холма, другой крестъ. На немъ прекрасный юноша. Онъ только что скончался и голова его еще повернута въ сторону распятой. На крестѣ прибитъ двуглавый орелъ въ коронѣ, какъ то бы-

висть на древнихъ армейскихъ знаменахъ. Слѣва, распятъ молодой человѣкъ съ узкой клинушкомъ бородкой, длинными волосами, въ очкахъ... Кривая усмѣшка застыла на мертвомъ лицѣ. Оно презрительно откинуто отъ средняго креста.

У крестовъ толпа. Въ неопрятномъ пиджакѣ, съ косыми глазами на широкомъ монгольскомъ лицѣ, съ усмѣшечкой подъ нависшими усами Ленинъ, Троцкій въ военномъ френчѣ, фуражкѣ и штанахъ по щиколодку. Чичеринъ, Зиновьевъ, Радекъ — всѣ народные комиссары, все больше евреи.

Вокругъ сгрудилась и смотритъ толпа, сдерживаемая нарядомъ красной арміи.

И вдругъ догорѣло на западѣ небо и сразу, какъ это бываетъ лѣтними Петербургскими ночами, яркимъ свѣтомъ вспыхнуло золотистое зарево восхода, побѣжали къ небу лучи, широко расходясь и зарозовѣли отъ нихъ тучи и въ ихъ ликующемъ свѣтѣ появились свѣтлыя тѣни.

Ника сейчасъ же узналъ ихъ. О! эти два страшные года, они часто снились ему въ вѣнцахъ мучениковъ. Тѣ, смерть кого никогда не проститъ Русскому народу ни Богъ, ни исторія.

Они шли къ крестамъ, какъ шли всю свою жизнь, тѣсной и дружной семьею и, подойдя, упали на колѣни и охватили руками средній крестъ.

И дрогнула толпа. Поднялись черныя исхудалыя руки, сжались бугристые кулаки, грозно надвинулся народъ и въ испугѣ, ища спасенія, заметались комиссары.

И видѣлъ Ника какъ удиралъ Чичеринъ, какъ бѣжалъ Ленинъ и, тяжело обрушилась толпа на Троцкаго и била, и колотила его, и топалась на мѣстѣ, дико хрипя, и вздыхая. . . . .

. . . .

И въ пробудившееся сознаніе вошли слова разговора:

— Кто распялъ-то?

— Жиды распяли, какъ Христа. — Полежаевъ узналъ голосъ Осетрова.

— Ну, не одни жиды. Русскій народъ тоже руку къ сему приложилъ, — сказалъ полковникъ.

— Темный народъ, — проговорилъ Желѣзкинъ.

— Я боюсь, — сказалъ купецъ, — что все это окончится небывалыми еврейскими погромами. Комиссары-то драпнутъ заграницу. Имъ и паспорта и квартиры готовы по

всему свѣту. Одурачать, околпачать жадную Европу и устроются, а вотъ мелкая еврейская шпанка за всѣ разбитые горшки кровью заплатитъ.

— Русскій народъ долготерпѣливъ, — сказалъ Осетровъ, — надъ нимъ можно долго измываться, ну только, не дай Богъ, перейдти мѣру и границы, — жесточѣе его нѣтъ на свѣтѣ.

— Да, такъ и будетъ, — сказалъ купецъ.

— А потомъ что? — спросилъ Осетровъ.

— Кто-жъ его знаетъ что, — зѣвая, сказалъ полковникъ. — Будущее скрыто отъ насъ. Только исторія то медленно дѣлается. Думаю такъ, что, если безъ Европы пойдемъ — богаты будемъ, а пойдемъ съ нею — оберутъ, какъ нищаго на пожарѣ.

— Да, потерпѣть, господа, придется, — сказалъ купецъ.

— И не одинъ еще годъ, — сказалъ полковникъ.

— А выживетъ Россія, — убѣжденно сказалъ Осетровъ. — Выживетъ. Сильная она до чрезвычайности. Ужасно, какая сильная и могучая. Нѣтъ сильнѣе ея.

— Да если не вымретъ, — сказалъ купецъ.

— И вымирала и выгорала не разъ, а вставала всякій разъ лучше и красивѣе, — сказалъ Осетровъ.

— Да, но когда? Доживемъ-ли? — сказалъ полковникъ.

— Богъ дастъ, — сказалъ Желѣзкинъ.

— Что-жъ, господа, будемъ ложиться. Третій часъ уже, — сказалъ полковникъ. — Все одно отъ словъ ничего не станетъ.

XXXIV.

Пришло «завтра» и своими мелочными заботами вытравило въ памяти Ники картины странныхъ и страшныхъ сновъ. Осталось смутное воспоминаніе, какъ бы предъуказаніе и предвидѣніе.

Въ общей столовой онъ засталъ Таню и Мартову. Все остальное населеніе дачи еще спало. Мартова сидѣла за шумно кипящимъ самоваромъ и готовилась поить и кормить бѣженцевъ.

Мучительная дума тяготила Нику, что же дальше дѣлать? И не радовала свобода. Ясно стала вся пустота тепе-

рушися жизни. Одно восклицаніе Варвары Николаевны всколыхнуло и разбудило мысли, которыхъ не было въ совѣтской республикѣ, когда днями и мѣсяцами вынашивалась мысль о побѣдѣ.

Мартова прислушивалась къ разговору Ники съ Таней, какъ и что реализовать и куда дальше ѣхать: не оставаться же въ Райяоккахъ и что дѣлать и, заложивъ ладони за затылокъ и чуть потянувшись, сказала голосомъ, въ которомъ слышались слезы.

— Господи! и что за несчастные мы люди, Русскіе бѣженцы! Гонимы хуже евреевъ, вездѣ визы, паспорта, рогатки, вездѣ поборы и взятки. Каждый смотритъ на васъ съ презрѣніемъ, каждый плюетъ въ вашу истерзанную бѣженскую душу!... Знаете, господа, иной разъ думаю... Зачѣмъ ушла? Кажется, лучше опять туда... въ Россію! Пусть буду по буржуйской повинности отхожія мѣста у красноармейцевъ чистить, да буду со своими. Русскую рѣчь настоящую, не бѣженскую буду слышать и знать буду, что измывается надо мною свой хамъ, а не иностранецъ. Тамъ я за грѣхи народа, за грѣхи свои терплю и жду спасенія и вѣрю въ него... Здѣсь сытость и алчность... Эгоистичныя думы, какъ устроиться... Самому... только самому животъ свой прокормить... А Россія?... Что Россія? Она стоитъ на задворкахъ бѣженскаго обывательскаго благополучія... Да и тамъ ее нѣтъ... — Купить, продать, обмѣнять... Почемъ финская? поднимаются ли фунты, падаетъ ли германская марка, какъ лучше устроить визу, какую оріентацію принять — ахъ, Боже мой! До чего здѣсь мелокъ, гадокъ и пошлъ становится человѣкъ, господа! Все скулитъ, какъ я, домой, домой, — и сидитъ на увязочкахъ и сундучкахъ и пальцемъ о палецъ не ударитъ для того, чтобы спасти Россію.

— Но какъ ее спасти? — серьезно спросилъ Ника и уставился темными глазами въ лицо Мартовой. — Какъ спасешь ее, когда она сама этого не желаетъ.

— Ахъ, не знаю, не знаю какъ! — воскликнула Мартова. — Знаю одно, что не грызнею-же партій и взаимными попреками и ненавистью ее возстанавливать будемъ.

Она замолчала, налила чай и сказала Танѣ:

— Татьяна Александровна, вы ѣдете въ Гельсингфорсъ, устройте и меня съ собою. Скажите, что я бонна, старая

няня, кухарка, кто хотите. Можетъ быть, тамъ мнѣ ле
станетъ. Въ память вашего отца помогите мнѣ!

Изъ разныхъ холодныхъ угловъ большой дачи поя
лись бѣженцы съ заспанными, усталыми, помятыми сно
лицами. Было вспыхивалъ и погасалъ утренній разгово

— Какой адскій холодъ, — сказалъ, кутаясь въ стар
шинель, полковникъ.

— Странное выраженіе, — проворчалъ профессоръ, гр
шій руки о стаканъ съ чаемъ. — Да развѣ въ аду холод

— А вы тамъ были? — проворчалъ полковникъ.

По понятіямъ народовъ въ аду жара, огонь, — нача
профессоръ.

— Господа, оставьте, — сказала Мартова.

— Говорятъ собачій холодъ, — сказалъ писатель, мѣр
шій комнату большими шагами взадъ и впередъ.

— А почему собачій, а не кошачій? — спросилъ полк
никъ.

— Потому что въ помѣщичьихъ домахъ и вообще
домахъ собакъ устраивали въ сѣняхъ, гдѣ достаточно хо
дно, а кошка лежала на теплой лежанкѣ.

— А! — промычалъ недовольно полковникъ. — Цѣ
откровеніе.

— Русскій народъ очень мудръ въ своихъ выраженія
— продолжалъ писатель, — но мы, интеллигенты, засор
его мудрость своими жалкими умствованіями и перевр
поговорки, въ которыхъ ск[illegible]итъ народный бытъ. Мы
воримъ: сухо дерево — завтра пятница.

— Ну и что же? — вскинувъ на него глаза, спрос
профессоръ. — Что тутъ особеннаго.

— Да то, что это совершенно невѣрно. Народъ сказа
«сухо дерево — назадъ не пятится», то есть, ежели заб
клинъ въ сухое дерево, — онъ назадъ не пятится.

— Цѣлое откровеніе, — буркнулъ полковникъ.

— Или вотъ теперь все говорятъ: — «извиняюсь»,
«извиняюсь», — продолжалъ писатель, — а того не по
маютъ, что, извиняюсь — значитъ: извиняю себя, то е
какъ бы вынимаю себя изъ вины, а не прошу васъ извин
меня. Иными словами говоря: «извиняюсь» вы еще р
обижаете человѣка, передъ которымъ вы считаете себя
новатымъ.

— Да засорили Русскій языкъ господа демократы, — ска- ь купецъ.

— Прошу, господа, оставить политику, — сказалъ штабсъ- итанъ Рудинъ, мы уговорились не говорить о политикѣ столомъ.

— Какая же это политика?

— Принесли газеты? — спросила Мартова.

— Есть.

— А письма?

— Писемъ, господа, никому нѣтъ. Кто вамъ сюда пи- ь будетъ.

— Я телеграфировала повсюду, что я здѣсь, — сказала ртова.

— А вы увѣрены, что телеграммы дошли?

— Постойте, господа, почемъ теперь германская?

— Не слыхали, можно ли обмѣнить Сѣверо-Западныя? іеня тысячъ двадцать наберется.

— И пяти пенни за нихъ не дадутъ.

— Еще колокольчики для коллекціи кому-либо можно чить, а эти ни почемъ.

— Господа, если у кого есть Бермондтовскія почтовыя оки берегите. Я слыхалъ, въ Германіи коллекціонеры рошія деньги за нихъ даютъ.

— Во что обратили Россію! Сѣверныя, Сѣверо-Запад- я — Петры, Добровольческія — «колокольчики», Укра- скія, Эстонскія — «вабарыки» — чего, чего не развелось... тъ вамъ и единая, недѣлимая.... Ничего не вышло...

— Ничего и не выйдетъ, пока Царя не будетъ, — от- ливо и громко, на всю столовую, сказалъ Ника и обвелъ ими, красивыми, темными глазами все общество.

Никто не отвѣтилъ. Всѣ уже знали, что Ника, — еще ь дней тому назадъ былъ краснымъ офицеромъ, едва комиссаромъ, можетъ быть даже и чекистомъ, что онъ илъ комиссара и его побаивались...

И потянулся глупый, нудный, бѣженскій день съ пусты- спорами, старыми избитыми сентенціями, съ ничегонедѣ- ніемъ и жестокою тоскою.

Осетровъ и Ника не потеряли его даромъ. Осетровъ ализовалъ часть привезеннаго имущества, оказался съ «ва- ютой», широко, по-Русски, помогъ Варварѣ Николаевнѣ и

полковнику, добыть пропуски въ Гельсингфорсъ для устройства дѣлъ, медицинскія свидѣтельства и яснымъ морознымъ вечеромъ на другой день Ника съ Таней, Осетровъ и Желѣзкинъ уже уѣхали въ Гельсингфорсъ, чтобы тамъ обдумать дальнѣйшее.

XXXV.

Бѣженская жизнь со всѣми своими мелочами захватила ихъ. Съ первыхъ шаговъ они почувствовали, что они паріи въ этой странѣ, ненужный мусоръ, паразиты, которыхъ терпятъ лишь потому, что у нихъ можно кое-что получить. Унизительные таможенные осмотры и допросы, отсутствіе крова въ Гельсингфорсѣ, обиваніе пороговъ гостиницъ и меблированныхъ комнатъ, хмурые взгляды, стереотипные отвѣты: — «свободныхъ номеровъ нѣтъ», «Русскихъ не принимаемъ»...

Веселый морозъ, пронизанный солнцемъ, славно щипалъ уши, когда вся компанія, усталая и недовольная, собралась въ гостиницѣ «Фенія», гдѣ позавтракала съ большимъ шикомъ и послѣ хорошаго «на чай» получила отъ лакея новые адреса, по которымъ можно было идти искать ночлега.

Они вышли на подъѣздъ гостиницы и остановились на минуту, не зная куда дѣваться. Какой-то господинъ въ черномъ помятомъ котелкѣ, такъ не отвѣчавшемъ снѣгу и морозу, зябко кутавшійся въ легкое пальто и шерстяной длинный шарфъ, прислушался къ ихъ громкимъ Русскимъ голосамъ, къ ихъ озабоченному разговору, пріостановился, внимательно посмотрѣлъ на Таню, пошелъ было дальше, но, потомъ, повернулъ назадъ и подошелъ къ молодежи.

Онъ былъ старъ, худъ и измученъ. Длинные, когда-то черные, теперь сивые усы висѣли сосульками внизъ къ плохо пробритому подбородку, щеки были желты и морщинисты, надъ большими черными цыганскими глазами кустами росли густыя, еще темныя брови. Долгое недоѣданіе, заботы, состарили прежде времени этого человѣка. Его руки, безъ перчатокъ, покраснѣли на морозѣ и узловатые пальцы дрожали, когда онъ взялся за край котелка.

На ногахъ были старые порыжѣлые ботинки и отрепан-

— Если я не ошибаюсь, — сказалъ онъ мягкимъ баритономъ, — Татьяна Александровна Саблина?

— Да, — сказала, хмуря темныя брови, Таня.

— Не узнаете? — сказалъ подошедшій и улыбнулся открытой ласковой улыбкой.

— Боже мой! — воскликнула Таня. — Павелъ Ивановичъ!

— Онъ самый. Собственной персоной. Позвольте, господа, познакомиться: — отставной генералъ-маіоръ Гриценко. Васъ я узнаю. Ника Полежаевъ, не правда-ли?

Остроговъ и Желѣзкинъ поспѣшили представиться.

— Ну вотъ что, господа, я слышу и догадываюсь, что вы квартиру ищете. Дѣло трудное, но, если не побрезгаете, я васъ устрою. Зайдемте на минуту въ гостинницу, я переговорю по телефону. Я живу на дачѣ Маріи Θеодоровны Моргенштернъ и я думаю, что мы сможемъ устроить васъ всѣхъ у себя. Это не далеко. Полчаса всего ѣзды на трамваѣ и пять минутъ пѣшкомъ. Дачка маленькая, но теплая и уютная и двѣ комнати для васъ освободимъ.

Гриценко пошелъ на телефонъ и черезъ нѣсколько минутъ вышелъ красный, но довольный.

— Ну вотъ, господа, — сказалъ онъ, — и готово. Въ другія времена Татьяна Александровна...

— Вы же всегда меня звали Таней, — мило улыбаясь, сказала Таня.

— Въ другія времена, Таня... Да я вѣдь васъ съ самаго дня вашего рожденія зналъ... Да — не повезъ бы я такъ. Но теперь все другое и вы простите... И поймете... И не осудите, какъ не осудили бы меня, ни вашъ папа, ни ваша мама...

И, наклонившись къ Танѣ, Гриценко повѣдалъ всю скорбную исторію своей жизни. Его обобрали большевики, какъ обирали всѣхъ буржуевъ и генераловъ, его томили въ тюрьмѣ. Обобраннаго, безъ одежды и безъ денегъ его вышвырнули на улицу и онъ полгода побирался, торговалъ газетами на углахъ улицъ, покупалъ и продавалъ вещи такихъ же, какъ онъ „бывшихъ людей". Онъ погибалъ отъ голода, когда его разыскала его бывшая содержанка Марія Θеодоровна Моргенштернъ. Они перемѣнились ролями. Она взяла его къ себѣ, помогла ему и при первой возможности увезла въ Финляндію, гдѣ у ея родственниковъ была маленькая дачка подъ Гельсингфорсомъ. Павла Ивановича гнела и

тяготила мысль, что онъ принужденъ жить на средства Муси, но пытался найдти мѣсто и не могъ...

— Вы понимаете, Таня, не такъ я воспитанъ. Кто я?.. Буржуй... Офицеръ... Офицеромъ я еще могъ бы, съ грѣхомъ пополамъ, быть, но кому, гдѣ нужны офицеры, да еще такіе старые, какъ я? Быть лакеемъ въ ресторанѣ — не могу. Все-таки гордость дворянская осталась: не хочу служить шиберамъ и спекулянтамъ, разорившимъ насъ. Пѣть подъ гитару?... — Гриценко печально улыбнулся... — Не поется, Таня. И дома то возьму гитару, начну лады перебирать и станутъ призраки прошлаго. Вспомню милаго Сашу... Какъ остановилъ онъ меня, когда я Захара ударилъ... Звучитъ въ моей душѣ голосъ: «онъ оскорбилъ солдата, онъ себя оскорбилъ»... Ахъ, Таня... Вѣрно... Оскорбили мы себя, на вѣкъ оскорбили... Вотъ такъ и прозябаю на счетъ женщины, которая когда-то любила меня... И все жду... Чего жду?... Самъ не знаю. Что отдадутъ мнѣ мои «Коровьи выселки», что будетъ староста аренду съ нихъ посылать?... Знаю, что не отдадутъ, знаю, что даже грошевой пенсіи мнѣ никогда не вернутъ... И вотъ живу. Чортъ знаетъ для чего и зачѣмъ. Писалъ Облѣписимову. Онъ въ Берлинѣ общество какое-то организуетъ, помогать крупнымъ землевладѣльцамъ хотятъ. И не отвѣтилъ даже... А, можетъ, письмо не дошло?

— Все устроится, милый Павелъ Ивановичъ, — сжимая своей маленькой ручкой пальцы Гриценки, сказала Таня. — Господь все устроитъ.

XXXVI.

Ника и Осетровъ вернулись поздно вечеромъ «съ развѣдки», какъ они говорили. Невеселы были ихъ лица. Уже второй мѣсяцъ обивали они пороги различныхъ учрежденій, ища такого дѣла, которое вело бы къ спасенію Россіи. Но такого дѣла они нигдѣ и никакъ не могли отъискать.

Какъ видно, никто этимъ не занимался.

— Ну что? — спросила Таня.

У ней въ комнатѣ сидѣли Марья Θеодоровна и Гриценко.

— Да что, Татьяна Александровна, — сказалъ Осетровъ, — видать, никакого толка здѣсь не будетъ.

— Оріентаціями насъ замучили, — сказалъ Ника.

— Да, это, братъ, важная штука. Это теперь все, — сказалъ Гриценко. — Или ты Антанта, или нѣмецъ — иного выбора нѣтъ.

— Но я былъ Русскимъ и хочу имъ оставаться.

— Такихъ теперь, Ника, нѣтъ. Они, соціалисты то эти самые, помнится мнѣ, всегда кричали, что національностей быть не должно, что это зоологическія понятія. Люди! Интернаціоналъ... И насоздавали такой шовинизмъ, какого еще никогда не бывало. Все, что не того государства, гдѣ ты живешь, и не люди. Весь міръ раздѣлился — друзья и враги.

— Мнѣ такъ и дали понять: — или въ Германію — и тогда Антанта, и Врангель, и Русская армія и все то, что было на югѣ со мною разговаривать не будетъ; или во Францію, и тогда — забудь свою вѣру въ царя и пишись демократомъ, признавай волю народа, завоеванія революціи, проклинай старый царскій режимъ. Ни свободы совѣсти, ни свободы передвиженія.

— И вы, Ника, правы, — сказалъ Гриценко. — Намъ, Русскимъ, давно пора понять, что мы совершенно одиноки. Никто намъ не поможетъ извнѣ. Европа сейчасъ другимъ занята, ей нужно успокоить свой пролетаріатъ и сунуть ему какую-то кость. Скажите мнѣ, Ника, какое правительство въ Россіи самое удобное для всей Европы?

— Не знаю. Я какъ-то не думалъ объ этомъ. Европа мечтаетъ о демократіи, о народоправствѣ, она не учитываетъ рабскаго характера нашего народа. Ея представители даже того не усмотрѣли, что былъ царь — чтили царя, не стало царя и стали чтить Керенскаго и бѣгать за нимъ, чтобы посмотрѣть на него, чтобы послушать его. А потомъ Ленинъ...

— Да, — сказала Таня, — творили и творятъ себѣ кумировъ. Но одни были Богомъ вѣнчанные цари, полные душевной красоты и благородства, другіе отъявленные негодяи и преступники съ продажной совѣстью.

— Вы напрасно думаете, Таня, что Европа въ этомъ не разобралась. Она отлично поняла и учла этотъ порядокъ

[illegible] она вся, повторяю вамъ вся, на сторонѣ Ленина и [illegible]овъ.

— Почему? — быстро спросилъ Осетровъ. — Какъ же [illegible] можетъ быть? Такая кровь, насиліе и вдругъ вся [illegible]па? Ужли-же культурный народъ не возмутится!

[illegible] Да, вся Европа, — отвѣчалъ Гриценко. — Куль[illegible]і народъ намъ не вѣритъ. Мы пишемъ, разсказыва[illegible] про ужасы чрезвычаекъ, про казни, про разстрѣлы, [illegible]ашный голодъ, надвигающійся на Россію, — намъ говорятъ: — «Вы говорите такъ потому, что сами пострадали отъ совѣтовъ. Совѣты это истинная народная власть рабочихъ и крестьянъ и понятно — она вамъ не нравится, потому что вы — господа».

[illegible]чно, когда захочетъ кого Господь поразить, онъ отнимаетъ у него разумъ, — сказала Таня.

[illegible]ьте къ этому, что по всей Европѣ живутъ бо[illegible]енныя совѣтскія представительства, во всѣхъ бол[illegible]одахъ издаются на разныхъ языкахъ совѣтскія [illegible], что заграницей совѣтская власть соритъ зо[illegible]я чернь, устраивая демонстраціи и митинги [illegible]. Народъ не можетъ повѣрить, чтобы до [illegible] могла дойдти власть Ленина, чтобы дѣлать [illegible] деньги вымирающаго отъ голода народа. Изъ Сов[illegible]пріѣзжаютъ комиссары, представители внѣш-торга, [illegible]ора для диспутовъ съ заграничными свѣтилами. Они [illegible]иваютъ совѣтскій строй, они рисуютъ теперешнюю [illegible] какъ страну, стоящую на порогѣ необычайнаго рас[illegible] соціальной жизни. И имъ вѣрятъ, а намъ нѣтъ.

[illegible]отятъ усыпить свою совѣсть, — сказалъ Ника.

[illegible] ее такъ легко теперь усыпить, — сказала Марья Ѳеодоровна. Народы послѣ войны утратили въ сердцахъ своихъ и Бога и совѣсть.

— Власть въ рукахъ капиталистовъ. Они просто и трезво смотрятъ на Россію. Россія — одна шестая часть суши, громадная равнина, покрытая лѣсами и черноземомъ, можетъ стать житницей и пастбищемъ Европы. Россія съ ея неизслѣдованными горными богатствами сулитъ невѣроятныя возможности иностранному капиталу. Россія своими лѣсами, углемъ, торфомъ и нефтью, согрѣетъ и приведетъ въ движеніе всѣ безчисленныя машины Европы. А Русскій народъ? Чѣмъ больше его вымретъ, чѣмъ больше онъ ослабѣетъ

отъ голода, отъ тифа, отъ болѣзней, тѣмъ легче будетъ завладѣть его богатствами.

— Неужели, Павелъ Ивановичъ, вся Европа такова, — сказала Таня, — неужели ни у кого нѣтъ... ну, хотя бы жалости?

— Извольте, милая Таня, я разскажу вамъ про всѣхъ. Вамъ, которая помнитъ меня веселымъ другомъ и всегдашнимъ защитникомъ и поклонникомъ вашего славнаго папы, немного странно слышать это отъ меня и видѣть меня въ роли политика. Это подошло бы больше къ Мацневу... Да, бѣдный Иванъ Сергѣевичъ... Думалъ ли онъ когда-либо, эпикуреецъ, гуманистъ и трусъ въ офицерскомъ мундирѣ, что ему придется такъ погибнуть. Отъ случайной пули.

— А гдѣ его дѣти? — спросила Таня.

— Не знаю. Кажется проѣхали въ Сербію. Сынъ все мечталъ въ армію Врангеля поступить. Казачья кровь сказывалась. Такъ вотъ, вернемся къ тому, о чемъ я говорилъ... Англія въ лицѣ Ллойдъ-Джорджа стоитъ во главѣ противо-Русскаго движенія. Ей то болѣе всего улыбается навсегда раздавить своего давнишняго конкуррента въ Индіи и сдѣлать всю Азію своей колоніей. И въ этихъ цѣляхъ она не брезгаетъ дружбой съ Германіей и готова работать съ нею на пополамъ. Германія давно постановила, что славяне это навозъ для германской расы. И теперь навозъ брошенъ на поле и гніетъ, готовя богатую жатву. Не надо забывать, что большевики Made in Germany*) — и Карлъ Марксъ съ его дьявольскимъ ученіемъ, и Ленинъ, и Радекъ это все пущено нѣмцами въ минуту отчаянія для того, чтобы побѣдить и воцариться, создавъ пангерманскую имперію. Тогда сорвалось. Не разсчитали силы яда. Теперь употребляютъ этотъ ядъ для другого. Версальскій миръ наложилъ тяжелыя цѣпи на Германію и главная задача нѣмцевъ сбросить путы этого мира и доконать и уничтожить уже подбитую Францію. Они разложили эту задачу на части. И всю работу за нихъ должно исполнить Русское быдло, подъ начальствомъ большевиковъ и по указкѣ изъ Берлина. И первая задача: — поссорить Францію съ Англіей и поставить ее въ изолирован-

*) Нѣмецкое издѣліе.

ное положеніе. И кое-что въ этомъ отношеніи уже сдѣл
Прежней солидарности между правительствами Анг
нѣтъ. Вторая задача: установить во что бы то ни с
единую границу съ совѣтской республикой, ибо тогд
военные заводы, пушки, ружья, снаряды, патроны, лоп
даже люди, все явится, пренебрегая всѣми пунктами
сальскаго мира и безоружная Германія сможетъ въ л
моментъ вооружиться до зубовъ. Въ этихъ цѣляхъ
прошлымъ лѣтомъ война съ Польшей. И вашъ братъ
ликъ, Ника, сражавшійся противъ большевиковъ, отста
Польшу, думалъ, что онъ дѣлалъ Русское дѣло, и вы
Ника, борясь на Польскомъ фронтѣ въ рядахъ красной
міи, думали, что дѣлаете національное дѣло. Павликъ о
ивалъ для французовъ неприкосновенность Версальскаго
говора, вы старались для нѣмцевъ облегчить имъ завоев
Россіи.

— Какой ужасъ! — прошептала Таня.

— Ужасъ еще большій въ томъ, — сказалъ Гриценк
что ясно видитъ, что дѣлаетъ только Германія. Фр
ослѣ[illegible] своими побѣдами, французское правител
[illegible]й жадной толпы, а мы по себѣ знаемъ,
[illegible] правительство идетъ на вожжахъ у то
[illegible]ждый portier*), у котораго порвались б
[illegible]о починить ихъ ему обязанъ нѣмецъ.
[illegible]л Франція боится упустить свою доли
[illegible] Россіи и тоже поддерживаетъ большевиковъ,
какъ понимаетъ, что только большевики способны ра
дать Россію по сходной цѣнѣ.

— Значитъ — одна надежда на славянъ, — сказалъ
— Мнѣ придется разочаровать васъ и въ нихъ.
витіе славянскихъ народовъ очень невысоко. Это м
дѣти, только что вышедшія изъ-подъ опеки мамушки
могущія ходить безъ опоры. Культурнѣе и свободнѣе
гихъ Чехо-словакія, бывшая подъ вліяніемъ нѣмцевъ,
у чеховъ, что хорошо, то отъ нѣмцевъ. Своего еще —
чего. Ничего, иль очень мало..., какъ говаривалъ И
Сергѣевичъ... Юго-славія, — недавно освободившаяся
турецкаго ига, — это Малороссія временъ Гоголя. Пр

*) Привратникъ.

жизнь, грубая самовлюбленность, отрицаніе какого бы т
ни было авторитета и... полная зависимость и покорност
Франціи. Что скажутъ въ Парижѣ,то и будетъ. Увы, -
эти народы и, особенно, Болгары и очень хотѣли бы помоч
Россіи, но они сдѣлаютъ то, что имъ прикажутъ. А прика
жутъ имъ: — помогать большевикамъ. И мы уже видим
это въ томъ, съ какимъ трудомъ и съ какими оговоркам
они принимаютъ къ себѣ остатки Русской Арміи. Имъ-
Русская армія никакъ не страшна, а только полезна.
они требуютъ ея разоруженія, расчлененія, обращенія в
рабочія команды.

— Все противъ насъ, все, — встряхивая кудрями, ск
залъ Осетровъ. — Ну а Америка?

— Америка умыла руки въ дѣлахъ Европы и ждетъ
что все это выльется. Ей жаль Русскаго народа, но жа
какъ-то платонически. Приведу такой примѣръ: Въ сапо
у меня гвоздь и онъ въ кровь раздираетъ мнѣ ногу. Та
вотъ Америка даетъ мнѣ примочки, чтобы лечить эти ран
но не удаляетъ гвоздя. и не видитъ, что, несмотря на ея пр
мочки, рана становится все глубже и больше... О Япон
я не буду говорить. Ея мисція политика ясна и безъ слов

— Быть можетъ... Китай? — сказалъ Осетровъ.

— Китай раздирается смутами и положеніе его во м
гомъ напоминаетъ положеніе Россіи. Ему не до насъ.

— Значитъ... никого... — сказалъ Осетровъ.

Никто не отвѣтилъ. Въ маленькой комнатѣ, бывш
дачной гостиной, теперь обращенной въ спальню для Ос
трова и Ники, съ поставленными для нихъ постелями
козлахъ, сгущались сумерки. За окномъ съ тюлевыми
навѣсками краснѣла сосновая роща и медленно гасли го
быя тѣни, отброшенныя заходящимъ солнцемъ.

Марья Θеодоровна вышла, чтобы заправить лампу.

— Нѣтъ, не никого, — проговорила Таня, и ея краси
голосъ звучалъ съ необыкновенною силою. — А боль
чѣмъ у кого-либо... Богъ... Богъ поможетъ Россіи
Богъ пошлетъ ей Царя православнаго...

И снова стала тишина. Погасли послѣдніе лучи, р
таяли на снѣгу лиловыя тѣни и недалекое море точно на

И въ это молчаніе ворвался страстный вопросъ Осетрова:

— Когда? Когда-же?...

И ясно и громко отвѣтила Таня:

Когда Онъ проститъ намъ нашу измѣну... Когда мы снова вернемся къ нашему славному двуглавому орлу... Когда будемъ съ Христомъ и во Христѣ!...

КОНЕЦЪ.

1921—1922 г.

